

МИР В ВОЙНАХ

СЕМЬ УЗНИКОВ ШПАНДАУ

Дж. Фишман

МИР В ВОЙНАХ

**СЕМЬ УЗНИКОВ
ШПАНДАУ**

Дж. Фишман

СМОЛЕНСК
«РУСИЧ»
2001

УДК 93/99
ББК 63.3(0)62
Ф 68

Серия основана в 1998 году

Перевод с английского А. Коноплева, С. Самуйлова

Фишман Дж.

Ф 68 Семь узников Шпандау /Пер. с англ. С. Самуйлова. – Смоленск: Русич, 2001. – 416 с.: ил. – (Мир в войнах)
ISBN 5-8138-236-3

Нюрнбергский процесс над главными военными преступниками подвел итоги Второй мировой войны. Ее главные виновники были приговорены к смертной казни, а семь человек по приговору суда отправились отбывать наказание в берлинскую тюрьму Шпандау. Автор книги, широко известный на Западе, подробно рассказывает об условиях содержания высокопоставленных заключенных, их привычках, поведении, встречах с родными, а также надеждах и мечтах. На основании многочисленных документов и личных впечатлений Дж. Фишман дает яркое описание тюремного этапа жизни бывших главарей Третьего рейха.

В очерках Ю. Дэвидсона «Суд над нацистами» рассказывается о ходе Нюрнбергского процесса и обстоятельствах, предшествовавших вынесению приговора международного трибунала.

УДК 93/99
ББК 63.3(0)62

- © «Суд над нацистами». Перевод. А. С. Коноплев, 2000
- © «Семь узников Шпандау». Перевод. С. Н. Самуйлов, 2000
- © Оформление, разработка серии. «Русич», 2001

ISBN 5-8138-236-3

ЮДЖИН ДЭВИДСОН

СУД НАД НАЦИСТАМИ

ГЛАВА 1

Во Дворце правосудия

В ночь с 15 на 16 октября 1946 года колокола в Нюрнберге в последний раз отсчитывали часы для одиннадцати человек, сидящих в тюремных камерах Дворца правосудия; огромная тюрьма находилась в том самом городе, где когда-то праздновался приход нацистов к власти и который был свидетелем триумфа партии и славы ее фюрера. В ночной мгле почти не было видно огней. Дом с порыжевшей островерхой крышей, в котором когда-то жил Альбрехт Дюрер*, и сотни других похожих домов, казалось, были устремлены к небу. Тюрьма, представлявшая собой скопление полуразрушенных зданий, звонница городского собора, груды грязного щебня и обломков вдоль полуразрушенных стен — вот все, что осталось от города, превращенного в руины получасовой бомбардировкой 7 января 1945 года. Нюрнбергцам, как и остальным жителям Германии, пережившим войну, но потерявшим все, вплоть до последней нитки, не было дела до участи тех, кто на протяжении двенадцати лет правил рейхом и довел его от господства над Европой до полного краха.

Один из приговоренных к смерти и его жена с последними ударами колокола думали друг о друге. Они условились об этом заранее — это была их последняя «беседа» на этой земле. Все письма были написаны, все прощальные слова произнесены. Все, что их еще соединяло, —

*Дюрер Альбрехт (1471—1528), немецкий живописец и график, теоретик искусства, основоположник немецкого Возрождения.

этот похоронный звон, говоривший о том, что час для узников пробил, как пробил он когда-то для миллионов солдат, идущих на смерть по их приказу. Дрожащие звуки, плывущие над городом, казалось, будили эхо давно прошедших дней... Чеканный шаг нацистских колонн; факельные шествия и гигантские костры партийных съездов, хриплый голос фюрера, вещавшего о тысячелетнем рейхе; рев толпы на улицах столицы национал-социализма каждый сентябрь — он незаметно перерос в рев артиллерийской канонады, в вой бомбежек, затем — в грохот тяжелой техники американских оккупационных войск.

Великий германский рейх распался на части. То, что от него осталось, управлялось иностранными властями; люди, ответственные за все преступления, которыми сопровождалось возвышение и падение рейха, уже представили или должны были предстать перед судом в скором времени, либо годы спустя — если, конечно, они остались живы и могли быть найдены. Суд над ними преследовал не только цель наказания виновных; и самим немцам, и их победителям необходимо было понять, как народ, создавший великую культуру, народ, чья наука, музыка, образование, философия и литература находились на передовых рубежах творческих достижений человечества, мог дойти до моральной и политической деградации. Вдобавок ко всему, суд, особенно с точки зрения американцев, должен был положить начало оформлению нового мирового порядка, показать недопустимость преступлений, вызывающих всеобщие, всечеловеческие страдания — прежде всего военных преступлений, таких, какие совершило руководство Германии. Наказать тех, кто виновен в гибели миллионов военнослужащих и мирных жителей, продемонстрировать продолжение сотрудничества союзников-победителей, раз и навсегда перед лицом всего человечества ввести персональную ответственность политических и военных руководителей за развязывание военной агрессии, за преступления тоталитарного фашистского государства против собственного народа и против народов других стран — вот за что боролись союзники, твердили американцы в Вашингтоне, Лондоне и Нюрнберге союзникам, немцам и нейтралам. Преступность действий нацистского руководства не подлежала сомне-

нию; список преступлений был ошеломляющим, документы, подтверждающие обвинение, доставляли в Нюрнберг грузовиками, и главную трудность для следствия представляло ознакомление с тоннами бумаг. Документы и еще предубеждения союзников обвиняли побежденных не только в действительных, но и в приписываемых им победителями преступлениях, совершившихся как по вине обеих сторон, так и только немцев. В некоторых случаях вина немцев была ясна с самого начала; в других ее так и не удалось никогда доказать полностью и убедительно. Именно таков был случай с генералом Альфредом Йодлем, по которому звонил колокол; подобная участь постигла нескольких адмиралов и некоторых из представших перед судом.

Идея о наказании военных преступников, хотя бы только и с побежденной стороны, была, без всякого сомнения, новой в истории. Самуил победил царя Агага и рассек его на части пред лицом Господа; ненависть Самуила к врагу усиливалась и оправдывалась чувством правоты собственного дела. Ветхозаветный Иисус Навин во время вторжения древних евреев в земли Ханаана убивал мечом «мужчин и женщин, молодых и старых, быков, овец и ослов... юношей и девственниц, всех, от грудного ребенка до седого старика». Верцингеториг* был вынужден заколоться. В средние века крестоносцы истребили все население одного из палестинских городов — 20000 человек, поскольку несчастные «возбудили гнев Божий против себя». Целые процессии побежденных правителей и полководцев тянулись к месту казни во время торжественных шествий победителей. В более гуманной обстановке XIX века Наполеон, сдавшийся британцам после сражения у Ватерлоо, безо всякого суда был препровожден на скалистый остров Святой Елены, хотя его во всеуслышание объявили врагом народов Европы.

В конце Первой мировой войны была сделана попытка составить список из 4900 военных преступников, включавший, кроме прочих, кайзера, Гинденбурга, Людендорфа, Бетмана Хольвега и других; но голландцы отказались

*Верцингеториг (?—46 г. до н. э.), вождь антиримского восстания галлов в 52 г. до н. э. После захвата римскими войсками Цезаря г. Алезия взят в плен и казнен.

выдать кайзера, между державами-победительницами проявились старые разногласия, а Германия не согласилась выдать союзникам так называемых нарушителей правил и обычаев ведения войны. Немцы утверждали, что это противоречит их законам, и доказывали, что выдача немецких военнослужащих судам союзных держав вызовет недовольство, которое может разжечь пожар гражданской войны в послевоенной Германии.

На протяжении двух с половиной лет по окончании войны в Верховном суде Германии в Лейпциге прошло девять судебных процессов. Из проходивших по ним 901 человека 888 были оправданы или обвинения в их адрес были признаны недостаточными; только в тринадцати случаях вину удалось доказать, но присужденные сроки заключения оказались относительно невелики. Одного человека приговорили к десяти месяцам, другого — к шести месяцам лишения свободы за жестокое обращение с британскими военнопленными. Двое подсудимых были приговорены к четырем годам заключения каждый за участие в потоплении госпитального судна «Ландоверн Касл» и за расстрел людей, пытавшихся спастись в шлюпках. Они действовали, повинуюсь жестокому приказу капитана их подводной лодки, который сначала решил, что «Ландоверн Касл», прикрываясь флагом с красным крестом, доставлял боеприпасы и снаряжение, а потом решил уничтожить свидетелей своего преступления.

Несмотря на значительные разногласия между союзниками после Первой мировой войны, они единогласно возложили на Германию ответственность за развязывание войны и бесчисленные зверства, а также включили в текст Версальского мирного договора статью о своем стремлении судить кайзера вместе с другими нарушителями законов и обычаев ведения войны «за грубое попрание межгосударственных договоров и нравственности в международных отношениях». Специальная «комиссия пятнадцати», собравшаяся 25 января 1919 года и состоящая из представителей ведущих союзных держав и присоединившихся стран — Великобритании, Франции, Соединенных Штатов, Италии и Японии — и нескольких меньших государств, не смогла прийти к единому мнению. Американские и японские представители выступи-

ли против создания международного трибунала для расследования преступлений, поскольку для его работы «не было прецедента, правил, практики или процедуры».

Американцы пошли еще дальше. Они заявили, что военные и политические руководители Германии и так называемые нарушители обычаев и правил ведения войны не могут быть виновны в военных преступлениях по международным законам, поскольку не существует международных актов о наказаниях за такие нарушения. Британцы, которые в годы войны настаивали на суде над кайзером и над нарушителями правил ведения войны, особенно когда речь шла о применении подводных лодок, казалось, были удивлены, увидев имена Гинденбурга, Людендорфа и Бетмана Хольвега в списке преступников, составленном французами и бельгийцами; последний насчитывал 896 имен.

Ллойд Джордж, который в разгар избирательной кампании заявлял, что кайзера надо повесить, сказал, что ни одно уважающее себя государство не допустит, чтобы его военных руководителей судил военный трибунал других держав и что, когда он впервые обсуждал этот вопрос с Клемансо, то имел в виду суд только на теми, кто виноват в преступлениях против женщин и детей — действия такого рода квалифицировали как преступления и сами немцы. И хотя Высший союзный совет 4 декабря 1918 года принял решение, что Вильгельм II и его ближайшие сподвижники подлежат суду за развязывание войны, за нападение на нейтральные государства и за военные преступления, его члены никогда, несмотря на выступления Ллойда Джорджа, не требовали смертной казни. Считалось, что ссылка будет приемлемым политическим и юридическим решением. После выборов Ллойд Джордж для восстановления стабильности и правопорядка на континенте и в целях безопасности Великобритании выступал за участие немецких судей в любых международных процессах, но встретил энергичное сопротивление со стороны Клемансо, который не упускал ни малейшей возможности напомнить немцам, что они — побежденная нация, лидеры которой будут судимы только трибуналом союзников. Итальянский премьер-министр Нитти, представлявший страну, которая начинала войну союзницей

Германии и теперь настороженно наблюдала за Францией, поддержал контрпредложение немцев провести судебный процесс в суде Германии в присутствии представителей союзников с правом наблюдателей.

Никто не хотел проводить суд над кайзером в своей стране. Британцы объяснили, что, поскольку их страна является конституционной монархией, они вряд ли могут организовать процесс над бывшим королем или императором. Французы говорили, что общественность их страны слишком высокого мнения о кайзере, чтобы судить его во Франции. Вильсон никаких процессов в США вообще проводить не собирался. Отказ выдать кайзера вывел союзников из затруднительного положения: не было больше смысла спорить, где и как его судить.* А новость о том, что немцы сами готовят документы о зверствах союзников, произвела на последних должное впечатление, и они предоставили немцам право самим судить своих преступников.

Во многом события Второй мировой войны были предопределены итогами Первой. На этот раз, считал президент Франклин Делано Рузвельт, немцы не заслуживают снисхождения; он требовал безоговорочной капитуляции Германии. Теперь немцы должны были раз и навсегда понять, что война, агрессия — это преступление, что они не только жертвы, но и участники деяний преступного режима, преступного заговора, подготовленного прусско-германскими милитаристами, и что посевы этого зла требуется искоренить. Ничто не мешало союзникам осуществить их планы на этот раз. Германией управляли оккупационные союзные власти; тяжелая промышленность подлежала уничтожению либо перепрофилированию; оставшиеся предприятия должны были выпускать небольшой ассортимент продукции, имеющей исключительно мирное назначение. Всему взрослому населению предстояло пройти проверку на предмет сочувствия идеям национал-социализма и милитаризма.

Проходивший в Нюрнберге суд над относительно немногочисленной группой главных преступников, чьи

*Профессор Саймон, правед из голландского университета в Утрехте, считал, что суд над кайзером его политическими противниками превратился бы в пристрастное и предубежденное судилище и что нельзя начинать строительство новой законности с несправедливости.

преступления касались не одной страны и имели такие масштабы, что только международный трибунал мог разобрататься с ними, должен был стать первым в целой серии подобных судов. Но он оказался единственным, на котором присутствовали вместе американские, британские, русские и французские судьи. Хотя еще двенадцать процессов, прошедших позже в Нюрнберге, называли международными, на них работали только американские судьи. Такие процессы были международными в том смысле, что на них присутствовали, как, например, в деле «Пелея», пятеро британских и двое греческих судей. Суд над главными японскими военными преступниками проводился международным трибуналом, учрежденным Главнокомандующим союзными силами генералом Макартуром, который приказом назначил девять членов трибунала — каждый из них номинально представлял одну из стран, воевавших против Японии.

Кто виноват?

Так как ни одна война, тем более в XX веке, не может вестись без жесткого идеологического противостояния, без деления на «своих» и «чужих», проаганда союзников имела четко определенные задачи в годы Второй мировой войны. К 1942 году народы в странах, не оккупированных немцами, доподлинно знали о страшных зверствах нацистов в отношении евреев, военнопленных, мирного населения. Очевидцы событий, в том числе и немцы, которые сумели спастись и выжить, рассказывали о пережитом представителям нейтральных государств. Подпольное движение в Польше, России, Франции, в Бельгии и Голландии передавало информацию о происходящем на оккупированных территориях в Лондон, Вашингтон и Москву. «Израэлитичес вохенблатт», издаваемая в Швейцарии, регулярно публиковала информацию о депортированных и убитых, получаемую от подпольщиков.

Когда закончилась война, большая часть виновных в этих преступлениях предстала перед судами тех стран, где они совершались. Комиссия Объединенных наций по

военным преступлениям была учреждена 7 октября 1942 года; ей предстояло должным образом подготовить списки военных преступлений, подлежащих разбирательству. В комиссии были представлены 15 государств, включая Соединенные Штаты и Великобританию. Советский Союз в комиссию не вошел — в этом, как и в других случаях, русские предпочли действовать самостоятельно. Эти списки не включали имена так называемых главных военных преступников. Осенью 1943 года государственный секретарь США Корделл Хэлл посетил Советский Союз, где вместе с Молотовым и Иденом подписал 1 ноября Московскую декларацию о суде над военными преступниками; имен в ней опять не называлось. В декларации говорилось:

«Те германские офицеры и солдаты и члены нацистской партии... которые ответственны... за зверства, массовые убийства и экзекуции, будут высланы в страны, в которых они совершили свои мерзкие преступления, предстанут перед судом и понесут наказание по законам этих освобожденных стран. Данная декларация не распространяется на главных военных преступников, преступления которых не имеют конкретной географической локализации и которые будут наказаны совместным решением правительств союзных государств».

Еще до того, как Соединенные Штаты вступили в войну, президент Рузвельт и Уинстон Черчилль вместе предупредили немцев, что им предстоит дать отчет за военные преступления. В заявлении от 25 октября 1941 года Черчилль подчеркивал, что «возмездие за эти преступления должно отныне занять место среди важнейших целей нашей борьбы». Эти предупреждения неоднократно повторялись по ходу войны всеми воюющими нациями. В марте 1943 года сенат и палата представителей США в совместной резолюции твердо заявили: «Правила гуманности и благородного поведения на войне требуют, чтобы неоправданные убийства и бесчеловечное обращение были прекращены... а виновные в этих преступных действиях понесут ответственность и будут наказаны». Министры иностранных дел стран-союзниц, так же, как и Сталин, Черчилль, Рузвельт, да и любой человек, внимательно читающий прессу, не имели ни малейших со-

мнений относительно вопроса, кто является виновником этих преступлений. Главными преступниками являлись руководители нацистской партии и государства, высшее командование армии и флота, дипломаты, промышленники, банкиры, судьи, бюрократы-чиновники. К концу войны американцы удерживали в плену для суда около 300 преступников, которых можно было отнести к числу «главных». Русский судья И. Т. Никитченко полагал, что список таковых, составленный в его стране, может содержать до 500 имен; имена же «высших из главных» преступников известны любому. Советский министр иностранных дел Молотов писал 14 октября 1942 года:

«Все человечество знает имена и кровавые преступления руководителей гитлеровской клики: Гитлер, Геринг, Гесс, Геббельс, Гиммлер, Риббентроп, Розенберг». Члены администрации Рузвельта Стимсон и Стеттиниус вместе с генеральным прокурором Бидлом подготовили для президента к Ялтинской конференции меморандум, в котором говорилось: «Имена высших руководителей Германии хорошо известны, и доказать их вину не составит большого труда».

Когда Сталин появился в Потсдаме со списком подлежащих суду главных военных преступников, ни по одной фамилии ни у англичан, ни у американцев не было возражений. В русских документах значились имена, хорошо знакомые западным союзникам — Геринг, Гесс, Риббентроп, Кейтель, Дениц, Кальтенбруннер, Фрик, Штрейхер, Крупп, Шахт, Папен, Ганс Франк, — и эти списки были одобрены на встрече «большой тройки» в Потсдаме 1 августа. Просматривая списки, президент Трумэн выразил легкое недоумение, заметив, что, хотя ему не нравится никто из немецких промышленников, он считает, что индивидуальное упоминание одного из них может породить у всех прочих надежду, что названные в списке имена приведены для примера. Крупп оказался в списке, объяснил Сталин, чтобы показать, что судить надо и немецких промышленников, и если американцы и британцы предпочитают кого-либо другого, то он не будет возражать. Точка зрения по этому вопросу была четко выражена главным американским представителем обвинения в Нюрнберге судьей Робертом Джексоном, который заявил: «Позиция Соединенных Штатов

всегда заключалась в том, что крупные промышленники Германии в равной мере разделяют ответственность за военные преступления с перечисленными в данном обвинительном акте политиками, дипломатами и военными».

Собственно немецкий народ формально никто не обвинял. Только французское обвинение, единственное из держав-победительниц, не делало различия между нацистами и остальным народом Германии. Американцы подчеркнуто проводили разделительную черту между собственно народом и теми, кто должен предстать перед судом. Томас Додд в своем заявлении сказал: «Каждый член кабинета министров Германии, любой высокопоставленный чиновник знал, что, вопреки заявлениям «Рейхгезеттблатт», не существовало согласия между народом или его представителями и властью; полицейское государство правилось посредством террора и ужасов концентрационных лагерей».

Судья Джексон сказал в своей речи:

— У нас нет цели обвинить весь народ Германии. Мы знаем, что нацистская партия пришла к власти, не имея поддержки большинства немецких избирателей, но благодаря альянсу нацистов, германских реакционеров и наиболее агрессивных милитаристов.

Однако, какие бы речи не произносились, вина неизбежно падала и на немецкий народ. Когда заслушивались свидетельские показания о восстании в Варшавском гетто в 1943 году, во время которого в ходе так называемых «боевых действий» было уничтожено 65000 евреев, а у немцев погибло всего 16 человек из полиции и СС, один из представителей защиты сказал, что имя немцев навеки покрыто несмываемым позором, и такая реакция была характерна для большинства присутствовавших на судебных заседаниях. «Пройдут тысячелетия, но эта вина Германии не сотрется», — сказал бывший генерал-губернатор Польши Ганс Франк. Роберт Лей, который повесился еще до начала судебного процесса, написал то же самое в своей предсмертной записке. Другие обвиняемые вели себя как люди, очнувшиеся от фантастического сна, в котором они играли придуманные кем-то роли; теперь они очутились в реальном мире, отвергающем нацизм, в котором убийство невинных людей всегда наказуемо, и

взглянули на собственные зверства с недоверием и ужасом. Они каялись, мучились и поочередно порицали самих себя, и с еще большей готовностью — людей и идеи, которым они служили. Некоторые клялись, что ничего не знали о происходящем; они выполняли свои обязанности в государстве, в котором, согласно приказу фюрера, каждое ведомство занималось сугубо своими делами. Но за стенами судов католики и протестанты, собравшись вместе, принимали на себя ответственность за то, что произошло. Коллективная вина, обычно отвергаемая, объединила миллионы немцев, несмотря на все философские и исторические обоснования того, что она вряд ли может существовать.

Массовые убийства

События, ставшие достоянием гласности в ходе этого и последующих судебных процессов, разрушили самодовольство западной культуры, явно переоценившей степень своей цивилизованности. Мир узнал о беспрецедентном массовом уничтожении населения — детей, стариков, мужчин и женщин; евреев, цыган и славян; военнопленных, солдат и мирных жителей, убитых не в разгар боев, а во время конвоирования или в рамках реализации расовой политики, проводимой на протяжении нескольких лет. Очевидцы и подробные документы рассказали о возвращении к рабству и организованному военному грабежу в невероятных масштабах; о госпиталях и судах, предназначенных не для смягчения людской боли и не для защиты от несправедливости, а для того, чтобы причинять и множить страдания. Как было подсчитано, около 80000 специалистов по убийствам было задействовано в процессе уничтожения людей; но для того, чтобы их деятельность на широких просторах великого германского рейха стала возможной, еще требовалась хорошо обученная бюрократия, огромная армия и взаимодействие — вольное и невольное — миллионов людей в самой Германии и на оккупированных территориях.

Общая картина трагедии постоянно оказывалась непол-

ной. Все новые данные появлялись в ходе процессов в Европе, позднее — в Израиле, где номера лагерных татуировок в Аушвице* люди показывали с гордостью, как боевые награды. Услышанное и записанное во время судебных слушаний шокировало поколение середины XX века, не привыкшее к статистике массовых убийств. Отношение к расе и харизматическому лидеру после всего, что сотворили нацисты, не могло не измениться. Если быть точным, те 80000, служившие аппаратом уничтожения, были не единственными палачами, и не только на немцах лежала вина. На первом Нюрнбергском процессе в адрес немцев прозвучало сфальсифицированное обвинение в убийстве тысяч польских пленных в Катыни. На деле эти расстрелы, как сообщили поляки Рузвельту и Черчиллю, были совершены русскими. С немецкими концлагерьями и принудительными работами познакомились не только евреи и иностранцы; среди первых заключенных лагерей было 500000 «арийцев».

Нацистское государство разительно отличалось от других тоталитарных систем умением поставить все ценности морали с ног на голову. Не только «Бог должен быть убит», но вместе с ним подлежали уничтожению религия, семья, старые представления о нравственности. Законно то, что отражает стремления и чаяния расы. Процесс уничтожения людей был рационализирован по принципам промышленного производства и самоокупаемости. Жертвы не имели шанса выжить; тот, кто оказался единожды причисленным к одной из лагерных категорий, уже не мог спастись. Заключенных низводили до животного состояния; они постепенно теряли способность отождествлять себя с человеческими существами; далее следовала смерть. Один из лагерных надзирателей дал своей овчарке кличку «Человек» и натравливал ее на заключенных, крича: «Человек, хватай этих собак!» И это не было просто дикой выходкой полусумасшедшего эсэсовца; это была реализация заранее спланированной партийной линии. Тщательно велись записи; наука и техника использовались для того, чтобы довести страдания и ужас людей до апогея; машина уничтожения работала предельно четко. Палачи из СС рассуждали о том,

*Аушвиц — немецкое название Освенцима (Польша), в котором в 1940—1945 гг. было уничтожено более 4 млн. человек.

насколько трудна и важна их работа, и осуждали легкомыслие и безответственность тех своих сограждан, которые не хотят принять в ней участие. Комендант концлагеря в Аушвице Рудольф Хесс, на глазах у которого было уничтожено полтора миллиона заключенных, описывал свои впечатления от наблюдаемого как истинный поэт:

«Весной 1942 года толпы цветущих людей шли под цветущими фруктовыми деревьями окрестных ферм; большинство из них даже не испытывало предчувствия смерти.» За цветущими деревьями их ожидали газовые камеры.

В лагерях творились невообразимые зверства. Два цыганских ребенка были сшиты вместе с целью создания сиамских близнецов. Очевидец, описавший эту операцию, проводившуюся эсэсовским доктором Фрицем Менгеле (ему удалось бежать из Германии после войны), рассказывал, что после операции на венах руки детей оказались поражены сильной инфекцией. Детей в лагерях смерти посылали разбрасывать по дорогам прах кремированных жертв. Женщины спали на нарах по двенадцать человек, в страшной тесноте, и переворачиваться с боку на бок приходилось всем вместе, по команде. На греческих мальчиках производили эксперименты по методам кастрации. Заключенные добивались, чтобы на руки им быстрее наносили номер-татуировку: он давал шанс прожить еще хоть какое-то время. Смена прибывающих и погибающих масс заключенных шла в высоком темпе, и тех, кто прибыл немного позже, отличали по предшествующей номеру букве «Б» в отличие от «А» — тех, кто был «старожилом».

Когда в Аушвице в 1944 году прибыла партия венгерских евреев, заключенные подсказали им обзавестись номерами как можно скорее, так как номер означал регистрацию, превращение человека в часть лагерной рабочей силы. Работники тоже подлежали ликвидации, но для них между регистрацией по прибытии в лагерь и газовой камерой существовал некий временной интервал. Людей, прибывших в лагерь истощенными долгой дорогой, слишком слабых, чтобы работать, немедленно отправляли в «дома смерти». Их не регистрировали, они приходили и уходили безымянными. В некоторых случаях применялись такие методы идентификации: если эсэсовец видел, что заключенный по пути в газовую камеру

что-то проглотил, то помечал грудь несчастного меловым крестом. После душегубки помеченный труп вскрывали, чтобы извлечь утаенные таким образом бриллианты или другие ценности.

Данные, собранные со всей Германии и оккупированных стран, документы, найденные в стенах полуразрушенных зданий, архивы, спасенные от огня, личные дневники — как, например, 38 тетрадей дневников Ганса Франка, которые он в порыве раскаяния и осознания своей вины передал следствию, — все это позволило дополнить картину, развернувшуюся перед союзными войсками в освобожденных ими лагерях. Истощение узников Дахау было столь велико, что они сотнями умирали уже после освобождения, несмотря на все усилия медиков, несмотря на быстро организованную американцами систему питания. Перед смертью некоторые из них просили разрешения посмотреть на солдат-освободителей, другие хотели просто прикоснуться к солдатской форме своими руками.

Главное преступление

Юристы союзных держав не медлили с формулировкой обвинительного акта по этим преступлениям. В результате дискуссий в Лондоне 8 августа 1945 года было заключено соглашение, учредившее трибунал и определившее его юрисдикцию.* Обнаружилось только одно серьезное расхождение во взглядах. Спорным оказался следующий вопрос: возможны ли случаи, когда военная агрессия допустима и оправданна?

Задолго до того, как атомные бомбы разорвались над пустыней Нью-Мексико и над Японией, государственные деятели и публицисты — в основном из стран, чьи

* Лондонское соглашение, докладывал президенту глава американского обвинения судья Роберт Джексон, предусматривает совместную деятельность 23 правительств, представляющих около 900 миллионов человек в разных странах (Роберт Г. Джексон. Доклад на Международной конференции по военному трибуналу. Лондон, 1945. Далее — Доклад Джексона). А именно в трибунал вошли: от СССР генерал И. Т. Никитченко и А. Н. Трайнин; от Франции — Робер Фалько и Андре Грос; от Великобритании — сэр Дэвид Максвелл-Файф; сам Роберт Джексон и, по условиям соглашения, масса советников.

границы в результате Первой мировой войны расширились, а также из США — выступали против незаконных войн и рассматривали нападение на любую страну как покушение на мировое сообщество, как действие, подлежащее наказанию, подобно тому, как наказывается обычный преступник законами общества, в котором живет.

Оппоненты этой концепции коллективной безопасности возражали, что такой подход грозит перерастанием любого локального конфликта в большую войну с участием великих держав, что этот подход нацелен на сохранение статус-кво (*status quo*), каким бы несправедливым он ни был; что на протяжении всей истории, какими бы примитивными ни были средства их ведения, войны являются движущей силой развития общества и последней возможностью для установления новых отношений власти; всегда решение об объявлении войны являлось государственным актом, вызванным политической целесообразностью, уходящим корнями в международные обычаи и законы, а отнюдь не персональным действием отдельно взятого человека. Война помогала определить, какое из государств сильнее, она оставалась последним средством решения международных противоречий, достигших предельной точки, когда к соглашению нельзя прийти другими средствами. Для сторонников же коллективной безопасности единственной справедливой войной считалась оборонительная война против агрессора. По их мнению, технический уровень войны, уничтожение центров культуры и сосредоточения гражданского населения сделали войну бесчеловечной; она превратилась в состязание машин, разрушительных и безжалостных. Война стала способом массового уничтожения посредством автоматического оружия.*

И в годы Второй мировой войны, и по ее окончании баталии между приверженцами и оппонентами идеи коллективной безопасности продолжались, правда, с гораздо

* Идея справедливой войны — войны, ведущейся от имени цивилизованного сообщества, — не нова. Римляне рассматривали любую войну, в которой участвовали, как справедливую, поскольку для них Рим был центром и источником законности. В средние века справедливой считали войну против страны, которая угрожает интересам христианства, — об этом в IV веке писал Августин и почти 900 лет спустя — Фома Аквинский. Позднее европейские писатели высказали мысль, что христианской культуре присущ всеобъемлющий естественный закон. В этом направлении мыслили многие правоведы и философы: Франческо де Виттория провоз-

меньшим пылом. Термин «агрессор» прочно вошел в язык государственных деятелей и их избирателей, хотя само понятие продолжало оставаться недостаточно ясным и определенным.

Влиятельные американцы — и республиканцы, и демократы, — резко откачнувшись от изоляционизма, говорили, что Вторая мировая война никогда не разразилась, если бы Соединенные Штаты вступили в Лигу Наций, четко выразили свое отношение к войне; это

гласил, что победитель становится судьей побежденного, а сильнейший князь диктует свою волю; Франсиско Суарес считал справедливую войну карательным походом против зла; итальянец Альберико Джентили допускал, что возможна ситуация, когда неясно, на чьей стороне справедливость, и рекомендовал третьим странам в этом случае соблюдать нейтралитет, а справедливой войной считал такую, которая ведется против государства, нарушающего законы Божеские и человеческие. Гуго Гроциус, которого часто называют отцом международного права, говорил, что государство-победитель действует от лица международного сообщества, когда наказывает злодеев, при условии, что ни сам князь, ни его сторонники не вовлечены в совершение зла.

Противоположные школы, в рамках которых позже расцвела теория «реальной политики», оперировали не нормами нравственности, а фактами политической жизни. Томас Гоббс заявлял, что правитель не связан никакими законами, кроме своих собственных. Макиавелли советовал своему государю, как вести борьбу в беспощадной схватке за власть, выживать и достигать успеха. Монтескье, представитель более мягкого политического климата, нежели условия итальянских городов-государств, думал, что правитель имеет право уничтожить сообщество граждан, но не людей; другими словами, он может разрушить вражеское государство как форму, но не полномочен посягать на жизнь народа, населяющего его. Руссо также считал войну конфликтом между государствами, а не между индивидуальностями. Споры продолжались в XIX и XX веках, когда, с полной секуляризацией юридических принципов ведения войны, национальные государства почувствовали необходимость поддержки со стороны собственных граждан и со стороны нейтралов, для чего и провозглашали, что они сражаются за мировой порядок, основанный на договорах и соглашениях международного права, если не по воле Бога. Повеления пап и князей были подмены договорами и ссылками на человеческую совесть, но война — по крайней мере, когда она оказывалась удачной — так и осталась карательной экспедицией против врага.

В случае возникновения крупного конфликта третьим странам становилось все труднее сохранять нейтралитет; это было следствием изменений в технике и экономике, а также проявлением так называемой теории вовлеченности. Швейцарский юрист Эммерих фон Ваттель, живший в XVIII веке, в своей книге «Права человека» писал: «Если есть какая-нибудь беспокойная нация, всегда готовая угрожать другим и переходить им дорогу, причинять им внутренние неприятности, несомненно, что другие народы имеют право объединиться для ее сдерживания, наказания и даже низведения до такого состояния, в котором она уже не сможет никому никогда угрожать». Если

сделало бы повторение такой грубой ошибки, как мировая бойня, невозможным.

Судья Джексон, убежденный идеалист, не лишенный политических амбиций, пришел к участию в трибунале с твердым убеждением, что агрессивная война является преступлением; что идея нейтралитета является отжившей и что еще пактом Бриана-Келлога от 27 августа 1928 года была поставлена вне закона, что люди, действовавшие от имени своих правительств, должны понести от-

правота обеих сторон, участвовавших в конфликте, кажется спорной, пусть с равным правом добиваются победы в борьбе, и тот из противников, который победит, будет свободен от наказания. В XIX веке Наполеон III объявил Пруссии войну, заявив, что победитель, вооруженный моральным кодексом, не может судить побежденных. Со своей стороны Бисмарк, разгромив Наполеона III, категорически отказался устраивать суд над ним, что, впрочем, было расценено как проявление прусского провинциализма. Бисмарк считал, что наказание правителей и народов за преступления против законов нравственности надо оставить на усмотрение богу битв.

Различные статьи Гаагской и Женевской конвенций предусматривали некоторые меры по защите населения в воюющих странах — неприкосновенность раненых, больных и военнопленных, ограничение ужасов войны. Но воюющие народы, нуждавшиеся в максимальной поддержке своих акций, продолжали действовать по старинке, при этом заявляя, что ведут борьбу во имя гуманизма. В начале XIX века европейские державы вмешались в греко-турецкую войну; поводом послужили творимые турками зверства. В 1863 году великие державы протестовали против жестокого подавления польского восстания. Протесты обрушивались на турок за преследование христиан и на царское правительство России за бесчеловечное обращение с евреями. Интервенция США на Кубу против Испании была предпринята по причине истребления испанцами кубинских патриотов. В годы Первой мировой войны газета «Эдинбург ревью» назвала вторжение в Бельгию не военной операцией, а преступным актом, и репарации, которые позже пришлось платить Германии, шли на возмещение ущерба, причиненного преступной, незаконной войной. Статья 231 Версальского мирного договора гласила:

«Союзники и присоединившиеся державы утверждают и устанавливают, а Германия принимает ответственность Германии и ее союзников за причинение потерь и ущерба, которые союзники, присоединившиеся державы и их народы понесли в результате войны, навязанной им агрессией Германии и ее союзников». Несмотря на это, определение войны как преступления не было поддержано специальной союзной комиссией, которая отметила: «Преднамеренность военной агрессии... осуждается общественным мнением и проклинается в истории, но агрессивная война не может вообще расцениваться как действие, прямо противоположное определенному закону». Нападение на Бельгию и Люксембург было нарушением международного права, но комиссия тем не менее согласилась, что «ни все государства вместе, ни отдельные личности к ответственности за это преступление привлекаться не будут, а санкции будут определены в ближайшем будущем». Германия должна была возместить Бельгии ущерб, т. к. нарушила гарантийный договор 1839 года.

ветственность за то, что выдавали за действия государства. Для него объявить войну вне закона значило заложить краеугольный камень нового мирового порядка. Даже преступления против евреев он увязывал с тайными планами военной агрессии. С другой стороны, судья Джексон опасался, что призвать преступников к ответу перед лицом трибунала будет непросто. Пакт Бриана-Келлога, говорил он, открыл новую эру, и ответственность государственных деятелей за преступное развязывание войны в нарушение всех договоров должна быть ясно установлена. В ходе встречи по подготовке обвинения и процедурных вопросов для работы трибунала, проходившей в Лондоне, он заявил:

— Программа ленд-лиза, обмен баз на миноносцы и многое другое в действиях США было напрямую основано на той предпосылке, что агрессивная война поставлена вне закона. Мы решили принять участие в этой войне, потому что рассматривали решение Германии начать войну как незаконное с самого начала, как попрание международного мира и порядка. Одновременно с усилиями оказать помощь народам, подвергшимся нападению, государственный секретарь, министр обороны, мистер Стимсон и я, как Генеральный прокурор, пришли к обоснованному заключению, что эта война незаконна с самого начала и мы не совершили противозаконных действий, наращивая помощь народам, подвергшимся несправедливому и незаконному нападению... Мы хотим, чтобы эти народы встали и сказали, как мы сказали нашему народу, как президент Рузвельт сказал народу, как члены кабинета сказали народу, что развязывание агрессивной войны есть преступление и что ни политическая, ни экономическая ситуация не оправдывают ее. Если это не так, значит, мы в Соединенных Штатах совершили ошибку, помогая странам, подвергшимся нападению, до того, как мы вступили в войну.

Поскольку со стороны Германии война по сути была незаконной, — продолжал он, — США были вправе отказаться от соблюдения нейтралитета, и, когда пришло время разобраться с военными преступниками, президент ясно изложил свою позицию американскому народу: развязывание агрессивной войны является преступлени-

ем. Германия, — подчеркнул он, — не нападала на Соединенные Штаты, но американское вмешательство было оправдано тем, что сама война была незаконна.

Французский эксперт по международному праву, присутствовавший на Лондонской конференции, профессор Андре Грос, и русские специалисты не соглашались с тем, что отдельные личности подлежат суду трибунала за развязывание войны. Грос, придерживаясь традиционного взгляда на ответственность за действия государства, заявил:

— Мы не рассматриваем агрессивную войну как преступное действие. Если мы провозгласим войну индивидуальным преступным актом, мы выйдем за рамки существующих законов. Сам принцип, — считал он, — может в будущем облачиться в плоть закона, но в нынешней ситуации мы не считаем такой подход правильным.

На встрече 23 июля, в ходе обсуждения обвинения, предъявляемого по совершенным преступлениям на основании норм международного права, он сказал, что такая формулировка обвинения в агрессии представляет ее преступлением, разработанным четырьмя людьми, и, таким образом, определяет именно их как виновников нарушения международного права. Но такие действия предпринимались руководителями государств на протяжении всей истории и никогда не классифицировались как нарушение международного права. «Мы занимаемся не чем иным, как законодательством по уже совершившимся событиям (*ex post facto*)». Представляя державу, которая впервые была допущена к работе в качестве союзника «большой тройки» на этой встрече в Лондоне, Грос был чересчур осторожен. Через два дня, 25 июля, он сказал, что американский проект судебного разбирательства охватывает слишком много вопросов, и по проблеме наказания преступников пытался предложить рассмотрение ее «в общих чертах», поскольку трудно в нескольких словах обсудить тему, существующую на протяжении последних 500 лет.

Русские имели собственный опыт пребывания в ранге агрессора в ходе советско-финской войны 1940—1941 годов, каковым и не замедлила их объявить Лига Наций; они были на стороне Гроса. Генерал Никитченко заявил, что, по его мнению, агрессия не может быть вменена в вину. Он указал, что, когда люди говорят об агрессии, они знают, что

имеют в виду, но не могут дать четкого определения. Когда дискуссия затянулась, он заметил, что в случае продолжения дебатов преступники могут умереть от старости.

Советскую позицию по отношению к агрессии представлял коллега Никитченко по Лондонской конференции профессор А. Н. Трайнин. Работая в Московском институте права, Трайнин в 1944 году написал книгу о военных преступлениях нацистов, которые он связал с особенностями экономического развития Германии, рассмотрев индустриальное развитие этой страны до и после прихода Гитлера к власти. Трайнин процитировал речь Молотова, произнесенную 6 января 1942 года, в которой говорилось, что эта война — не обычная, а бандитская война, нацеленная на уничтожение миролюбивых народов. Проследив в своей речи историю Германии, Трайнин определил «бандитские» черты германского империализма, проявившиеся еще в правление Вильгельма II и в поведении Пруссии в 1870–1871 годах. «*Pacta sunt servanda* (договоры должны соблюдаться)», — процитировал он. Он сказал, что агрессия является наиболее опасным международным преступлением, но это, конечно, не относится к освободительным войнам. Рядовой состав фашистских войск отличался жестокостью, тупостью и жадностью. Подлинными виновниками были «верхи» — члены правительства, руководители промышленности, экономики, финансовые воротилы. Эти руководители Германии подлежали «политическому суду победивших демократических государств». Вся политическая и военная история Пруссии и Германии вела к преступлению. «Близится неотвратимый и суровый суд над преступной гитлеровской тиранией, пропитанной подлым прусским духом».*

Книга Трайнина была прочитана и тщательно изучена большинством присутствовавших на Лондонской конфе-

* Джордж А. Финч из «Американского журнала по вопросам международного права» отмечал, что судья Джексон зачастую в своих выступлениях буквально следовал тексту книги Трайнина. Трайнин писал: «В определении подходов к наказанию стран «оси» (Рим-Берлин-Токио) за военные преступления Россия не считает себя ограниченной традиционным законодательством». Единственная причина, по которой не существует международного закона о наказании агрессии и военных преступлений, считал Трайнин, — стремление некоторых держав сколотить единый преступный фронт против Советского Союза. Он писал: «Это не является случайностью. Корни этого явления надо искать в природе международных отношений периода империализма».

ренции. Сэр Уильям Джауитт, лорд-канцлер правительства лейбористов, обратился к делегатам конференции 23 августа 1945 года и выразил озабоченность их деятельностью, а именно предположил, что позиция Трайнина окажет решающее воздействие на выработку обвинительного заключения и агрессия будет определена как «преступление против мира» вместо классификации ее как военного преступления, как предлагали американцы.

Русские неохотно делали уступки американцам; они не были столь же уважительны к члену Верховного суда США, как представители других стран. Однажды судья Джексон, раздраженный долгими спорами и, по-видимому, в надежде их напугать заявил, что США откажутся от участия в трибунале и предоставят другим державам решать судьбу пленников. После одной такой вспышки 25 июля Никитченко ясно изложил советскую позицию: «Что мы предполагаем осуществить: осудить агрессию и разжигание войны вообще или осудить именно агрессию, начатую в этой войне нацистами? Если здесь попытаются сделать первое, то для нас это неприемлемо». Когда судья Джексон пустился в рассуждения о власти президента США, который, как он отметил, не имеет права признать кого-либо виновным, и заявил, что в США нет политических преследований, Никитченко заметил: «Возможно, я ошибаюсь, но мне кажется, что наша цель — не обсуждение философии права, а попытка прийти к согласию... по вопросу привлечения к правосудию указанных военных преступников». В конце концов русские предложили проект определения агрессии, гораздо более простой и

Судья Джексон в своем докладе президенту 6 июня 1945 года писал: «Мы не должны допустить, чтобы этот закон (имелся в виду закон о наказании агрессии и военных преступлений) был залутан и осложнен неясностями с целью оправдания войн, ведущихся в эпоху империализма». Точка зрения Трайнина о том, что предстоящий трибунал должен определить вину не только военных и политических руководителей нацистского государства, но и крупных промышленников, была учтена в решении за номером 10, принятом руководителями союзных оккупационных сил в Германии; это отразилось и на составе лиц, представших перед судом на первом и последующих процессах.

Влияние русских очевидно и в американском меморандуме от 30 апреля 1945 года, подписанном в Сан-Франциско на заседании Объединенных Наций. В нем неоднократно встречаются словосочетания «гитлеровские организации», «гитлеровское руководство», бывшие в ходу у русских, но чрезвычайно редко употреблявшиеся американцами.

ограниченный, чем предполагал судья Джексон: они объявили преступлением «агрессию или господство над народами, осуществленное европейскими странами «оси» в нарушение международных законов и договоров».*

С советской точки зрения, это была вполне приемлемая и работоспособная формулировка, потому что, когда подписывался обвинительный акт, на его основании Эстония, Латвия и Литва были провозглашены частью советской территории. 6 октября судья Джексон внес формальную оговорку в письме к другим главным обвинителям: «Этот язык предложен Россией, и он принят во избежание задержки, которая могла бы возникнуть в случае продолжения споров по содержанию текста». Однако Джексон

* Итальянцы не были привлечены к суду союзного военного трибунала не потому, что не развязывали войны (Италия напала на Францию ближе к концу кампании на Западе, потом — на Албанию и Грецию, участвовала в войне против России), а потому, что в Италии сменилось правительство и она перешла на сторону союзников. Было бы политически неправильно и незаконно, если бы итальянцев судил трибунал своих же союзников. Еще одним важным соображением были боевые качества, продемонстрированные итальянцами в войне, — их уровень позволял союзникам не опасаться, что в будущем от Италии может исходить серьезная военная угроза. Немцы и японцы были первоклассными солдатами, и военная агрессия, начатая ими, могла быть прекращена не просто равными или превосходящими силами, а превосходящими идеями, такими идеями, которые в будущем смогли бы предостеречь эти народы от повторения подобных ошибок. С Италией дело обстояло иначе, тем более что итальянцы никогда не отличались воинственностью и фактически не ступили за свои границы, чтобы принять участие в военной агрессии. Порвав с Германией, итальянцы проявили политическую проницательность и тем самым одержали главную свою победу.

Если итальянцы не могли быть судимы за ведение войны, то союзники — тем более. Например, нельзя было судить Россию за вступление в войну против Японии, которая имела пакт о ненападении с Россией и предлагала ей стать посредником в переговорах о заключении мира с США. Вторжение американских войск во французские владения в Северной Африке (для того, чтобы, по словам президента Рузвельта, предотвратить захват стратегических точек немцами) и оккупацию американцами Исландии и Гренландии нельзя было сравнивать с вторжением Германии в Норвегию и Данию. Трибунал не предполагал привлекать к ответственности союзников, итальянцев или финнов, хотя финны напали на границы СССР вместе с немцами. Всего за два года до своего нападения финны сами подверглись агрессии со стороны Советского Союза. Это привело к исключению СССР из Лиги Наций, что никак не повлияло на его планы, но могло быть использовано Великобританией или Францией для того, чтобы оказать помощь Финляндии, если бы неожиданно между финнами и русскими не был заключен мирный договор. Но вообще, именно у финнов, а не у русских имелись шансы оказаться на скамье подсудимых.

сурово заметил, что ничто в обвинительном акте не говорит о признании Соединенными Штатами суверенитета Советского Союза над прибалтийскими странами.

Обвиняемые организации

Лондонская конференция назвала подсудимыми 24 человека и 6 организаций. Идея выдвинуть обвинение против организаций принадлежала американцам. Судья Джексон считал, что отдельные члены преступных групп должны дать ответ за преступления, совершенные ими лично, но англо-американское предложение по расследованию деятельности преступных групп позволит прояснить ситуацию, сэкономить время, избежав многократного разбирательства по одним и тем же вопросам.

Это предложение не вызвало больших споров и было принято, хотя мысль о суде над организациями была вновь для французских и советских юристов. Русские критиковали данное предложение, т. к., по их мнению, оно могло вызвать путаницу, ведь все организации, признанные преступными, уже распущены, их вина установлена, и хотя советские и французские законы предусматривают преследование групп и организаций, опасных для государства, русское правосудие предпочитает разбираться с каждым преступником индивидуально.*

Генерал Никитченко заметил, что гестапо и СС уже

* Решение о суде над организациями вызвало живую дискуссию. Видные американские юристы высказывались против идеи коллективной вины. Судья Джексон доказывал, что организация может быть виновной, и приводил в пример американский закон о запрещении ку-клукс-клана. Британский обвинитель напомнил английский закон XIX века о запрещении организации тагов в Индии (орден убийц). Еще более яркий пример, сказал он, — пиратский корабль. Достаточно было принадлежать к его команде, чтобы быть отданным под суд. Даже кок считался соучастником каждого преступления команды пиратов, и коков вешали вместе со всей командой. Оппоненты возражали: пиратов судили по законам той страны, где они были схвачены, а не по международным; трибунал же для суда над военными преступниками — международная организация. Другие прецеденты коллективного наказания также относились к давно прошедшим временам. В средневековом обществе жители поселка, в котором нашел убежище преступник, скрывающийся от королевского правосудия, могли быть коллективно наказаны. Подлежали поголовному уничтожению и жители города, оказавшие ожесточенное сопротивление захватчикам.

объявлены преступными организациями властями более авторитетными, чем трибунал: «Факты их преступной деятельности точно установлены. Мы не можем представить себе ...что трибунал окажется способным вынести вердикт о невинности какой-либо из этих организаций, в то время как они признаны преступными рядом правительств». Однако большого значения для русских этот спор не имел, и Никитченко не раз потом напоминал судье Джексону, что, имея возражения в начале дискуссии, Советский Союз впоследствии снял их и великодушно принял предложения американцев. Меморандум, посланный президенту Рузвельту для использования в Ялте и подписанный Стимсоном, Стеттиниусом и Биддлом, предлагал судить высших германских руководителей вместе с организациями, в которых они были задействованы, — СА, СС, гестапо. Смертная казнь без суда, говорилось в меморандуме, «нарушает наиболее фундаментальные принципы правосудия, общие для всех Объединенных Наций».

Представители обвинения были согласны, что нацистские организации были необходимы преступному режиму для достижения его целей. СА (штурмовые отряды) были первой массовой организацией партии нацистов; через СС (охранные отряды) нацисты проникли в армию и контролировали ее; в высшем командовании и Генеральном штабе заговор против мира также имел свои корни. Организации, которым было предъявлено обвинение, как и отдельные личности, занимались разными сферами деятельности. СА потеряли влияние после массового убийства вожаков, когда в 1934 году был убит и их лидер Эрнст Рём. Кроме СС, СД, СА, к преступным группам отнесли руководителей нацистской партии и нацистского государства. СД была службой безопасности, которая начиналась как разведывательная служба партии и росла, пока ее сеть не покрыла всю Европу. Гестапо было учреждено Герингом как секретная полиция, преследующая врагов государства и имеющая чрезвычайные полномочия (арест и задержание без суда и следствия).*

*Следствию было довольно сложно разобратся в запутанном полицейском аппарате нацистского государства. Главная канцелярия имперской безопасности (РСХА), возглавляемая Генрихом Гиммлером, включала тайную государственную полицию (гестапо), службу безопасности (СД), другие важные подразделения, как, например, отдел IVA, возглавляемый

Каким должен быть суд?

По вопросу о том, каким должен быть судебный процесс, мнения разделились прежде всего по его срокам. Государственный секретарь США Хэлл считал, что лидеров Германии надо судить ускоренным судом, судом беспощадного военного трибунала. Эту точку зрения разделяли и британцы, прежде всего Уинстон Черчилль, который говорил, что хотел бы однажды утром поставить всю нацистскую верхушку к стенке и без лишних разглагольствований расстрелять. Это стремление разделял и секретарь казначейства США Генри Моргантау. Главный судья Верховного суда США говорил, что допускает осуществление такого спонтанного акта и у него есть серьезные сомнения относительно проведения судебного разбирательства со всеми атрибутами и процедурами, которое неизбежно превратится из юридического в политический процесс. Любопытно, что судья Джексон однажды поддержал эту точку зрения. Журнал «Лайф» процитировал его выступление, в котором он предостерегал от использования судебного процесса в несудебных целях и критиковал циников, которые считали, что суд можно использовать в качестве орудия возмездия:

— Если мы хотим расстрелять немцев, — сказал он, — по политическим причинам, то пусть так и будет, но не прикрывайте это дело судом. Если вы решили в любом случае расправиться с человеком, нет повода проводить судебное разбирательство; не будет уважения суду, который собрался только для того, чтобы обвинить.

Что заставило судью Джексона позднее изменить точку зрения — неясно. Возможно, его назначение главой

Эйхманом. Всего в РСХА было около сотни подразделений, включая службу по изготовлению фальшивых иностранных банкнот. Все они, и прежде всего СС, находились под личным руководством Гимmlера. СД располагала вымуштрованными профессионалами, четко выполняющими свою работу — будь то карательная акция против партизан или расправа над пойманными после побега военнопленными. Одна из функций СД заключалась в контроле за общественным мнением и моралью, и отчеты службы по этим вопросам были максимально объективны; лишь изредка ситуация искажалась в сторону приукрашивания. В одном из докладов СД из оккупированной Франции говорилось, что близ Лиона службой был закрыт приют для нищих: сорок один ребенок в возрасте от трех до тринадцати лет был взят под стражу, ценных предметов не обнаружено.

американского обвинения, возможность участвовать в процессе, который, разоблачив злодеяния нацистов, заложит основы нового, правового мирового порядка; а может быть, и его политические амбиции.

Американский юрист Самуэль Розенман, друг президента Рузвельта и его представитель на предварительных консультациях накануне суда, говорил, что длительный процесс вызовет нежелательную реакцию публики, которая посчитает его подстроеным. Русские и президент США хотели разбирательства «по полной программе», хотя и по различным соображениям. Рузвельт и многие из его советников, в частности Стимсон, Стеттиниус и Биддл, рассматривали этот судебный процесс как символ нового международного порядка. Для русских вопрос о виновности подсудимых был уже решенным делом; они хотели только еще раз подтвердить их вину, сделать ее ясной для всего мира. Суду предстояло утвердить уже принятое решение. Перед началом суда Никитченко сказал: «Мы здесь имеем дело с главными военными преступниками, которые уже осуждены, чья участь уже определена положениями Московской и Крымской деклараций и решениями глав правительств».

Таким образом, трибунал, по его мнению, должен был только вынести справедливый приговор. Не было никакой необходимости, как он сказал, «создавать видимость, что судьи — незаинтересованные персоны, которые не имеют правильного представления о том, что происходило... это привело бы только к нежелательным задержкам».

Устав Международного военного трибунала

Лондонское соглашение было подписано 8 августа 1945 года Соединенными Штатами, Великобританией, Советским Союзом и Францией. Эти четыре державы действовали от имени Организации Объединенных Наций — 26 стран, принимавших участие в войне против

Германии. В соглашении говорилось, что подписавшие его державы после консультаций в Контрольном союзном совете по Германии утверждают Международный военный трибунал для суда над военными преступниками, преступления которых не имеют определенной локализации (не ограничиваются территорией одной страны). За Францию соглашение подписал Робер Фалько, за Великобританию — сэр Уильям Аллен Джауитт, за Советский Союз — И. Т. Никитченко, за Соединенные Штаты Америки — Роберт Г. Джексон. Главный обвинитель от США и Генеральный прокурор Великобритании объединились с русским членом трибунала и французом как чередующимися членами трибунала, для того чтобы осуществить правосудие.

Устав трибунала, утвержденный Лондонским соглашением, предусматривал, что компетенция его не может быть подвергнута сомнению ни обвинением, ни защитой, что его решения будут приниматься большинством голосов; решающий голос в спорных случаях принадлежал президенту трибунала. Этот пост русские сначала хотели сделать сменным, но потом согласились поддержать в качестве президента трибунала знаменитого судью из Великобритании лорда Джеффри Лоуренса.

В ходе встречи в Лондоне Никитченко и Трайнин настаивали на том, чтобы сделать местом нахождения трибунала Берлин, хранить там все документы и принимать там важнейшие решения; они были согласны, что первые процессы над преступниками должны пройти в Нюрнберге, где в заключении находилось около 1200 обвиняемых. В Берлине просто не осталось уцелевших зданий, в которых можно было содержать такое количество заключенных.

Джексон предложил Никитченко принять участие в инспекционной поездке в Нюрнберг, чтобы осмотреть Дворец правосудия; Никитченко согласился, но потом, на обеде в отеле «Савой» в Лондоне, неожиданно сказал Джексону, что он и Трайнин не поедут. Джексон предложил назначить для поездки дату, которая устроила бы русских, но Никитченко дал понять, что любая дата для них будет неприемлема. Очевидно, инструкции из Москвы предостерегали от подобного неуместного братания.

Русские уже начинали то, что впоследствии получило название «холодной войны», и не чувствовали необходимости неформального общения накануне суда.

Трибунал, согласно его уставу, мог предъявить обвинение гражданину любого поверженного государства, не только немцу; среди обвиняемых были двое австрийцев. Он преследовал задачу осуждения и наказания тех, кто, действуя в интересах европейских стран «оси», составлял планы или участвовал в ведении агрессивной войны, и тех, кто совершил военные преступления против человечества. Четыре категории преступлений были описаны в деталях.

«1. Преступления против мира, а именно:

а) планирование, подготовка, разжигание и ведение агрессивной войны или войны, нарушающей международные договоры, соглашения, гарантии, или

б) участие в общем плане или заговоре с целью осуществления вышеназванного.

2. Военные преступления, а именно: нарушение законов и обычаев ведения войны, (включая) убийство, жестокое обращение или депортацию для рабского труда... гражданского населения... оккупированных территорий, убийство или жестокое обращение с военнопленными, убийство заложников, грабеж, беспричинное разрушение городов, сел, деревень, опустошения, не оправданные военной необходимостью.

3. Преступления против человечества, а именно: убийство, уничтожение, порабощение, депортации, другие бесчеловечные акты, совершенные против гражданского населения перед или в ходе войны, или преследования по политическим мотивам, расовым или религиозным причинам... относятся к преступлениям, подлежащим юрисдикции трибунала, независимо от того, нарушали они или нет законы той страны, на территории которой были совершены».

Так, преступления, совершенные в Германии, подлежали наказанию, хотя по нацистским законам преступлениями не являлись. Тот факт, что обвиняемые действовали по приказу своего правительства или вышестоящих должностных лиц, не освобождал их от ответственности за содеянное, хотя приказ свыше мог стать основанием для смягчения приговора, если трибунал решит, что это будет служить интересам правосудия. Этим положением устава

трибунал предусмотрел обстоятельство, которое для многих обвиняемых служило главным оправданием их поступков. Статья, запрещающая исполнение бесчеловечных или незаконных приказов, была предусмотрительно внесена в военные руководства британской и американской армий всего за год до ожидаемых событий. До этого в обеих армиях была принята доктрина, согласно которой солдат должен исполнять приказ начальника, нравится это ему или нет. К открытию процесса были сделаны изменения, позволявшие солдатам не выполнять приказы, противоречащие их совести. Любопытно, что в немецкой армии имелся аналогичный закон. В солдатских книжках времен Первой мировой войны и периода нацистского руководства солдатам сообщалось, что они не должны выполнять приказов, противоречащих закону.*

* В «Британском руководстве по военным законам», изданном в 1929 г., в главе XIV, названной «Законы и обычаи войны на суше», читаем: «Важно, однако, отметить, что военнослужащие, совершившие такие нарушения признанных правил войны как получившие приказ от своего правительства или командиров, не являются военными преступниками и не могут быть наказаны противником. Противник может наказать власти или командиров, отдавших такой приказ, если они попадут ему в руки; в противном случае он может прибегнуть к адекватным мерам, о которых идет речь в этой главе».

В апреле 1944 года в руководство были внесены изменения: «Вопрос надо рассматривать с позиций того главного принципа, что военнослужащие обязаны выполнять только приказы, не противоречащие закону, и не могут избежать ответственности, если, повинувшись командиру, совершают поступки, нарушающие неписанные правила войны и человечности».

Американский «Основной полевой устав сухопутных войск» до внесения в него изменений гласил: «Военнослужащие не подлежат наказанию за эти нарушения, если они совершены по приказу или с санкции правительства или командиров. Командиры, отдающие подобные приказы, или власти, по распоряжению которых действуют войска, могут быть наказаны противником, если попадут в его руки». После изменений, внесенных в ноябре 1944 года, текст гласил:

«Отдельные лица или организации, нарушающие общепринятые законы и обычаи ведения войны, могут быть за это наказаны. Тот факт, что преступные действия были совершены по приказу или с санкции командования или правительства, может быть принят во внимание при определении степени вины, оправдании или смягчении наказания. Лица, отдающие подобные приказы, тоже могут быть наказаны».

В немецком армейском уставе говорилось: «Если действия, предпринятые по приказу, нарушают закон, ответственность несет только лицо, отдавшее приказ. Однако подчиненный, выполнивший приказ, подлежит наказанию как соучастник:

- а) если его действия вышли за рамки полученного приказа;
- б) если он знал, что полученный приказ ведет к военному или другому преступлению или нарушению».

Суд и тюрьма

Трибунал состоял из четырех членов и четырех заместителей — по двое судей от каждой из союзных держав.*

На процессе они появлялись в судейских мантиях, за исключением русских, носивших военные мундиры. Зал судебных заседаний, вмещавший до 600 человек, находился на третьем этаже Дворца правосудия. Подсудимых доставляли в лифте, двери которого выходили прямо в зал. Их доставляли по очереди — каждый проходил ряд проверочных пунктов, и с каждого пункта по телефону сообщалось на следующий об их продвижении. Подсудимые размещались в камерах-одиночках, перед дверями которых день и ночь стояли охранники. Им не разрешалось разговаривать друг с другом на двадцатиминутных прогулках и в душевых, но они имели возможность перекинуться парой слов и обменяться мнениями на скамье подсудимых, когда в судебном заседании наступал перерыв. На них не было зна-

* Судья Джеффри Лоуренс от Соединенного королевства Великобритании и Северная Ирландия, его заместитель — сэр Уильям Биркетт; бывший Генеральный прокурор Фрэнсис Биддл от Соединенных Штатов, его заместитель — судья Джон Паркер из Северной Каролины; профессор Донеде де Вабре от Республики Франции, его заместитель — советник Робер Фалько; генерал-майор юстиции И. Т. Никитченко от СССР, его заместитель — подполковник А. Ф. Волчков.

Глава американского обвинения судья Роберт Джексон одновременно руководил работой Исполнительного судебного совещания, в которое входили полковник Роберт Сторн и Томас Додд. Советниками совещания являлись Сидней Олдерман, бригадный генерал Телфорд Тэйлор, полковник Джон Харлан Эймен и Ральф Альбрехт. В совещании работали шестнадцать американских ассистентов, в том числе немец по происхождению доктор Роберт Кемпнер.

Главой британского обвинения был Генеральный прокурор правительства Ее Величества сэр Хартли Шоукросс, королевский адвокат и член парламента. Его заместителем был сэр Дэвид Максвелл-Файф, королевский адвокат и член парламента, в правительстве Черчилля занимавший пост Генерального прокурора. Главным советником выступал Д. Робертс, королевский адвокат, кавалер ордена Британской империи; ему помогали четверо младших советников.

Главой обвинения от СССР выступал генерал Р. А. Руденко, его заместителем был полковник И. В. Покровский; помощниками главы обвинения были государственные советники юстиции второго класса Л. Р. Щенин и М. И. Рагинский, государственный советник юстиции третьего класса Н. Д. Зоря и еще четверо советников.

Обвинение с французской стороны возглавляли Франсуа де Ментон и Огюст Шампетьер де Рибс; они имели двух заместителей, трех советников и пятерых помощников.

ков различия, по которым можно было бы определить их воинское звание — иначе они попадали бы под действие Женевской конвенции об обращении с военнопленными, которые, согласно ее положениям, не должны содержаться в одиночном заключении. Некоторые подсудимые имели только ту одежду, в которой были арестованы; для всех них нюрнбергский портной сшил костюмы, которые они одевали только на время пребывания в зале суда и сразу по возвращении в камеры должны были снимать.

Обвинительный акт

С точки зрения победивших держав, подсудимых можно было разделить на две группы. В одну из них входили представители немецкого Генерального штаба, который стал объектом критики не только со стороны союзников, но и немецких генералов еще задолго до Гитлера. Американский обвинитель назвал Генеральный штаб Германии постоянным источником зла, служившим не только нацистам, но и другим правившим политическим организациям. Поскольку Генеральный штаб не мог воевать, не располагая орудиями войны, судья Джексон, как было решено еще на Потсдамской конференции, отдал приказ своим помощникам определить двух или более промышленников, которые должны будут предстать перед судом. Потерпеть неудачу в доказательстве вины высшего командования, сказал главный американский обвинитель, это еще хуже, чем выпустить на свободу всех подсудимых. Мнение Джексона о беззакониях Генерального штаба разделяли видные деятели в Англии и Франции, бывший помощник государственного секретаря США Самнер Уэллес, бывший министр обороны США Генри Стимсон, президенты Рузвельт и Трумэн.*

* Телфорд Тейлор во время обсуждения обвинения, предъявленного Круппу, сказал: «Диктатура Третьего рейха была основана на объединении «несвятой троицы» — нацизма, милитаризма и экономического империализма». Во время расследования дела Флика он повторял, что на плечах таких промышленников, как Крупп, Тиссен и Флик, и представителей военщины — Бека, Фрича и Рундштедта — Гитлер поднялся к власти и от захвата власти перешел к завоеваниям других стран. Но Бек планировал арест Гитлера еще в 1938 году, а Фрич был уволен после того, как его

В обвинительном акте нацистская партия названа «сердцевиной общего плана заговора». Заговорщики планировали, как сказано в акте, «отменить Версальский договор... и ограничения, предусмотренные им для вооружения и военной активности Германии; вернуть территории, потерянные Германией в результате мировой войны 1914–1918 годов... получить... «жизненное пространство»... за счет территорий соседних и других стран», применяя для достижения этих целей «обман, мошенничество, угрозы, запугивание, деятельность «пятой колонны» и пропаганду». Нацистская доктрина включала учение о превосходстве расы, в жилах которой течет германская кровь, расы господ, доказывала, что немцам присуще правление, основанное на принципах фюрерства, что война является благородным и необходимым для немцев занятием и что руководство нацистской партии «имеет право определять структуру, политику и действия германского государства».

По приказу партии было уничтожено 5700000 евреев из 9600000, живших на территории стран, попавших под нацистское господство. «Нацистские заговорщики... создали систему террора, применяемую против оппозиции... или предполагаемой оппозиции режиму... пропагандируя идеи и действия, несовместимые с учением христианства, стремились подменить своей доктриной

ложно обвинили в гомосексуализме, хотя обвинение и было во всеуслышание опровергнуто еще до войны. Но Гитлер его так и не реабилитировал; осенью 1939 года Фрич отправился на польский фронт, где на передовой искал и нашел смерть честного солдата.

Бек после провала заговора 20 июля 1944 года совершил две неудачные попытки самоубийства и был, по его просьбе, милосердно добит каким-то сержантом. Мистер Тейлор просто увлекся юридической и политической риторикой.

Выступления Тейлора повторяли мысли, изложенные в книге Трайнина об ответственности преступного гитлеровского режима. Трайнин писал: «Мы знаем, что у нацизма имелась социальная база — немецкие тресты, финансы и экономика... Пятнадцать крупных трестов, включая «И. Г. Фарбен» и концерн Круппа... вот кто были хозяева, которым служило нацистское государство. С точки зрения правосудия, участники нацистского преступного заговора против мира — Гитлер и его министры, командование немецкой армии, Геринг, Гесс, Геббельс, Гиммлер, Риббентроп, Розенберг, другие члены гитлеровской клики — организаторы и авторы ужасных преступлений против основ международного порядка и человеческой нравственности, а финансисты и руководители трестов, которые поддерживали эту клику, — организаторы и соучастники этих преступлений».

влияние Церкви на народ и особенно на молодежь... осуществляли программу преследования священников, духовенства и членов монашеских орденов». Нацисты перестроили систему образования Германии и вели психологическую подготовку молодежи к войне. Они лишили трудящихся их прав, начали осуществление «грандиозной программы по перевооружению, которая была приведена в действие секретно с 1935 года и закончилась выходом Германии из Международной конвенции по разоружению и Лиги Наций». В их планы входила оккупация и строительство укреплений в Рейнской зоне — в нарушение Версальского договора и других договоров, — наращивание военной и политической мощи с целью применения их против других народов. Оккупация Рейнской области в марте 1936 года положила начало последующим этапам агрессии: вторжению в Австрию в 1938 году и вскоре — захвату Чехословакии. Затем был составлен план нападения на Польшу, агрессивная война стала приобретать всеевропейские масштабы: были захвачены Дания, Норвегия, Бельгия, Нидерланды, Люксембург, Югославия, Греция. Наконец, «22 июня 1941 года нацистские заговорщики вероломно нарушили пакт о ненападении», который был заключен с Россией 23 августа 1939 года, «и без объявления войны вторглись на советскую территорию, начав агрессивную войну против СССР».

Немецкие заговорщики сотрудничали с Италией и Японией, ведя политическую войну против Соединенных Штатов, и 27 сентября 1940 г. заключили десятилетний военно-экономический союз со странами, присоединившимися к пакту агрессивных держав, заключенному 25 ноября 1936 года. Они призывали японцев установить «новый мировой порядок». Обвинительный акт констатировал, что, «используя преимущество внезапного начала агрессивной войны, продемонстрированное нацистами, Япония 7 декабря 1941 г. напала на Соединенные Штаты... и начала войну против Британского содружества наций, Французского Индокитая и Нидерландов».

Нацистские заговорщики вели войну безжалостно, полностью игнорируя законы человечности, правила и обычаи ведения войны. Таким образом, «подсудимые и

другие лица», гласило обвинение, «виновны в общем плане подготовки совершения преступлений, направленных против мира; в заговоре и совершении преступлений, направленных против человечества, путем подготовки и ведения войны; в заговоре и совершении военных преступлений не только против вооруженных сил своих противников, но и против невоюющего гражданского населения».

Этот замечательный документ преуспел в создании путаницы вокруг обстоятельств событий, изучаемых трибуналом, и на протяжении послевоенных лет они так и не были распутаны до конца. Обвиняя Германию во вторжении в Польшу, составители обвинительного акта игнорировали тот факт, что данное вторжение стало возможным и представляло собой простую для немцев военную операцию благодаря заключению пакта о ненападении между Германией и Советским Союзом в августе 1939 года; к пакту прилагался секретный протокол, по условиям которого Красная Армия вторгалась в Польшу через несколько недель и захватывала заранее оговоренные территории*. В то же время русско-германский пакт о ненападении упоминался в обвинении как договор, нарушенный Германией в ходе вторжения в СССР в июне 1941 года. Нарушение Версальского договора, который с 1919 года находился под непрерывным огнем критики ведущих государственных деятелей и историков как в Германии, так и в союзных странах, и ввод немецких войск в Рейнскую область ставились в один ряд с уничтожением миллионов беззащитных, невоюющих мирных жителей**. Пассажи о давлении нацистов на Церковь и умы молодежи, о пропаганде взглядов, несовместимых с христианским учением, могли вызвать лишь улыбку на лицах советских представителей, гораздо более, чем их западные союзники, искусенных в делах такого рода.

* Т. н. «пакт Молотова—Риббентропа».

** В Лондоне судья Джексон сказал: «Мы предлагаем наказать действия, которые расценивались как преступления еще со времен Каина и как таковые занесены в кодексы всех цивилизованных стран». Потом он, а вслед за ним и обвинительный акт, просто перечислил нарушения договоров — ввод немецких войск в демилитаризованную Рейнскую область в 1936 году, вторжения в Чехословакию и Польшу, массовое уничтожение населения, применение рабского труда.

Для западных политиков и наблюдателей не стала новостью демонстрация Москвой верности христианским заповедям, которая расценивалась союзниками как готовность русских к сотрудничеству. Рузвельт говорил, что на характер Сталина совершенно очевидно наложили отпечаток занятия теологией в юности, а многие представители духовенства из Англии и Америки отмечали, что свобода совести в той или иной форме существовала в Советском Союзе всегда и что коммунизм тесно связан с христианством, особенно ранним, которое противопоставляло враждебному миру коллективизм и совместное пользование всем необходимым для жизни.

Двадцать четыре

Главным из двадцати четырех первоначально названных в акте обвиняемых был бывший рейхсмаршал Герман Геринг, назначенный Гитлером в 1939 году преемником и остававшийся таковым до самого конца войны, когда фюрер обвинил его в государственной измене и приказал арестовать. Следующим по значимости был Иоахим фон Риббентроп, министр иностранных дел рейха на протяжении почти всех лет канцлерства Гитлера. По единодушному признанию, Риббентроп был одним из самых тщеславных и некомпетентных людей в окружении фюрера.

Далее следовала пестрая группа известных личностей: Ганс Франк, генерал-губернатор Польши; Альфред Розенберг, напыщенный теоретик партии, назначенный управлять восточными территориями, но не преуспевший в должности. Затем — два члена высшего командования вермахта — фельдмаршал Вильгельм Кейтель и генерал Альфред Йодль; адмиралы военно-морского флота Германии Эрих Редер и Карл Дениц; секретарь партийной канцелярии, не арестованный и, похоже, навсегда исчезнувший Мартин Борман; глава РСХА и ближайший из заместителей покойного Генриха Гиммлера, которого смогли схватить союзники, — Эрнст Кальтенбруннер; глава Трудового фронта рейха Роберт Лей; убежденный авст-

рийский нацист, назначенный правителем Нидерландов, Артур Зейсс-Инкварт; руководитель «гитлерюгенд» — союза нацистской молодежи — Бальдур фон Ширах, который публиковал самые бездарные стихи, когда-либо написанные в Германии; самый известный из антисемитски настроенных журналистов и репортеров Юлиус Штрейхер, а также Франц фон Папен и Константин фон Нейрат — бывшие канцлер и министр иностранных дел Германии, которые служили Гитлеру после того, как он разгромил их консервативные партии и принципы.

Фриц Заукель, который был в ответе за принудительный труд более чем шести миллионов мужчин и женщин, тоже стал обвиняемым. Заукель направлял эшелоны с иностранными рабочими в Германию из всех стран Европы; рядом с ним на скамье подсудимых должен был сидеть человек, использовавший подневольный труд, Альберт Шпеер, архитектор по профессии, который, нещадно эксплуатируя рабов и немецких рабочих, достиг таких чудес производительности, что, несмотря на бомбежки, выпуск заводами Германии военных материалов, самолетов, танков, пушек, всего необходимого, чтобы нация могла продолжать воевать, нарастал вплоть до конца войны.

Шпеер превзошел строителя Западной стены и автобанов Фрица Тодта, после того как последний погиб в авиакатастрофе. Как министр вооружений и снаряжения, Шпеер был главой всей военной промышленности Германии, которая до этого находилась в ведении Германа Геринга; последний, обладая многочисленными постами и должностями, почти не имел возможности заниматься промышленностью. Именно Шпеер предложил Гитлеру учредить должность гауляйтера с неограниченными полномочиями для руководства Трудовым фронтом, и фюрер выбрал Заукеля. Стремящийся только к эффективности производства, Шпеер руководил своим министерством, пренебрегая воспитанием работников в духе национал-социализма, что позволило Гиммлеру и Борману заявить, что министерство вооружений превратилось в центр антинацистской деятельности.

Рудольф Гесс также предстал перед судом, хотя его английские тюремщики считали, что он безумен. Гесс

был заместителем фюрера, третьим лицом в рейхе. Его назначили преемником Гитлера после Геринга, до того как он улетел в Британию в 1941 году, совершив отчаянную попытку остановить войну, которая, по его убеждению, могла принести и Англии и Германии только страдания. В Англии у него наблюдались несомненные симптомы помешательства, он дважды пытался совершить самоубийство. Английские врачи диагностировали психическое расстройство; они обследовали Гесса весьма тщательно, как делали это и специалисты из английской разведки на протяжении всего заключения Гесса. В ряду крупных нацистов Гесс оставался ключевой фигурой, одним из фанатиков арийской идеи и, несмотря на периодически посещавшие его галлюцинации, упорно придерживался проанглийских и антикоммунистических взглядов. Русские особенно подозрительно относились к его перелету в Англию в 1941 году. В Потсдаме Сталин спрашивал Клементу Эттли, почему с Гессом так мягко обращаются в Англии и хорошо кормят. Эттли прямо сказал Сталину, что ему не о чем беспокоиться, а Эрнест Бевин пообещал, что Гесс будет питаться должным образом и на предстоящем суде, как впоследствии и случилось; накануне процесса он был доставлен в Нюрнберг.

Одним из тех, кого русские и американцы хотели увидеть на скамье подсудимых, был Ялмар Шахт. Этот всемирно известный банкир и ловкий финансист разработал план, спасший в 1923 году немецкую марку от обесценивания, а через десять лет с помощью займов обеспечил финансирование перевооружения немецкой армии.

Судья Джексон заявил, что Шахт бесспорно является крупным военным преступником. И Никитченко горячо поддержал его, сказав, что такие люди еще большие преступники, чем простые убийцы, виновные в жестоком обращении с людьми и совершавшие рядовые преступления.

Ганс Фриче, руководитель немецкого радиовещания, тоже входил в число обвиняемых; он представлял одну из ветвей обширного ведомства пропаганды, которое возглавлял его бывший шеф Йозеф Геббельс. В этом же ведомстве работал и Вальтер Функ, являвшийся директо-

ром нацистской прессы до перехода на пост министра экономики; он нес ответственность за эксплуатацию немецких и иностранных рабочих и ресурсов. Другой обвиняемый, Вильгельм Фрик, был рейхсминистром внутренних дел, генерал-губернатором Нижней Штирии и Верхней Каринтии в Австрии, Эльзаса и Лотарингии, Норвегии, а затем, после убийства Рейнхарда Гейдриха, рейхспротектором Богемии и Моравии.

Густава Круппа все союзные державы считали одним из крупнейших военных преступников. Крупп, возглавлявший самую большую в Германии и Европе фирму по производству вооружений, был членом имперского экономического совета и президентом имперской ассоциации немецких промышленников. После короткого периода неприятия Гитлера он стал одним из самых ревностных сторонников фюрера среди немецких предпринимателей. Урожденный Густав фон Болен унд Бальбах, он взял и фамилию жены после свадьбы с Бертой фон Крупп.

Все обвинители единодушно высказывались за привлечение к ответственности представителя семейства Круппов, и от имени своих правительств они долго и обоснованно доказывали правомочность обвинения. Американцы были одержимы идеей судить Густава, хотя он и находился в госпитале. «Если он не может присутствовать на суде, — сказал судья Джексон, — он будет судим заочно». В любом случае, сам факт суда над Круппом был бы символичен и имел огромное значение. Судья Джексон придерживался идеи, что, если сам Густав в силу обстоятельств не может предстать перед трибуналом, его должен заменить его сын Альфред, потому что «Соединенные Штаты... полагают, что мы не сможем оказать будущим поколениям и делу защиты мира худшую услугу, если освободим семью Круппов от судебного разбирательства».

После обсуждения вопроса американский обвинитель признал, что Густава нельзя судить заочно, но глава британского обвинения сэр Хартли Шоукросс поддержал Джексона в том, что место отца может занять сын Густава Альфред, чтобы не откладывать судебный процесс.

Французский обвинитель считал, что старый Крупп вряд ли может быть привлечен к суду до своего выздоров-

ления, но французы поддержали суд над Альфредом как выход из запутанной ситуации. Русские согласились судить хоть отца, хоть сына, хоть обоих вместе. В медицинских показаниях, полученных трибуналом, сообщалось, что семидесятилетний Густав, дряхлый старик, не может предстать перед судом — он не мог адекватно воспринимать окружающих и происходящее. Суд решил, что обвинение против него остается в силе и будет предъявлено в будущем, после его выздоровления. Однако этого не случилось; перед судом предстал Альфред и был судим американским трибуналом, который нашел его виновным в совершении преступлений, в том числе в применении принудительного труда, и приговорил к двенадцати годам заключения. Он отсидел семь лет и был освобожден. Конфискованная у Круппа собственность была ему возвращена.

За стенами Дворца правосудия

Некоторые наиболее вероятные кандидаты в подсудимые и приговоренные не появились в Нюрнберге. Гитлер и Геббельс были мертвы, Борман исчез, и его судили заочно, Гиммлер проглотил капсулу с цианидом во время осмотра у британского врача и мгновение спустя умер. Союзники широко раскинули сети, и в них тысячами попадались крупные нацисты и всякая мелюзга, хотя некоторым, как, например, Эйхману, удалось смешаться с миллионными толпами пленных, устроиться на работу на ферму, раствориться в безликой и нищей массе населения немецких городов или перебраться за рубеж.

Штрейхер, травивший евреев, отрастил бороду, но был узнан и арестован американским лейтенантом, кстати, евреем по национальности. Освальд Поль, замаскировавшийся под садовника, был схвачен британскими властями после многомесячных поисков. Британцы, опасаясь, что он совершит самоубийство, при его задержании разыграли целое представление: немецкий полицейский сказал Полю, что ему необходимо дать объяснения в полицейском участке, поскольку он подозревается в кра-

же велосипеда. Уловка сработала; у Поля были изъяты две ампулы с ядом, которые он постоянно носил с собой, после чего его передали британским властям. Поль работал в СС и был известен как организатор рабского труда в концлагерях; сначала он сыграл роль основного свидетеля в деле Функа, а затем сам предстал перед судом.

Десятки партийных бонз совершили самоубийство — иногда вместе со всей семьей. Другие избежали разоблачения и годами жили под вымышленными именами в Германии и за границей. Иногда в ходе процессов их имена всплывали; их узнавали и арестовывали, и тогда они держали ответ перед судом за свои злодеяния. Некоторые бежали в Египет или Южную Америку, и их так и не нашли; других, найденных, принявшие их страны отказывались выдавать, и они так и не предстали перед судом в Германии. Некоторые страны, включая Аргентину, предоставили им «политическое убежище» — довольно странное определение для такой категории лиц, как врач-эсэсовец Менгеле, который обвинялся отнюдь не по политическим мотивам, а как убийца тысяч заключенных в концлагерях.

После 1945 года каждый процесс над нацистскими военными преступниками заканчивался подтверждением обвинения и давал основания для возбуждения новых судебных разбирательств. Зачастую по ходу дачи свидетельских показаний выяснялось, что очевидцы не только присутствовали при совершении преступления. Каждый процесс вызывал цепочку процессов над другими обвиняемыми. На процессах крупных военных преступников даже невиновному было опасно давать показания. В первые годы после войны у немцев не было других прав, кроме тех, которые даровали им союзники, и если свидетельские показания звучали неубедительно или враждебно по отношению к обвинению, человек очень легко мог быть арестован. Некоторые свидетели стали соседями по камерам с заключенными, находившимися в тюрьме Дворца правосудия, хотя вошли они в зал суда свободными людьми. Профессор Метцгер был неожиданно арестован в Нюрнберге и провел шесть недель в камере той же тюрьмы, где обретался его клиент, причем никто не объяснил ему, в чем его обвиняют. Полковник Шот-

ман, пославший телеграмму своему бывшему сослуживцу с просьбой быть свидетелем в вопросе о подготовке британской высадки в Норвегии, был немедленно арестован.

Виновных тоже арестовывали; на более поздних по времени процессах перед судом представляли живущие спокойной жизнью, хорошо замаскировавшиеся под адвокатов, бизнесменов, врачей безобидные граждане, которые, оказывается, принимали участие в убийствах, служа чиновниками, следователями, охранниками, судьями, генералами, «научными работниками».

Между осенью 1945 и мартом 1948 года в странах Европы трибуналами союзников было расследовано около 1000 дел, по которым проходило более 3500 обвиняемых, в то время как в списках комиссии ООН по военным преступлениям значилось 36800 фамилий людей, которые должны были явиться либо в качестве свидетелей-очевидцев, либо предстать перед судом в качестве обвиняемых. В эти списки не были включены лица, уже прошедшие через суды в Германии, и их можно разделить на две группы: прошедшие процесс денацификации, осуществленный в первые послевоенные годы и повлекший за собой тысячи разоблачений и приговоров,* и те, кто был осужден за военные преступления по завершении процесса денацификации. Документы о военных преступлениях, совершенных в период господства нацистов, хлынули в суды Германии мощным потоком. Для того, чтобы иметь возможность подтвердить обвинение против преступников, которые предстанут перед судом в будущем, в 1956 году в Людвигсбурге было учреждено бюро по сбору и систематизации документов и свидетельских показаний.

Перед американскими трибуналами в Нюрнберге за период с июля 1945 по июль 1949 года предстало 199 человек, из которых 38 было оправдано, 36 приговорено

* Трое обвиняемых — Шахт, Папен и Фриче — были освобождены от обвинения в военных преступлениях, впоследствии они были приговорены к различным срокам заключения за ту роль, которую они играли в нацистском государстве, комиссией по денацификации, работавшей в американской зоне оккупации, «с целью освобождения от национал-социализма и милитаризма». Комиссия разделила обвиняемых на четыре категории: главные виновники, виновники, меньшие виновники, пособники. Все трое были отнесены к главным виновникам.

к смерти (18 приговоров было приведено в исполнение), 23 — к пожизненному заключению и 102 человека — к меньшим срокам заключения. Американский трибунал в Дахау приговорил 420 человек к смертной казни. В действительности приговоры смягчались, приговоренные к пожизненному заключению находились в тюрьмах от трех до семи лет. Эти цифры дают некоторое представление о том, что происходило.

Перед американскими трибуналами в Нюрнберге должны были предстать и те, кто принимал участие в оккупациях — руководители предприятий, дипломаты, сотрудники СД, генералы и лица, входившие в карательные отряды. Согласно постановлению №10 Контрольного совета союзников, участие в оккупационных силах было таким же тяжким преступлением, как развязывание военной агрессии: руководство крупных предприятий, в которых насчитывалось более трех тысяч работников, приравнивалось к сотрудничеству с гестапо. Эти пункты постановления стали впоследствии поводом для споров и конфликтов среди американских юристов. Судебное заседание, рассматривавшее так называемое «дело Круппа», опровергло обвинение по нескольким пунктам. В одном случае судья объявил обвинение «несправедливым». В другом случае обвинение признало, что совершило ошибку в отношении подсудимого и выразило свое удовольствие возможностью исправить эту ошибку. Таким образом, перед судом появлялись и люди, действительно виновные в совершении преступлений, и те, кто просто подходил под текст постановления — «крупные промышленники», «производители вооружений», «офицеры», «дипломаты». Одновременно с подготовкой к Международному трибуналу Советская Россия проводила заседания своих трибуналов. Несколько германских генералов были приговорены к заключению, некоторые были казнены. Другие, как члены «Свободной Германии» — организации, сформированной из пленных немецких офицеров, — находились на положении «почетных арестантов»; многие из них, однако, не вернулись домой. Под таким арестом содержался фельдмаршал Паулус, появившийся в Нюрнберге в качестве свидетеля обвинения. Советский Союз, как и Древний Рим, рассматривал лю-

бую войну, в которую оказывался вовлеченным, как справедливую, а тех, кто сражался против него, — как преступников. Определяя, кто должен предстать перед трибуналом, Советский Союз учитывал, что некоторые из преступников могут оказаться полезными для него в послевоенные годы.*

Ганс Фриче, адмирал Редер и его жена попали в плен к русским и были вывезены в Москву для допроса.**

И с Фриче, и с Редером русские обращались довольно хорошо; обоих доставили на Нюрнбергский процесс, но жена адмирала несколько лет содержалась в заключении — одно время в тюрьме недалеко от Берлина — и предпринимала безуспешные попытки попасть в Нюрнберг в качестве свидетеля по делу своего мужа. Впоследствии она была признана невиновной.

Не только русские подвергали аресту членов семей военных преступников. Западные союзники также держали в заключении вдов главных военных преступников, но таких случаев было немного и заключение продолжалось недолго. Фрау Геринг и ее юная дочь находились в тюрьме несколько месяцев; эта же участь постигла жен Бальдура фон Шираха и Вальтера Функа, но жены других обвиняемых не подвергались аресту. Решения в этих случаях, очевидно, принимались спонтанно, а не по каким-то серьезным соображениям. Собственность семей, будь то банковские счета или коллекции произведений искусства, конфисковывались, невзирая на обстоятель-

* Общее число представших перед судами союзных трибуналов, по официальным немецким источникам, к 1963 году составило: в американской зоне оккупации обвинительный приговор получили 1814 человек, из них 450 были приговорены к смертной казни; в британской зоне оккупации за преступления против законов и обычаев ведения войны 1085 человек были осуждены, из них 240 приговорены к смертной казни. Во французской зоне приговорены к различным наказаниям 2017 человек, из них 104 — к смерти. Более половины всех смертных приговоров было приведено в исполнение. Немецкие власти подсчитали, что более 10000 человек были приговорены либо к заключению, либо к смертной казни в Советском Союзе. В немецких судах после войны разбирались дела 12846 человек; из них 5426 были признаны виновными и 4027 были оправданы.

** Позже ходили слухи, что Редер и его жена приняли яд, но были найдены русским офицером, который вызвал медиков. Адвокат Редера, Вальтер Зиммерс, хорошо знавший адмирала, не подтверждает эту историю.

ства — виновна в чем-либо семья или нет; предполагалось, что вся собственность принадлежала мужьям или была приобретена на их средства.

Обвинение и защита

Из 100000 попавших в распоряжение следствия документов после тщательной проверки было отобрано 10000 для использования на процессе. Для подготовки к процессу союзники собрали большой коллектив юристов. Только с американской стороны в Нюрнберге работало более 600 человек и еще примерно столько же — со стороны других союзных держав. Германские адвокаты были отобраны из списка, составленного союзниками, но обвиняемые могли попросить адвокатов, выбранных по их собственному усмотрению. Некоторые из немецких юристов, включая бывшего главу немецкой коллегии адвокатов, были членами нацистской партии, другие — антинацистами, потерявшими из-за нацизма и войны все, что имели.

Немецкие адвокаты работали в очень невыгодных условиях. Теоретически они, как и сторона обвинения, должны были ознакомиться со всеми собранными документами, но доступа к ним не имели и не знали, что в них содержится. Документы находились в руках союзников, и хотя суд повторно отдал указание представителям обвинения передать их в распоряжение защиты, на все попытки немецких адвокатов заполучить документы у них требовали точного ответа, что именно они хотят. Но документы не были классифицированы, и немцы попросту не могли объяснить, какие папки им необходимы. Вдобавок союзники закрыли для них собственные архивные материалы. Немцы не получили доступа к англо-французским планам вторжения в Норвегию, к свидетельствам об усилиях Англии и Франции по присоединению СССР к антигитлеровской коалиции. Обвиняемые не имели возможности готовиться к процессу, пока им не было представлено обвинение; поэтому ни Фриче, ни Редер, которые получи-

ли обвинительные акты 18 октября, ни все прочие подсудимые, получившие обвинение 19 октября, ни их адвокаты до этого срока не знали в деталях, что им будет вменяться в вину.

Таким образом, у адвокатов на подготовку к процессу было около месяца, а свои заявления защитники должны были подготовить к 20 ноября. Обвиняемых должны были судить в основном по англо-американским законам с некоторыми включениями из европейских правовых актов, чтобы придать процедурам больше гибкости. Такая англо-американская правовая практика, как, например, достижение согласия сторон по внесению изменений в судебную процедуру в интересах ее наибольшей эффективности, была для немцев странна. Концепция состязательности обвинения и защиты, в которой судье отводилась роль беспристрастного арбитра, была внове для европейцев, и немецкие адвокаты не имели опыта жесткого противостояния в суде; они не понимали, чего от них хотят, когда предлагают им «взять свидетеля в оборот».

Если не в практике, то в теории права европейских стран председательствующий судья, так же как государственный прокурор и защитники-адвокаты как равноправные члены судебного разбирательства, имели общую цель: в каждом деле путем судебного разбирательства достичь истины. Если обвинение открывает некоторые обстоятельства, дающие преимущества подсудимому, оно обязано огласить их на судебном заседании. Адвокат, делая ударение на обстоятельствах, облегчающих участь подсудимого, равно обязан излагать факты без искажений. Председательствующий судья, как глава судебного заседания, в немецком суде является наиболее активным лицом. Он задает вопросы свидетелям, определяет порядок перекрестного допроса свидетелей обвинением и защитой и совсем не похож на беспристрастного англо-американского судью, главная задача которого — сохранение равновесия между обвинением и защитой.

Трибунал и защита

Президент Нюрнбергского трибунала, судья лорд Лоуренс, вел процесс с невозмутимой учтивостью и терпением, удивительно сохраняя эти качества на протяжении более чем девяти месяцев жарких и длительных дискуссий о вине и невиновности врагов тех государств, которые он и его коллеги представляли в зале суда. Несмотря на все попытки сохранить беспристрастность, и президент, и весь суд следовали правилу двойного стандарта при оценке деятельности немцев и союзников. Когда советский прокурор Андрей Вышинский, ответственный за организацию фальсифицированных процессов в России, приехал в Нюрнберг, в его честь устроили банкет, на который были приглашены все судьи и обвинители. Услышав о смерти Харлана Стоуна, возглавлявшего Верховный суд США, судья лорд Лоуренс от лица трибунала выразил сочувствие и попросил судью Джексона сказать несколько слов по этому поводу.

Судья лорд Лоуренс зачастую бывал резок с представителями защиты. Но он так же терпеливо объяснял, почему защита не может рассчитывать на такое же обращение, как представители обвинения, которые зачастую документами и свидетельствами ставили в тупик очевидцев. Разница в отношении к обвинению и защите объяснялась техническими трудностями, связанными с доставкой массы документов и свидетелей, которые должны были присутствовать в Нюрнберге, в то время как Германия располагала только теми средствами транспорта и коммуникаций, которые могли предоставить оккупационные власти. Фактически же разница состояла в том, что союзники имели возможность предоставить такие доказательства, к опровержению которых защита не могла подготовиться. Более того, обвинение, по соображениям безопасности во враждебной стране, имело полное преимущество в информированности о том, кто были свидетели, затребованные защитой, а также имело возможность отомстить тем свидетелям, чьи показания покажутся подозрительными или направленными против союзников. Любая официальная публикация любого го-

сударственного деятеля Объединенных Наций автоматически воспринималась судом как бесспорное свидетельство; практически не допускалось вопросов, которые могли бы смутить или встревожить самих организаторов судебного процесса.

Главный советский обвинитель, генерал Руденко, мог задавать Гансу Фриче любые вопросы о «немецкой агрессии против Польши», но Фриче не мог затрагивать деталей известного всем обстоятельства: что это нападение не могло быть решенным и успешным делом без подписания пакта о ненападении между Гитлером и Сталиным с его секретными статьями о разделе Польши между Советским Союзом и Германией. Когда появились доказательства существования этого секретного договора, они предстали в виде письменного признания бывшего юридического советника министерства иностранных дел Германии Фридриха Гауса, который ездил в Москву вместе с Риббентропом, чтобы помочь в подготовке документа, о котором русский обвинитель в Нюрнберге сказал, что никогда о нем не слышал.

Любые ссылки на Версальский договор и его влияние на политику и решения, принимаемые Германией, не допускались. Обращение с военнопленными в России и использование принудительного труда немцев советскими властями были закрытой темой, и не разрешалось задавать Паулюсу вопросов по этой теме, хотя он мог бы рассказать о том, что случилось с остатками 6-й армии, ведь лишь около 5000 солдат и офицеров из 123000, окруженных под Сталинградом, вернулись в Германию. Бомбежки немецких городов, например, Дрездена, в котором погибло 150000 жителей — почти все они представляли мирное население, так как город был переполнен беженцами, — не произвели впечатления на суд, хотя немецкие авианалеты на Варшаву, Белград, Роттердам и другие крупные города постоянно были в центре внимания трибунала, а разрушение Роттердама являлось частью обвинительного заключения. Изгнание миллионов немцев — мужчин, женщин, детей — из родных мест в Польше, Венгрии, Чехословакии, Румынии, Болгарии, где они жили веками, не упоминалось, как не упомина-

лись факты жестокого обращения войск союзников с немецкими военнослужащими.

Британское руководство по ведению диверсионной войны, которое предписывало командос вести войну скорее как гангстерам, чем как солдатам, не могло фигурировать на суде, хотя адвокат Йодля Франц Экснер заявил, что именно действия британских командос вызвали ответные меры возмездия со стороны Германии и что правительство Британии официально защищало подобные методы ведения войны как вполне приемлемые. Такие руководства немцы находили у пленных британских командос. Президент трибунала ограничился сообщением о том, что суд примет заявление защиты к сведению. Равный подход был разрешен защите только в одном случае — когда рассматривались действия немецкого военно-морского флота и адвокаты адмиралов Деница и Редера настаивали на том, что они вели подводную войну по тем же правилам, что и союзники, и трибунал признал эти доводы защиты оправдательными и справедливыми. Суду были представлены свидетельства британских и американских морских офицеров, из которых наиболее важным было письменное показание адмирала Честера Нимица, в котором он заявил, что американские подводные лодки с первого дня войны против Японии имели приказ топить любое японское судно в Тихом океане без предупреждения. Британское адмиралтейство также признало, что британским субмаринам было приказано топить любой вражеский корабль, появившийся в проливе Скагеррак.

Документация

Трибунал, переработавший горы документов (только бумагами по СС было забито шесть тяжелых грузовых автомобилей), разыскавший массу свидетелей — на развалинах великого немецкого рейха, в концлагерях, в лагерях для военнопленных в нейтральных и союзных странах, — должен был явить миру, несмотря на противоречия в

показаниях обвиняемых и заблуждения следствия, всю сущность нацистского государства, а также странные, причудливые судьбы тех людей, которые ему служили. Протоколы и записи велись столь детально и в таком количестве, что вряд ли на процессе был хоть один человек, владевший информацией в полном объеме. Судья Джексон, сообщая президенту Трумэну об итогах процесса, сказал, что все материалы насчитывают более пяти миллионов печатных страниц. В ходе двенадцати последующих процессов, проведенных американцами в Нюрнберге, по каждому из них было отпечатано и опубликовано еще примерно по 2000 страниц, и по каждому процессу около 20000 печатных страниц остались неопубликованными.

После того как союзники столкнулись с необходимостью издания документов и протоколов процесса, отбор материалов для этой цели зачастую осуществлялся односторонне — например, ни в одном из сорока двух томов по итогам работы трибунала не упоминается о советской агрессии или других неблагоприятных действиях союзников. Как бы там ни было, эти документы содержат огромный исторический материал, хотя, быть может, не всегда объективный. Так, можно заметить, что показания, полученные защитой, были взяты в основном у заключенных, находившихся в американских и британских лагерях для интернированных; только в двух случаях фигурируют показания свидетелей, содержавшихся в лагерях у русских, и ни разу не упоминаются показания лиц, находившихся в лагерях у французов, — несомненно, по той причине, что условия содержания в этих лагерях не должны были стать известны иностранным наблюдателям. Когда Геринг, по понятным причинам критиковавший поведение союзников на процессе, сказал, что русские точно и аккуратно фиксировали его показания, это можно было истолковать и как выпад против других представителей обвинения, но он не имел последствий.

Вообще, в документах следствия, представленных советской стороной, встречаются поразительные словосочетания: «гитлеровские агрессоры», «фашистские преступники», «миролюбивый Советский Союз».

Защитники

Кроме трудностей с доступом к документам, собранным союзниками в Нюрнберге, защита на процессе крайне плохо обеспечивалась материалами, необходимыми ей для работы, но находившимися за рубежом. «Старз энд страйпс» и другие разрозненные номера газет стран союзников имелись, но невозможно было, например, получить копию книги, посвященной событиям накануне немецкого нападения на Россию, написанную бывшим министром иностранных дел Румынии, а затем послом Румынии в Советском Союзе Григоре Гафенку. Книга Гафенку продавалась в любом книжном магазине соседней Швейцарии, а защита не могла получить ее копию; или, например, доклад по итогам войны начальника Генерального штаба США генерала Джорджа Маршалла, опубликованный во всех газетах союзников. Маршалл писал, что американские исследователи не смогли обнаружить согласованный план японского и немецкого правительств или их генеральных штабов — факт, который объясняли соображениями конспирации накануне войны. Фактически немцы были не меньше поражены Пёрл-Харбором, чем кто-нибудь еще, хотя они и настаивали на нападении японцев на Сингапур, а также на британские и голландские владения в южной части Тихого океана. Ни до начала военных действий, ни после Япония и Германия совместных военных планов не разрабатывали. Немцы могли узнавать об этих изысканиях союзников из случайных разговоров или немецких газет, разрешенных союзниками и выходивших в Германии. Они не имели права выезжать за границу и даже внутри Германии могли перемещаться только с разрешения союзников. Поскольку издания, выходившие за границами Германии, были для немцев недоступны, они продолжали жить в таком же информационном вакууме, как и при Гитлере. Иногда они получали возможность установить дружеские отношения с солдатами или другими гражданами союзных держав в Нюрнберге, и доктор Зиммерс, адвокат адмирала Редера, получил от одного из таких друзей фотокопию секретного договора между Россией и Германией, подтвердившую показания Фридриха Гауса.

Вообще, немецкие адвокаты работали, находясь в почти полной зависимости от союзников, в плохо освещенных помещениях, лишенные доступа к тысячам документов, о содержании которых они могли только догадываться. Союзники обращались с ними как с париями, со смесью снисхождения и терпимости. Рацион их питания, как и у их подзащитных, был гораздо лучше, чем у большинства рядовых немцев, которые голодали и получали с пищей 1200 калорий в день или даже меньше за стенами Дворца правосудия.

Американские охранники в тюрьме толкали адвокатов, когда они проходили через контрольно-пропускные пункты. Иногда охранники задерживали их и препровождали во властные учреждения союзников, обвиняя в неуважительном отношении. Один адвокат накануне перерыва на ланч начал выступление в защиту своего подопечного, но после перерыва заставил суд в нетерпении дожидаться себя целых полчаса. Когда он наконец появился, то извиняющимся тоном сказал, что американские охранники по какой-то необъяснимой причине долго не пропускали его назад в зал суда. А дело было в том, что в комнате, где для адвокатов накрывали стол к ланчу, имелось гораздо меньше чашек и предметов сервировки, чем лиц, приходивших туда перекусить. В самом начале процесса обвиняемые встречались со своими защитниками в единственном кабинете под наблюдением американских военных полицейских. В ходе процесса адвокаты не раз жаловались, что копии документов, предоставленные обвинению, для них недоступны, хотя, по крайней мере в одном случае, эти документы попали к ним в руки, так как были напечатаны в газетах. Защитники подвергались нападкам в немецкой прессе, в конце процесса звучали призывы вывести их на чистую воду и разобраться в подоплеке их деятельности. Это предложение официально было отвергнуто трибуналом, который сделал все от него зависящее, чтобы оградить адвокатов от нападков и напоследок поблагодарить от лица всех юристов за выполнение трудной и неблагодарной, но необходимой работы. Они почти не общались с членами обвинения вне зала суда, но однажды британский обвинитель Максвелл-Файф в записке поздравил адвоката

Альфреда Зейдля после его прочувствованной речи, произнесенной в защиту Рудольфа Гесса.

Тяжесть коллективной вины лежала и на адвокатах. Трибунал говорил с ними другим языком, нежели с обвинителями. Ходить они должны были по одному, быть внимательными, не говорить о вещах, не касающихся дела, например, о Версальском договоре или промахах союзников. Обычно мягкий и вежливый голос президента трибунала вдруг начинал греметь над их головами, когда они пытались выразить несогласие. И все же адвокаты, наблюдатели, да и сами обвиняемые не могли не признать, что процесс, по сравнению с ускоренными судилищами Третьего рейха, велся справедливо, честно и с соблюдением приличий.

В поисках ответов на вопросы

Данный суд над немцами был коллективным процессом, но именно через историю жизни каждого отдельно взятого лица прояснились многие скрытые пружины в механизме государства, созданного национал-социалистами. Двадцать два человека и шесть организаций, представших перед судом, были выбраны потому, что именно они являлись наиболее яркими представителями тех социальных сил и групп, которые привели Гитлера к власти и поддерживали его в период борьбы с вооруженными силами и объединенной мощью почти всего разгневанного мира. И хотя судебное разбирательство на процессе нельзя назвать совершенным, хотя представители Советского Союза обвиняли немцев в преступлениях, которые и сами совершали, процесс все равно должен был состояться. Накаленные страсти миллионов людей должны были получить выход, необходимо было создать описание всего, что имело место — для того, чтобы последующие поколения могли извлечь для себя определенные уроки. Это описание не стало абсолютно полной картиной самого большого позора и гнусности двадцатого века, но оно показало пример небывалой концентрации зла и напомнило нам, что зло должно быть уничтожено.

На процессе поднимались многие вопросы, к которым мы еще обратимся на страницах этой книги. Степень вины отдельных людей, самого немецкого народа, прусского милитаризма, крупных предпринимателей, немецкого национального характера к концу процесса стала ясней, чем была в начале, Сегодня она яснее, чем в дни того процесса. Третий рейх не был первым или последним тоталитарным режимом из появившихся за последние пятьдесят лет. Но этот Процесс оставил после себя небывалое количество документов, и его вклад в историю говорит о том, что он выполнил свое предназначение.

ГЛАВА 2

ЯДРО ЗАГОВОРА

Юлиус Штрейхер

Обвиняемые, находившиеся на скамье подсудимых, представляли собой странную смешанную компанию руководителей гитлеровского периода правления. Всего горсточка их сохранила безоговорочную верность фюреру до самого конца войны. Шахт был отстранен от должности президента рейхсбанка перед вторжением в Польшу и послан в концлагерь до конца войны. После покушения на Гитлера 20 июля 1944 года его защищал в нацистском Народном суде тот же адвокат, который защищал его впоследствии в Нюрнберге. Шпеер, весьма одаренный техник и организатор, был одним из немногих людей, достаточно мужественных для того, чтобы сказать Гитлеру, что война проиграна. Когда он убедился, что Гитлер ведет Германию к катастрофе, он разработал план убийства фюрера в его бункере. Секретарь Франца фон Папена был застрелен в 1934 году во время убийства Рёма. Самого Папена арестовали, но потом он служил нацистскому государству в Австрии и Турции, хотя партия ему никогда не доверяла. Нейрат был освобожден от должности главы администрации Чехословакии перед началом войны с Россией, поскольку его подозревали в нелояльности и полагали, что он слишком мягко обходится с представителями чешского Сопротивления. Всего за несколько месяцев до того, как Гитлер пришел к власти, Нейрат — он занимал тогда пост министра иностранных дел в кабинете Папена — сказал Гинденбургу, что назначение Гитлера на пост рейхсканцлера будет означать катастрофу для внешней политики Германии. Но Нейрат и Папен хотели сохранить свои позиции на переднем крае политической жизни Германии и, как они

себя убеждали, помешать случиться худшему, а поэтому они заключили с Гитлером прочный мир.

Среди людей, которые остались верны фюреру и после его конца, был Юлиус Штрейхер. Его убеждения в подлости и злонамеренности евреев совпали со взглядами Гитлера; они шли гораздо дальше антисемитского законодательства, известного как Нюрнбергское право. На процессе Штрейхер сказал, что он не был призван для создания систематизированного антиеврейского свода законов и отошел от этого дела. Он страдал оголтелым антисемитизмом, получал удовольствие, наблюдая разрушение синагог, избиения людей, глумление над ними; он приветствовал каждый новый виток насилия над евреями — вплоть до принятия «окончательного решения» о геноциде, приведшего к массовым убийствам в газовых камерах. Он всегда выступал за истребление евреев. Штрейхер был «ядром ядра» нацизма, он выражал его глубинную сущность, то, что объединяло всех находившихся на скамье подсудимых в Нюрнберге. Когда-то все они регулярно читали «Дер штюрмер», которым руководил Штрейхер; газета выходила с подзаголовком: «Еженедельный рупор борцов за правду». Теперь, на процессе, они подчеркнуто дистанцировались от него.

Штрейхер был законченным антисемитом. Этот термин, вошедший в речевой оборот в конце XIX века, пришел на смену старому неуклюжему выражению «евреененавистник». Как и любой фанатик, Штрейхер совместил в своем сознании несовместимые, казалось бы, вещи: веру в то, что евреи прокляты как убийцы Бога, столь характерную для средневековья; антикапитализм одновременно с антикоммунизмом; «антиторгашеский дух», которым так кичились нацисты. Эта странная смесь идей, сложившаяся в идеологию нацизма, после Первой мировой войны привлекала в разоренной и поруганной Германии миллионы людей — разочарованных, потрясенных, потерявших нравственные ориентиры и свое привычное место в обществе.

Антисемитизм стал интернациональным явлением. Книги ученых, писателей, таких, как граф Гобино и Эрнст Ренан, уже в XIX веке провозгласили именно расовый, а не экономический, географический или поли-

тический, фактор движущим в истории, а нордическую расу — наиболее творческой и жизнеспособной среди всех обитателей планеты. Их идеи были подхвачены немецкими писателями: Вильгельм Марр ввел в речевой оборот термин «антисемит», а экономист Евгений Дюринг развил теорию о том, что иудаизм был религией низшей расы, а монотеизм возник у евреев из их стремления править другими народами. Расистские теории разных направлений расцвели пышным цветом. Социальные дарвинисты утверждали, что среди биологических видов должен быть сильнейший, что неспособные к борьбе за существование должны подвергаться стерилизации, что более сильные расы имеют право вытеснить слабые. Появились ученые и писатели, которые, как, например, Артур Меллер ван дер Брук, искренне верили, что германцы — это сверхнарод. Именно ван дер Брук в своей книге, опубликованной в 1923 году, впервые использовал новое название будущего немецкого государства — «Третий рейх», которое и заимствовал Гитлер. А Ганс Гюнтер провел в Дрездене исследование и доказал, что в жилах шоферов, непосредственно управляющих автомобилем, течет больше нордической крови, чем жилах кондукторов трамваев. Когда Гитлер пришел к власти, Ганс Гюнтер стал профессором университета в Йене.

В конечном счете именно в Германии сложилась псевдонаучная доктрина, которая гласила, что евреи еще в древности остановились в своем развитии и поэтому являются низшей расой, как и черная и желтая расы. Они были кочевниками, грабившими культурных земледельцев и ремесленников, к каковым можно отнести «настоящих» немцев, а также «настоящих» французов и британцев. Французский писатель Эдуард Дрюнон указывал, что евреи, проживавшие во Франции, были не французами, а лишь гостями, причем их миссия состояла в уничтожении среднего класса. В качестве представителей неких анонимных капиталистов евреи довели Францию до полного упадка. Книга Дрюнона «Евреи во Франции» стала бестселлером в Европе: она шла нарасхват, тиражи превысили миллион экземпляров — и это в конце XIX века! Немецкий востоковед Адольф Вамунд также считал евреев кочевниками; ему вторил англичанин Ха-

устон Стюарт Чемберлен, писавший также о необычайно высоких культурных достижениях «арийцев». Термин «арийцы» был заимствован из лингвистических исследований, которые проводились в XIX веке Максом Мюллером и другими учеными; данный термин они использовали для обозначения индо-германской языковой семьи, и он не имел никакого отношения к расовым вопросам, но только к языковым.

Новая расистская доктрина низводила евреев до уровня «мутантов», «нелюдей», гуманоидов особого подвида, до уровня «паразитов», живущих за счет созидательного труда высших рас», которых нельзя ни спасти, ни исправить. Средневековая ненависть к евреям, разжигаемая Церковью, видоизменилась и приобрела светский характер. Она развивалась по нарастающей: во Франции, России, США, Англии антисемитские издательства выпускали книги, памфлеты, журналы, в Америке даже порнографические. Когда тему стали эксплуатировать популяризаторы, мешавшие антисемитизм с непристойностями, Штрейхер понял, что сможет найти себя в этом деле. В Германии Гартвиг Гундт-Радовски, предшественник Штрейхера, предлагал продать всех евреев в Англию, где мужчин будут кастрировать, а женщины должны будут заняться проституцией. Это очистит страну от паразитов, от заразы, которая должна быть уничтожена. Появление таких писателей было характерно для Германии послевоенного периода*, страдающей различными синдромами. После войны многим немцам, и Штрейхеру в их числе, казалось, что они живут не в родной стране, а на чужбине, настолько непривычной была ситуация после поражения.

В начале XIX века Германия более, чем любая другая европейская страна, жила по строго определенным предписаниям. Каждый знал свое место и предназначение в обществе и соответствующие ему правила поведения. Французский наблюдатель писал, что даже степень пышности или черствости кондитерских изделий должна соответствовать социальному положению или полу потребителя: то, что попроще и почерствее, — для мужчин и женщин

* Имеется в виду период после Первой мировой войны.

из низших классов; более изысканное и вкусное — для бургеров и их домохозяек. В таком обществе потеря ориентиров могла быть объяснена лишь происками дьявола — то есть сил или людей, не принадлежащих к культуре данного общества. Виновниками бед и были избраны евреи. В США Генри Форд в статье «Независимость, рожденная дорогой ценой» обвинил евреев в том, что век лошадей и кабриолетов прошел, связал их с марксизмом и дарвинизмом, с развязыванием войн, а заодно вменил им в вину изобретение коротких юбок и губной помады. Лотроп Стоддарт написал «Растущий наплыв цветных», а его же опус «Мятеж против цивилизации» был переведен на немецкий и вышел под названием «Свержение культуры — угроза исходит от низших рас».

В Германии после Первой мировой войны почти ничего не имело цены. Несмотря на все жертвы и достижения, война была проиграна, собственность, работа и даже вера утрачивались. Путеводные звезды погасли. Принципы либерализма, которые могли бы обеспечить равноправие евреев в Германии, подменились доктриной их уничтожения. Религиозные нормы нравственности остались в средних веках; общественное суждение о морали стало расплывчатым, неясным и весьма относительным, и в этих условиях казалось разумным просто объявить, что польза народа, интересы расы — вот тот критерий, с помощью которого надо определить, где добро и где зло. Политические партии выродились в секты; они раскалывались на части из-за малейших разногласий. Только в одной Баварии в 1920 году насчитывалось 50 партий. В хаосе, который охватил Германию в начале 20-х годов, Штрейхер не казался психопатом, каковым его, возможно, посчитали бы, скажем, в 1912 году. В Германии 30-х годов в его непристойных, глупых каракулях, как в кривом зеркале, отражалось то, во что верили и рядовые члены партии, и ее лидеры. Нюрнберг — город, куда он был назначен гауляйтером и штатдгальтером, — стал духовным центром нацистской партии.

Штрейхер проповедовал основное положение идеологии партии, которое превратилось в символ веры нацизма: евреи являются единственной и главной причиной

бедствия, постигшего Германию. Ярко выраженному антисемитизму Гитлера взгляды Штрейхера оказались ближе, чем мудреные теории Розенберга. Штрейхер был одним из тех немногих, с кем Гитлер держался на «ты». Он был малообразован, а его коэффициент интеллектуального развития в 21 год равнялся 102. После долгой верной службы культу антисемитизма он был привлечен к партийному и к уголовному суду за многочисленные преступления — от клеветы до садизма и изнасилования. В 1933 году его временно отстранили от должности гауляйтера за множество упущений в правлении провинцией Франкония, а в 1940 наконец отправили в отставку. Однако он продолжал писать и выпускать газеты (кроме «Дер штюрмер», ему принадлежала «Франкише цайтунг») и сохранил место в рейхстаге, куда был избран в 1936 году. Партийный суд решил, что он должен быть исключен из партии, но Гитлер не утвердил этот вердикт. И формально, и по убеждениям до самой виселицы Штрейхер оставался нацистом.

Юлиус Штрейхер родился 12 февраля 1885 года. Он был одним из девяти детей в семье школьного учителя из Швабии.

В годы Первой мировой войны он воевал в пехоте и дослужился до чина лейтенанта баварской армии, был награжден Железными крестами первой и второй степеней. После войны вернулся к гражданской жизни и стал преподавать в начальной школе.

В те времена Гитлер произносил речи в пивных.*

* На заре партийной истории, как затем и при власти нацистов, евреи ассоциировались с правыми — капиталистами и левыми — марксистами, а также с противниками христианства, нагруженными кабалой и другими тайными книгами и ритуалами. Любимой темой рассуждений на ранних партийных собраниях было «соблюдение интересов нации», считавшееся панацеей от всех бедствий. Антисемитизм быстро распространялся в обществе. В 1919—1920 годах Гитлер как ветеран войны был привлечен в качестве инструктора к работе «курсов по просвещению», действовавших в Лехвельдских казармах. На курсах развернулась агитация против растущей популярности левых идей. В основном курсы посещали вернувшиеся из плена военнослужащие, которых вот-вот должны были демобилизовать. Ни Гитлер, ни Рем никогда не были офицерами-инструкторами рейхсвера, хотя оба любили от этого говорить. В армии Гитлер был ефрейтором — чин, сопоставимый со званием капрала, — но он читал лекции солдатам и офицерам по тем же программам, по которым читали профессора в высших учебных заведениях. Он пускался в рассуж-

Штрейхер стал одним из первых членов партии и внес ощутимый вклад в развитие ее антисемитской доктрины. Он запятнал свою политическую карьеру, какое-то время принадлежа к одной из многочисленных ветвей социалистической партии, но затем примкнул к тем, кто клеймил «еврейских эксплуататоров» немецкого рабочего класса. В 1920 году он основал собственную партию, целиком построенную на антисемитизме, а в 1921 году принес ее в дар Гитлеру — он коллективно вошел в национал-социалистическую партию. В 1925 году он был назначен гауляйтером. Семь лет спустя, когда нацисты пришли к власти, несмотря на все происки врагов в Берлине и Мюнхене, его власть во Франконии стала безграничной.

Штрейхер был женат дважды: в первый раз в 1913 году он женился на Кунигунде Рот, дочери пивовара из

дения по любым вопросам: Брест-Литовский мирный договор, условия мира и восстановление страны, социально-экономическое развитие, политика. Но о чем бы он не говорил, всегда четко акцентировал: евреи ответственны за все беды Германии.

Еще когда Гитлер находился на воинской службе (его уволили в запас 31 марта 1920 года), он произнес свою первую речь в пивном зале. По сути, он выполнял тогда политическое задание армейского начальства, выступив с пропагандой националистических взглядов перед членами германской рабочей партии, собравшимися в пивной. Во многом под воздействием подобных выступлений эта партия вскоре переименовала себя в национал-социалистскую рабочую партию. По итогам каждого выступления сдавались отчеты армейскому командованию. Баварское правительство в связи с неспокойной ситуацией, сложившейся в Мюнхене, пересело в Бамберг, возложив на военных ответственность по поддержанию стабильности в столице Баварии; с этой целью на всех выступлениях Гитлера, где всегда присутствовал и Штрейхер, находились наблюдатели из военного руководства. Интересно отметить, что они фактически одобряли выступления и Гитлера, и Федерера — еще одного специалиста по соблюдению интересов науки. Один из покровителей Гитлера того периода, капитан Майр, любивший послушать выступления в пивных, стал впоследствии членом социал-демократической партии и сгинул в Бухенвальде. В отчетах о собраниях в пивных наблюдатели с одобрением отмечали, что выступающие неукоснительно проводят красной нитью мысль о национальных интересах.

Отмечались и досадные случаи проникновения инакомыслящих на такие собрания. В одном отчете говорилось о человеке, «который назвал герра Гитлера обезьяной», после чего его «вежливо» попросили уйти, и еще об одном человеке, крикнувшем «чепуха», которого полиции пришлось взять под свою защиту. Из отчетов наблюдателей можно сделать вывод: солдаты и младшие офицеры, посещавшие эти собрания, так же, как и армейское руководство, большей частью разделяли идею, пропитавшую атмосферу пивных залов: евреи — агенты чужих партий, готовящие революцию в Германии.

Бамберга, которая родила ему двух сыновей и умерла в 1943 году, во второй раз, в начале 1945 года, — на своей секретарше Адели Тапп, и, как он сказал на процессе, теперь, в Нюрнберге, они могли умереть вместе как последние защитники взятого врагами города.

Уже в 20-х годах дети в классах начальной школы, где работал Штрейхер, должны были, по его указанию, приветствовать учителя возгласом «Хайль Гитлер!». К этому же он стремился приучить и своих коллег. Если они не соглашались, он обвинял учителей в антигерманском республиканском влиянии на умы учеников. Он брал больничные листы, будучи здоров, чтобы съездить в Мюнхен и принять участие в очередном шествии «коричневорубашечников». Это и было вменено ему в вину в 1928 году, когда школьная инспекция на восьмидесяти семи страницах своего доклада обосновала несоответствие его поведения званию учителя, за что его и уволили с работы. После прихода нацистов к власти он с гордостью вспоминал этот биографический эпизод и втиснул его в справочник «Кто есть кто в Германии».

За стенами школы началось настоящее образование Штрейхера. Когда он впервые услышал выступление Гитлера, то сразу понял, что нашел лидера, которому готов отдать все свои силы и жизнь. Человек, сидевший рядом со Штрейхером в пивном зале, сказал, что видит вокруг головы Гитлера сияние, и с этим Штрейхер всегда соглашался. Но мозг его работал как-то неустойчиво, и даже после 1933 года он умудрялся сохранять враждебные отношения с влиятельными людьми из руководства партии, которые не одобряли грешки, водившиеся за гауляйтером, хотя и был он беззаветно предан фюреру и его идеям. Штрейхер был настолько лжив, настолько жаден, так любил деньги, что лидеры партии, любившие демонстрировать принципиальность, предприняли расследование его преступной деятельности. Он же, наслаждаясь изысканным комфортом, который обеспечивала ему должность гауляйтера, грелся в лучах милости фюрера. Он не просто ездил, когда другие ходили пешком, — он жег дорогостоящий бензин, разъезжая по магазинам в поисках наилучшего корма для своей собаки. Он был настолько неосторожен, что не удержался от столкновений с

другими лидерами — например, с Герингом, — которые могли серьезно повредить ему и прервать его сибаритство. Когда у Геринга родилась дочь Эдда, Штрейхер оказался настолько глуп, что заявил: Геринг, дескать, не настоящий отец девочки, так как она была зачата в результате искусственного оплодотворения. Геринг пришел в ярость, и хотя впоследствии Штрейхер принес извинения, отношения их испортились навсегда. Именно Геринг назначил комиссию по расследованию скандальной личной жизни Штрейхера, его денежных махинаций и довел работу комиссии до исключения обидчика из партии в 1940 году.

Горы писем, поступающих от восторженных читателей в «Дер штюрмер», позволяют составить суждение о человеке, на протяжении почти двадцати лет манипулировавшем сознанием обывателей. Архивы «Дер штюрмер» были полны писем, в которых говорилось о «злых вылазках врагов». Одно письмо пришло из лечебницы для душевнобольных; автор писал, что оказался в ней в результате еврейского заговора. Другой «узник» психбольницы поведал, что директор-еврей пичкает его опиумом, что вокруг шумят и не дают ему уснуть, а некоторые наряжаются привидениями и хотят свести его с ума. Зубной врач жаловался на своего коллегу-еврея, якобы укравшего у него золотые тарелки.

Один из подписчиков жаловался, что ему не доставили рубашку, которую он купил в магазине, принадлежащем еврею. Другой сообщил, что его хозяин флиртует с еврейской девушкой и на работников заведения его поведение оказывает аморальное воздействие. Многие читателей всерьез беспокоил вопрос, был ли Христос евреем. Читатели просили Штрейхера помочь им разобраться в этом вопросе, поскольку объяснения священников и верующих их не удовлетворяли. Однако лишь провинциалы еще испытывали сомнения по этому вопросу. Гитлер и Гиммлер, например, считали Христа арийцем.

Молодые люди присылали протесты по поводу того, что знакомые девушки танцуют с евреями, или жаловались, что евреи осмелились прийти на вечеринку, устроенную в расположении какой-либо воинской части немецкого вермахта. Не было такой мелочи, такой чепухи,

которую подписчики «Дер штюрмер» и его редактор не могли вменить в вину евреям. Все беды мира были вызваны евреями. Когда в Лейкхерсте (Нью-Джерси, США) взорвался немецкий корабль «Гинденбург», Штрейхер заявил, что это часть «еврейского заговора». Он сам и его читатели были также озабочены сохранением немецких традиций, поднимали шум даже по поводу женских причесок. Когда в 20-х годах стали популярны короткие стрижки, «Дер штюрмер» заявила, что они являются частью заговора по уничтожению здорового немецкого духа, опасны для настоящих немцев и придуманы еврейскими большевиками для развала немецкого общества. Один из подписчиков писал: «Это не просто вредная мода. Это еврейская агрессия, восточное влияние, попытка евреев одержать верх над христианами. Эти стрижки — большевизм». Другой читатель, озабоченный слухами о том, что в доме у Штрейхера есть служанка, носящая эту одиозную прическу, написал, что он знает — это клевета, исходящая от евреев, но просил Штрейхера публично опровергнуть эти слухи и тем самым дать отпор клеветникам.

Подписчики состязались в изложении душераздирающих историй о ритуальных убийствах, о соблазнении детей и заманивании их леденцами на погибель, о доверчивых девушках, спасенных бдительными читателями от той участи, которая хуже смерти. Один мужчина описал, как молодой член партии, путешествуя в поезде, увидел немецкую девушку, которой сидевший напротив еврей предложил банан, и если бы не решительное вмешательство молодого нациста, она, несомненно, стала бы жертвой «грязных домогательств негодяя» (несомненно, «героический» поступок совершил сам автор письма).

Когда Штрейхер был гауляйтером, он не расставался с хлыстом для верховой езды. Как неоднократно свидетельствовали на разных процессах очевидцы, хлыст помогал ему обретать жизненные силы. Однажды во время посещения нюрнбергской тюрьмы он зашел в камеру, где за незначительные правонарушения содержался молодой человек, и в присутствии двух свидетелей избил несчастного хлыстом. Как говорил сам Штрейхер, после подобных экзекуций он чувствовал себя заново родившимся,

таким образом он сбрасывает напряжение. В другой раз он был обвинен в изнасиловании, снова и снова на него подавали в суд за клевету. Партийные бонзы находили его лживость и склонность к воровству чрезмерными; они были столь же велики, как и его антисемитизм. То, что он украл, должно было обогатить его лично; это было не то что коллекции искусства, которые Геринг собирал в полуофициальном «Каринхалле» — они, по крайней мере, какое-то время спустя могли отойти рейху. Следствие по преступной деятельности Штрейхера показало, что большую часть денег он зарабатывал на операциях с собственностью евреев, проживавших в его гауляйтерстве. Заводы, дома, автомобили, которые подлежали «ариизации», должны были продаваться по ценам, установленным государством. Евреи — бывшие владельцы собственности — должны были получать от государства возмещение, но оно почти никогда не было справедливым. Покупатели-«арийцы» скупали имущество, и если покупная цена превосходила назначенную государством, то доход от продажи поступал в казну рейха. Но Штрейхер и его друзья имели большой опыт в надувательстве партии, кроме того, они были твердо убеждены в своих правах немного заработать в ходе реализации закона об ариизации еврейской собственности. В Нюрнберге расцвела коррупция, комиссия Геринга после расследования обязала Штрейхера внести в казну рейха 63938 рейхсмарок и 92 пфеннига. В среднем друзья Штрейхера платили ему по 10 % от официальной цены собственности, которую хотели приобрести, и в некоторые дни он «зарабатывал» по несколько тысяч марок. Один покупатель заплатил Штрейхеру 100 рейхсмарок за право купить автомобиль, оцененный в 1850 марок, а потом преподнес еще 100 рейхсмарок как «дар СА». Поскольку у него уже имелась машина, он подарил купленную брату, который держал гараж. Один чиновник по фамилии Шеллер заплатил 5000 рейхсмарок в благодарность за приобретение участка земли по цене 50000 рейхсмарок. В другом случае Штрейхер получил 4200 рейхсмарок за собственность, проданную по цене 48000. Один чиновник получил на Рождество подарок ценой 8000, и это не единственный случай изъявления благодарности за право предоставле-

ния преимущества при приобретении собственности. С другой стороны, от чиновников, получавших взятки, ждали добровольных пожертвований в казну партийных организаций, и они их делали: один чиновник последовательно внес партии дары в 15000, 11000 и 12000 рейхсмарок, за что сразу же получил разрешение на распоряжение новыми партиями автомобилей. С помощью таких людей собственность перераспределялась среди друзей, и операции производились и финансировались без всяких затруднений. Штрейхер купил завод «Марс Верке» за 5 % его стоимости, заплатив 5600 вместо 112500 рейхсмарок. Он неплохо зарабатывал, что видно хотя бы из того факта, что продал свою виллу на озере Констанца венгерскому консулу в Мюнхене за 240000 рейхсмарок, причем консул не озаботился даже осмотреть виллу перед покупкой. Штрейхер в Нюрнберге заявлял, что как гауляйтер он никогда не получал платы за свои труды. Как мы видим, он в ней и не нуждался — плата оказалась бы слишком скромной по сравнению с такими доходами.

За все эти махинации и за личные пороки Штрейхер время от времени получал выговоры и наконец в 1940 году был смещен Гитлером со своего партийного поста гауляйтера. Но видные нацисты продолжали посещать его, а он продолжал заниматься издательской деятельностью и писать. Он навсегда остался воинствующим антисемитом, первым антисемитом Германии, одним из старейших ветеранов нацистского движения. Фюрер не хотел верить, что человек с такими заслугами может слишком провиниться перед первым в мире арийским государством.

Штрейхер санкционировал разрушение главной синагоги Нюрнберга. На суде он объяснил, будто люди жаловались, что она невыгодно контрастирует с остальной архитектурой старого города, поэтому и приказал ее разрушить. Однако он кривил душой. Многочисленные очевидцы сообщали, что позже, в печально известную «хрустальную ночь», когда пожарная команда Нюрнберга получила приказ сжечь оставшиеся синагоги, население города в целом не одобрило бессмысленный вандализм. На суде Штрейхер заявил, что сам разделял это неодобрение, однако, когда синагоги сгорели, он писал в передовых статьях, что евреи получили то, чего заслуживают.

Штрейхер много писал о ритуальных убийствах, совершаемых евреями, а однажды посвятил этой теме целый номер «Дер штюрмер». На массовом митинге Всемирной антиеврейской лиги он сказал, что евреи готовят величайшее ритуальное убийство всех времен — новую войну. Он утверждал, что евреи несут ответственность за депрессию, безработицу и инфляцию в Германии, что евреи — это работоторговцы белыми, что 90% проституток Германии принуждены к своей профессии евреями; что евреи захватили бизнес и лучшие земли Германии, а немцы потворствуют им в этом; что евреи, хлынувшие в Германию с Востока, за короткое время становятся миллионерами. Он процитировал некий еврейский источник, в котором якобы считалось законным и нравственным насилловать нееврейских девочек, достигших трехлетнего возраста. Он заявил, что евреи считают мать Христа падшей женщиной и что настоящее имя мессии было Бен Студа (сын шлюхи). Они также считают, говорил он, что деньги христиан не имеют настоящего хозяина и что у евреев есть полное право присваивать их. По Штрейхеру, евреи считали всех женщин-неевреек проститутками, а брак между евреями и христианами — чистым развратом. Он говорил также, что евреи рассматривают как великий грех подарить что-либо христианину; еврей может помочь бедному или навестить больного, но делает это только для того, чтобы скрыть свои дурные намерения и действия; евреи — извечные расовые враги, марксисты, большевики, капиталистические угнетатели.

Учение Штрейхера повторялось — правда, не в таких грубых формах — многими вышестоящими лицами. Многие уважаемые люди, допрошенные или дававшие свидетельские показания в Нюрнберге, генералы и дипломаты заявляли, что оголтелый анисемитизм партийных фанатиков был им отвратителен, но в то же время евреи с Востока, которых они отличали от немецких евреев, хлынули после Первой мировой войны в Германию из Польши и, пользуясь ослаблением немцев и экономической депрессией, развернули здесь крупное предпринимательство, ущемляя интересы не только немцев, но и своих собратьев, местных евреев, и, таким образом, евреи — не только жертвы антисемитизма, они сами способствовали

его разгулу. Писаки из «Дер штюрмер» и другие антисемиты публиковали истории, которые проницательные читатели находили остроумными и забавными. Успехом пользовалась байка о польском графе, который ловил крестьян-евреев, принадлежащих соседнему помещику, заставлял их влезать на деревья и кричать оттуда «ку-ку», а потом расстреливал и говорил, что убил не еврея, а кукушку. Чтобы успокоить своего соседа, он подарил ему десяток своих евреев. Любой нормальный нацист считал своим долгом посмеяться над этой историей, затем сокрушенно покивать головой и с горечью признать, что еще слишком много евреев осталось в Германии.

Разгул антисемитизма в Германии отчасти подогревался антиеврейским законодательством, принятым в Польше. В 1938 году польское правительство объявило, что каждый, имеющий польский паспорт, но проживающий вне территории Польши больше пяти лет, теряет ее гражданство. Рейх немедленно приступил к изгнанию польских евреев, а когда поляки отказались принимать их, те превратились в изгоев без определенного статуса, скитающихся взад-вперед по ничьей земле между границами. Молодой человек из одной такой семьи изгнанников застрелил фон Рата в германском посольстве в Париже, что дало Геббельсу повод для организации погромов «хрустальной ночи».

Ни одна идея Штрейхера не была чужда Гитлеру. Фюрер писал в «Майн кампф»: «Черноволосый еврей часами скрывается в засаде, на его лице застыла сатанинская злоба; он поджидает невинную девушку, которая в счастливом неведении не подозревает, что он хочет растлить ее и загрязнить ее кровь». Для иностранных потребителей информации такие перлы старались смягчить. Например, выступая перед иностранными дипломатами в Берлине в 1934 году, Фрик объяснял, как справедливо и вежливо евреев лишают работы и средств к существованию. Если иностранцы проявляли щепетильность, он добавлял, что и в США есть иммиграционные законы, предназначенные для защиты расовой целостности страны.

До прихода Гитлера к власти евреи предпринимали против диких выходов Штрейхера законные и незаконные меры, стараясь разбудить общественное мнение. Они

иногда привлекали Штрейхера к суду и даже получали возмещение морального ущерба — суммы в пределах 200—300 рейхсмарок. Иногда Штрейхера приговаривали к заключению, где он проводил несколько дней, прежде чем вернуться к своим газетам и к своим яростным атакам на евреев. В начале 20-х годов отдельные евреи даже пытались проникать в пивные залы, где порой ораторы собирали до 5000 человек. Один раввин встал после выступления некоего Руэца, известного травлей евреев, и, несмотря на свист, мяукание и возгласы неодобрения, попытался ответить на его утверждение о том, что Талмуд предписывает евреям идти в атаку в задних рядах, чтобы быть первыми в отступлении. Раввина препроводили до дверей; пятерых его спутников били и гоняли, пока не выгнали из зала. Руэц провозгласил, что нельзя позволять евреям распространять учение Талмуда; раввин выкрикнул, что множество изданий этой книги можно найти в городской библиотеке; ответом ему были крики ярости и новые удары.

И в 20-х годах, и на исходе 30-х, когда нацисты уже прочно стояли у власти, предпринималась попытка противопоставить антисемитской пропаганде организацию евреев — ветеранов Первой мировой войны, сражавшихся на передовой за Германию, которую они тогда считали своей родиной. Одна такая группа включала сионистов, поставивших целью эмиграцию, другие, как, например, «Обновленное движение евреев Германии», хотели принять участие в возрождении страны, пусть даже под знаменем национал-социализма. Полиция получила предписание не допускать обращения представителей подобных групп к еврейской аудитории; только ораторам-сионистам разрешалось обращаться к публике.

В это время Гиммлер, Геринг, Борман и другие думали о принятии такого решения, которое позволило бы Германии избавиться от евреев путем эмиграции — либо добровольной, либо принудительной. В 1938 году остров Мадагаскар предлагался как объект возможной еврейской колонизации.

Евреи, ветераны войны, писали письма возмущения и протеста и друг другу, и нацистскому руководству, говоря о том, что тоже хотят принять участие в обновлении

Германии. Следуя нацистскому культу физической силы, они звали своих сыновей и дочерей к участию в физкультурных упражнениях на улицах городов. Иногда они оказывались даже полезны для правительства — например, в дни Олимпийских игр 1936 года, когда министерство пропаганды использовало возможность показать миру немецкую терпимость, а также отличное здоровье и физическое развитие своего народа.

Члены «Маккаби» и «Союза евреев-фронтовиков» были на несколько недель допущены к пользованию легкоатлетическими стадионами Германии — но только в определенные дни и часы, чтобы не осквернить своим присутствием арийцев, выступающих там. В качестве контрмеры евреи выпустили в Нюрнберге газету, которую назвали «Антиштюрмер», а позже еще одну — «Свет».

Штрейхер продолжал втолковывать немцам, что евреи отравляют им жизнь, что «Салверсан», как объяснялось в медицинской колонке «Штюрмера», — это яд и еще никого не вылечил от сифилиса.

Доктор Эрвин Зильбер был одним из бесчисленных врачей-новаторов, расплодившихся в Германии, врачей, находившихся в оппозиции традиционной медицине и приверженных терапии травами и диетами. Зильбер говорил, что лекарства не только еще никого не вылечили, но и вызывают умственное расстройство. Он написал памфлет на эту тему, и статья о нем в «Дер штюрмер» объявила его фюрером в медицине и призвала всех «следовать его руководствам».

Штрейхер публиковал захватывающие истории для детей, обращался к ним с речами, писал для них пьесы. Дети отвечали ему. Один из них в письме признался, что его тетя торгует в магазине у еврея, другой предложил составить список всех покупателей, пользующихся услугами подобных магазинов. Штрейхер устраивал кукольные представления. На собрании в канун Рождества он сказал присутствовавшим детям, что отцом дьявола был еврей. Потом он спросил ребят: «Кто отец дьявола?» Дети хором кричали в ответ: «Еврей! Еврей!» Питая самые нежные чувства к немецким детям, он не испытывал ни намека на сострадание к малышам презираемой им расы. Когда их шаг за шагом вытесняли из общественной жизни

Германии — из театров, кинотеатров, из школ, — он писал: «Да, сейчас они рыдают, но их слезы бесполезны». По его эскизам были сделаны оттиски для детских иллюстрированных книжек: светловолосые немецкие дети насмеются над еврейскими детьми, изгоняемыми из школы. Подпись автора гласила: «Слезы, вопли, ярость и гнев не помогут. Избавиться от еврейского выводка!»

Некоторые статьи Штрейхера временами приходились не по нраву фюреру. Так, в январе 1938 года лондонская «Ньюс кроникл» сообщала, что Гитлер на время запретил выпуск «Дер штюрмер» из-за статьи, требующей смертной казни для еврея, вступившего в связь с женщиной-арийкой. Закон, предусматривающий такое наказание, действительно был принят вскоре после начала войны.

Штрейхер всегда ясно представлял себе, что именно Гитлер подразумевает и как на это надо реагировать. В речи в апреле 1925 года он сказал, что настало время уничтожить евреев. В начале войны, в сентябре 1939 года, в письме в «Дер штюрмер» он заявил, что евреи должны быть уничтожены на корню. «Еврейский вопрос, — писал Штрейхер в том же месяце, — не может быть решен на пути эмоциональных реакций, но только через дисциплину и взгляд в будущее». Гитлер также указывал на разницу между антисемитизмом эмоциональным и антисемитизмом рассудочным. В письме, написанном еще в начале сентября 1919 года, он говорил, что рассудочный антисемитизм должен привести к плановому легальному избавлению от евреев, и в том же письме заявлял, что евреи являются причиной «расового туберкулеза». Ни Гитлер, ни Штрейхер никогда не меняли своей точки зрения, и никогда их мнения не расходились по столь фундаментальному вопросу их идеологии.

Наибольший тираж «Дер штюрмер» составлял от 600000 до 800000 экземпляров. В годы войны он колебался в пределах 150000—200000 экземпляров. Но ее скрытая аудитория и ее влияние были огромны. Она удовлетворяла наклонностям и запросам не только подписчиков, круг читателей был гораздо шире — многим нравилось вместе со Штрейхером посмаковать детали убийств, насладиться кровопролитием и смертями.

В мае 1939 года, за три месяца до подписания пакта

с Советским Союзом, «Дер штюрмер» вышла со статьей, в которой говорилось: «В России должна быть принята карательная экспедиция против евреев, в результате которой их постигнет судьба всех убийц и преступников — смертный приговор и расправа. Евреи в России должны быть уничтожены. Они должны быть уничтожены окончательно. Тогда мир увидит, что конец евреев — это конец большевизма».

31 октября 1939 года Штрейхер обратился к народу Германии: «Наша миссия в нашей стране состоит в том, чтобы без колебаний приближать эти будущие свершения, выполнять наши обязанности и оставаться сильными. Мы знаем врага, мы называем его по имени в течение последних двадцати лет: это мировое еврейство. И мы знаем, что евреи должны умереть». В начале января 1940 года «Дер штюрмер» в передовой статье редактора объявила: «Близится время, когда придет в движение машина, готовая вырыть могилу мировым преступникам — евреям, и им не найти от нее спасения». 4 июля газета заявила: «Погромы во все времена были проявлением воли народа». Немного позже: «Еврейство — преступное сообщество. Еврейский сброд должен быть изничтожен как сорная трава, как грызуны, как паразиты».

Штрейхер находил поддержку друзей не только в Германии, но и в англо-саксонских и других странах. В мае 1935 года он написал письмо британскому фашисту Освальду Мосли, поздравляя его с успешным выступлением.

В ответ Мосли поблагодарил и написал, что до тех пор, пока евреи правят народами, мир не станет свободным. Он писал: «Повсюду евреи находятся у власти». И годы спустя взгляды Штрейхера разделяли многие. На исходе 1946 года Йодль, уже приговоренный к смертной казни, писал в своем дневнике в камере в Нюрнберге, что программа нацистов не вся была «зло», что Гитлер хотел поднять Германию с колен, на которые ее поставили условия Версальского диктата, освободить немцев от марксизма и навязанной им концепции классовой борьбы, от культурного и экономического господства евреев в жизни Германии. В той или иной степени апология такого рода присутствовала в выступлениях всех обвиня-

емых в Нюрнберге, как и в глубине души определенного числа образованных немцев, будь они военнослужащими, политиками или рабочими.

Штрейхеру на процессе предъявлялось обвинение по двум видам преступной деятельности: участие в заговоре с целью ведения агрессивной войны и совершение преступлений против человечества. Постриженный наголо, с вытянутым черепом, он производил на очевидцев жалкое впечатление, но страстно протестовал против обвинений врагов, окружавших его со всех сторон. Он производил впечатление одновременно и безумца, и преступника. Он рассказал суду, что после ареста его избили американские солдаты-негры. Это показание было вычеркнуто из стенограммы по указанию судьи Джексона, иначе суду пришлось бы начать расследование по данному инциденту. В целом жалобы Штрейхера можно было игнорировать как надуманные, но они могли оказаться и правдой. На судебном заседании Штрейхер вступил в перепалку со своим адвокатом по фамилии Маркс: ему не нравилась манера Маркса задавать вопросы. Когда разбиралось обвинение в участии в заговоре с целью ведения агрессивной войны, выяснилось, что доводов у защиты Штрейхера для оправдания его по этому обвинению довольно много, однако Маркс продолжал как можно деликатнее задавать вопросы подзащитному, чем в конце концов вызвал у того истерику. Президент трибунала сделал Штрейхеру резкое замечание и предупредил, что он будет препровожден в камеру, если не сможет контролировать свое поведение. Судья Джексон хотел обвинить Штрейхера в неуважении к суду, однако президент спокойно попросил Маркса заканчивать допрос подзащитного. Внезапно Штрейхер разразился обличительной речью. Он закричал, обращаясь ко всем: «Вы хотите доказать, что мы толкали Гитлера к войне. Получается, что всякий, кто знал о подготовке Гитлера к войне, — массовый убийца!».

Далее он сказал, что в нацистской Германии, как и в демократических странах, была свобода печати. Когда его спросили, почему он избивал человека (он делал это регулярно во время приступов садизма), он ответил, что его жертва вела себя столь трусливо, что было просто

необходимо наказать ее. Штрейхер был способен на грубые политические подлоги, если они устраивали нацистов: так, он заявлял, что человек, даже совершивший серьезное преступление, например, нападение, свободен от ответственности, если он ариец. Суду он рассказал, что в 30-х годах по доброй воле устроил в Нюрнберге в «Германском зале» ежегодное рождественское гуляние для узников концлагеря Дахау, выпущенных из неволи на один день.

И все же «раскопать» что-нибудь в его защиту оказалось действительно трудно. Остальные отъявленные антисемиты, находящиеся с ним на скамье подсудимых, вроде бы успокоились и отвернулись от него. Он был наиболее заметным проповедником того «крестового похода», в котором все они приняли участие, но теперь, в зале суда, его слова, вырванные из контекста проповеди, звучали как пронзительный крик зомби — тревожащие, напыщенные, исполненные ненависти, — и они не хотели иметь с ним ничего общего. Так вели себя не только подсудимые в Нюрнберге, но и остальные жители Германии, и они даже могли свое поведение оправдать. Миллионы благонадежных граждан, обладающих хорошей репутацией, считали, что все, случившееся со Штрейхером — и прискорбно, и плачевно, но они не имеют к этому отношения и не принимали в этом участия. Они говорили друг другу и суду в Нюрнберге, что слишком уж много развелось евреев — адвокатов, врачей, профессоров, слишком сильным было еврейское влияние на культурную жизнь Германии — ее театр, музыку, литературу, газеты. А потом еще пришли евреи с Востока и стали зарабатывать огромные деньги на инфляции в Германии. И невозможно было понять, с помощью какой черной магии эти восточные евреи, едва говоря по-немецки, сами будучи нищими, умудрились выиграть в конкурентной борьбе со своими немецкими единоверцами. Слишком много было богатых евреев, слишком много евреев-баңкиров, слишком мало евреев-крестьян. (С точки зрения нацистов, город был коррумпирован, морально неустойчив. Горожане не имели возможности дышать свежим «народным» воздухом, который поддерживал крестьян).

Немцы хотели избавиться от евреев, отправив их на

Мадагаскар или в какое-нибудь другое удаленное место (здесь аргументация заходит в тупик, так как всякому было ясно, что, переехав на новое место жительства, евреи создадут центр, из которого смогут действовать против Германии, и поэтому нельзя допустить их эмиграции ни в Палестину, ни на Мадагаскар, ни куда-либо еще). На земле не оставалось места для евреев. Гетто были центрами преступности; мысль же о том, чтобы допустить проживание евреев вне гетто, видеть их в трамваях, ресторанах, других общественных местах, была отталкивающей для немцев, для их «здорового расового чувства».

В этом отношении показателен случай с двумя ээсовцами, которые в ходе Польской кампании перебили 50 невооруженных евреев. В их защиту было сказано, что один из ээсовцев отличался особой щепетильностью в еврейском вопросе и, к несчастью, охраняя евреев, которые были членами рабочей бригады, имел при себе автомат. Случайное стечение обстоятельств — еврей-рабочие, щепетильный ээсовец и выданный ему автомат — вылилось в бойню. Убийц судил армейский трибунал, состоявший из немецких офицеров. Военный следователь потребовал смертной казни, но убийц приговорили к девяти и трем годам заключения. Оба, однако, просидели несколько месяцев и вышли по амнистии. Армейский трибунал судил их по старинке, за всех убитых вместе. По приказу Гитлера солдат вообще не считали преступниками, если они нападали на евреев или убивали их. Армейское руководство смягчило это прямое приглашение к бесчинствам и убийствам, заявив, что приказ фюрера действителен в том случае, когда солдат действует не по своей собственной инициативе.

Рейх пришел к насильственному решению еврейской проблемы постепенно. Мифические преступления — такие, как ритуальные убийства, о которых трубила «Дер штюрмер», сказки о соращениях, изнасилованиях, воровстве, о кровавых жертвах, начиная с ритуального убийства животных и заканчивая якобы обнаруженными телами детей, из которых выкачивалась вся кровь до капли, — все это были элементы параноидального фольклора, приведшие к реанимации средневекового постулата о том,

что отцом дьявола был еврей. Но легенды о богатстве евреев, добытом ценой нечестности и эксплуатации немцев, о союзе еврейских капиталистов с международной кликой правых или с еврейскими коммунистами переросли страшные сказки для обывателей и стали одним из политических мифов XX века, хотя начинались они именно в обывательской провинциальной среде в конце XIX века из антикатолических, антинегритянских, антиазиатских настроений в США и Европе. Расовая доктрина, разглагольствования о том, что в общечеловеческой семье могут быть желательные и нежелательные члены, широко распространились не только среди полубразованных людей, но и в семьях научных кругов общества. Нобелевский лауреат, физик, профессор Филипп Ленард в один прекрасный день заговорил «от лица и по поручению физиков Германии». Заведующий кафедрой антропологии Берлинского института кайзера Вильгельма появился на митинге вместе с эсэсовцами, чтобы обсудить, что же можно сделать для избавления от низших рас, напирающих с Востока.

Откровенный расизм без всякого налета респектабельности завоевал сердца миллионов немцев. Дух расизма пронизал, пропитал Германию, так же как и Францию, Восточную Европу, часть американского Юга и Севера. Но в Германии он пришел к власти на плечах относительного меньшинства населения и обрел теоретическое обоснование и организационную структуру. Штрейхер лично разрабатывал расовую доктрину в ее крайне догматических и фацатичных формах; он концентрировался на «недочеловеческих» качествах одной из рас, хотя «Дер штюрмер» никогда не упускала возможности напомнить и о неполноценности негров. Однако когда полки «полноценных» французов покинули Рейнскую область, негры перестали интересовать Штрейхера. Немцы, которые позднее выступали против насильственных мер, — и многие из них погибли (архивы СД полны свидетельств проявления общественного негодования) — почти ничего не могли поделать. Население Германии негативно реагировало на организацию бойкота еврейских магазинов Штрейхером в 1933 году, на поджог синагог, уничтожение другой еврейской собственности — это отмечал и сам

Штрейхер, и СД, и иностранные наблюдатели. Но общественное мнение не сыграло сколько-нибудь действенной роли; его просто не заметили, а потом им манипулировали.

Население Германии до самого конца войны не знало о существовании лагерей смерти. Это был строго охраняемый секрет, хотя радио союзников и листовки, распространяемые борцами Сопротивления, которые постоянно рисковали жизнью, старались донести до немцев правду. А штрейхеры, которые все о них знали, продолжали с энтузиазмом свою деятельность. Ум Штрейхера был наполнен фантомами, и большую часть жизни он провел как во сне. У него хранилась большая коллекция порнографии. Свою служанку он подверг проверке на девственность, так как до него она работала на еврея, женатого на христианке. В 1938 году он спрашивал узников концлагеря Дахау, верны ли им их жены, и если они отвечали «да», интересовался, откуда они это знают. Он расспрашивал детей об их сексуальном поведении — в частности, мастурбируют ли они. Он говорил, что сам занимается этим каждую ночь, и в доказательство однажды предъявил своему шоферу собственное семя.

Дисциплинарный комитет общественной школьной системы, который рассматривал дело Штрейхера в 1928 году, выяснил, что он неоднократно привлекался к ответственности за воровство; в 1932 году он заплатил штраф в 2000 рейхсмарок по жалобе членов еврейской общины; в 1923 году на него был наложен штраф в 10 миллионов рейхсмарок за то, что он обвинил одного еврея в намерении убить оратора-антисемита (это был год инфляции, и 10 миллионов были незначительной суммой). В мае 1924 года, когда деньги восстановились в цене, он заплатил штраф в 200 рейхсмарок за воровство, а в июне должен был заплатить такой же штраф либо отправиться за решетку на двадцать дней за аналогичное преступление. Он оклеветал товарища по партии, которого невзлюбил, сказав, что тот во время войны обворовал войсковую лавку, и заплатил штраф 200 рейхсмарок за клевету; 2100 рейхсмарок он заплатил человеку, которого клеветнически обвинил в адюльтере. В декабре 1925 года он был приговорен к двум месяцам заключения: он написал, что

мэр Нюрнберга, его старый противник, по фамилии Луппе, высказывает расположение к родственникам и евреям. Школьный дисциплинарный комитет, проверявший показания против Штрейхера, приговорил его еще к одному штрафу, в 500 рейхсмарок, но смягчил наказание, так как Штрейхер проработал в школьной системе двадцать четыре года и имел хороший послужной список в войну. Комитет проверил и поведение мэра и установил, что человек этот отличается подчеркнутой скромностью и даже одежду предпочитает покупать в магазинах поношенного платья.

Штрейхер был главой сумасшедших в партии, но не единственным сильно свихнувшимся; у него имелись конкуренты. Один ученый человек, городской советник профессор Курт Астель, специалист по человеческой наследственности и расовой политике в Йенском университете, рассуждал над гипотетическим вопросом: разрешил бы он своей дочери выйти замуж за человека, один из восьми прадедов которого был евреем? По здравом размышлении он пришел к выводу, что ей не следует вступать в такой брак, поскольку у нее появятся родственники-евреи. В годы Первой мировой войны, говорил он, ему случалось встречать евреев, которые гордились своими предками и своим происхождением. Один из них, бывший всего на одну четверть евреем, сказал ему, что, когда остальные три четверти его предков и все предки Астеля еще лазили по деревьям, евреи уже создали цветущую культуру. Теперь, заявлял Астель, в лице Адольфа Гитлера появился германский герой, и никто больше не пойдет на компромиссы в расовом вопросе. Страну следует очистить не только от евреев, но и от людей с еврейским происхождением.

В самом начале правления нацистов патриотически настроенные евреи уже выражали свой протест. В 1934 году бывший командир роты Саксонского полка, еврей по национальности, написал письмо, в котором обратил внимание на такой факт: свидетелями антиеврейской демонстрации в Гамбурге стало множество иностранцев, и это в то время, когда правительство Германии вело переговоры с Англией о заключении торгового договора. Подобные письма хранились в архивах Штрейхера, но с таким же

успехом они могли быть выброшены в мусорную корзину. Командир-еврей писал, что такие факты наносят вред Германии, которая является родиной и для евреев, и для арийцев. Евреи, писал он, вынуждены страдать молча, но он пишет свое письмо ради интересов Германии. Каждый немец должен стараться предотвратить любое недопонимание или неправильное понимание со стороны иностранцев, и пение нацистских песен, как это было в Лейпциге, в интересах рейха должно быть запрещено. Он выразил надежду, что власти поймут его заботу о немецкой родине и закончил письмо словами: «С немецким приветом!» — самое близкое к «Хайль Гитлер!» из того, что он смог себе позволить. Другое письмо, написанное в 1933 году членами Ассоциации евреев, ветеранов войны, сообщало, что они хотят внести свой вклад в воссоздание немецкого фатерлянда. Это письмо было послано в «Дер штюрмер» читателем, который смог преодолеть свое отношение к евреям и выразил согласие помочь им.*

Время показало, что планы высылки евреев на Мадагаскар и предоставление лиц смешанной крови в распоряжение предпринимателей с целью укрепления про-

*В архивах рейхсвера был отдел MA-31, в котором хранились аналогичные документы. Один сотрудник отдела в письме президенту Гинденбургу в марте 1934 года писал, что многие евреи-военнослужащие давно пустили корни в Германии, живут в ней десятилетиями и исполняют свой солдатский долг. Все, чего они хотят — быть с честью включенными в нацистское государство, и это он считает важным не только для евреев, но и для Германии тоже. В годы Первой мировой войны, пишет он, 100000 евреев служили в немецкой армии. Письмо от одной «арийки», которая была замужем за поляком еврейского происхождения, рассказывает, что два ее брата погибли в боях, защищая Германию, что четверо ее детей были крещены по христианскому обряду и что ее муж принял христианство. Она добавляла, что по нюрнбергским законам семья должна быть выдворена из Германии. 16 января 1936 года военное министерство ответило, что сожалеет, поскольку не может помочь, так как случай этот подлежит ведению гражданских учреждений, а не военного министерства. Письмо с призывом о помощи пришло Гитлеру от имени евреев-нотариусов, раненных в годы войны; многие из них имели высшие военные награды. Согласно декрету о профессиях, они должны были бросить свою практику, так же как все евреи-врачи и другие профессионалы. Нельзя ли нам хотя бы обслуживать клиентов-евреев, спрашивали они, не позволят ли им продолжить свою практику, которой они посвятили много лет? Многие из них продолжали страдать от болезней, вызванных ранениями. Ответов на такие письма как правило не приходило. Но пока был жив Гинденбург, Гитлер обращался с евреями, ветеранами войны, более внимательно, чем годы спустя.

мышленности, которые одно время поддерживал Рудольф Гесс, были бы сравнительно гуманными решениями проблемы. В 1938 году евреям еще разрешалось одевать спортивную форму, но в ноябре того же года их лишили права одевать военную форму немецкой и австрийской армий. Иногда, по пропагандистским или практическим соображениям, в еврейском вопросе наступала обманчивая оттепель, но впереди уже ясно вырисовывалось «окончательное решение».

В 1935 году министерство внутренних дел решило, что над предприятием, принадлежащим еврею, может развеваться флаг рейха, если большинство работающих на нем арийцы. Накануне Олимпийских игр министерство объявило, что не рекомендует в общественных местах петь песню «Мы не хотим евреев». На Вильгельмсштрассе знали о том, что многие участники Олимпиады будут представлять страны, в которых отношение немцев к евреям вызывает негодование. Поэтому был смысл разрешить организациям евреев, ветеранов войны, пользоваться стадионами. Гитлер и министерство иностранных дел решили провести Олимпиаду во что бы то ни стало, даже ценой уступок евреям. Прожектора пропаганды должны были показать в самом выгодном свете гостям Игр со всего мира достижения нацизма; ради этого можно было позволить горсточке евреев немного побегать по стадионам.

Евреям разрешили также организовать свои молодежные общезития, но в них не могли присутствовать более двадцати гостей одновременно. И последний знак терпимости был сделан в адрес людей, которых немцы считали ни немцами ни евреями: приказом фюрера от 8 августа 1940 года разрешалось лицам смешанной крови первой категории (у которых было не более двух евреев в третьем от них поколении) занимать в армии должности высших офицеров. Но эти люди всегда находились под подозрением — солдаты с печатью Каина на челе. Один из них, офицер-подводник, в ответ на вопрос следователя на Нюрнбергском процессе, принадлежал ли он к нацистской партии, озадаченный, ответил: «Я не мог принадлежать к партии, в соответствии с нюрнбергскими законами». Тем не менее он получал высшие награды, пользовался

дружеским расположением своего непосредственного начальника по флотской службе, был относительно свободен от опеки службы безопасности, следившей за подозрительными лицами. Но этот офицер-подводник был скорее исключением из правила. Последние слова, которые написал Гитлер в своем бункере, содержали призыв продолжить борьбу против евреев.

В Нюрнберге Штрейхер был беспокойным узником. В ночь, перед тем как ему зачитали приговор о повешении, его мучили кошмары, он кричал во сне, нервирова заключенных в соседних камерах. Трибунал нашел его невиновным в участии в заговоре по ведению агрессивной войны, так как он не принимал участия в планировании вторжений и не являлся военным, политическим или дипломатическим советником Гитлера. Его рассуждения никак не принимались всерьез, за исключением одной вещи, за которую он нес ответственность лично.

Штрейхер первым из нацистских бонз начал публичную проповедь поголовного уничтожения евреев, и когда он услышал, что лагеря смерти заработали, он отпраздновал это событие как огромное достижение. Он сорвал покровы с уважаемых буржуа-антисемитов, и они пасовали перед ним. Задолго до конференции в Ванзее он сказал немцам, что евреи должны быть уничтожены. В 1925 году он предупредил своих читателей: «Вы должны сознавать, что евреи хотят погубить наш народ». А если это действительно так — Штрейхер и тысячи его последователей были убеждены в этом, — следовало уничтожить евреев на корню. 3 апреля 1925 года он сказал слушателям в Нюрнберге: «На протяжении тысяч лет евреи уничтожали другие народы; давайте начнем сегодня дело уничтожения евреев». В 1937 году он говорил: «Евреи всегда жили кровью других народов, им нужны были убийства и жертвы... Полная и окончательная победа будет достигнута, когда весь мир освободится от евреев». В 1943 году, когда газовые камеры работали на полную мощность, он писал, что Адольф Гитлер на деле освобождает мир от его мучителей — евреев и что это «будет величайшим деянием в истории человечества». 6 января 1944 года он писал в «Дер штюрмер»: «Со времени зарождения национал-социализма события развива-

ются таким образом, что становится реальной возможностью навсегда освободить континент от еврейских убийц и эксплуататоров, и немецкий пример после победы Германии во Второй мировой войне послужит делу окончательного уничтожения мировых мучителей-евреев на других континентах».

Штрейхер так и не изменил своим убеждениям. Потрясения не оказали воздействия на его внутренний мир. Когда он поднимался по перекладинам лестницы, чтобы просунуть голову в петлю виселицы, он сказал: «Хайль Гитлер!».

ГЛАВА 3

«ЧЕЛОВЕК НОМЕР ДВА»

Герман Вильгельм Геринг

Среди сидевших на скамье подсудимых в Нюрнберге выделялся один человек — рейхсмаршал, крупный военный деятель Третьего рейха, знаток и ценитель искусства, герой Первой мировой войны, получивший высший военный орден Германии — крест «За военные заслуги», он же — наркоман и крупный грабитель — Герман Вильгельм Геринг.

На процессе Геринг появлялся в кителе и брюках, которые тюремный портной гладил каждый день; китель был очень велик ему — в лучшие дни Геринг весил 110 килограммов, а в дни процесса — всего 61. В его камере не было зеркала, и Геринг причесывался, смотрясь в монокль, а в качестве темного задника использовал черный костюм своего адвоката — так лучше было видно отражение.

Взгляд Геринга был постоянно устремлен на галерку, где находились зрители. Понимая, что процесс войдет в историю, он играл роль руководителя, потерпевшего поражение в борьбе, обвиняемого, но верного соратника фюрера, до конца преданного поверженному господину. Подсудимые обедали вместе, и Геринг старался так организовать их поведение, чтобы продемонстрировать врагам их единство и согласие. Однако его старания не увенчались успехом: подсудимые раскололись на мелкие группы по три-четыре человека, которые вместе принимали пищу, а Геринг стал обедать в своей камере.

Герингу пришлось не по душе показания одного из свидетелей, и он внятно обозвал его «свиньей», когда тот проходил мимо скамьи подсудимых. Своему адвокату он с удовлетворением сказал, что теперь Дениц поймет, что его, Геринга, назначение преемником фюрера не было

просто случайностью, что только недоразумение помешало фюреру выполнить это взятое им на себя обязательство по отношению к рейхсмаршалу. Он считал, что или Гиммлер, или Борман перехватили его письмо, в котором он объяснял, что вел переговоры с союзниками, будучи уверен, что это делается по приказу Гитлера. Он никогда не мог смириться с тем фактом, что в конце концов попал в немилость Гитлера.

Своему адвокату он с победоносным видом говорил, что теперь-то он признанный глава — «капрал обвиняемых». Казалось, в своем тщеславии он не понимал, что остальные обвиняемые меньше всего думали о нем или о других высокопоставленных партийных лидерах, приведших их к виселице. Давая показания, Шахт сказал, что, руководя четырехлетним планом развития промышленности Германии, Геринг проявил полную безграмотность в экономике. Другие свидетели говорили о его колоссальном тщеславии, его пристрастии к наркотикам, его ненормальных привычках и поведении, манере одеваться. Шахт передал слухи о том, что Геринг выходил к чаю, одетый как римский гладиатор — в сандалиях, причем ногти на ногах были покрашены, пальцы рук были унизаны кольцами, а щеки нарумянены.

Во время процесса Геринг, в отличие от других, не пытался свалить свою вину на кого-либо или спрятаться за фигуру Гитлера. Наоборот, он старался подчеркнуть свое значение, ту роль, которую он играл в рейхе. Свидетель, служивший под его началом в люфтваффе, фельдмаршал Эрхард Мильх, собирался ответить на вопрос трибунала: когда об одном из его разговоров с Гитлером стало известно Герингу, — но был прерван репликой Геринга, который с места сказал: «Немедленно». Геринг хотел, чтобы трибунал ясно понял: информацию он получал прямо от фюрера, а не от Мильха. Он всегда преувеличивал свое значение.

По ходу войны Геринг постепенно терял расположение фюрера. Его неудачи начались в 1940 году, когда немецкая авиация проиграла британским «Спитфайрам» схватку над Лондоном; положение Геринга усугубилось в 1941 году, когда в России люфтваффе не смогли одержать столь же убедительной победы, как в прошлых кампани-

ях; авторитет Геринга опустился еще ниже после того, как он дал обещание фюреру обеспечить по воздуху всем необходимым 6-ю армию, окруженную у Сталинграда, и не сдержал слова; когда же вражеские бомбардировщики принялись разрушать города Германии, карьера Геринга рухнула. Для Гитлера он потерял свое значение; теперь ближе к фюреру оказались Гиммлер, Борман, Геббельс и Шпеер; они стали выполнять обязанности, которые раньше имел Геринг. 23 апреля 1945 года группа эсэсовцев арестовала его по приказу фюрера, подписанному Борманом; на следующий день они получили приказ расстрелять рейхсмаршала и его семью, если падет Берлин.

Геринг никогда публично не признавал потерю своего влияния на Гитлера, хотя в частных беседах жаловался, что с 1941 года фюрер начал охладевать к нему. Он говорил, что в 1944 году чуть не умер от тонзиллита, но Гитлер, который раньше был столь внимателен к нему, даже не осведомился о его здоровье. Он говорил, что Гитлер, несомненно, избавился бы от него, если бы не его, Геринга, огромное влияние на немецкий народ. Чтобы как-то оправдаться хотя бы перед самим собой, он, как и Эйхман, убеждал себя в том, что является подлинным героем исторических событий. В Нюрнберге он заявил, что сдержал клятву верности, данную им фюреру: «Считать твою судьбу моей в радости и горе; быть преданным тебе и в добрые времена, и в худые; быть верным тебе до смерти», и добавил, что поступал и продолжает поступать так, как велит эта клятва.

Он был очень озабочен своим успехом или неуспехом у публики. После того, как он победил судью Джексона в словесной дуэли по вопросу о своем участии в составлении планов войны, он с удовлетворением заметил одному из своих адвокатов: «Джексону далеко до меня». Американские журналисты провели пробное голосование по приговору, который может ожидать Геринга, и из 32 участников 32 высказались за смертную казнь; узнав об этом, Геринг сказал, что надо было застрелиться еще в августе 1945 года. Даже его показная верность фюреру была частью игры на публику. В беседах с адвокатами он допускал, что было бы лучше, если бы Гитлер погиб в автомобильной катастрофе в 1938 году, что самоубийство

Гитлера — это предательство немецкого народа, что после того, как мэр Лейпцига при приближении американских войск совершил самоубийство со всей семьей, Гитлер сам назвал подобный поступок «трусливым бегством от ответственности».

Геринг много думал о самоубийстве. В первое место заключения он пронес ампулу с цианидом, спрятав ее в пупок и залепив пластырем. Ее обнаружили и конфисковали. Он сказал своему брату, что сам решит, как и когда умирать, и это было одним из немногих его пророчеств, которые сбылись. Однажды в Нюрнберге он в отчаянии задал себе вопрос: «Что я здесь, в конце концов, делаю?» В такие моменты он думал, что, возможно, Кальтенбруннер, бывший шеф СС, был прав, когда говорил, что этот трибунал — фальсификация и он не признает его власти, и все отрицал. Но возможность последний раз появиться на мировой арене в качестве героя оказалась слишком соблазнительной; он хотел как можно дольше оставаться рейхсмаршалом, пусть даже и лишенным мундира.

Геринга любили, им восхищались бесчисленные иностранцы и немцы за его широкое гостеприимство, контрастирующее с аскетизмом вегетарианца Гитлера и постными лицами многих партийных бонз, сделавших из своей революции религию. Он походил на доброго малого, любящего громко посмеяться и красиво пожить. Вереницы иностранных дипломатов, посещавших его дворец в Берлине и «Каринхалле» — поляков, британцев, французов, американцев, итальянцев, японцев, — находили его дружелюбным и хлебосольным хозяином. И для иностранцев, и для немцев он был цельной, веселой, интеллигентной и весьма дородной личностью, военным летчиком с блестящей карьерой, политиком, посвятившим себя возрождению экономики Германии и созданию ее военно-воздушного флота. О его простоте и добродушии немцы придумали массу анекдотов, в которых он выступает главным комическим героем. Убежденные антинацисты, такие, как Андре Франсуа-Понсе, полковник Йозеф Бек, лорд Галифакс, британский посол Невил Хендерсон, шведы Биргер Далерю и Кнут Бонде, искренне верили, что Геринг желает избежать войны. Хендерсон продолжал сотрудничать с ним даже после вторжения

немцев в Польшу, а Бонде — до декабря 1939 года, так как они считали его единственным влиятельным человеком в рейхе, выступающим против войны и желающим сделать что-либо для достижения мира.

На Нюрнбергском процессе товарищи по заключению и свидетели относились к Герингу по-разному; совсем немногие из его бывших почитателей пришли к нему на помощь. Большинство дающих показания по его делу говорили о его лени, тщеславии, высокомерии, претенциозности и неудачливости; по их словам, все в его руках разваливалось, почти всю работу делали за него заместители, а в конце его руководства промышленностью и военно-воздушными силами от них остались только фрагменты, после чего он уже ни за что не отвечал. Союзники достигли полного превосходства над Германией в воздухе, и глупое хвастовство, с которым Геринг начинал войну — что ни один самолет союзников не сбросит бомбу на Берлин, — превращалось в гротеск по мере того, как авиация союзников стирала немецкие города с лица земли. Ни берлинцы, ни остальные немцы не забыли, как однажды Геринг заявил: «Зовите меня Мейером (т. е. евреем), если хоть одна бомба упадет на Берлин».

Изгнанный Гитлером из партии как предатель и приговоренный к смерти, а до этого закованный в кандалы по приказу Гиммлера, Геббельса и Шпеера, Геринг в Нюрнберге слышал, как ряд свидетелей обвинили его в некомпетентности, в неумении достичь успеха в разных начинаниях по возрождению экономики, по руководству вооруженными силами, по разработке стратегии и тактики в годы войны. Между тем он создал люфтваффе с нуля и сделал их самыми мощными военно-воздушными силами в мире. Целиком сконцентрировавшись на создании воздушного флота Германии, он мог даже защитить офицера-еврея, которого хотели выгнать или уже выгнали из армии. «Еврей в Германии тот, про кого я сказал, что он еврей», — говорил он, и фельдмаршал Мильх подтвердил, что такие случаи бывали. Приемный отец Мильха был евреем, но он официально считался стопроцентным «арийцем», так как было признано, что его биологическим отцом был христианин, а не человек, женатый на его матери.

Это был один из тех многих случаев, когда Геринг принимал решение в пользу человека, который ему нравился или в котором он нуждался; иногда он делал так из тщеславия или в силу сентиментальности, невзирая на суровые законы против евреев. Однако его сентиментальность могла быстро испариться. Именно Геринг созвал конференцию в Ванзее, которая разработала методы уничтожения евреев в Европе; именно он выбрал одного из самых кровожадных палачей в Германии, Рейнхарда Гейдриха, исполнителем «Холокоста». Несомненно, что к принятию «окончательного решения» он относился так же, как к началу войны. Он не хотел ни того, ни другого, но что он мог поделать, как не принять их, будучи верным подданным фюрера? Он любил показать свою власть, любил показаться перед публикой в роскошном, специально сшитом мундире, любил по завершении трудов возвратиться в шикарное поместье «Каринхалле», где переодевался в костюмы, подходящие для романтических фантазий. В «Каринхалле» он вел себя как крупный помещик. Он принимал Герберта Гувера в безрукавке, под которой была надета красно-коричневая рубашка из толстого шелка, на шее — платок, сколотый фигурной булавкой с изумрудом. Меняя разнообразные наряды, он важной поступью прогуливался под пристальными взглядами немцев и своих домашних львов. Со всех оккупированных стран он собрал, как он хвастался, одну из крупнейших коллекций Европы, если не всего мира. Он завел обычай принимать дипломатов в затейливо отделанном «Каринхалле», где среди прочих диковин у него была игрушечная железная дорога, которую он бомбил игрушечными бомбами, управляя самолетом с помощью дистанционного пульта из угла огромного зала.

Геринг любил животных, и доказательством тому служили не только ручные львы, которых он держал в доме; он любил всех четвероногих и пернатых. Как главный лесничий Германии, он принял ряд мер по ужесточению правил охоты, стремясь сделать ее более гуманной. Ловушки жестокой или необычной конструкции были запрещены, каждого охотника должна была сопровождать специально обученная собака-ищейка, разыскивающая раненую птицу. Переработанный охотничий кодекс отра-

жал теплую заботу Геринга о животных. Он запретил охоту на лошадях с гончими собаками. Немцы и его иностранные гости ходили на охоту пешком. Ни соколов, ни орлов (символ Третьего рейха) не разрешалось стрелять; нельзя было использовать привлекающие огни для заманивания зверей ночью. Все это должно было подчеркнуть отношение Геринга к охоте как к спорту — отношение, которое он стремился продемонстрировать прежде всего своим английским гостям. Они не находили слов, когда Геринг появлялся с копьем в руке и в костюме охотника XVI века; они с теплом отзывались о его доброте к животным и о его жестких выступлениях по поводу вивисекции. «Люди, мучающие животных, оскорбляют чувства немецкого народа», — заявлял он. По отношению к немецкому народу он проповедовал милосердие. Даже немцы, совершившие преступления, остаются немцами, говаривал он. Когда разговор коснулся продуктовых поставок в условиях войны зимой, он сказал, что твердо знает одно, а именно: немцы не должны ходить голодными, что бы ни случилось с теми, кто выращивает и убирает хлеб.

Геринг родился в 1893 году в Розенхайме, в Баварии. Фамилия, согласно одному из его биографов, составлена из слов «ger» — граница, межа, и «ing» — потомок. Герман был предпоследним из пяти детей; в семье родилось три сына и две дочери. Их отец, Генрих Эрнст Геринг, был провинциальным судьей, а затем — колониальным чиновником; Бисмарк назначил его министр-резидентом в германское консульство в Юго-Западной Африке в 1885 году. Вдобавок к административным обязанностям Генрих имел задание расширять, насколько это будет возможным, сферу влияния и территории, которые Германия, опоздавшая к разделу колониального пирога, хотела захватить. Он исполнял свои обязанности весьма успешно, и юный Герман много слышал от своего отца о полных приключений годах, когда завоевывалась Южная Африка.

Когда родился Герман, его отец был генеральным консулом на Гаити, а мать жила в Баварии. После того как отец вышел в отставку, семья переехала в Берлин. Некоторое время Геринги жили у богатого друга отца —

Германа фон Эпенштейна, христианина, имевшего еврейских предков, с которыми Генрих встретился в Африке. Эпенштейн стал крестным отцом Германа, и, согласно одному источнику, мать Геринга, Франциска, была его любовницей. Во всяком случае, Эпенштейн, эксцентричный, самоуверенный человек, взял на себя расходы, связанные с образованием молодого Геринга, и оставил ему значительную собственность, включая замок Велденштейн, где Геринги жили вместе с ним.

Герман посещал кадетский корпус в Карлсруэ и Гросс-Лихтерфельде как член Королевского Прусского кадетского корпуса, и с самого начала принял участие в Первой мировой войне. Госпитализированный по причине приступа ревматизма в 1914 году, он вернулся в военно-воздушные силы и летал наблюдателем, перед тем как стать пилотом. В 1915 году в воздушном бою с британцами он получил ранение в бедро. К 1917 году стал ведущим группы в 3-ей эскадрилье и в этой должности заменил знаменитого пилота барона Манфреда фон Рихтхофена, который занял место командира 1-й эскадрильи. По рассказу одного датчанина, капитана Паули Краузе-Йенсена, который воевал против немцев в небе Франции, Геринг был одним из самых мужественных и рыцарственных пилотов. Краузе-Йенсен вспоминал, что во время яростной воздушной схватки его пулемет заклинило и он в отчаянии молотил по нему кулаком; Геринг понял, что случилось с противником, но вместо того, чтобы безнаказанно в упор расстрелять вражеский самолет, в знак приветствия покачал крыльями своей машины и улетел. Краузе-Йенсен сказал, что с тех пор он восхищался немцами, и это чувство никогда не покидало его. После гибели Рихтхофена Геринг принял командование над его эскадрильей и окончил войну с двумя главными военными наградами Германии — орденом «За военные заслуги» и Железным крестом первого класса. Он отказался выполнить приказ о передаче самолетов своей эскадрильи американцам (по условиям перемирия) и перегнал их вместо Франции в Дюссельдорф.

Послевоенная Германия была непонятна для Геринга. В 1918 году, через год после большевистской революции, среди возвращающихся с войны солдат стали возникать

Советы по образцу российских. Один оратор-коммунист, член Городского совета Нюрнберга, сказал летчикам из эскадрильи Геринга, что он сражался на передовой, в то время как офицеры отсиживались в тылу; но это заявление явно не соответствовало действительности. Офицеры ВВС были боевыми летчиками — один Геринг сбил двадцать пять самолетов противника, — и все служившие в воздушном флоте знали это. Новый военный министр Пруссии, генерал Вальтер Рейнгардт, издал приказ, согласно которому офицерам предписывалось снять погоны и вместо них носить на рукавах голубые полоски. Сам он явился на собрание летчиков уже с такими полосками. Геринг, тогда двадцатипятилетний офицер, поднялся с места, чтобы упрекнуть Рейнгардта:

«Господин министр, я был уверен, что вы будете присутствовать здесь сегодня. Но я надеялся увидеть траурную повязку на вашем рукаве в знак вашего глубокого сожаления по поводу того поступка, который вы предложили нам совершить. Вместо нее мы видим на вашем рукаве голубые полоски. Вам надо было бы выбрать красные! Мы, офицеры, четыре долгих года выполняли свой долг на земле, на море и в воздухе. Мы рисковали своей жизнью и здоровьем ради земли отцов. И вот мы вернулись домой — и что же с нами делают? На нас плюют, с нас хотят снять то, что является нашей честью. И я говорю вам: не народ несет за это ответственность. Весь народ, каждый его представитель, был нашим товарищем, какого бы звания он не был, все трудные годы войны. Это не народ, это те, кто подстрекает к развалу, кто нанес удар нашей великолепной армии в спину и не имеет другого желания, кроме власти, чтобы получить возможность обогатиться за счет народа... Но придет день, я знаю это и вас призываю в это верить, когда эти люди исчерпают себя и когда мы пинками выгоним их из нашей Германии. Будьте готовы к этому дню, работайте для того, чтобы он наступил. Чтобы он наверняка наступил!»*

* Эта речь была опубликована в официальной биографии Геринга, увидевшей свет в 1937 году. Книгу написал Эрих Грицбах, а издал сам Геринг. Это одна из легендарных историй, которыми была наполнена литература национал-социализма. Даже в Германии 1919 года капитан вряд ли мог обращаться к генералу в таких выражениях.

Геринг вернулся с фронта без малейшего представления о том, что делать, не имея работы. Но он был хорошо известным летчиком, и компания «Фоккер» пригласила его проводить демонстрационные полеты на ее самолетах в Копенгагене. Несколько недель он занимался платными полетами, обслуживая постояльцев одного приморского отеля в Дании, потом перебрался в Швецию, где сначала получил работу в фирме, производящей парашюты, потом работал на шведских авиалиниях. Именно в Швеции он встретил свою первую жену, баронессу Карин фон Фок, женщину, старше его на четыре года и уже замужнюю. Оба немедленно влюбились. Геринг, имея на борту пассажира, совершил вынужденную посадку в ее поместье, и эта посадка оказалась для них судьбоносной. Они были неисправимыми романтиками, подверженными подобным импульсам и верящими в счастливые финалы. Вскоре она начала бракоразводный процесс; муж не имел возражений, и она сыграла свадьбу с Герингом в Мюнхене, где он осел в 1921 году. Они были очень привязаны друг к другу. Хотя Карин была инвалидом, она преданно и радостно путешествовала со своим мужем во время их изгнания после подавления попытки путча в 1923 году. На протяжении десяти лет они никогда не разлучались, если только этого можно было избежать, и так продолжалось до самой ее смерти в 1931 году. Карин не отличалась большим умом. Ее письма семье похожи на письма ребенка, переполнены восклицательными знаками и преклонением перед Герингом и, сразу после него, перед фюрером.

В 1921 году Геринг все еще не знал точно, чем он хочет заняться. Он проявлял некоторый интерес к политическим наукам, курс которых прослушал в Мюнхенском университете. Посещал политические собрания националистов и однажды услышал выступление Гитлера. В нем он нашел человека, который мог стать вождем: он услышал ту самую программу, которую сам пытался сформулировать, услышал оратора, который мог донести до него свою мысль доходчиво, как и до любого из тысяч слушателей, собравшихся в пивном зале. Версальский договор должен быть отвергнут, евреи, коммунисты и республиканцы должны быть изгнаны из правительства,

на базе национализма и социализма необходимо организовать широкое народное движение. Геринг говорил себе те же вещи. Как и тысячи вернувшихся домой солдат, он никогда не мог смириться с поражением, а у Гитлера имелся план, как преодолеть его последствия. Гитлер даже дал ему возможность вновь надеть мундир, сделав Геринга главой СА. Герой войны, награжденный орденом «За военные заслуги», представлял большую ценность для зарождающихся вооруженных сил партии. В Нюрнберге Геринг вспоминал, что фюрер говорил ему о том, что ищет молодого летчика или офицера-подводника, которому он мог бы предложить важный пост в партии. Таким образом, после войны и Геринг, и Гитлер жаждали встретить человека, который сможет оценить их таланты, и, встретившись, они поняли, что обрели желаемое.

Вместе со Штрейхером Геринг находился в первых рядах, когда произошла попытка путча, и на Фельдхернхалле, когда полиция открыла огонь, он был ранен в ногу. Ранение спасло его от тюремного заключения. Он попал в госпиталь в Мюнхене и затем бежал за границу — в Австрию, в то время как Гитлер, Гесс и другие отправились в тюрьму в Ландсберге. На какое-то время партия была парализована. Карин присоединилась к мужу в Инсбруке, и кружным путем они отправились назад в Швецию. Они останавливались в дешевых отелях, получая поддержку от сторонников партии в Австрии и Италии, деньги на путешествие они добыли, продав дом Карин в Мюнхене.

Вероятно, именно тогда Геринг пристрастился к морфию, который начал принимать в связи со своим ранением. В 1925 году в Швеции он прошел первый курс лечения от наркомании, находился под наблюдением психиатров, но ни тогда, ни впоследствии так и не смог избавиться от этого пагубного пристрастия. В 1927 году он прошел повторный курс лечения в Германии. Несколько лет Геринг не принимал морфий, но вернулся к нему как к спасительному средству от потрясений в годы Второй мировой войны. И в Нюрнберге он нуждался в наркотиках, однако тюремное начальство их ему, естественно, не поставляло. У него имелся большой запас таблеток парацетеина, когда он попал в плен к американ-

цам; еще больше он выбросил в унитаз перед пленением, считая, что так много ему не понадобится.

После амнистии 1927 года Геринг смог вернуться в Германию из Швеции, где служил агентом фирмы, производившей парашюты; и чувствовал себя неуютно, так как его политические убеждения не вызывали симпатии у окружающих. Они с женой осели в Берлине, и на следующий год он выдвинул свою кандидатуру и был избран в рейхстаг в числе двенадцати депутатов от национал-социалистской партии. Нацисты получили всего 3% голосов избирателей, но благодаря действию принципа пропорционального представительства, существовавшего в Веймарской республике, Геринг стал депутатом. Его избрали руководителем партийной фракции, а в 1932 году — в президиум рейхстага, и он немедленно начал подготовку к роспуску парламента. Он отказался от руководства СА, сосредоточился на партийных делах в рейхстаге и на внутренней политике в целом. Геринг пользовался уважением Гитлера, так как находился на переднем крае борьбы и проявлял беззаветную верность фюреру. Он никогда не конкурировал с Гитлером, никогда, подобно Рёму или Георгу Штрассеру, не мечтал заменить его. Они с Гитлером и уважали, и устраивали друг друга. Для Геринга Гитлер был политическим гением, который, используя истинное учение, приводит массы в движение. Для Гитлера же Геринг был воином, выходцем из верхних слоев среднего класса, который может завоевать уважение и воротил бизнеса, и офицерства старой армии, и, кроме того, может безусловно считаться преданным соратником.

В 1932 году национал-социалистская партия получила большинство в рейхстаге. Геринг, президент парламента, искусно использовал свою власть для устранения канцлера Франца фон Папена. На шумном заседании нацисты во главе с Герингом объединились с коммунистической фракцией и объявили вотум недоверия Папену, обвинив его в подготовке к роспуску рейхстага — он якобы запрашивал об этом Гинденбурга и даже получил его разрешение. Такой указ президента о роспуске парламента позволял Папену сохранить пост и получить чрезвычайные полномочия. Одна женщина — член фракции коммуни-

стов — внесла предложение поставить на голосование вопрос о недоверии Папену, и Геринг уже знал, чем завершится голосование. Гинденбург предложил пост канцлера Гитлеру; и он, и Папен считали, что новое правительство должно быть коалиционным. Геринг получил пост «министра без портфеля». Он и Вильгельм Фрик оказались единственными представителями нацистов в правительстве, но Гитлер быстро укреплял свои позиции. Геринг сменил Папена на посту министра-президента Пруссии — Папен какое-то время сохранял эту должность, став после прихода Гитлера к власти вице-канцлером (в то время Папен еще верил, что путем борьбы за должность можно удержать Гитлера под контролем коалиции).

Геринг получал все новые должности. Кроме министра-президента, он стал министром внутренних дел Пруссии и в этом качестве возглавил ее полицию. Он основал тайную государственную полицию — гестапо — и первые концентрационные лагеря, где содержались враги режима, схваченные полицией. Во время пожара в рейхстаге он руководил арестами депутатов от оппозиционных фракций, используя это событие как повод для того, чтобы избавиться сначала от коммунистов, которых он немедленно обвинил в поджоге, а затем — и от столь же ненавистных нацистам социал-демократов. В Нюрнберге ему самому было предъявлено обвинение в поджоге рейхстага, но оно было столь же неубедительно, как и то обвинение, которое Геринг предъявил болгарскому коммунисту Георгию Димитрову и двум его соотечественникам — Симону Попову и Василу Таневу.* В ходе суда над

*Остается загадкой, кто же все-таки поджег рейхстаг. Книга Фрица Тобиаса «Пожар рейхстага», многочисленные статьи в научных журналах не прояснили этого вопроса. Мариус ван дер Люббе, двадцатичетырехлетний немец, одно время состоявший в коммунистической партии и как-то сказавший, что хотел бы совершить какое-нибудь великое дело против нацизма, о котором узнал бы весь мир, был немедленно арестован и обвинен в поджоге. Он был признан виновным. Остается неизвестным, действовал он в одиночку или же имел сообщников — иностранцев или членов нацистской партии, которые использовали его как орудие преступления. Когда его судили в Лейпциге, за пределами Германии проходил контрпроцесс, организованный юристами из Англии, США, Швеции, Голландии, Франции и других стран, и они пришли к выводу, что существовала вероятность поджога рейхстага самими нацистами. Судьи в Лейпциге признали болгар невинными в поджоге (и это решение привело

коммунистами Димитров имел возможность опровергнуть доводы обвинения, которые Геринг, как свидетель, пытался подтвердить своими показаниями. Двенадцатью годами позже у Геринга тоже было что возразить судье Джексону. Димитров использовал судилище над собой и свою несомненную невиновность для того, чтобы показать, что обвинитель Геринг сам виновен в преступлении, которое пытается приписать ему, Димитрову. Он спросил у Геринга, который заявил, будто с самого начала знал, что это коммунисты подожгли рейхстаг, не допускал ли тот, что это мог сделать кто-то еще. Дискуссия постепенно зашла в тупик, Геринг потерял весь свой напор и аргументы. Примерно то же самое повторилось через двенадцать лет в Нюрнберге.

В то время Геринг был самым влиятельным из партийных лидеров, но еще не являлся официальным преемником Гитлера (в Нюрнберге он рассказывал, что этот вопрос они с Гитлером обсуждали еще в 1934 году). Возможным наследником фюрера считался Рудольф Гесс, и только в начале войны Гитлер публично назвал Геринга своим преемником. Гитлер всегда ценил Геринга выше, чем Гесса. Из всего ближайшего окружения Гитлера именно Геринга фюрер посчитал достаточно компетентным в армейских вопросах для того, чтобы возглавить судебное разбирательство по делу генерала Вернера фон Фрича, хотя Геринг и получил генеральский чин сразу после капитанского звания, совершив по служебной ле-

Гитлера и Геринга в ярость), но приговорили ван дер Люббе к смертной казни.

На процессе в Нюрнберге говорилось о подземном тоннеле, который вел из дворца Геринга к рейхстагу, о том, что Геринг ставил себе в заслугу уничтожение здания, архитектура которого, как он говорил, ему не нравилась. Но убедительных доказательств его причастности к пожару найти не удалось.

Ясно одно — Геринг, Гитлер и компания знали, как извлечь пользу из этого события. Депутаты-коммунисты были изгнаны из рейхстага. Гестапо произвело массовые аресты, и в атмосфере нарастающего террора Гитлер путем голосования в рейхстаге получил всю полноту законодательной и исполнительной власти; за это проголосовало две трети депутатов. Скорее всего эти две трети голосов были бы ему обеспечены, даже если бы депутаты-коммунисты продолжали занимать свои места; но пожар и его последствия оказали влияние на непримиримую прежде оппозицию. Полномочия диктатора Гитлер мог получить, только заручившись голосами своих давних противников-центристов, и под давлением обстоятельств они вынуждены были проголосовать за передачу ему всей полноты власти.

стнице скачок, беспрецедентный для германской армии. Нацистский трибунал, судивший бывшего главнокомандующего вооруженными силами Германии, состоял, кроме Геринга, из адмирала Эриха Редера, генерала Вальтера фон Браухича и двух армейских судей. Фрич был признан невиновным, а обвинялся он в гомосексуализме, и это обвинение являлось частью борьбы, которую вело гестапо (возглавлял его тогда Гиммлер) против армии. Однако вердикт суда не повлиял на отношение Гитлера к Фричу; а недоброжелатели Геринга говорили о том, что он приложил руку к фабрикации фальшивого обвинения, чтобы избавиться от Фрича. Редер и Браухич уже тогда считали Геринга консервативным национал-социалистом; во время процесса и его поведение, и стиль высказываний подчеркивали, что он — президент трибунала. Многие военные, в том числе и Редер, недолюбливали Геринга, но считали его старым солдатом, демонстрировавшим показную верность партийным догмам, которые армия и флот воспринимали с недоверием.

Не до конца понятна роль Геринга в период так называемого «путча Рёма». Вместе с Гитлером и Гиммлером он несет ответственность за действия СС и полиции, в результате которых были арестованы и расстреляны многие высшие офицеры СА, в том числе генерал Курт фон Шлейхер и Грегор Штрассер, обвиненные в заговоре против Гитлера. В Нюрнберге Геринга в этом обвинял Ганс Гизевиус, бывший сотрудник гестапо, во время войны работавший на американское УСС (управление стратегических служб). Он заявил, что Геринг несет ответственность за убийство Шлейхера полицией, которая была послана якобы для того, чтобы арестовать генерала. Однако другие свидетели показания Гизевиуса поставили под сомнение, и Геринг не был признан виновным в этих убийствах. Геринг приказал полиции сжечь документы, связанные с событиями путча, но, несомненно, он играл одну из главных ролей в ходе арестов и расправ над теми, кого он и Гитлер считали заговорщиками. Уцелевшие полицейские документы говорят о том, что Шлейхер был убит, а не погиб в бою с оружием в руках, которым он якобы угрожал полицейским, как заявил Геринг. Приказывал Геринг убивать Шлейхера или нет — в любом

случае он принимал участие в подавлении мнимого мятежа любыми средствами, как бы жестоки они ни были; Геринг считал, что заговор существовал, потому что так считал Гитлер. В то же время он спас Папена от гестаповских застенков или от той судьбы, которая постигла секретаря Папена — его застрелили. Геринг по натуре не был убийцей. Мысль об убийстве бывшего канцлера и члена гитлеровского правительства была ему отвратительна, но, если бы Гитлер приказал ему это сделать, он выполнил бы приказ, не почувствовав угрызений совести.

Геринг воспринимал репрессии как неизбежное зло. Он не любил Рёма, так же как и Гиммлера, Гейдриха, Геббельса, которые, с его точки зрения, были слишком жестоки и догматичны, и действия его бывали противоречивы — он помогал организовывать репрессии и спасал Папена, которого СС считало своим злейшим врагом. Гитлер поблагодарил Геринга за ту роль, которую он сыграл в репрессиях. Через две недели после подавления «мятежа» фюрер сказал в рейхстаге: «Между тем министр-президент Геринг заранее получил мои инструкции о том, что в случае мятежа он предпримет аналогичные меры одновременно в Берлине и в Пруссии. Железным кулаком он опрокинул умышлявших на национал-социалистское государство до того, как они успели напасть».

Геринг не находил удовлетворения в убийстве, но он мог быть безжалостным, как никто другой, когда был в ярости или когда оказывались затронутыми его собственные понятия о справедливости. Он мог вынести смертный приговор даже офицеру, которому симпатизировал, если считал, что тот совершил преступление, несовместимое с его званием. В ходе Русской кампании трое молодых солдат, укравших несколько банок консервов, были расстреляны офицером. Геринг был разгневан. Он хотел, чтобы офицера приговорили к смертной казни, но фюрер простил виновного. В другой раз несколько молодых офицеров люфтваффе, возвращавшихся с вечеринки, были остановлены армейским офицером, который потребовал у них предъявить документы. Они исполнили требование. Но когда увидели, как уходит их троллейбус — последний до следующего утра, — они вырвали документы у офицера

из рук и бросились вдогонку. Их арестовали, обвинили в мятеже и расстреляли. Геринг пришел в ярость. Он обрушился с обвинениями на армейского генерала, который руководил следствием и вынес приговор, но этим и ограничился, потому что его власть распространялась до пределов, определенных фюрером, и он не хотел подвергать себя неоправданному риску. Он допустил глумление над Фричем, хотя знал, что тот был невиновен. В случае с Фричем Геринг действовал так, как хотел фюрер. В случае с молодыми офицерами он следовал собственному импульсу, который скорее всего исходил из глубины души. Армия уважала его больше других близких соратников Гитлера, но и не доверяла ему. Он занимал среднее положение — ближе к таким нацистам, как генерал Вальтер фон Рейхенау, но далеко от таких угрожающих фигур, как Рём с его СА или Гиммлер с его СС, которые хотели либо взять верх над армией, либо вообще заменить ее.

Свидетели в Нюрнберге заявляли, что Геринг намеренно подготовил падение военного министра фельдмаршала Вернера фон Бломберга. Они сказали, что он убедил фюрера быть свидетелем на свадьбе у Бломберга, который женился, как выяснилось, на проститутке; это была часть плана Геринга по захвату поста Бломберга. Этот факт, приведенный в показаниях Гизевиуса, сомнителен. Геринг действительно говорил Гитлеру, что женитьба Бломберга вызовет пересуды у чопорных армейских генералов, но лишь потому, что невеста, фрейлейн Эрна Грюн, была секретаршей Бломберга. Неизвестно, что еще в то время Геринг мог о ней знать. Позже президент полиции Берлина граф Вольф фон Гельдорф прислал Герингу документы о том, что она занималась проституцией. Геринг немедленно передал их Гитлеру, и Бломбергу пришлось подать в отставку. Свидетельства о том, что Геринг строил козни, чтобы убрать с дороги Фрича и Бломберга и стать главой военного ведомства, основываются на показаниях таких людей, как Гизевиус, которые далеко не симпатизировали ему.

В Нюрнберге Герингу предъявили обвинение по четырем пунктам: он участвовал в планировании агрессивной войны; он вел агрессивную войну; он совершал военные преступления; он совершал преступления против челове-

чества. По всем пунктам с самого начала он был признан виновным, его имя упоминалось в связи со всеми военными преступлениями. Когда в Баварии он был взят в плен американским генералом Стаком, с ним обращались как с военнопленным, имеющим высокое воинское звание, оставили ему маршалский жезл, семья оставалась при нем, и они даже вместе обедали. Но продолжалось это очень недолго. Уже на следующий день он понял, что его рассматривают не как военнопленного, а как военного преступника. Как только из штаб-квартиры Стака Геринга доставили в Кицбюгель, с него сняли знаки отличия рейхсмаршала. Затем его перевели в лагерь-накопитель, который располагался в пивных подвалах в Аугсбурге, потом, после остановки в Мондорфе, на корабле отвезли в Нюрнберг. Куда бы его не привозили, всюду он вызывал интерес. Солдаты просили у него автограф, офицеры хотели поговорить с ним; пронесся слух, что охранники избили его. Если этот факт и имел место, он никогда не жаловался. Он знал, что ему предстоит. Его последнее предназначение, как он его понимал, состояло в том, чтобы дать пример достойного поведения человека, которого постиг полный крах. Корабль идет ко дну, но надо вести себя как второй в команде человек, оставшийся в живых после самоубийства капитана — теперь он в ответе за все, что осталось после кораблекрушения. Почти ничего не сохранилось от лощеной помпезности нацистского государства, и Геринг ухватился за позу верности фюреру — ее отобразить было не так просто, как маршалский жезл.

В Нюрнберге Геринг не скрывал, что он сделал все от него зависящее, чтобы вновь вооружить Германию, перестроить экономику на военный лад, подготовить рейх к возможной блокаде, как можно быстрее построить бомбардировщики и истребители в возможно большем количестве, обучить пилотов. Обвинитель указал, что четырехмоторные бомбардировщики являются орудием агрессии, и один из свидетелей заявил, что у Германии их имелось совсем немного. Когда Герингу предоставили слово, он сказал, что был бы рад иметь четырехмоторные бомбардировщики, просто он предпочитал им другие типы самолетов, и что это решение не имеет ничего общего с

агрессией, а объясняется лишь ограниченностью имевшихся ресурсов. Он гордо сказал суду, что слава «аншлюса» принадлежит ему и он — именно тот человек, который несет за него основную ответственность. Записи всех его телефонных переговоров с Зейсс-Инквартом и другими нацистскими чиновниками в Вене, так же, как и с Риббентропом, находившимся в Лондоне, попали в руки союзников, но Геринг, вовсе не собираясь себя защищать, повествовал о том, какие изменения в правительстве он произвел, как избавился от Курта фон Шушнига и поставил на его место Зейсс-Инкварта. Австрия была готова возмутиться, но указания Геринга в последние часы существования республики были тщательно рассчитаны, он держал в руках все карты, и небольшое государство, не имевшее внешней поддержки и внутреннего единства, было обречено.

Адвокат Геринга, Отто Стамер, должен был защищать его от гораздо более серьезных обвинений, чем присоединение Австрии к Третьему рейху. Нацистские преступники, и Геринг среди них, обвинялись в массовых убийствах 11000 польских военнослужащих в Катынском лесу. На включении этого пункта в обвинение настаивали русские, несмотря на возражения американцев и британцев. Многие в Нюрнберге понимали, что улики против немцев в этом деле слабы, если не сказать хуже, поскольку поляки уже провели свое тщательное расследование этого преступления. Результаты расследования они опубликовали в Лондоне, и то, что они, а также американская и британская разведки узнали об этой трагедии, было впоследствии подтверждено и опубликовано соответствующими комитетами американского конгресса после тщательной проверки, а также историками. Русские, а не немцы совершили преступление в Катынском лесу, и многие люди, находившиеся в зале суда, знали об этом; без всякого сомнения, знали об этом и русские судьи и обвинители. Польские подпольщики были убеждены, что это преступление совершили не немцы. Одиннадцать сенаторов и десять членов польского правительства в изгнании прислали свое мнение по этому вопросу перед началом процесса судье Джексону, указывая ему, что «нежелательно» включать Катынскую трагедию в обвини-

тельный акт против немцев. По документам, имевшимся у поляков, получалось, что один из русских, принимавший участие в преступлении, в Нюрнберге выступал в качестве обвинителя. Члены американского и британского обвинения, да и куда более высокопоставленные чиновники, оказались перед весьма трудным выбором. Ни Нюрнбергский трибунал, ни, до его созыва, лидеры западных союзных держав не могли эффективно действовать в этом вопросе, избегая выдвигать обвинения против русских. Когда Джордж Эрл, специальный эмиссар на Балканах, рассказал об этой истории Рузвельту, президент сказал, что Эрл попал под влияние геббельсовской пропаганды. Черчилль запретил генералу Владиславу Сикорскому проводить дальнейшее расследование, сказав: «Если они [польские офицеры] мертвы, вы ничего не сможете сделать, чтобы вернуть их». Эрл настаивал на публикации отчета об этом трагическом событии, но Рузвельт категорически запретил, и Эрл, эксперт по Балканам, был отправлен на Самоа, где он оставался до смерти Рузвельта. Русские настаивали на том, чтобы Катынская трагедия вошла в обвинительное заключение в Нюрнберге, но не добились своего. Трибунал не упомянул об этом преступлении в приговоре. Советское обвинение представило трех свидетелей: заместителя бургомистра Смоленска периода немецкой оккупации, который, по замечанию доктора Стамера, зачитывал по бумажке ответы на вопросы, которые задавал ему советский следователь; русского доктора, показания которого вторили мнению официального советского расследования; и некоего болгарина, который состоял в международной комиссии, сформированной немцами, когда впервые были обнаружены общие могилы, заполненные телами. Болгарин, доктор Марко Марков, отказался от своего прежнего мнения, что это русские совершили преступление, и обвинял немцев. То, что он говорил в Нюрнберге, звучало неубедительно, и на членов трибунала — за исключением русских — не произвело впечатления. Незадолго до этого Марков предстал перед советским судом и после отречения от прежних убеждений был привезен в Нюрнберг в качестве обвинителя. Поскольку ему предстояло вернуться в Болгарию, давая показания в Нюрнберге, он

был не более свободен в выборе линии поведения, чем перед лицом советского суда.

Истинные факты Катынской трагедии скрыть было не так-то просто. Пятнадцать тысяч польских военнослужащих (включая 8300 офицеров), захваченных русскими в плен, бесследно исчезли весной 1940 года. Их письма родным, которые они обычно писали раз в месяц, внезапно перестали приходить домой в середине апреля 1940 года — более чем за год до нападения Германии на Россию. Усилия польского подполья и затем генерала Владислава Андерса, освобожденного из советского лагеря для военнопленных, усилия официальных лиц получить у Советского Союза какую-либо информацию о местонахождении пропавших военнослужащих оказались безуспешны. А между тем новая польская армия, формируемая в России, нуждалась в пропавших солдатах и офицерах. В феврале 1943 года солдаты 537-го немецкого полка связи обнаружили от 4500 до 4800 трупов польских офицеров. Эти офицеры были вывезены из лагеря для военнопленных в Козельске в Катынский лес, недалеко от Смоленска. Министерство пропаганды Германии, узнав в апреле 1943 года о находке, подняло шумиху, обвиняя русских, и попросило Международный Красный Крест прислать группу докторов для расследования. Руководство Красного Креста считало, что не может сделать этого, пока советское правительство не подтвердит приглашение. Тогда немцы создали группу специалистов по судебной медицине из представителей двенадцати государств, как союзных, так и нейтральных и оккупированных. Были представлены Швейцария, Финляндия, Бельгия, Франция, Дания, Италия и другие страны. Немцы хотели полной объективности и предоставили комиссии свободу действий в ее работе. Поляки прислали собственную комиссию из двадцати человек, в том числе из представителей Сопrotивления, и у них, как и у членов международной комиссии, вскоре не осталось сомнений в том, кто совершил здесь преступление. Убитые были одеты в зимнюю одежду. Микроанализ показал, что деревья на их могилах были пересажены сюда в 1940 году, а не летом 1941 года, когда здесь появились немцы. Состояние трупов, повреждения черепных коро-

бок, дневники и письма, найденные на телах, — все говорило о том, что они умерли в апреле 1940 года, и не позже.

Отто Стамер ознакомился с обвинением, как и другие представители немецкой защиты, в том числе Отто Кранцбюлер, представлявший адмирала Деница, и Ганс Латернсер, представлявший верховное командование Германии. Оставалось неясным, против кого конкретно направлено обвинение. Видно было только, что обвиняются вооруженные силы Германии, верховное командование и «нацистские заговорщики». Советская сторона прямо обвинила одного из свидетелей, но обвинение рухнуло, когда этот человек, полковник Фридрих Аренс, сумел доказать, что отсутствовал в месте совершения преступления, когда оно происходило. Советское обвинение, следуя своей обычной практике, представило свидетелей, дававших заученные показания, за что получило нарекания от трибунала. Но когда Латернсер попытался выяснить у президента трибунала, кто же несет ответственность за совершенное в Катыни преступление, судья лорд Джеффри Лоуренс заявил: «Я не собираюсь отвечать на вопросы такого рода».

В конце концов ответственных за это преступление так и не назвали. Это преступление не было отражено в обвинительном заключении против Геринга или какого-либо другого обвиняемого. С точки зрения союзников, этот эпизод стал самым сомнительным на процессе. Адвокат Геринга просил генерала Андерса, который командовал польской армией в Советском Союзе, предоставить материалы, собранные поляками. Андерс был готов пойти навстречу, но, как офицер, не мог действовать без разрешения союзного начальства, которое запретило ему предоставлять эти документы. Позже судья Джексон говорил, что никогда не слышал о запросе Андерса. Геринг не имел никакого отношения к Катынской трагедии, и другие обвинения против него также оказались весьма сомнительны. Выискивая доказательства его преступной деятельности, обвинение связывало Геринга с работой организаций, которые либо вообще никогда не существовали, либо играли незначительную роль в Третьем рейхе. Так, судья Джексон обвинил Геринга в том, что он яв-

лялся председателем Совета обороны рейха; название звучало довольно зловеще, и такая организация могла бы содействовать возрождению военной мощи Германии — если бы она существовала и функционировала. Геринг показал, что подобная структура, задуманная как секретная, была основана в 1933 году и распущена в 1938. В 1938 году было объявлено, что она воссоздается, но Совет обороны не играл важной роли, его аппарат оказался слишком громоздким. 18 ноября 1938 года Геринг обратился к широкой аудитории членов Совета обороны с речью, в которой поставил задачу утроить военную мощь Германии, наладить транспортную систему, облегчить финансовое положение через изъятие собственности у евреев. Однако после выступления не было ни дискуссии, ни конкретных решений; Геринг, как председатель, просто озвучил собственные планы. Он заявил, что на других крупных собраниях больше не присутствовал, а через год Совет обороны был заменен министерским совещанием. Не большей была вина Геринга и в создании другой организации, которую он придумал, чтобы помочь Нейрату «сохранить лицо». Когда Риббентропа назначили министром иностранных дел, Геринг предложил Гитлеру: пусть Нейрат будет председателем какой-нибудь организации, назовем ее хотя бы «Тайный совет кабинета министров». Название структуры впечатляло, казалось, что она должна выполнять важные функции. Гитлер возразил, что едва ли Нейрат согласится быть председателем несуществующей организации, и Геринг, как он рассказывал трибуналу, тут же достал лист бумаги и карандаш и набросал несколько фамилий, включив и самого себя; так возник орган-фантом под председательством Нейрата, который, однако, ни разу не собирался на совещания.

Следствие по преступлениям, которые действительно могли быть вменены в вину Герингу, а именно массовые убийства и военные преступления, за которые он, как второе лицо в рейхе, нес полную ответственность, развивалось медленно. Первый вопрос, который задал Герингу судья Джексон на перекрестном допросе, был:

— Признаете ли вы, что являетесь единственным оставшимся в живых человеком, который может изложить

нам подлинные цели нацистской партии и объяснить нам политику ее руководства?

Г е р и н г. Полностью признаю это.

Д ж е к с о н. С самого начала вы, в сообществе с другими лицами, стремились к свержению и позже свергли Веймарскую республику?

Г е р и н г. Признаю, что я был убежден в необходимости этого.

Любой революционный лидер давал бы подобные ответы на подобные вопросы. Позиция Геринга как революционера и человека, делавшего все возможное, чтобы избавиться от оков Версаля, была неуязвима. Обвинить его можно было в массовых убийствах, и ключевым документом обвинения был приказ, отданный им Гейдриху 31 июля 1941 года, в котором говорилось:

«В дополнение к заданию, полученному вами 24 января 1939 года, которое касается осуществления переселения и эвакуации с целью успешного решения еврейской проблемы, я настоящим обязую вас выполнить все необходимые приготовления, как организационные, так и финансовые, для обеспечения полного решения еврейского вопроса в сфере влияния Германии в Европе.

Все правительственные структуры, где бы они не находились, обязаны сотрудничать с вами.

Прошу вас быстрее выслать мне всеобъемлющий план, включающий перечень организационных, практических и финансовых мер, необходимых для осуществления желаемого окончательного решения еврейского вопроса».

Этот приказ привел процесс уничтожения в действие. Геринг издал его как руководитель четырехлетнего плана и как второй человек в рейхе, который издавал директивы по широкому кругу вопросов, поскольку у фюрера не хватало времени на все. Как следствие этого приказа была проведена конференция в Ванзее, которую, среди прочих, посетил и Адольф Эйхман; на этой конференции было принято решение о переходе к массовому истреблению еврейского населения. Протокол заседания начинается словами: «Глава тайной полиции, СД и СС обергруппенфюрер Гейдрих, названный рейхсмаршалом исполнителем окончательного решения еврейской проблемы...» Геринг, в своем письме к Гейдриху, использует то же выражение, —

«окончательное решение», которое, как показали события, означало для нацистов не что иное, как поголовное уничтожение. В Нюрнберге Геринг сказал судье Джексону, что «мы написали «тотальное решение», а не «окончательное решение». Джексон не стал оказывать давление на Геринга по поводу этого отличия. Действительно, в первом абзаце своего письма к Гейдриху Геринг использовал выражение «полное решение». На основании приказа рейхсмаршала и решений конференции в Ванзее на выражении «окончательное решение» остановился Гейдрих, заявил Геринг на процессе.

Судья Джексон зачитал список мер, предпринятых Герингом против евреев: он провозгласил нюрнбергские законы; в 1936 году он обнародовал закон, объявивший перемещение собственности за границу преступлением, каравшимся смертью; в апреле 1938 года в рамках четырехлетнего плана он издал декрет, предусматривающий регистрацию собственности евреев, — предтеча закона о ее конфискации; в довершение ко всему, он издал декрет, запрещающий евреям владеть розничными магазинами, продавать товары и услуги на базарах, ярмарках, выставках и быть руководителями предприятий. Геринг признал издание всех этих декретов, и на последний вопрос он ответил: «Да. Все эти декреты были направлены на изгнание еврейства из экономической жизни». Для такого человека, как Геринг, который ценил людей по степени их полезности или по способности удовлетворять его тщеславие — даже если это были евреи, — весьма характерно применение коллективного названия — «еврейство». 21 февраля 1939 года он подписал декрет, обязавший евреев сдать все имевшиеся у них драгоценности — золото, серебро, платину и ювелирные изделия.

Под всеми этими документами стояла подпись Геринга, но он был причастен к гораздо худшим деяниям, чем декреты, публиковавшиеся в «Рейхсгазетсблатт». Он знал о фургонах смерти, в которые мужчин, женщин и детей грузили якобы для перевозки, а потом душили газом; он знал о газовых камерах. Это по его приказу Гейдрих запустил конвейер смерти. Геббельс в своем дневнике в записи от 2 марта 1943 года приводит его слова: «Особенно в еврейском вопросе мы зашли так далеко, что обрат-

ного пути нет... движение и люди, которые сожгли за собой мосты, борются с гораздо большей решимостью, чем те, у которых есть возможность отступления». 12 марта 1933 года Геринг заявил, что евреи не могут рассчитывать на защиту их жизни или собственности в Третьем рейхе: «Конечно, я использую полицию, и ее действия будут достаточно жестокими, хотя это и будет больно народу Германии; но я отвергаю мнение о том, что полиция — это охранные отряды для еврейских магазинов. Нет, полиция защищает тех, кто законно прибыл в Германию, она существует не для защиты еврейских ростовщиков».

В 1938 году он сказал: «Мы не можем допустить, чтобы евреи умирали с голоду», — но подписал законы и выпустил декреты, лишившие евреев средств к существованию. «Эти свиньи», как он их называл, подлежали изгнанию из экономической жизни Германии и из немецкого общества.

На совещании, которое последовало после «хрустальной ночи», Геббельс и Гейдрих требовали от Геринга определения последующих антиеврейских действий и мер возмездия по отношению к евреям. Гейдрих доложил, что было разграблено 7500 еврейских магазинов, сожжены 101 и разрушены 76 синагог. Геринг, паясничая, выяснял, кто проявил больше жестокости — Гейдрих или Геббельс. Собрание под председательством Геринга проходило в министерстве воздушного флота 12 ноября 1938 года и продолжалось два часа сорок минут. Поводом для погрома стало убийство члена дипломатической миссии Германии в Париже фон Рата, которое совершил молодой поляк еврейского происхождения. Погром не был спонтанной реакцией на убийство. Геббельс, Гейдрих и компания использовали убийство фон Рата как повод для серии мер против евреев. Банды нацистских хулиганов систематически грабили еврейские магазины, в которых продавались ювелирные изделия и меха, грабили все, на что могли наложить руки. Погром долго готовился, и убийство фон Рата стало только поводом, чтобы осуществить его. Геббельс прибыл на собрание, готовый оправдывать антиеврейские действия; он был одним из главных зачинщиков беспорядков.

Г е б б е л ь с. Я настаиваю, чтобы евреям был запрещен доступ во все общественные места, где они могут стать причиной провокаций. Еврей все еще может делить спальный вагон с немцем. Поэтому рейхсминистр транспорта должен издать приказ об отдельных купе для евреев. Если места в этих купе заняты, еврей не может получить места. Евреи не должны перемешиваться с немцами; если мест нет, они должны стоять в коридоре.

Г е р и н г. Я думаю, будет разумнее предоставить им отдельные купе.

Г е б б е л ь с. Только если поезд не переполнен.

Г е р и н г. Одну секунду. Пусть будет один вагон для евреев. Если он полон, пусть остальные евреи останутся дома.

Г е б б е л ь с. Но предположим, что пассажиров немного, например, на дальний поезд на Мюнхен. Предположим, что в поезде всего два еврея, а остальные купе переполнены; тогда эти два еврея займут целое купе. Поэтому в приказе должно быть сказано, что евреям предоставляются места только после того, как все немцы будут обеспечены местами.

Г е р и н г. Я бы предоставил евреям один вагон или одно купе, а если возникнет такая ситуация, о которой вы говорите, и поезд будет переполнен, поверьте мне, не будет надобности в законе. Еврея можно просто выбросить из поезда, или он может просидеть всю дорогу в туалете.

Потом Геббельс пожаловался, что евреи пользуются немецкими курортами, и предложил издать закон, который запрещал бы это. Геринг горячо поддержал предложение: «Пусть у них будут собственные». Когда дискуссия коснулась вопроса об использовании парков, Геббельс вновь предложил запретить евреям пользоваться ими. «Евреи, — сказал он, — должны быть удалены от взоров публики; их присутствие провокационно». На это Геринг ответил: «Мы предоставим евреям часть леса, а лесники будут наблюдать, как животные, похожие на евреев — лоси ведь тоже горбоносые, — будут приходить к ним за оградой и жить среди них». Собрание, обсуждавшее, сколько евреи должны заплатить за вред, причиненный обществу, продолжалось. Геббельс настойчиво проводил мысль о

недопустимости присутствия евреев в местах скопления немецкой публики. Он говорил о ползучей пропаганде, ведущейся еврейскими женщинами на Фербелинерплатц в Берлине.

Г е б б е л ь с. Есть еврейки, которые не очень похожи на евреек. Они сидят рядом с немецкими матерями с детьми, жалуются и сплетничают.

Г е р и н г. Они не говорят о том, что они еврейки.

Г е б б е л ь с. Я вижу в этом большую опасность.

«Евреи, — продолжал Геббельс, — должны иметь специальные места; они должны сидеть на скамейках, на которых помечено: «только для евреев».

Он выступал за удаление еврейских детей из немецких школ. В Нюрнберге Геринг заявил, что Геббельс зашел так далеко, что сказал: отношение Геринга он считает провокационным, хотя из текста видно, что слово «провокация» Геббельс повторял только применительно к евреям, а не по отношению ко второму лицу в рейхе.

Собрание продолжало обсуждать волнующий всех вопрос: как заставить евреев заплатить за «хрустальную ночь»? Один из присутствующих сказал, что хорошим возмещением ущерба было бы потребовать у них сдать имеющиеся на руках государственные облигации. Громкий голос Геринга прорвался сквозь шум голосов. Он сказал: «Решение здесь очень простое. Я издам указ, объявляющий незаконным продажу облигаций евреям или покупку кем-либо облигаций у них».

В ходе совещания Геринг играл роль остроумного, строгого, но справедливого вице-короля, который творит правосудие на свой собственный манер. В конце концов он принял решение: на евреев за причиненный ущерб накладывался штраф, кроме того, они должны были погасить все убытки, понесенные страховыми компаниями. Всего евреям предстояло выплатить пять миллиардов марок. Только за разбитые оконные стекла страховые компании выставили счет в шесть миллионов марок. Стекло поставляли из Бельгии; платить за него следовало иностранной валютой, которой остро не хватало. Деньги шли не потерпевшим собственникам магазинов — евреям и арийцам, вносившим страховые платежи, — а, по распоряжению Геринга, государству. Геринг говорил, что он

устал от волнений и беспорядков, которые в конечном счете были направлены не против евреев, а против него как ответственного за успешное осуществление четырехлетнего плана, который подвергался серьезной угрозе из-за уничтожения собственности.

Протокол этого собрания раскрывает нам лицо Геринга. Он страдал обыкновенным немецким антисемитизмом. Евреям позволялось самое примитивное существование. Их предприятия захватывались представителями государства для дальнейшей продажи арийцам, но самим евреям предоставлялась защита и сохранялась жизнь — неизвестно, правда, за счет каких доходов. Но они должны были в возмещение ущерба заплатить штраф в пять миллиардов марок. Геринг не хотел путешествовать вместе с евреями или видеть их в общественных местах, но он разрешал им жить, он даже разрешал им пользоваться немецкими больницами — по крайней мере, какое-то время. Он выдворял их из экономики рейха, но, если они ухитрялись выжить, возможно, торгуя друг с другом, они могли путешествовать в поездах в специальных вагонах или купе.

Исполняя директиву Гитлера по решению еврейского вопроса, он применял жесткие экономические меры, но Геббельс и Гейдрих подталкивали его к проведению еще более жестокой внеэкономической линии. Именно Геббельс отдал приказ о проведении «хрустальной ночи». На том памятном совещании он и Гейдрих представляли яркий антисемитизм в духе Штрейхера. Для них евреи были моральным и физическим оскорблением немецкого народа. По высказываниям Геббельса нетрудно было понять, что вскоре он потребует нового наступления на евреев, после которого они не только исчезнут из поля зрения, но и вообще уйдут из жизни.

В ходе совещания Геринг играл несколько разных ролей. Он был могущественным вице-королем: «Я издам указ, и все будет в порядке». Он был клоуном, вызывающим смех публики замечанием о горбоносых лосях, и Геббельс непрерывно подталкивал его к более жестоким мерам, которые вскоре и были предприняты против евреев. Он был готов оштрафовать их, унижить и заставить страдать. Он заметил, что предпочел бы гибель 200 евреев

тому большому ущербу, который понес германский рейх. Гейдрих ответил, что было убито тридцать пять евреев. Приведенные реплики раскрывают характер каждого из этих людей. Геринг подчеркивает свое значение как руководителя четырехлетнего плана. Для него 200 евреев — ничто в сравнении с заданием сохранять собственность Германии, пока рейх вооружается. Гейдрих, говорящий о смерти, а не о материальных ценностях, — настоящий убийца, для которого жизнь тридцати пяти евреев — не более чем символический задел на будущее.

Разговор продолжался, и австрийский экономист Ганс Фишбек, один из сообщников Зейсс-Инкварта, рассказал о планах, разработанных в Вене: 10000 из 12000 еврейских мастерских и 4000 из 5000 еврейских розничных магазинов должны быть закрыты. Оставшиеся предстоит ариизировать. Таким образом, сказал Фишбек, из этих 17000 предприятий будут ликвидированы 13500 или 14000. Все, что необходимо для этого — небольшой закон.

Геринг сказал: «Я издам такой указ сегодня».

Фишбек заявил, что уже есть покупатели на половину из остающихся 3000 предприятий, подлежащих ариизации, и если на другую половину покупателей к концу года не будет, правительство само решит, ликвидировать их или нет. Они могут быть переданы опекунам, представляющим государство, и с еврейским бизнесом будет покончено.

Геринг. Это будет великолепно.

Функ. Мы можем сделать то же самое здесь. Я подготовил проект закона, предусматривающий это. Вступая в силу с 1 января 1939 года, он запрещает евреям управлять розничными магазинами или заниматься оптовой торговлей, так же как и иметь самостоятельные мастерские. Далее, им запрещается иметь работников или торговать любой готовой продукцией на рынках, размещать объявления или рекламировать свои услуги, распоряжаться или отдавать приказы. Где бы не открылся еврейский магазин, полиция обязана будет закрыть его...

Геринг. Я считаю, что мы можем одобрить этот закон.

Фишбек рассказал, как экспроприировалась собственность евреев в Австрии, и Функ спросил, почему, когда

у них изымали предприятия, они не сохраняли части своих акций. Геринг пояснил, что в этом случае сохранялось бы присутствие евреев в экономике.

Обсуждение коснулось вопроса об изоляции и идентификации евреев. Гейдрих сказал, что они должны носить определенный опознавательный знак. Геринг спросил: «Униформу?» Гейдрих ответил: «Знак. Таким образом мы положим конец недоразумениям с иностранцами—евреями, которые неотличимы от наших».

Потом Геринг предложил создать гетто. Власти смогут определять, какие магазины там должны находиться, и отток товаров в ущерб немецкому населению можно будет контролировать. «Но мы не можем допустить, чтобы евреи голодали», — сказал он. Закрывая совещание, подытожил свое мнение: «Я требую, чтобы немецкое еврейство, в качестве наказания за отвратительные преступления, внесло контрибуцию в один миллиард марок. Это будет справедливо. Свинья не скоро совершит повторное убийство. По этому поводу скажу, что не хотел бы я быть евреем в Германии».

Оставалось три года до того дня, когда Геринг отдаст Гейдриху приказ об осуществлении «окончательного решения». Предстоял долгий путь от водворения евреев в гетто, где они могли открывать мастерские и магазины и лимитированно снабжались из государственных источников, до газовых печей. Возможно, поэтому на собрании 12 ноября Гейдрих возражал против создания гетто. Учреждение гетто через закон или обычай, ограничения в экономической деятельности и перемещениях на транспорте, ограничения в пользовании общественными местами не были чем-то новым для Европы. Не были новостью и погромы, такие, как «хрустальная ночь». Новым было систематическое, «легальное», хладнокровное уничтожение целого народа, которое началось после распоряжения, полученного Гейдрихом от Геринга. Собственные сантименты Геринга не имели значения для того, что планировалось и было впоследствии осуществлено. Если бы Геринг не отдал приказ Гейдриху, это сделали бы фюрер или Гиммлер. Не в мозгу Геринга родилась идея подобного приказа; однако ни в его психике, ни в его понимании должного мироустройства не

возникло ни малейшего протеста против идеи массового уничтожения невинных людей. Свидетель по делу Геринга на процессе генерал Карл Боденшау рассказал, как Геринг подчас защищал некоторых евреев: по настоянию Ганса Франка он остановил депортацию польских евреев в генерал-губернаторство в 1940 году, разрешил еврейским семьям, работавшим в военной промышленности Германии, остаться в стране на год после того, как в 1941 году началось выселение евреев на Восток. Однако, когда пришло время подписывать приказ об уничтожении, именно Геринг, лицемерно завуалировав его под «окончательное решение», подписал этот документ. Сначала его антисемитизм носил характерные для довоенного нацизма черты и выражался в декретах, направленных на изгнание евреев из экономической жизни Третьего рейха. Но на протяжении трех лет он становился все более и более сильным и дошел до того, что стал посылать евреев в газовые камеры. Отдельных евреев он, случалось, спасал, но «еврейство» приговорил к смерти.

Геринг был безжалостен, когда дело касалось русских или поляков. «Я настаиваю на полном разграблении», — заявил он, говоря о России. Своим помощникам по экономическим вопросам он говорил: «Где бы вы не наткнулись на то, что может понадобиться народу Германии, вы должны гнаться за этим, как ищейки; оно должно быть изъято из употребления и доставлено в Германию». 6 августа 1942 года он сказал рейхскомиссару оккупированной территории: «В моем «зеленом портфеле» содержится план безжалостной эксплуатации ресурсов России, разработанный накануне нападения Германии на Россию, предусматривающий «прекращение снабжения обширной лесной зоны [России]», включая такие крупные индустриальные центры, как Москва и Ленинград». 16 сентября 1941 года он издал приказ: «Только те, кто работает на нас, будут получать продукты по установленным нормам. Если кто-то думает, что мы будем кормить население оккупированных восточных территорий, то он глубоко заблуждается. Было бы ошибкой выбрасывать продовольственные запасы на эти цели, отрывая их от армии и вызывая продовольственные трудности в Германии».

Одержимый целью обеспечить рейх всем необходимым, он говорил рейхскомиссару:

— Видит Бог, вы были посланы сюда [на Восток] не для того, чтобы обеспечивать благосостояние народа, которым управляете, но для того, чтобы выжать из него максимум возможного, чтобы немецкий народ мог жить... Эта забота о чужом народе должна быть отброшена раз и навсегда... Для меня не имеет значения, когда вы говорите, что этот народ вымирает от голода. Пусть вымирает, лишь бы не вымирали немцы. Одну вещь я определенно сделаю. Я заставлю вас обеспечивать поставки в количестве, которое требуется от вас, а если вы не сможете этого, я найду средства заставить вас выполнить приказ, хотите вы этого или нет. Теперь давайте посмотрим, что может дать Россия. Я думаю, Риеке*, мы сможем получить два миллиона тонн хлеба и фуража со всей России.

Р и е к е. Это осуществимо.

Г е р и н г. Имеется в виду, что с учетом потребностей вермахта мы должны собрать еще три миллиона тонн.

Р и е к е. Вряд ли — вермахт пока на подступах к основным зерновым районам.

Г е р и н г. Тогда мы соберем два миллиона.

Р и е к е. Нет.

Г е р и н г. Тогда полтора миллиона.

Р и е к е. Хорошо.

Г е р и н г. Господа, у меня очень много забот и очень большая ответственность. У меня нет времени читать письма и меморандумы, в которых вы извещаете меня, что не можете выполнить мои требования, у меня есть время только на то, чтобы время от времени просматривать короткие доклады... о том, что задание выполнено полностью. Если же нет, мы с вами будем встречаться на другом уровне.

Переходить дорогу Герингу было опасно. Больше всего он гневался, когда уязвляли его тщеславие. Он презирал евреев и славян, однако мог в ярости обрушиться на любого, невзирая на национальность, если не исполняли то, чего он требовал. «На оккупированных территориях, —

*Ганс Иоахим Эрнст Риеке, назначенный рейхскомиссаром; эксперт по продовольствию в министерстве Геринга.

говорил он, — меня интересуют только те люди, которые работают в производстве вооружений и обеспечивают продовольственные поставки. Они должны получать достаточно, чтобы быть в состоянии продолжать работать. Мне все равно, относятся голландцы к германцам или нет».

Что касается борьбы с партизанами, Геринг был сторонником следующих, обычных для восточных территорий, приемов. Он с удовлетворением рассказывал, как после нападения на немецких солдат в одной из деревень мужчины были выстроены по одну сторону улицы, а женщины по другую. Мужчин должны были расстрелять, если женщины не укажут, кто из них не местный. Он говорил, что женщины всегда указывают чужаков, чтобы спасти своих мужей. Тех, кого не расстреляли, отправляли в концлагеря, детей помещали в детские лагеря, а деревню сжигали.

Геринг любил приключенческие фильмы про ковбоев и индейцев, развлекательные фильмы, которые ему демонстрировали в его собственном поезде и в «Каринхалле». Чешский посол в Германии перед войной сообщил, что в спальне Геринга в «Каринхалле» он видел книги Карла Мая, известного немецкого писателя, автора авантурных романов об американских индейцах, а также сочинения Жюль Верна в немецком переводе. Один из планов Геринга по ведению кампании в России был близок к тактике борьбы с краснокожими. Он предлагал рекрутировать осужденных, браконьеров и другие отбросы общества и посылать их за линию фронта в тыл к русским для совершения убийств, поджогов, изнасилований. На допросе 8 октября 1945 года и в зале суда Геринг возражал против того, что он планировал совершение диверсантами изнасилований. Казалось, женщины пробуждают в нем сентиментальность, хотя он не был замечен в выражении симпатии к тем женщинам, которые не являлись немками. Еще командуя люфтваффе, он настоял на замене тюремного заключения за изнасилование более суровым наказанием — смертной казнью.

Основной директивой, которой Геринг придерживался в отношении России, было указание Гитлера о применении тактики «выжженной земли»; на его основании

рейхсмаршал издал 7 сентября 1943 года приказ, который гласил:

«1). Вся сельскохозяйственная продукция, средства производства, техника, применяемая в сельском хозяйстве и пищевой промышленности, подлежит вывозу. 2). Предприятия пищевой промышленности, действующие и строящиеся, подлежат уничтожению. 3). Основы сельскохозяйственного производства, особенно документация и учреждения, зернохранилища и т. д., организации и структуры пищевой промышленности подлежат уничтожению. 4). Население, занятое в сельском хозяйстве и пищевой промышленности, подлежит перемещению на территории западнее установленной линии».

К осени 1943 года кампания в России для обеих воюющих сторон превратилась в борьбу за выживание, когда пища и кров в условиях суровой погоды приобрели не меньшее военное значение, чем пушки, но рейхсмаршал продолжал следовать тактике выжженной земли, так как воспринимал врагов фюрера и Третьего рейха как своих личных врагов. Он был высокого мнения, например, о Йозефе Тербовене, человеке, чья жестокость и участие в массовых убийствах в Норвегии не уступала зверствам Гейдриха в Чехословакии. Герингу нравились варвары, он был одним из них — браконьером, убившим и избежавшим наказания, управителем, который поджег дом и перебил всех его обитателей во славу «Великого рейха».

С момента вторжения немецких армий в Польшу он использовал принудительный труд — во имя осуществления четырехлетнего плана. «В борьбе за существование немецкого народа нельзя быть излишне щепетильным в вопросе о соблюдении договоров», — говорил он. Это заявление означало, что в экстремальных условиях нация может действовать, попирая международные соглашения, в которых она участвовала; и державы, чьи представители заседали в трибунале, время от времени, случалось, вынуждены были следовать этому правилу, но ни одна из них не превращала труд в тяжкую повинность, осуществляемую в столь нечеловеческих условиях, как в рейхе (за исключением Советского Союза, где в порядке вещей был принудительный труд миллионов собственных гражд-

дан). В конце войны Франция и Россия использовали труд немецких военнопленных, которые работали в условиях почти столь же невыносимых, как и подневольные работники у немцев. Соединенные Штаты, передавшие французам сотни тысяч немецких военнопленных, были вынуждены выразить протест по поводу обращения французов с ними. Для гражданского населения Германии была введена трудовая повинность. Принятое Союзным контрольным советом воззвание за №2 в сентябре 1945 года гласило: «Немецкие власти должны предоставить в распоряжение Объединенных Наций работников, персонал, экспертов и других специалистов для использования как внутри, так и за пределами Германии согласно распоряжениям союзных властей». На основании данного документа 200000 немцев были «легально» отправлены в Советский Союз после окончания военных действий. Союзники оправдывали свои действия тем соображением, что будет правильным, если немцы восстановят то, что было разрушено Третьим рейхом. В действительности же ни одно международное соглашение не предусматривало такое использование принудительного труда.

Несомненно, Геринг действовал незаконно, когда обратился к Фрицу Заукелю, чьей энергией он восхищался, с призывом рекрутировать миллионы рабочих для осуществления экономической программы рейха и когда использовал военнопленных в военной промышленности и в программе противовоздушной обороны люфтваффе. Когда его адвокат хотел ознакомить трибунал с немецкой Белой книгой и показать, как русские обращались с пленными немцами, и, таким образом, хотя бы частично оправдать действия Геринга в отношении пленных из союзных держав, президент трибунала заявил: «Мы собрались здесь для того, чтобы судить главных военных преступников, а не какую-либо из союзных держав». Последовала дискуссия, в ходе которой президент добавил: «Вопрос в том, как вы осмеливаетесь на процессе над главными военными преступниками Германии свидетельствовать против Великобритании, или против Соединенных Штатов Америки, или против СССР, или против Франции? Если вы собираетесь расследовать действия этих четырех союзных держав, не говоря уже о

других вопросах, процесс вообще никогда не завершится». Учитывая такое одностороннее отношение к свидетельским показаниям, Геринг не мог быть оправдан. Подневольные работники на авиационных заводах (в том числе и узники концлагерей) трудились в ужасных условиях и умирали тысячами от недоедания и в переполненных, непригодных для перевозки людей составах, прибывающих в рейх и уходящих из него. Геринг, конечно, не был непосредственно виновен во всех этих злодеяниях, но, несомненно, он знал о них.

Кроме того, ряд захваченных немецких документов свидетельствовал, что Геринг виновен в расстрелах без суда захваченных вражеских «летчиков-террористов». К концу войны, когда немцы могли оказывать лишь слабое сопротивление авиации противника своими истребителями, самолеты союзников производили страшные опустошения, подвергая массированным бомбовым ударам города Германии. Штурмовики и бомбардировщики атаковали каждую машину или железнодорожный состав, каждую повозку, которая попадала в поле их зрения. Они гонялись за каждой живой мишенью — людьми, работающими в поле, бредущими по обочинам дорог или бегущими, чтобы спастись от смерти. На совещании в мае 1944 года в присутствии Геринга и высших офицеров военно-воздушных сил был принят документ, в котором говорилось: «Рейхсмаршал обратился к фюреру с предложением, согласно которому американские и английские экипажи, которые бомбят мирные города, расстреливают движущиеся гражданские поезда или солдат, подлежат немедленному расстрелу на месте». На процессе Геринг отрицал, что говорил это, но и другие документы, кроме приведенного, уличали его в отдаче приказа о расстреле на месте пленения.

Другой немецкий документ, подписанный генералом Вальтером Варлимонтом и датированный 6 июня 1944 года, сообщал об участии Геринга в совещании, на котором присутствовали также Кальтенбруннер, Гиммлер и Риббентроп и где было принято решение о применении суда Линча в случае нападения авиации союзников на гражданское население. Гитлер 21 мая 1944 года уже издал приказ, согласно которому английские и амери-

канские экипажи самолетов подлежали казни без суда, если они стреляли по гражданскому населению, поездам на железных дорогах или немецким летчикам, выбросившимся с парашютом или принужденным к посадке и находящимся в непосредственной близости от приземлившегося самолета, который подвергся обстрелу со стороны союзников, старающихся уничтожить его. Совершенно секретная записка Варлимонта от 30 июня 1944 года уличала Риббентропа и Геринга в том, что они утвердили решение о мерах, применяемых в отношении пленных летчиков противника.

В приговоре не упоминалось об этих эпизодах, хотя судья Джексон подверг Геринга перекрестному допросу по этому поводу. Половину приговора заняло доказательство вины Геринга в совершении преступлений против мира — а именно, в заговоре по развязыванию агрессивной войны и по ведению ее. «Он был составителем плана и главной его движущей силой, — гласил приговор, — он участвовал в военной и дипломатической подготовке войны, которую стремилась развязать Германия». Далее делался вывод: «Ничто не может послужить для смягчения приговора, потому что Геринг был часто — почти всегда — движущей силой, вторым после своего лидера лицом. Он вел агрессивную войну и как политический, и как военный руководитель...»

Как бы там ни было, обвинение против Геринга в расстрелах летчиков союзников без суда было серьезным, и, несмотря на все его опровержения, он был близок к признанию виновности в этих преступлениях. В его оправдание можно было сказать, что действия летчиков союзной авиации являлись преступлением, но в любом случае это преступление подлежало расследованию перед лицом немецкого трибунала. К 1944 году мало что осталось от представлений Геринга о законности, не говоря уже о рыцарском поведении, которое он демонстрировал в годы Первой мировой войны и в начале Второй, посылая солдат люфтваффе для защиты сбитых летчиков союзников от разъяренных мирных жителей.

Все последующие события оказывали пагубное влияние на рейхсмаршала. Все, к чему он стремился, — невиданный взлет почета и славы; он жаждал ежедневного

упоминания о том, что он — один из великих и сильных мира сего. Геринг жил хорошо, почти по-королевски. В начале следствия по его делу обвинение союзников тщательно изучило его финансовое положение и источники доходов. В ходе оккупации немцами Франции он скупал драгоценности в Париже у Картье. Его агенты скупали для него шедевры живописи в Швейцарии. Но, кроме Берлинского банка, у него не имелось вкладов за рубежом, не было спрятанных сокровищ — нигде. Кроме «Каринхалле», где американские следователи вместе с русскими упорно их искали. На все вопросы Геринг отвечал, что мог бы показать место хранения ценностей, если бы его доставили в «Каринхалле», на словах же он объяснить не может, а плана дворца под рукой не имеется. Он сказал, что когда-то у него была собственность в Баварии, но после неудавшегося путча и бегства из Германии его автомобиль был конфискован Баварским государством, а позже его жена продала всю собственность, чтобы расплатиться с долгами. Но все эти жертвы были с лихвой возмещены, когда партия пришла к власти. В 1959 году собственность, принадлежащая когда-то Герингу на территории Западного Берлина, оценивалась в 756000 рейхсмарок (она была конфискована в ходе денацификации), и сюда не входили герцогский дворец и поместья, принадлежащие ему, и коллекции произведений искусства, собранные его агентами и с помощью ведомства Розенберга, который имел приказ выискивать наиболее интересные работы, которые могут понравиться рейхсмаршалу. Собственность, оцененная в 1959 году, включала только банковские счета, акции и скульптуры.

Один из его подчиненных, фельдмаршал Мильх, по случаю своего пятидесятилетия получил от благодарного фюрера подарок в 250000 рейхсмарок. Самому Герингу Гитлер подарил коллекцию живописи, с которой начиналась его художественная галерея; как объяснял Геринг в Нюрнберге, он планировал оставить ее народу, и поэтому в ней были представлены не только произведения искусства, удовлетворявшие его вкусу, но и отражающие его щедрость и великодушие. Он сообщил американскому следователю, что как рейхсмаршал получал ежемесячно 28000 рейхсмарок, а из специального фонда ему была

предоставлена резиденция в Берлине. Его доход только от публикации книг в период, пока он находился на вершине власти, составил от одного до полутора миллионов рейхсмарок.* Вдобавок каждый месяц он получал от 5000 до 7000 рейхсмарок ренты. Расходы по содержанию «Каринхалле» и дворца в Берлине оплачивались государством.

В его верности фюреру, несмотря на позднейшие подозрения, не может быть сомнений. Так же, как хорошим столом и положением лендлорда, Геринг мог наслаждаться любой работой, любым поручением, будь то в экономике или в сфере вооружений. Награды за возрождение Германии он получал заслуженно и с удовольствием осознавал это в дни своего взлета, обласканный благодарным Гитлером, обрушившим на своего фаворита лавину вознаграждений. Оба были щедры на похвалу друг другу и великодушно прощали взаимные обиды. Геринг любил командовать; но он любил также пасть ниц перед фюрером и греться в лучах его славы. По отношению к подчиненным он мог быть безжалостным. На совещаниях любил показать свою власть, останавливая дискуссию: «Господа, достаточно. Я решу этот вопрос позже».

Роль и судьба второго человека в рейхе устраивали Геринга. На процессе он постоянно упоминал о тесном сотрудничестве, существовавшем между ним и Гитлером. Говоря о вине двадцати двух подсудимых, он заявил, что обвинение может быть только одно: против него и фюрера, потому что никто больше не мог разработать план, никто другой не стоял так близко к «трону». Американским следователям он объяснял, что как рейхсмаршал он не мог быть отправлен в отставку и не мог быть лишен своего звания: «Оно сохранится за мной, пока я буду жив». Ему не сопутствовали никакие права командования; просто это было высшее военное звание в рейхе. На

* Эти цифры он называл в Нюрнберге, но он мог и преувеличить. Геринг с трудом написал небольшую книгу «Возрождение Германии», которая была опубликована в Берлине и Лондоне в 1934 году. Это была хвастливая история успехов нацистов. Диктуя рукопись книги, Геринг имел в виду прежде всего ее воздействие на британскую читающую публику. Было опубликовано также множество его речей; он также претендовал на часть гонорара за биографию Грицбаха, но все-таки цифры, несмотря на принудительные распродажи книг рейхсмаршала, кажутся завышенными.

вопрос, считает ли он себя военным, ответил утвердительно. Он был уверен, что, не считая самого фюрера, является единственным человеком в Германии, совмещающим военную и политическую власть с глубоким умом и способностями.

Многие свидетели указывали на усилия Геринга сохранить мир. Швед Далерус, единственный свидетель-иностранец, допущенный трибуналом к защите, рассказал о своих полетах туда и обратно от Геринга в британский Форин-оффис по поручению рейхсмаршала накануне вторжения в Польшу; Геринг надеялся, сказал свидетель, что войны можно избежать. Помощник доктора Стамера, адвокат, наблюдавший почти все разбирательство дела Геринга на процессе, получил некоторые документы от одного шведского адвоката, пожелавшего предоставить их в распоряжение защиты. Эти документы хранились у шведа барона Кнута Бонде, который поддерживал связь с Герингом через его шведского друга Эрика фон Розена (родственника первой жены Геринга). Геринг признавался Бонде, что даже в случае начала войны он надеется сыграть роль посредника в переговорах между Германией и Англией. Бонде говорил, что Геринг был рад возможности попытаться достичь мира между двумя странами.

Между тем события развивались следующим образом: в середине сентября 1939 года Бонде прилетел в Англию, где встретился с лордом Галифаксом, который сказал, что Англия никогда не откажется от усилий заключить мирный договор с Германией Адольфа Гитлера, и если Польское государство будет восстановлено, а Чехословакия получит больше свободы, то, по его мнению, можно будет приблизиться к заключению договора. Галифакс сказал: «Если и есть человек в Германии, который может обеспечить мир, так это Геринг». Бонде прекратил свои усилия в 1941 году, после того, как Гитлер заявил, что возможность восстановления Польши он согласен обсудить, но для чехов ничего сделать не может. К 1941 году влияние Геринга на Гитлера стало ослабевать, сказал Бонде, и попытки ведения переговоров прекратились.

По просьбе доктора Стамера лорд Галифакс выслал письменные показания о своем визите в «Каринхалле», где он встретился с Герингом накануне войны. Сухим

слогом Галифакс изложил, что в то время считал: Геринг предпочтет избежать войны, если немцы мирным путем получают то, что хотят. Хотя Геринг в 1936 году на собрании немецких предпринимателей, производящих самолеты, говорил о своей уверенности в том, что война будет, сведения о его попытках предотвратить войну, несомненно, соответствуют истине. Возможно, они были вызваны соперничеством Геринга с Риббентропом, который не имел никакого отношения к миссии Далеруса и определенно стремился к войне, поскольку считал, что этого хочет от него Гитлер. Далерус писал в своей книге «Последняя попытка», что Геринг предупреждал его о плане Риббентропа заминировать его самолет с целью сорвать попытки мирных переговоров. В Нюрнберге Геринг заявил, что этого не было и что Далерус скорее всего неправильно его понял.

Соперничество и взаимная неприязнь между Герингом и Риббентропом, несомненно, существовали. Риббентроп, будучи послом в Британии, помешал присутствию Геринга на коронации короля Эдуарда VIII. Он сказал фюреру, что англичане предпочли бы видеть у себя другого представителя. С тех пор, как Геринг стал фельдмаршалом, он считал, что он и его жена* занимают более высокое положение, чем Риббентроп. Геринг не был допущен к переговорам в Бад-Годесберге, которые, в конечном счете, привели к Мюнхенскому соглашению. У него имелось собственное мнение по поводу сговора в Мюнхене; в день подписания соглашения он находился там, и, как он рассказывал в Нюрнберге своему адвокату, государственный секретарь Эрнст фон Вайцеккер, встретившись с ним, сказал: «Слава Богу, что вы здесь». В Нюрнберге Риббентроп, всеми силами стремившийся оправдаться, написал Герингу записку, в которой просил дать показания, что он, Риббентроп, всегда старался решить встававшие перед ним проблемы дипломатическим путем. Текст записки Геринг жирно перечеркнул и внизу написал: «Я знаю только одно: Риббентроп всегда высказывался в пользу войны».

Ничего хорошего от войны Геринг не ожидал; да и что

*После смерти Карин Геринг в 1935 году женился на актрисе из Гамбурга Эмми Соннеманн.

она могла ему дать? В нацистской иерархии он был высокопоставленным лицом; он командовал люфтваффе. Он был умен (у него был второй показатель IQ (интеллектуальный коэффициент) — 139 — после Шахта, который имел IQ, равный 141) и понимал, что война может лишить его всего, чего он достиг, — положения в обществе, пышных приемов, охоты, партийных праздников с факельными шествиями и выносом знамен, восхвалений, которые адресовались не только фюреру, но и его верному паладину. Геринг не был трусом. Его награждали высшими боевыми орденами, и его поведение в Нюрнберге, пусть показное, говорило о том, что он отнюдь не охвачен страхом, как Риббентроп. Когда это требовалось, он умел рисковать. Когда фюрер принимал решение, он шел с ним до конца, без всяких колебаний. Но после долгих лет борьбы за власть он хотел насладиться преимуществами достигнутого положения. Он предпочитал роскошную жизнь в «Каринхалле» вагону личного поезда, везущего его на передовую. (С одной из платформ этого поезда регулярно взлетал самолет, доставлявший в разгар войны к его столу самые редкие фрукты и вина.)

На какое-то время на процессе Геринг добился определенного успеха. Он с легкостью опровергал обвинения американцев, которые даже вынуждены были просить поддержки у президента трибунала. Геринг заявил, что он не одобрял плана нападения на Россию, и судья Джексон спросил, почему же тогда он не поведал об этом плане народу Германии и почему не подал в отставку, когда нападение совершилось. Геринг ответил, что он солдат и никогда не слышал о том, чтобы в дни войны солдат через голову командира обращался к гражданам просто потому, что ему не нравится полученный им приказ. Судья Джексон спросил его о документе, который свидетельствовал, что в середине 30-х годов Геринг готовил (или участвовал) мобилизацию и оккупацию Рейнской области, в то время как это запрещалось условиями Версальского договора. Геринг указал, что перевод документа неточен, что план мобилизации предусматривал не оккупацию Рейнской области, а обеспечение сухоходства по Рейну. Но судью Джексона трудно было положить на лопатки.

Д ж е к с о н. Хорошо, так эти приготовления были приготовлениями к военной оккупации Рейнской области или нет?

Г е р и н г. Они были общими приготовлениями к мобилизации, которые может осуществлять любая страна, и не являлись приготовлениями к оккупации Рейнской области.

Д ж е к с о н. Но они имели секретный характер...

Г е р и н г. Я не могу припомнить случая, чтобы пресса сообщала о предстоящей мобилизации в США.

Джексон, обращаясь к президенту трибунала, указал на неслыханно высокомерное отношение обвиняемого к трибуналу. Президент согласился, что замечание Геринга не относится к делу, но когда Джексон хотел развить тему, сказав, что Геринг делает пропагандистские заявления и уводит защиту из-под контроля трибунала, президент холодно спросил: «Что означают ваши слова? Или вы хотите, чтобы подсудимый на каждый вопрос отвечал только «да» или «нет», не давая никаких пояснений вовсе? Вы придаете слишком большое значение его заявлению о том, что Соединенные Штаты не оглашают своих приготовлений к мобилизации... Любая страна держит некоторые вещи в тайне».

Д ж е к с о н. Я хочу сказать, нам нет дела до того, что обвиняемый говорит о Соединенных Штатах — он может сказать разное... Я имел в виду, что процесс, кажется, начинает выходить из-под контроля трибунала.

П р е з и д е н т. Я не знал о том, что председатель обвинения должен комментировать любое не относящееся к делу показание на допросе.

Судья Джексон, убежденный в значимости своей высокой миссии, повторял пропагандистские клише, опровергнутые теми документами, которые он читал или должен был прочитать. Однажды он спросил у Геринга: «На следствии вы показали, что, по словам Гитлера, Соединенные Штаты никогда не вступят в войну, даже если подвергнутся нападению, и, по его словам, будут придерживаться принципа изоляционизма?»

Геринг ответил: «Надеюсь, вы извините меня, но такого я никогда не говорил, ведь это бессмысленно — если на страну нападают, она защищается».

Гитлер относительно Соединенных Штатов во многом заблуждался; он считал, что США переживают упадок, находясь под еврейским влиянием, но ни он, ни Геринг не питали иллюзий насчет вступления США в войну. Фактически именно поэтому Гитлер и поспешил напасть на Россию. 31 июля 1940 года на совещании с генералами и адмиралами он сказал, что Англия продолжает бессмысленное сопротивление лишь потому, что рассчитывает на вступление в войну России и Соединенных Штатов.

Находчивость Геринга во время допроса произвела впечатление на репортеров, находящихся в зале суда, и на адвокатов. Не столь удачно он отвечал на вопросы Джексона о своем участии в действиях против евреев, и весьма уязвимой оказалась его позиция по вопросам, поднятым британским обвинителем сэром Дэвидом Максвелл-Файфом, который указал на факты из прошлого Геринга — жестокое обращение с военнопленными, расстрел пятидесяти британских офицеров, бежавших из лагеря в Сагане, на обстоятельства нападения Германии на Голландию, Бельгию и Югославию, карательные меры против партизан, систему концлагерей, уничтожение евреев.

Герингу пришлось выслушать нелестные отзывы о себе от своих соседей по скамье подсудимых. Когда Шпеер говорил о его тщеславии, взяточничестве, его пристрастии к наркотикам, Геринг возмущенно сказал своему адвокату, что Шпеер всегда был предателем.*

*Обвинения в тщеславии всегда больно ранили Геринга и зачастую вызывали ответную злобную реакцию. Один из его любимцев — молодой офицер — был оклеветан каким-то генералом: он якобы сообщил в СС, что в военно-воздушных силах царит хаос, все только и говорят о том, что Геринга надо снимать, и обсуждают кандидатуру его преемника. Геринг, узнав об этом, назначил трибунал для суда над офицером и заявил, что к шести часам вечера того же дня ожидает обвинительного приговора. Кроме того, он отдал приказ о приготовлениях к смертной казни. Однако благодаря президенту трибунала фон Хаммерштейну было проведено тщательное расследование, в результате которого была установлена невиновность молодого человека, а Геринг убедился, что он ошибался. Офицеру повезло; если бы Геринг был уверен в его виновности, его бы расстреляли. У Геринга случались приступы великодушия, но он не умел стойко переносить превратности судьбы, и по мере того как его несчастья множились, он вновь пристрастился к морфию, привык питать беспочвенные надежды — например, верил в то, что сможет обеспечить по воздуху всем необходимым 6-ю армию в Сталинграде или не допустит падения ни единой бомбы на Берлин.

Правдивость его показаний во многом зависела от его понимания верности фюреру и своей стране, от его отношения к самому себе — а себя он видел верным и храбрым солдатом. Он открыто признавал, что хотел вооружить Германию, избавиться от оков Версаля, присоединить к рейху Австрию и что в 1935 году он говорил: «Я настаиваю на создании военно-воздушных сил, которые, если придет час, смогут нанести врагу удар возмездия. Пусть враг боится самой мысли о нападении на нас». Он считал, что именно такие слова нужны для воспитания молодых офицеров, строящих люфтваффе. Он признавал также, что знал: волосы, поступающие из концлагерей, используются на практические нужды. Но на вопрос Максвелл-Файфа о том, знал ли он о применении специального устройства, выпускавшего пулю в голову узника концлагеря, когда он этого совершенно не ожидал, Геринг ответил отрицательно.

Его замечательная коллекция картин, насчитывающая более 1300 полотен, была им оценена в Нюрнберге в 50 миллионов рейхсмарок (эксперты союзников называли сумму в 180 миллионов долларов). Частично она состояла из произведений, принадлежавших когда-то евреям; полотна были конфискованы, а их хозяева либо успели эмигрировать, либо погибли в газовых камерах. Сомнительно, чтобы Геринг был подлинным ценителем искусства. Он любил собирать, а его знаменитый музей был частью его образа жизни, признаком его положения в обществе. Он писал Розенбергу: «Покупая, принимая в дар, наследуя и меняя, я собрал, возможно, самую большую частную коллекцию в Германии, если не в Европе». Некоторые полотна конфисковывались не только у частных лиц, но и у музеев Третьего рейха. В коллекцию входили работы великих мастеров современности — Бекманна, Георга Гросса, Шагала, Клее, Ван Гога, Сезанна, Гогена, Синьяка, Пикассо. Большая часть картин вывозилась в Швейцарию и продавалась на аукционах, когда требовалась иностранная валюта. Некоторые конфискованные произведения уничтожались, как сжигались книги, содержание которых пришлось не по вкусу нацистам. Сожжения иногда обставлялись как торжественные церемонии — так сжигались книги еврейских писателей, паци-

фистская и антинацистская литература. Геринг никогда не вывешивал образцы так называемого «вырождающегося» искусства — и по политическим соображениям, и чтобы не вызвать неудовольствия Адольфа Гитлера. Геринг любил роскошь. У него имелось несколько толстых ковров, привезенных в «Каринхалле» из музеев. В 1937 году он руководил чистой немецких художественных галерей, в ходе которой изымались образцы «вырождающегося» искусства. А их место занимали плакаты; на одном из них фюрер изображался в виде святого Иоанна — на коне, в доспехах, со знаменем в руках. Геринг фотографировал такие «шедевры» лично, восхищаясь «новой, здоровой живописью». Художники разрабатывали новое направление — стиль национал-социализма; наиболее перспективные, одаренные студенты получали финансовую помощь. Имя Геринга было присвоено премии в 5000 рейхсмарок, которую должен был получить художник, создавший в 1942 году лучшее произведение, посвященное вооруженным силам Германии.

Высокая ценность коллекции Геринга, размещенной в «Каринхалле» и других семи его резиденциях, объяснялась наличием подлинных шедевров — работ Рембрандта, Гойи, Веласкеса; у Геринга работали лучшие эксперты, которые могли отличить подлинник от подделки. В Нюрнберге установили, что во всей коллекции оказалось всего две фальшивки — одна картина, сделанная под Вермеера, и одна — под Рембрандта.

Не многие немцы дерзали сопротивляться, когда Геринг хотел завладеть тем или другим полотном — одним из них был рейнский консерватор Франц Вольф Меттерних. В Нюрнберге Геринг рассказал, что за некоторые картины, которые хотел приобрести, он платил из фонда, предоставленного ему Гитлером, а за некоторые — из собственного кармана. Много картин и других произведений искусства поставило ему ведомство Розенберга (Геринг никогда не собирался за них платить).* Он также

*Ведомство Розенберга отправило ему двадцать девять транспортов с произведениями искусства. Педантичные немцы оставили опись ценностей. Было использовано более 130 грузовиков, 4000 ящиков. Коллекция включала 5000 живописных произведений, в том числе иконы и сотни миниатюр, из России, Польши, Франции, Голландии; ценную мебель, одежду, гобелены, вышивки, редкие ковры; тысячи изделий из фарфора,

получал ценные подарки от дивизии «Герман Геринг», от немецких городов, от частных лиц, от промышленных фирм. Многие знали о его пристрастии к роскоши и делали подарки, чтобы завоевать его расположение (Берлин, например, однажды на день рождения подарил ему картину ценой 250 000 рейхсмарок). Геринг всегда платил за картины наличными — в тех случаях, когда он их покупал. Он хвастался следователю:

— Я был вторым человеком в рейхе и всегда имел много денег. Я мог отдать распоряжение рейхсбанку, и оттуда присылали деньги.

На вопрос, мог ли он таким образом получать иностранную валюту, Геринг ответил:

— Да, достаточно было моего слова.

Его нежелание платить Розенбергу не повлияло на их отношения друг к другу: оба считались ценителями искусства. На пятидесятилетие Геринга Розенберг прислал ему голландскую картину XVII века.

В погоне за картинами Геринг бывал экстравагантен. Однажды он приобрел коллекцию, согласившись с ценой, назначенной продавцом, доставил ее в «Каринхалле», а потом отказался платить больше, чем половину суммы, заявив, что цена слишком высока. Его жена Эмми, которая была с ним в галерее во время договора о цене, тайно от мужа выплатила вторую половину.

За некоторыми картинами Геринг устраивал настоящую охоту. Для него не имело значения, если картину уже кто-то купил; ему было все равно, кто покупатель, — он непременно добивался своего. Одним из его помощников был доктор Герман Буньес, историк искусства. Когда они осматривали коллекции, конфискованные у евреев в Париже, он сказал, что французское правительство Виши протестует против конфискаций, проводимых ведомством Розенберга, называя их нарушением Компьенского перемирия. Геринг сказал Буньесу: «Я отдаю приказы. Вы должны точно следовать моим приказам».

бронзы, фаянса, большую коллекцию бронзы из Восточной Азии. Живопись была представлена мастерами со всей Европы. Геринг отобрал лучшее из коллекции. Он получал картины и из Италии; немецкий посол в Риме, Ганс фон Маккензен, имел несколько неприятных бесед с итальянскими властями, которые жаловались на методы коллекционирования Геринга.

Потом он приказал погрузить отобранное на машины и отправить к своему персональному поезду. Когда Буньес заметил, что армейские юристы из военного командования во Франции могут иметь возражения, Геринг ответил: «Мой дорогой Буньес, это моя забота. Я самый главный юрист в государстве». В Нюрнберге Геринг отрицал эти свои слова, поскольку не являлся фактически юристом государства.

Конкурентом рейхсмаршала был сам фюрер, который хотел основать музей в родной Австрии, в Линце. Герингу частенько приходилось отказываться от какой-нибудь картины, как он рассказывал следователям, если к ней проявлял интерес фюрер. Действуя в интересах Гитлера, он не забывал и себя. В приказе от 5 ноября 1940 года говорилось:

«Во исполнение мер по обеспечению сохранности предметов искусства, изъятых у евреев начальником военной администрации Парижа и ведомством рейхслайтера Розенберга... предметы искусства, доставленные в Лувр, распределить следующим образом:

1. Предметы искусства, которые, по разрешению фюрера, он оставит для собственного пользования;

2. Предметы искусства, которые пополнят коллекцию рейхсмаршала;

3. Предметы искусства и библиотечные материалы, которые будут полезны для учреждений высшей школы и для программ рейхслайтера Розенберга;

4. Предметы искусства, которые подойдут для отправки в музеи Германии».

Таким образом Геринг демонстрировал, что он второй человек в рейхе. Поскольку интерес к коллекционированию у Гитлера проявлялся спорадически и он был гораздо более занят, чем Геринг, последний имел почти полную свободу в этой деятельности. На следствии он признал, что не собирался оставить коллекцию рейху, хотя, собирая ее, говорил, что действует в интересах общества. Он сказал, что планировал когда-нибудь оставить все собрание не рейху, а народу Германии.

Кто-то высказал мнение, что Геринг был одним из тех завоевателей в истории, которые отбирали у врага предметы искусства и возвращали в те страны, где они созда-

вались. Некоторые музеи в Европе действительно время от времени пополняли свои коллекции живописью и скульптурами, конфискованными в других странах. Но Геринг старался не для музеев рейха, а для себя. Он выполнял небывалую для него работу по грабежу с целью личной наживы. 50 миллионов марок — самая скромная оценка стоимости того, что он собрал. Он много покупал, но всегда предпочитал использовать власть и получить вещь бесплатно, просто сказав Розенбергу или кому-то еще, что хочет получить именно эту картину. Художественно ценная вещь, стоившая больших денег, была для него дорогим товаром, фоном, на котором хорошо смотрится его мундир.

Специальный поезд Геринга, в котором после начала войны ему приходилось проводить много времени, был, после «Каринхалле», вторым предметом его гордости. На самом деле он состоял из двух поездов: первый был сформирован из восьми обычных пассажирских вагонов, второй состав был бронирован и устроен с пышностью, достойной второго человека в рейхе. Одна из трех ванн комнат предназначалась специально для единоличного пользования. Когда он купался, поезд останавливался, невзирая на то, как это соотносилось с расписанием движения других поездов, следующих по этому же пути. В каждом конце состава (бригада поезда и охрана насчитывали 171 человек) размещалась зенитная батарея с командой в 20 человек. За первой батареей следовали грузовые вагоны, и потом — вагон Геринга, в котором имелись две спальни с большими кроватями. Одна спальня предназначалась его жене, которая никогда не ездила на этом поезде. Комнаты были отделаны деревом, мебель изготовлена из вишни. Библиотека, заполненная в основном детективами, была украшена тяжелыми коврами. Следующий вагон служил гостиной. В начале войны каждый вечер показывали кино, в том числе «Унесенные ветром» и трофейные фильмы, такие, как «Ниночка» с Гарбо, запрещенные в Германии. Больше всего Геринг любил криминальные ленты; он увлекался и задолго до конца фильма определял таинственного убийцу, восклицая: «Вот этот!» В следующем вагоне размещался штаб, в котором в 11.00 проводились совещания. В нем сразу

бросался в глаза большой портрет Гитлера. Ежедневно Геринг первым делом звонил в штаб-квартиру фюрера, потом — своей жене. Пища была изысканной: специальным курьерским самолетом доставляли клубнику из Италии, булочки и пирожные выпекали в пекарне поезда; обычный завтрак состоял из лобстеров, икры и фруктов из Италии. В десяти вагонах везли автомобили, которые использовались для недалеких поездок; среди них, после падения Франции, появились два трофейных американских автомобиля, «ласаль» и «бьюик», которыми любил пользоваться рейхсмаршал.

Все должно было выглядеть шикарно. Халаты Геринга шились из парчи и шелка, более 50 мундиров его собственного дизайна включали шинель, отделанную мехом. Он получал бесчисленные подарки от друзей, многое дарили ему люди, пытавшиеся добиться его расположения. Один из подарков, полученных им в 1940 году в день сорокавосемилетия, представлял собой золотую шкатулку, украшенную драгоценными камнями, стоимость которой колебалась от 20000 до 30000 рейхсмарок. Другой подарок, слиток чистого золота, оценивался в 2000000 рейхсмарок.

Специальный техник нес ответственность за игровую комнату в «Каринхалле», в которой находилась игрушечная железная дорога. Она занимала 240 м² — половину футбольного поля — и могла бы очаровать любого ребенка: игрушечные рельсы пролегли среди миниатюрных гор и холмов, долин, башен и замков, ферм и дорог. Самолеты перемещались по проволоке, натянутой над макетом, и сбрасывали грузы бомб, которые падали и взрывались — в них содержались маленькие пороховые заряды. По дорогам ездили электрические автомобили. Геринг мог устраивать столкновения и аварии на железной дороге. Увлекательная игра пользовалась успехом у гостей — принца Уэльского, Муссолини, Миклоша Хорти, графа Гамаццо Чиано, Иосуке Мацуоки, который одно время занимал пост начальника железных дорог в Маньчжурии. Однажды он и Геринг заставили группу генералов дожидаться целый час, пока Мацуока наиграется; в другой раз они с Герингом играли в шары на аллее для боулинга, которая использовалась и как тир.

Время шло, и Геринг все меньше и меньше интересовался войной. Один из его помощников рассказывал, что он любил приносить фюреру только хорошие новости. С годами возможностей делать это становилось все меньше; хорошие новости перестали поступать почти сразу после падения Франции, а началось все с провала попытки вывести из строя британскую авиацию — английские самолеты оказались быстрее и маневреннее немецких. Произошло это, возможно, в силу некоторых случайностей; например, однажды в Париже Геринг заставил ждать в течение трех дней лучших асов рейха — Эрнста Удета, Боденшатца вместе с Мильхом, а сам занимался покупками. Между тем собравшиеся ждали его для обсуждения мер, которые необходимо осуществить, чтобы переделать немецкие самолеты в соответствии с рекомендациями тех, кто на них летает, и для консультаций. Гитлер очень хорошо знал о лени и беспечности Геринга. Но он был уверен, и с полным основанием, в его преданности. Однажды он сказал одному гостю: «Вам надо посетить Геринга в «Каринхалле» — на это зрелище стоит посмотреть».

Ответственность Геринга за потерю Германией превосходства в воздухе была ослаблена решением фюрера бросить рабочую силу и ресурсы на разработку нового секретного оружия, которое немцы стали производить на подземных заводах с 1944 года. Стала ощущаться острая нехватка горючего.* Не было смысла, сказал Шпеер, производить самолеты, которые нечем заправлять. Геринг говорил Вернеру Броссу, одному из своих адвокатов, что его самолеты не могли снабжать Сталинград, потому что не хватало горючего. Это могло считаться только частью правды, но Геринг был не из тех людей, которые могут устоять перед соблазном интерпретировать факты в свою пользу. Рассуждая о битве за Бельгию, он сказал, что немцы могли бы выиграть ее и прогнать

*Профессор Перси Шрамм давал письменные показания в марте 1952 года во время процесса над Ремером и в них указал, что уничтожение нефтяных источников, начатое успешным налетом авиации союзников на аэродромы в Плоешти в Румынии в апреле 1944 года, одно могло привести к окончанию войны. Воздушные рейды на Плоешти и соседние нефтеочистительные заводы сократили поставки нефти в рейх на 44% — с 430000 тонн до 240000.

вторгнувшегося противника с континента, если бы не некомпетентность части военного руководства и не исключительно ясная погода, стоявшая четыре дня; вот если бы был туман, союзники не смогли бы использовать свое подавляющее превосходство в воздухе для уничтожения немецких войск. Но Геринг был командующим люфтваффе, и провал был только на его совести, как бы он не искал тех, кто мог разделить с ним ответственность. Только фюрер не мог ошибаться. Проигрывали битвы и принимали неверные решения его подчиненные. К 1944 году Геринг проиграл битву в воздухе на Западе, и его самолеты не достигли успехов в ходе войны на Востоке. Это его самолеты оказались бессильны против авиации противника.

За короткий срок Геринг преуспел в создании самых сильных военно-воздушных сил в мире. Они господствовали в небе над Польшей, Францией, Норвегией, Югославией, Грецией. На Крите его парашютисты впервые в истории войн захватили крупный военный объект, атаковав хорошо укрепившегося противника, контролировавшего акваторию. Признаки упадка ВВС Германии проявились рано — когда не удалось разгромить британскую авиацию и предотвратить эвакуацию союзных войск у Дюнкерка. Но настоящие неприятности начались в 1941 году. Немцы значительно недооценили силу русских во всех родах войск, в том числе и в авиации, и хотя люфтваффе долго доминировали в небе над Россией, после первых крупных успехов казалось невозможным, что немецкая авиация будет не в состоянии оказывать своим наземным войскам ту же помощь, которую она столь успешно предоставляла до вторжения в Советский Союз. Именно оптимизм Геринга укрепил Гитлера в решении оставить 6-ю армию в Сталинграде и отражать атаки русских, в то время как армейский генералитет просил его разрешить генералу Фридриху Паулюсу вовремя попытаться вырваться из окружения. Как бы там ни было, люфтваффе терпел поражение за поражением. Достижения американцев и англичан в авиастроении немцы использовать не могли, и Германия становилась все более уязвимой для атак с воздуха. У немцев разработаны были хорошие реактивные самолеты, но Геринг

вовремя не поддержал техническое переоснащение ВВС. Бомбардировщики переделывались в истребители, многочисленные недостатки не устранялись, потому что у Геринга не хватало времени, чтобы выслушать технических специалистов и ознакомиться с предлагаемыми новыми моделями. Ко времени вторжения союзников в Нормандию немцы, защищавшие побережье Франции, имели лишь горстку самолетов, которые они могли бросить против американских и британских бомбардировщиков. Превосходство союзников в воздухе оказалось столь велико, что германское командование отдало приказ рассматривать любой встреченный в небе над побережьем Франции самолет как вражеский.

Во время допроса Максвелл-Файф сказал Герингу, что наслышан о нем как о храбром летчике времен Первой мировой войны. Таким он и был, и никогда не забывал этого. Его фотограф запечатлел Геринга во Франции в дни Второй мировой войны на аэродроме, где в Первую мировую базировались самолеты его эскадрильи; это место было свидетелем начала его карьеры летчика, его первых подвигов; но какие чувства охватывали его теперь, много лет спустя? В конце Второй мировой он мало летал, хотя два самолета всегда были в его распоряжении. Он держался подальше от фронта, продолжал принимать морфий и жил жизнью феодального князя, для которого совещания у фюрера и исполнение обязанностей командующего ВВС были тягостны. Они отвлекали его от коллекционирования и охоты. Он ходил на охоту даже в России, в то время как фронтовые части, которые он перевозил в своих речах, несли многочисленные потери всего в нескольких сотнях километров восточнее.

Был ли Геринг сторонником мира, как он доказывал в Нюрнберге? Он не хотел потерять достигнутое положение, лишиться комфорта. Он делал то, к чему обязывало его положение второго по значению человека в командовании вооруженными силами рейха. Гитлер постепенно все более отстранял его от руководства военными действиями. Их отношения, однако, оставались дружескими почти до самой смерти фюрера, хотя Гитлер время от времени обрушивался на Геринга с упреками за провалы

авиацией важных заданий. Они встретились 20 июля 1944 года, в день покушения на Гитлера. Во искупление той роли, которую часть генералитета и армии сыграла в попытке убийства Гитлера, Геринг приветствовал фюрера поднятием руки — официальным салютом, принятым в вооруженных силах. И уже накануне краха, когда Геринг думал о своем долге принять управление государством, когда оказалось, что Гитлер решил остаться в Берлине и умереть вместе с городом, последовала развязка — финальный удар. Другие люди заняли его место у кормила власти, и на протяжении последних недель все, что у него оставалось, — это звание рейхсмаршала, которое носил он да еще принц Евгений Савойский в XVIII веке. Попав в плен, он лишился и этого звания.

За несколько часов до того, как быть повешенным, он раскусил капсулу с цианидом, которую ему пронесли тайком, и умер. Его пепел, как и прах других казненных, бросили в реку. Союзники не хотели, чтобы могилы повешенных преступников превратились в культовый центр нацизма. Но у Геринга было очень мало почитателей и совсем не было учеников.

ГЛАВА 4

ПАРТИЯ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ

Мартин Борман

Сплоченное ядро партии состояло из людей, которые сделали из нацистского движения и карьеру, и религию. Этот замкнутый кружок фанатиков был выше стремлений получить работу и продвинуться по служебной лестнице, каковые питала масса рядовых членов партии. Они осуществляли волю фюрера, были его орудиями, носителями сущности движения. Благодаря Гитлеру такой человек, как Мартин Борман, вошел в историю, поднялся с уровня управляющего фермой до положения одного из самых могущественных людей в рейхе, превратил свою жизнь в крестовый поход за идеи, которые исповедовал он и фюрер. Без Гитлера Борман как персонаж истории вряд ли существовал бы. Как личность он состоялся не только благодаря собственным усилиям, но и во многом в результате влияния на него фюрера.

В 1933 году Борман занимал пост руководителя канцелярии у Рудольфа Гесса, то есть являлся вторым человеком в команде заместителя фюрера. Он отвечал за партийную кассу взаимопомощи и был депутатом рейхстага. Таких людей, как он, можно было легко отличить от рядовых членов партии, которые после прихода национал-социалистов к власти бросились делать карьеру. Голодные предприниматели, ремесленники, рабочие и безработные в 1933 году штурмовали партию, завалив ее предложениями, которые должны были их обогатить. Один хотел производить мыло, на котором имелось бы рельефное изображение свастики. Другой планировал открыть гуталиновый завод, на котором работали бы только национал-социалисты — у него уже имелись печатные станки для изготовления этикеток с красно-белой символикой

партии. Планировалось наладить производство бюстов Гитлера по семь марок за штуку, серебряных булавок со значком с изображением фюрера; как сообщалось в штаб-квартиру партии, разработчик этих булавок уже продал их достаточно много, а теперь хочет наладить массовое производство и торговать оптом. Для продажи предлагались носовые платки, украшенные свастикой, этикетки для сигарет с надписью «Хайль Гитлер!»; бутылки под ямайский ром с этикеткой, на которой присутствовала свастика; свастика в виде елочного украшения; рождественская елка с ветвями в форме загнутых крестов. Был отпечатан календарь с антисемитским лозунгом «Германия просыпается». Кондитеры хотели производить «Немецкий шоколад» и обещали партии 5% прибылей.

Борман был не большим эстетом, чем поставщики всех этих безделушек, но он хотел переустроить Германию огнем и мечом, и с помощью мощных символов, а не посредством меркантильных ухищрений. Его замыслы легли в основу деятельности того, что под его руководством стало партийной канцелярией, в которой рассматривались все предложения перед тем, как они достигали фюрера. Со всей целеустремленностью и жесткостью, характерной для Гитлера и СС, Борман от имени фюрера «чистил» старые и учреждал новые суды, ставил под контроль партии государственную бюрократию, экономику Германии, ее политическую и социальную жизнь. Партия, говорил Гитлер, должна контролировать государство, и никак иначе. А человеком, контролирующим партию, был Мартин Борман, который умел избавиться от любого соперника, даже если это был ближайший соратник фюрера. В финале из всей команды остались только он и фюрер, и воля фюрера была также и его волей.

Вальтер Шелленберг, глава внешней разведки рейха, говорил, что Борман похож на спортсмена, стремящегося получить главный приз, только все его соперники, в отличие от спортсмена, обречены на смерть. Среднего роста, с редеющими темными волосами, крепкими плечами и тяжелой поступью, он обладал той же неиссякаемой энергией, что и Гитлер, и поразительной работоспособностью в любом деле, за какое бы он не брался. Ни одно дело не было для него ни слишком незначительным, ни слишком

тяжелым или сложным. Ежедневно он делал записи бесед, которые вел за обедом Гитлер. Стоило только фюреру упомянуть, что его заинтересовала какая-то книга или человек, или какая-то вещь — и совсем немного спустя Борман клал эту книгу ему на стол либо готовил и подавал письменное сообщение. Все, что позволяло ему еще больше приблизиться к Гитлеру и отстранить от фюрера соперников, было для него важным. А соперниками он считал всех — Гимmlера, Геббельса, Гесса, Шпеера, Геринга, Розенберга, Кейтеля, даже личных врачей фюрера. Заняв место близ «трона», Борман ревниво следил за ними, готовый в любой момент уничтожить.

Он родился 17 июня 1900 года в центральной Германии в Гальберштадте, в семье сержанта, служившего трубачом в кавалерийском полку; позднее отец стал почтмейстером. Через два года после рождения Мартина отец умер, и фрау Борман смогла продвинуться вверх по социальной лестнице, выйдя замуж за директора банка. Борман учился в реальной гимназии, диплома не получил, так как оставил учебу и стал работать в поместье в Мекленбурге. После Первой мировой войны он вернулся к занятию сельским хозяйством, став смотрителем ферм семьи Трюенфель в Герцберге. Его призвали на военную службу лишь в последние месяцы войны, и он служил канониром в полку полевой артиллерии. В 1920 году вступил в антисемитскую группу под названием «Общество против верхушества евреев». Одновременно он стал членом так называемой «организации Россбаха», которой командовал лейтенант Герхард Россбах. Эта группа относилась к тем многочисленным стихийно возникшим организациям, которые провозглашали целью освобождение Германии от предателей и слабаков, приведших ее к поражению. Будучи членом группы Россбаха, Борман вместе с Рудольфом Хессом, будущим комендантом Аушвица, принял участие в убийстве Вальтера Кадова, человека, который якобы продал французам Альберта Лео Шлагеттера, одного из величайших героев нацистских легенд (он был казнен как саботажник во время оккупации французами Рура). Хесс получил десять лет тюрьмы, а Борман, как простой пособник, провел в тюрьме Лейпцига всего год (годы спустя этот эпизод подвинул фю-

рера на то, чтобы отдавать кровавые приказы именно Борману). В 1925 году он вступил в другую полувоенную организацию — «Фронтбан» («Фронтное знамя»). Через два года стал членом национал-социалистской партии, в которой, несмотря на всю верность ее целям, получил лишь относительно высокий членский номер — №16000.

Подъем Бормана в партии происходил незаметно, но верно. Он не хотел, чтобы его имя появлялось на первых страницах газет. Даже позже, когда он стал почти неразлучен с фюрером, Борман редко фотографировался, и публика могла видеть его в основном на групповых снимках, где он предстал неясной фигурой — одной из многих в свите господина. До того как начать работать у Гесса, он курировал национал-социалистскую печать в Тюрингии. В 1928 году был продвинут в верховное командование СА. В 1929 году удача улыбнулась ему — он женился на женщине, столь же преданной идеалам национал-социализма, как и он сам, — Герде Буш, дочери депутата рейхстага, нациста, служившего когда-то в армии майором и вместе с Юлиусом Штрейхером претерпевшего гонения за нацистские убеждения; сам фюрер высоко ценил этого человека. Гитлер на венчании был свидетелем. Через шестнадцать лет Борман выступил в том же качестве во время венчания Гитлера и Евы Браун, для которого он и сделал все приготовления. Вместе с Геббельсом, генералами Вильгельмом Бургдорфом и Гансом Кребсом он подписал документы о браке как свидетель.*

Во многом чета Борманов была устроена прекрасно. Оба жили в согласии с идеалами национал-социализма; оба ненавидели христианство во всех его формах — будь то протестанство, католичество, «Свидетели Иеговы» или каких-либо других. Оба разделяли наиболее радикальные догматы нацизма: об ужасном зле, исходящем от евреев и славян, о необходимости для немецких женщин рожать — как в браке, так и вне его. Борман говорил:

— Славяне должны работать на нас. Когда они станут нам не нужны, они могут умереть. Принудительные вакцинации и услуги здравоохранения для них не являются необходимыми. Высокая рождаемость среди славян не-

*Гитлер назначил Бормана исполнителем своей воли с правом принимать все необходимые окончательные решения.

желательна. Пусть используют контрацептивы, делают аборты — чем больше, тем лучше. Образование их опасно. Достаточно, если они будут уметь считать до ста. Лучшим и допустимым будет образование, которое будет формировать для нас полезных кули. Любая образованная личность — это будущий враг.

Герда вторила ему; в письме от 8 сентября 1944 года она писала:

«Сердце мое, любой ребенок должен осознать, что евреи — это Абсолютное Зло этого мира и что с ним надо бороться любыми средствами, где бы оно не проявлялось [здесь на полях Борман написал: «Как это верно»]. ...До тех пор, пока в мире существуют германские народы, готовые работать честно, упорно и преданно и жить в соответствии с их собственными законами в государстве, соответствующем их собственной природе, Вечный Жид будет стараться помешать им и уничтожить все их позитивные достижения».

К этому Борман приписал:

«Ты моя дорогая, добрая, хорошая девочка!»

Герда Борман родила своему мужу десятерых детей, первый из которых был назван Адольфом в честь крестного отца, рейхсканцлера. Четвертый сын был назван в честь Гиммлера, который крестил его. В отсутствие мужей фрау Гиммлер и фрау Борман проводили вместе довольно много времени, а сами Гиммлер и Борман были на «ты», но любви между ними не было. Борман был единственным противником, которого боялся Гиммлер. Герда была настолько убежденной национал-социалистской, что даже отношения с мужем и атмосферу в семье строила в соответствии с предписаниями партии, со взглядами нацистского учения на обязанности немецкой женщины. В одном из писем Борман сообщил жене, что сумел преодолеть сопротивление актрисы М., которая была другом их семьи, и Герда в ответном письме мужу убеждала его завести ребенка от М. Герда спланировала, что в текущем году она сама будет беременна, а в следующем актриса примет у нее эстафету. Таким образом, фюрер получил бы бесценный подарок, в виде увеличения поголовья славной немецкой породы. Герда говорила, что было бы ужасно жаль, если бы такая прекрасная

девушка, как М., не захотела иметь детей. В благодарность за понимание со стороны жены Борман послал ей все письма, полученные им от своей любовницы. Его отношения с актрисой постепенно сошли на нет, а переписка осталась памятником заботы о хорошем настроении фюрера и о величии рейха.

18 сентября 1944 года Герда рассказала мужу о визите писательницы Дагмар Бранд, которая заявила, что Германия внутри собственных границ должна была бы работать и набираться сил, ожидая, пока Соединенные Штаты и Британия не восстанут против еврейских марионеток. Тогда настало бы время Германии, и малые народы восторженно приветствовали ее приход как освободительницы от Рузвельта, Сталина и Черчилля — кукол, действующих по заданию всемогущего еврейства, веками стремящегося создать свою собственную империю. 30 сентября 1944 года Борман писал, что фюрер, страдая от ужасных спазмов в желудке, принимал касторку и за два дня потерял шесть фунтов веса. В декабре Борман сказал Герде, что дрожь в ноге, появившаяся у фюрера после покушения 20 июля, передалась на всю левую руку, включая кисть. В письме мужу от 7 октября Герда негодовала: это ужасно — рука евреев чуть было не перевернула весь мир вверх дном. А 1 января 1945 года она писала:

«Я чувствую бесконечную ярость от того, что нас, при нашей любви к свету и сиянию солнца, евреи принудили устраивать жилища подобно обитателям подземного мира».

Борман поднимался к могуществу, делая себя незаменимым. У него была замечательная память. Он писал сотни памятных записок по вопросам, которые его интересовали и волновали: о Церкви, о евреях, славянах, должном обращении с военнопленными, о поведении гауляйтеров. Предстояло все предусмотреть, проконтролировать, улучшить. Он поднимался по партийной лестнице, используя временных союзников, от каждого из которых легко избавлялся, если они больше не служили его целям, — Гесса, Розенберга, Гиммлера, Кейтеля и, среди других, Евы Браун, которая была назначена его обеденным партнером по «Бергхофу»*. Гитлер говорил, что благодаря Борману легко принимает решения. Бор-

* «Бергхоф» — главная резиденция Гитлера.

ман был неустояющим клерком, который собирал и готовил материалы так, что Гитлер мог быстро с ними разобраться. Когда Гитлер строил «Бергхоф», именно Борман входил во все детали, оплачивал счета за все это великолепие, обеспечивал мебелировку, надзирал за строительством оранжерей — фюрер употреблял в пищу только свежие овощи, — выписывал для работы в них крестьян, размещал эсэсовцев из лейбштандарта (телохранителей), руководил строительством помещений для них.

Страстное обожание его было направлено не столько на Гитлера, сколько на Фюрера, который позволял ему быть фигурой, о которой будет помнить мир. В дни агонии, в рейхсканцелярии в Берлине, когда Гитлер отдавал последние приказы несуществующим армиям, Борман флегматично продолжал заносить на бумагу все, что происходило вокруг. Окончив записи, он мечтал о лучшей жизни, которая наступит после войны, и, как и другие обитатели жуткого бункера, пил. Один из последних гостей, посетивших бункер из внешнего мира, видел, как он, сильно пьяный, выходил в сопровождении еще двух человек наружу, чтобы глотнуть холодного свежего воздуха. Очевидец писал:

«Прогуливался Борман очень редко и недолго, оставаясь в основном внутри, за своим письменным столом. Он описывал для «потомков» события, происходящие в бункере. Каждое слово, каждое действие он заносил на бумагу. Иногда он подходил к тому или другому человеку и хмуро требовал дать ответ, о чем точно тот только что говорил с фюрером на аудиенции. Все, что говорилось и происходило между другими обитателями бункера, так же тщательно записывалось. С невинным видом Борман объяснял, что в самый последний момент эти записи неким мистическим образом будут спасены из бункера и «смогут занять свое место среди величайших глав истории Германии».

Борман жил, целиком погрузившись в историческую драму, разыгравшуюся вокруг связки «Гитлер—Борман». Угроза со стороны наступающих русских никогда не волновала его так, как соперничество с внутренними врагами — генералами и товарищами по партии. В Нюрнберге Кейтель сказал, что Борман никому не позволял вмеши-

ваться в управление фольксштурмом (ополчением), в том числе и верховному командованию; и хотя теоретически он делил командование с Гиммлером, это фактически была его собственная армия. Когда 26 сентября 1944 года Гитлер отдал приказ об образовании фольксштурма, Борман сказал, что чувствует себя как молодая мать, только что перенесшая роды, — обессиленным и счастливым. Тот факт, что это была армия из мальчиков — некоторым едва исполнилось по 12 лет — и стариков, не имел для него значения.*

Борман раньше других отдал приказ о применении тактики «выжженной земли». Ничего нельзя было оставлять врагу — ни продуктов, ни одежды, ни воды, ни предприятий. Все подлежало уничтожению. На уничтожение были обречены и Гиммлер с Герингом. Он убедил Гитлера, что Гиммлер тоже предал своего фюрера. Именно Борман отдал приказ об аресте рейхсмаршала Геринга.

В разгар решающих сражений Борман был погружен в разработку вопросов протокола: в нужный ли момент выступления фюрера аплодируют члены партии; кто несет ответственность, если нацистский салют отдается не во время пения «Хорста Весселя», а во время исполнения какой-либо второстепенной песни; разрешено ли «Гитлер-югенд» вскидывать руку просто с возгласом «Хайль!» или надо кричать «Хайль Гитлер!». Эти ритуалы имели для него глубокую символику. После покушения на Гитлера служащие вермахта так же, как и члены партии, должны были отдавать нацистский салют и говорить «Зиг хайль!» в том случае, если не имели при себе оружия.**

На совещании 16 июля 1941 года он отмечал, что «партизанская война... дает нам право искоренить всех, кто выступает против нас». Он утвердил расправы над

*В фольксштурм призывались мужчины в возрасте от 16 до 60 лет. Оружие и одежду они должны были приносить с собой, собирая у соседей то, чего им не хватало.

**Борман указывал гауляйтерам, что спасение фюрера было спасением немецкого народа. Он распорядился устроить публичные демонстрации на улицах — народ должен был радоваться провалу заговора. Он сказал, что фюрер не желает, чтобы сложилось впечатление, будто в покушении участвовали фронтовики; он хотел, чтобы люди считали случившееся заговором кучки реакционных генералов. Основными виновниками были выставлены аристократия и генералы, но значительному удару они не подверглись.

сбитыми летчиками союзников. Его циркуляр, отправленный командирам частей, был озаглавлен: «Осуществление народного правосудия по отношению к англо-американским убийцам». Перед Гитлером и перед штабами он настаивал на еще более жестоких мерах: ужесточение обращения с военнопленными, более строгие действия против церквей. И Борман более других в рейхе выступал за наращивание оборотов машины антисемитизма — с первых санкций против евреев и до «окончательного решения». Борман приложил руку ко всем 450 антиеврейским законам, указам и приказам, которые были изданы. Это он, опасаясь, что кто-то из евреев спасется из сетей, сменив имя, предложил принудительно ввести к каждой еврейской фамилии приставку «жид»; вместо этого был издан указ о добавлении к каждой мужской фамилии дополнительного имени «Израэль», а к каждой женской — «Сара»; это было не совсем то, чего хотел Борман, но должно было помочь избежать «ошибок».

Он преследовал евреев, как гончий пес. В Берхтесгадене Гитлер одно время получал удовольствие, принимая в гости белокурую девочку, дочь старого офицера, рыцаря Железного креста. От одного преданного члена партии Борман узнал, что в жилах девочки есть еврейская кровь, и запретил ее матери приводить ее для встреч с фюрером. Он зашел так далеко, что попытался изъять книгу, в которой эта девочка что-то нарисовала, из библиотеки фюрера. Когда Гитлер поинтересовался, почему девочка больше не приходит, ему все рассказал его фотограф Генрих Гофман, поскольку это была его книга. Борман вел также долгую, но безуспешную борьбу за то, чтобы лица, имевшие четверть еврейской крови, считались полными евреями и чтобы с ними обходились согласно нюрнбергским законам, т. е. чтобы они также подлежали уничтожению. Его представитель присутствовал на конференции в Ванзее. Борман говорил Шираху, что 60000 евреев должны быть отправлены из Вены на Восток, т. к. их жилью нужно рейху. В июле 1943 года он поставил евреев вне закона, объявив, что по закону они не являются человеческими существами и могут быть уничтожены. Их собственность автоматически отходит к рейху. В марте 1943 года его посетил венгерский министр Бела

Лукаш, с которым Борман обсуждал ужесточение мер против евреев и заявил, что Европа только тогда освободится от большевизма, когда избавится от евреев.

Он так же не знал усталости в деле освобождения Германии от влияния христианства. Как и Розенберг, выступал за новую научную национал-социалистскую религию. Новая идеология должна была поглотить Церковь. Он и Розенберг были едины в этом мнении, а также считали необходимым оградить рейх от проникновения и европейского, и восточного искусства, но на этом их согласие и заканчивалось. Борман не любил Высшую школу Розенберга, поскольку считал ее не более чем подражанием, работавшим на возвеличение значения ее основателя. В апреле 1943 года он принудил Розенберга передать художественную коллекцию, которую тот собирал, партийной канцелярии.

Борман любил приложить руку к расправам над врагами тех, в жилах кого текла немецкая кровь. Он участвовал в организации фабрик смерти, на которых слабоумные и неизлечимо больные получали пулю в затылок или смертельную инъекцию. Он участвовал в разработке планов стерилизации тех, кто, по расовым или социальным соображениям партии, не должен был иметь потомство.

Он работал спокойно, не лез на глаза. Когда он был вторым в команде Гесса, то разрабатывал политику, делал назначения, подписывал бумаги, так как Гесс не любил вдаваться в детали канцелярской работы и интересовался только грандиозными перспективами, которые открывались перед союзом северных наций в деле борьбы против евреев, коммунистов и других таинственных врагов. Борман упорно прорабатывал все мелочи текущих дел — он наслаждался этим. Вскоре без его одобрения не мог назначаться ни один гауляйтер, не утверждалось ни одно решение Народного суда, не выходило ни одно распоряжение. Без него фюрер не мог найти свои бумаги; иногда забывал отдать приказ, подписанный в отсутствие Бормана; он привык всегда иметь его под рукой, готовым доставить все, что понадобится.

После отлета Гесса в Британию в 1941 году пришел час Бормана. Он постарался, чтобы имя Гесса исчезло из документов партии, с памятников, чтобы его изображе-

ния убрали из общественных мест. Он немедленно приступил к расширению компетенции ведомства бывшего заместителя Гитлера. Ведомство Гесса было просто центром активности партии, но Борман превратил его в канцелярию партии, противостоящую рейхсканцелярии и куда более могущественную (рейхсканцелярию возглавлял Ганс Генрих Ламмерс). «Партия отдает приказания государству» — было объявлено в 1933 году. Поэтому параллельно армии существовало СС; с министерством иностранных дел соперничали бюро Риббентропа и департамент внешней политики Розенберга; одновременно с местными властями и администрациями земель существовали должности гауляйтеров и крейслайтеров и весь остальной аппарат под руководством Бормана. Когда партия и государство слились в персоне фюрера, Борман занял ключевую позицию для вмешательства в дела, ранее находившиеся вне компетенции партии. Через год после полета Гесса Борман стал секретарем фюрера. Он тактично подталкивал его к написанию указов, но в конечном счете брал на себя и эту обременительную обязанность, просто получая от фюрера, у которого голова была занята слишком многим, одобрение. Он занимался всем — будь то суды, или армия, или честность всех немцев. И крайне неосмотрительно поступал любой судья, если выносил приговор мягче, чем смертная казнь, когда Борман считал, что подсудимый виновен в измене или поражении. В последние месяцы войны Борман приказал гауляйтерам принять функции судей, потому что не оставалось времени устраивать голосование, когда эвакуировались города или когда хватали солдата, подозреваемого в дезертирстве.

В раскаленной атмосфере Третьего рейха смертный приговор мог быть вынесен за любое критическое замечание. Одна женщина сообщила своему гауляйтеру, что давний друг их семьи сделал несколько скользких замечаний насчет фюрера и ушел, не сказав «Хайль Гитлер!». Мужчину арестовали и приговорили к смерти. Пианист, приехавший в 1943 году в Берлин, чтобы дать концерт, остановился в доме старинной подруги своей матери. За завтраком он сказал, что ей надо было бы снять портрет фюрера, а англичанам — бросать побольше бомб, и тогда

война быстрее закончится. Гостя арестовали, он предстал перед Народным судом и был обезглавлен. Группа мальчишек слушала запрещенные иностранные радиопередачи; один из них, наверное, начитавшийся историй о приключениях на Диком Западе, сказал другому, что связан с иностранными агентами. На заводе, где один из них работал учеником, мальчики отпечатали сообщение о том, что говорят зарубежные радиостанции; всех их арестовали. И хотя им было от 16 до 18 лет, одного из них приговорили к смерти и казнили, а остальные получили длительные сроки заключения.

Борман решал, кто и когда может увидеть Гитлера. Без его разрешения никто из внешнего мира не мог проникнуть в бункер и получить аудиенцию у фюрера. Преданных паладинов Гитлера — таких, как Гофман, Ламмерс, Розенберг и Геббельс, также как и высокопоставленных генералов, — он удерживал вдали от очей «хозяина», как он его называл, до тех пор, пока они не приходили к убеждению, что без его воли и позволения они не увидят фюрера. Однажды он не пустил Гейдриха, который прилетел из Праги, чтобы доложить об экономической ситуации в Чехословакии, представить свои предложения. Вместе с Гитлером Борман прошел возле дверей, у которых Гейдрих ждал уже несколько часов; но побеседовать с фюрером рейхспротектор возможности не получил — Гитлер просто взглянул на него и прошествовал дальше. На следующий день Борман холодно сообщил Гейдриху, что фюрер не заинтересован во встрече с ним.* Когда его соперники ухитрились получить аудиенцию, Борман обязательно присутствовал. Своей цели он достиг, а именно — изолировал Гитлера, который, особенно ближе к концу войны, не хотел слышать о реальном положении дел. Жизнь в «Вольфсшанце», где Борман был вместе с ним (у Бормана еще имелся дом, предоставленный государством, по соседству с Берхстенагеном), проходила вне связи с опустошенными, разоренными городами — такими, как Берлин или Гамбург. Борман и Гитлер предпочитали не говорить об этом и избегали встречаться с теми, кто мог принести неприят-

*Шелленберг высказал подозрение, что либо Борман, либо Гиммлер были причастны к убийству Гейдриха.

ные новости. С этой напастью боролись, арестовывая вестника печали и зачастую расстреливая его. Генералов казнили, если они не могли отстоять свою позицию и опровергнуть обвинения, которые против них выдвигали. Герман Фегеляйн, бывший жокей и генерал СС (он был другом Бормана и двоюродным братом Евы Браун), покинул бункер фюрера без разрешения; его нашли в собственном доме в Берлине в гражданской одежде и в итоге расстреляли.

Борман без труда убедил Гитлера, что его окружают предатели, и многих из них к концу войны сумел «торпедировать» — Гимmlера, Геринга, Розенберга, чью Высшую школу он поддержал бы, если бы это не был проект соперника; Шираха, об американских родственниках которого он информировал фюрера; Ганса Франка, против которого он использовал его махинации на чёрном рынке.* Хотя его атака на Геббельса оказалась безуспешной, он напугал министра пропаганды, несмотря на близкую дружбу последнего с Гитлером.

В Нюрнберге адвокат Бормана Фридрих Бергольд столкнулся с серьезными трудностями. Его клиент отсутствовал. Вдобавок, шансов у защиты не было, так как Борман был виновен в таком количестве преступлений, что суд просто был не в состоянии расследовать их все. Поэтому защита свелась к попыткам доказать, что Борман мертв (сам Бергольд был уверен в этом). Однако в этом доктор Бергольд не преуспел, и отсутствующий Борман был приговорен к смертной казни. Никогда не умирали слухи о том, что он все еще жив. 5 мая 1961 года, в ходе процесса над Эйхманом, бывший аргентинский посол в Израиле Грегорио Тополевски сказал на пресс-конференции, что Борман жил в Аргентине и теперь находится в Бразилии. Другие утверждали, что Борман был коммунистическим агентом в штаб-квартире фюрера и в конце войны его спасли спецслужбы русских. Однако свидетельства в пользу этого более чем слабы, хотя русские, конечно, имели агента в высших эшелонах власти рейха, может быть, и в штаб-квартире фюрера, поскольку бесспорен тот факт, что советская разведка аккуратно получала высокоточную

*Борман стоял и за обвинением друзей Франка в подобных махинациях на территории Польши.

информацию в самые сжатые сроки. Как свидетельствуют очевидцы, Борман время от времени выражал восхищение властью коммунистов. Но правда и то, что и Гитлер в годы войны восхищался Сталиным. И карьера Бормана, и его частные письма дышат фанатизмом и преданностью хозяину, и они столь сильны, что не могут быть наигранными, как и не может быть маской его ненависть к евреям и большевикам, ради уничтожения которых он жил.*

По слухам, Бормана видели в Италии и даже в Германии. Сообщают, что Герда получила от него письмо после падения Германии. Она умерла от рака в Мерано, в Италии, в 1946 году, и этот слух также нельзя проверить. Слухи стали распространяться с тех пор, как он покинул бункер Гитлера, чтобы добраться до Фленсбурга, места пребывания нового правительства адмирала Деница. Говорят, что некоторое время он смотрел на погребальный костер Евы Браун и Адольфа Гитлера и потом отдал прощальный нацистский салют. Очевидцы говорят, что видели, как он попал под огонь русских танков на мосту Вейдендамме и был убит. Двое утверждают, что видели его труп. Поскольку слухи упорно распространялись, власти Западного Берлина распорядились вскрыть могилу, где, предположительно, находилось его тело. Могила оказалась пуста.

Не существует ясных доказательств по вопросу, погиб Борман или остался жив. Международный военный трибунал приговорил его к смерти, но непонятно, как исполнялся бы приговор, если бы его когда-нибудь нашли. В Западной Германии он все еще числился в розыске за преступления против немецкого народа, сравнимые с его же преступлениями против евреев и славян. Значит, он подлежал бы суду не только трибунала в Нюрнберге, но и суда по законам Германии. Его имя, как имена сотен других, чье местонахождение неизвестно, зафиксировано немецким судом, и если бы он когда-нибудь объявился, ему было бы предъявлено обвинение. Усилия по его поимке были действительно международными — в них принимали участие разные страны, от Израиля до Советского Союза.

*Ближе всего Борман подошел к сговору с русскими сразу после смерти Гитлера, когда он послал эмиссаров к маршалу Жукову, чтобы предложить обсуждение условий перемирия, но Жуков отказал.

Свою собственную войну он выиграл. Он до конца оставался с фюрером, разделил с ним последние часы и пережил Геббельса, который пожелал последовать за своим хозяином. Противники Бормана в партии потерпели поражение и были рассеяны; в финале он остался единственным у власти в бункере. Геринг считал, что Гитлер назначит Бормана своим преемником. Вместо этого Гитлер назначил президентом рейха адмирала Деница, а Бормана — партийным министром в его кабинете. Борман выслал адмиралу Деницу приказ фюрера о назначении и сообщил, что он вступил в силу. Он информировал Деница о смерти фюрера спустя более чем двадцать четыре часа после самоубийства Гитлера. В течение этих суток он правил и пытался вступить в переговоры с врагом. И хотя евреи, большевики и Христианская Церковь уцелели, его внутренняя победа была практически полной.

Рудольф Гесс

Рудольф Гесс и Мартин Борман придерживались одних и тех же твердокаменных принципов, но очень по-разному. Гесс, как и Борман, считал коммунизм и еврейство главными бедствиями, постигшими мир, а Гитлера — великим пророком, который спасет от них человечество. Оба были непоколебимы в стремлении уничтожить зло и боготворили Гитлера. Поэтому они работали в одной упряжке, но на этом сходство и кончалось. Гесс был беспокойным мистиком, идеалистом, человеком с определенными причудами. Однажды физиотерапевт Гимmlера Феликс Керстен обнаружил большой магнит, висящий над кроватью Гесса, — чтобы рассеивать вредные воздействия, которые, как он считал, постоянно угрожают человеку. Позже Гесс показал Керстену еще дюжину магнитов, припрятанных под его кроватью. Один из психиатров, осмотрев его после перелета в Шотландию, поставил ему диагноз «шизофрения», но заявил, что в целом заболевание не разрушило его личность и что большую часть времени он проводит в ясном сознании, в котором организм его функционирует нормально. Несомненно, что в связи со способностью в

течение более или менее длительных периодов адекватно воспринимать окружающую реальность Гесс мог исполнять важную работу в нацистской партии и мог быть судим за свои действия Международным военным трибуналом, который на законном основании решил, что он не является сумасшедшим. Когда его разум был свободен от иллюзий, Гесс проявлял недюжинный ум и, зачастую, замечательную точность в суждениях. Тесты, проведенные во время его заключения в Британии, показали, что он относится к верхним 10% развитых в умственном отношении людей. (Американские психологи, тестиовавшие его в Нюрнберге, нашли, что его интеллект лишь чуть выше среднего уровня.) Но периоды его нормальности имели перемежающийся характер, и психиатры, исследовавшие Гесса в период заключения в Англии, без колебаний объявили его шизоидной личностью, страдающей от паранойи с приступами истерии. Через несколько лет в Нюрнберге группа психиатров, собранных союзниками, после осмотра, который продолжался лишь несколько часов, нашла, что он страдает от амнезии — диагноз, необходимый для объяснения его бессвязной речи в конце процесса и его поведения в суде.

Когда начался процесс, Гессу исполнилось пятьдесят два года. Он родился 26 апреля 1894 года в Александрии, в Египте. Там он шесть лет посещал немецкую школу. В 12 лет его послали в лютеранскую школу в Бад-Годесберге. Когда разразилась Первая мировая война, он пошел на нее добровольцем и некоторое время служил в той же роте, что и Гитлер, в 16-ом Баварском полку, но встретились они только после войны. Позже Гесс служил пилотом в военно-воздушных силах и дослужился до звания лейтенанта. После войны он поступил в Мюнхенский университет, где, не снимая военного мундира, поскольку не мог купить гражданскую одежду, посещал многочисленные лекции специалиста по геополитике с мировым именем Карла Хаусхофера. Теории Хаусхофера оказали решающее влияние на Гесса, так же как и на Гитлера. Хаусхофер верил в необходимость для Германии «жизненного пространства», а естественным направлением для экспансии считал Восток. Он и его сын Альбрехт, который учился в Берлинском университете и с которым

Гесс был хорошо знаком, считали дружбу с Англией краеугольным камнем германской политики. Мюнхенское соглашение 1938 года было, наверное, наивысшей точкой их влияния на Гесса и Гитлера. (Гесс, по словам Карла Хаусхофера, «протер защищающую руку» над его женой, у которой было сколько-то еврейской крови.)

Гесс хотел для Германии жизненного пространства, он хотел также очистить Германию от оскверняющих ее элементов. Он вступил в ультранационалистический «Свободный корпус» и в июне 1920 года — в национал-социалистскую партию, где имел членский номер немногим больше, чем Гитлер: у Гитлера был партийный билет №7, а у Гесса — №16. Гесс возглавил национал-социалистскую студенческую организацию Мюнхенского университета и был одним из лидеров СА. Вместе с фюрером он принимал участие в «пивном путче» 8–9 ноября 1923 года. Он был довольно пассивен, но с готовностью получал и исполнял приказания, безоговорочно предоставив себя в полное распоряжение Гитлера. Когда однажды его спросили, что должна собой представлять будущая программа партии, он ответил, что точно сказать не может, но, конечно, коммунистическая партия должна быть запрещена, а влияние государства усилено. Он сказал: «Правильно будет в решающий момент все доверить фюреру. Благодаря Провидению он всегда принимает правильные решения». Нацисты придерживались мистического понимания тех путей, по которым идет развитие мира. Спустя несколько лет, в 1930 году, Гесс сказал одному из своих друзей: «Время монархий и демократий в Европе прошло, наступает время цезаризма». Мало было дожидаться фюрера и назвать его имя. Надо было, чтобы он захотел и смог быть Цезарем.

В 1924 году Гесс был приговорен к 18 месяцам заключения в тюрьме Ландсберг, в ней же сидел и его фюрер. В своей камере Гитлер диктовал ему «Майн кампф», и позже Гесс писал жене, что, несомненно, в эту книгу вошли и многие его идеи. Оба освободились в один и тот же день, и Гесс вышел из тюрьмы не просто личным секретарем и адъютантом Гитлера. Их отношения были гораздо ближе. Гесс и Штрейхер были одними из весьма немногих, к кому фюрер обращался на «ты». Гитлер и

Гесс многое могли дать друг другу. Хотя Гесс корректировал грамматику и орфографию Гитлера, он считал его одним из величайших людей всех времен и народов — Цезарем, которого Германия и он сам так долго ждали. Он видел в Гитлере человека, избранного свыше. Гесс был уверен, что Гитлер сумеет примирить различные группировки в партии, свести вместе социалистов (таких, как братья Штрассеры), консервативное крыло и бывших немецких националистов; что он найдет каждому наилучшее применение. Гесс говорил, что даже люмпены, эти подонки общества, имеют свои уникальные качества.

Гесс не имел такого важного вида и лоска, как Геринг, тем не менее он стал третьим человеком в рейхе после того, как Гитлер был назначен рейхсканцлером, и он близко подошел к тому, чтобы стать преемником фюрера. (Согласно Отто Дитриху, который был шефом прессы рейха, в 1934 году, после посещения нового дома Гесса в Изартале, на окраине Мюнхена, фюрер решил, что не будет назначать его своим преемником. Безвкусная мебель и отделка дома оскорбили эстетическое чувство Гитлера. Немного позже он назначил на этот пост Геринга.)

Когда в декабре 1932 года Грегор Штрассер вышел из партии, Гесс был назначен главой Центрального политического комитета партии — новой структуры, созданной взамен Политической организации партии, которой руководил Штрассер. В апреле 1933 года фюрер назначил Гесса своим заместителем, а в декабре того же года — рейхсминистром. Гесс исполнял свои обязанности с предельной старательностью и довольно умело. Это он выдвинул лозунг «Пушки прежде масла». В целом его речи были не более чем короткими гимнами во славу фюрера. Он говорил: «Есть только один человек, который стоит вне критики, и это фюрер. И это потому, что все знают и чувствуют — он всегда прав и всегда будет прав... Мы верим, что предназначением свыше фюрер призван определять судьбу Германии». Все, что Гесс считал для себя необходимым — «преданность без критиканства, покорность фюреру, молчаливое исполнение его приказов без всяких вопросов». Гесс, мастер церемоний, торжественно поднимался на подиум у трибуны и поворачивался лицом

к буйному сбсришу коричнево- и чернорубашечников, которое, подчиняясь строгой дисциплине, немедленно успокаивалось; дожидаясь полной тишины и, сделав эффектную паузу, громко произносил: «Товарищи! Фюрер!»

На одном из больших партийных съездов он объявил выступление Гитлера; переполненный зал, жаждавший услышать голос своего фюрера, начал скандировать: «Гитлер — это партия, партия — это Германия! Зиг хайль!». В это время Гесс повернул свое угрюмое, с грубыми чертами и мохнатыми, как у майского жука, бровями, лицо навстречу выходящему фюреру — и это лицо преобразилось: оно стало мягким, и выражение почти нежности снизошло на него. Много лет спустя психиатры союзников говорили, что Гесс был латентным гомосексуалистом, хотя речей его они не читали и кадров кинохроники, запечатлевшей Гесса рядом с Гитлером, не видели. Согласно одному сообщению, жену Гессу выбрал Гитлер. Они втроем сидели в ресторане «Остерия Бавария» в Мюнхене, и фрау Ильзе сказала, что не может решить, учиться ли ей дальше в университете или предпринять путешествие по Италии. Гитлер спросил ее: а почему бы ей не выйти замуж за Рудольфа Гесса? Кажется, эта идея не приходила в голову ни Гессу, ни Ильзе, но через несколько недель они поженились.

Борман хотел использовать фюрера как средство для достижения собственных целей, прежде всего власти, а Гесс смотрел на Гитлера как на посланца высших сил, окруженного сияющим нимбом, как на идеальный символ расовой чистоты. Он жил в сумеречном мире столкновений невообразимых сил. И он, и Розенберг верили, что Генрих Брюннинг был тайным посланцем темных сил, который хотел привести коммунистов к власти в рейхе, сначала выделив из состава Германии протестантскую Пруссию и установив в ней католическую диктатуру. Когда Гесс возвращался из мира своих фантазий, он был прост и скромнен. Он никогда не носил наград, любил часами гулять со своим сыном вдоль берегов Изара. У него было мало друзей, таких, как Хаусхофер, чьи идеи особенно увлекли его. Он жил по предписаниям, которые были разработаны партией в великом множестве. Он

написал письмо одной молодой матери — она не успела выйти замуж, ее жених пал на поле боя, — и предложил стать крестным отцом ее ребенка. Высший закон рейха писал он ей — поддерживать свой народ. Что представляла бы собой прусская армия, спрашивал он, без бастарда Йорка? Он писал, что знает о тяжелой женской доле, но все-таки лучше иметь ребенка, чем не иметь его.

Полет Гесса в Британию логически вытекал из его мировоззрения. Он отнюдь не был предателем по отношению к Гитлеру и рейху; это путешествие он предпринял в их интересах и в интересах всего цивилизованного мира. За несколько недель до полета он сказал графу Лютцу Шверину фон Крозигу, министру финансов в кабинете Гитлера, что два германских народа, англичане и немцы, дерутся в интересах смеющихся над ними большевиков. Он был в отчаянии от того, что Англия и Германия рвут друг друга на части вместо того, чтобы прийти к взаимопониманию, и от того, что британцы отвергли предложение фюрера о мире. Он был уверен, что, если кто-то сможет поговорить с авторитетными в Англии людьми и убедить их, что большевики угрожают западной культуре, что Гитлер ничего не хочет от Британии — соглашение будет достигнуто. Когда Крозиг сказал, что вряд ли британцы после стольких нарушенных обещаний захотят доверять Гитлеру, это не произвело на Гесса впечатления; то же самое ему уже говорил Альбрехт Хаусхофер, и Гесс с ним не согласился.

Он почти не интересовался аспектами политики партии и плохо в ней разбирался. По нацистским стандартам, он был почти пуританином и презирал коррумпированность многих партийных функционеров и их умственную посредственность. Он размышлял о судьбах арийской расы, а в это время в его канцелярии накапливались груды документов. Когда началась Вторая мировая война, он хотел подняться в небо и сражаться за рейх, как он сражался за империалистическую Германию в Первую мировую. Но Гитлер не только приказал ему оставаться на посту, но и запретил любые полеты, так как считал их слишком опасными. Гесс ухитрился побывать на фронте в Бельгии и пришел в восторг от того, что находился в нескольких метрах от линии огня. Но более важным, чем

участие в сражениях, он считал обеспечение мира и прекращение братоубийственной войны между германскими народами. Это, по убеждению Гесса, самое сокровенное желание фюрера, который хотел мира с Британией — правда, на своих условиях. Гитлер не понимал, почему англичане продолжают борьбу, если у них нет шанса победить; их единственной надеждой было вступление в войну России и Соединенных Штатов.

Осознание необходимости активных действий по достижению мира овладевало Гессом; этому способствовали Хаусхоферы, которые надеялись через Гесса повлиять на Гитлера и, возможно, предотвратить вторжение немцев на Британские острова, которое имело бы для англичан катастрофические последствия. Альбрехт Хаусхофер говорил Гессу, что хотел бы «дружбы, перерастающей в полное слияние, с объединением флотов и военно-воздушных сил и совместным владением миром», но, поскольку англичане ненавидят Гитлера, не верят его обещаниям и не доверяют Риббентропу, он не видел реальных шансов «на настоящей ступени развития» на заключение договоренности между фюрером и Англией. Тем не менее он был готов взять на себя миссию переговоров с герцогом Гамильтоном на нейтральной территории, если бы такая директива была дана ему высшим руководством. Гесс просил Хаусхофера о встрече для обсуждения возможности прекращения войны, «самоубийственной для белой расы», и у Хаусхофера сложилось впечатление, что эта встреча произошла с ведома Гитлера и что Гесс собирался продолжить обсуждение вопроса с фюрером. Похоже, что так оно и было. (Ульрих фон Хассель заявил, что Гитлер одобрял его идею контактов Гесса с английскими представителями.) Такая встреча в целом соответствовала политике Гитлера по отношению к Англии и, поскольку он уже замыслил нападение на Советскую Россию, приобретала особую актуальность.

Итогом встречи Гесса и Хаусхофера стало следующее решение: Хаусхофер пытается вступить в контакт с герцогом Гамильтоном, которого они оба знали (Гесс встречался с ним на Олимпийских играх в 1936 году), и договаривается о его встрече с немецкими представителями в нейтральной Португалии. Альбрехт Хаусхофер

написал 23 сентября 1940 года письмо герцогу Гамильтону, но оно не достигло адресата. Оно было перехвачено британскими цензорами; с него сделали копию, но затем оригинал исчез. Только через несколько месяцев офицер британской разведки передал копию Гамильтону и предложил ему поехать в Лиссабон, чтобы выяснить намерения немцев. Однако прежде чем Гамильтон начал действовать, Гесс приземлился в Шотландии. Поскольку ответа на письмо не последовало, Гесс решил действовать самостоятельно и полетел прямо в Шотландию, где собирался встретиться с Гамильтоном; он надеялся, что герцог устроит его встречу с королем и представителями британской партии мира. Доводы разума, указывающие на безнадежность такого поступка, значения для Гесса не имели.

Гесс был сторонником нетрадиционной медицины и захватил с собой в Шотландию большой набор лекарств и гомеопатических средств; они были исследованы британскими аптекарями, которые так и не смогли определить их состав. Он также верил в астрологию, собирал книги толкований снов и записи пророчеств; главное влияние на решение о полете оказал повторяющийся сон, в котором он летел над водой по какому-то поручению огромной важности. И Хаусхоферу тоже случилось видеть пророческие сны, в одном из них Гесс летел на самолете, выполняя историческую миссию. В Нюрнберге Гесс сказал американскому психиатру доктору Дугласу Келли, что профессор Хаусхофер видел сон, в котором он, Гесс, шел по увешенному коврами залу какого-то британского замка, чтобы заключить соглашение, которое принесет мир всем народам; рассказал он и о предсказании астролога, согласно которому ему было предназначено в конце 1940 года обеспечить мир на всей планете.

Гесс верил, что этот полет сделает его спасителем западной цивилизации, он верил и в то, что его поступок соответствует чаяниям фюрера. Гитлеру, как и Наполеону, следовало завоевывать либо Англию, либо Россию; он же, не разделавшись с одним противником, уже спешил вцепиться в горло другого. Он был убежден, что Англия с ее тремя партиями, евреями и поджигателями войны будет сражаться в одиночку. Если она пойдет на мир, это

упростит нападение на Советский Союз; если она продолжит сопротивление, фюрер в нескольких сражениях «молниеносной войны» разгромит русских, так, как он сделал это с французами, а затем вновь займется Британией и ее империей. Гесс, со своей стороны, просто хотел, чтобы Британия вышла из войны; будет Россия другом или врагом, его не очень заботило. Нападение на Советский Союз Гитлер замыслил после захвата Франции. Но Гесс, как и многие другие, выступал против. Если Англия продолжит войну, Германии снова придется сражаться на два фронта, а Гесс, имея опыт солдата Первой мировой войны, понимал, что это будет означать неизбежное поражение. Хаусхофер указывал, и Гесс был с ним согласен, что продолжение войны с Англией губительно для обеих стран, что это — бессмысленное кровопролитие. Если Россия выиграет войну против Германии, коммунизм победит на всем континенте, рейх будет уничтожен, возникнет опасность и для Британской империи. На этих соображениях отца и сына Хаусхоферов и основывалось стремление Гесса спасти мир. Одним поступком он мог оказать огромную услугу фюреру, желавшему мира с Британией, всей германской расе, делу обеспечения «жизненного пространства», которое можно будет получить у России либо путем договора, либо силой — путем войны. Тысячи ценных нордических жизней будут спасены, а «Злу» будет нанесен смертельный удар.

По сообщению Хильдегарды Фат, секретарши Гесса, в прощальном письме ее шефа фюреру, копию которого она читала, ничего не говорилось о заключении мира с Англией для того, чтобы напасть на Россию, но делался упор на необходимость прекращения кровопролития в войне против Британии. Глава пресс-службы Гитлера Отто Дитрих, сообщая о содержании этого письма, отметил, что речь о России в нем вообще не шла.

Полету благоприятствовало то обстоятельство, что Гесс знал Вильгельма Мессершмитта и, несмотря на приказ фюрера не летать, преследовал заводчика просьбами предоставить ему самолет, чтобы практиковаться в полетах. Он был заместителем фюрера, и когда Геринг строго приказал Мессершмитту дать Гессу двухмоторный «Me-110», на котором тот позже улетел в Шотландию, Мес-

сершмитт напомнил рейхсмаршалу об официальном статусе Гесса. Геринг имел глупость ответить, что Гесс сумасшедший, на что Мессершмитт заметил: «Разве я мог предположить, что один из высших иерархов Третьего рейха может сойти с ума? Но если это так, вы должны сделать все, чтобы его отправили в отставку». Позже недоброжелатели с удовольствием часто цитировали эти слова.

Гесс предпринял три попытки улететь в Шотландию. Дважды ему пришлось возвращаться из-за неполадок с двигателем; третий полет, 10 мая 1941 года, оказался успешным. Он тщательно готовился: добыл сверхсекретную карту, предназначенную для личного пилота Гитлера, на которой были обозначены запретные воздушные зоны; самолет имел дополнительный топливный бак и специальную рацию, которой комплектовались «Мессершмитты». Только его адъютанту Карлхайнцу Пинчу было известно о подготовке к полету. Ни фрау Гесс, ни Хаусхоферы ничего не знали о предстоящем событии.

Гесс выбросился с парашютом недалеко от своей цели — Дангавел-хаус близ Басби, в Шотландии, где находилась резиденция герцога Гамильтона. С собой он захватил визитные карточки Альбрехта и Карла Хаусхоферов, запас медикаментов и заметки для конференции, которую он планировал провести в Британии. Невооруженный, но одетый в форму капитана люфтваффе, он был немедленно взят под стражу. Ни в Британии, ни в Германии никто точно не знал, что теперь с ним делать и как оценивать его поступок. В Англии с ним всегда обращались, как с инвалидом — во-первых, потому, что он повредил спину и ноги (неудачно выпрыгнув из кабины и ударившись о хвост самолета), а во-вторых — из-за состояния его ума. Сразу после приземления Гесс вежливо попросил у схвативших его англичан разрешения увидеться с герцогом Гамильтоном, и впоследствии герцог и другие высокопоставленные лица — среди них член кабинета Черчилля лорд-канцлер сэр Джон Саймон — посещали госпиталь, где содержался Гесс, чтобы послушать его длинные монологи, произносимые на немецком языке.

Черчилль не хотел встречаться с Гессом, чтобы не сложилось впечатление, будто он обсуждал с ним усло-

вия мира. Сэр Джон Саймон посетил Гесса под псевдонимом «доктор Гатри». В записи их сверхсекретной беседы (говорил, правда, только Гесс) Гесс фигурирует как «Д» [«J»]. Британское правительство было заинтересовано в том, чтобы узнать у гостя как можно больше: прибыл ли он с ведома Гитлера; правда ли, что, как настойчиво сообщала разведка, Гитлер решил напасть на Россию; что именно заставило Гесса совершить полет. В ранних интервью Гесс совершенно определенно отрицал, что Гитлер собирается нападать на Советский Союз и что фюрер знал о полете. Он сказал, что был уверен: фюрер очень хочет прийти к взаимопониманию с Англией. Больше часа он читал привезенные с собой заметки доктору Гатри и доктору Маккензи (под этим именем скрывался Айвен Киркпатрик из Форин-оффис) — о несправедливости Версальского договора, о вине Англии за Первую мировую войну, о стремлении Британии иметь колонии в Африке (вопрос, часто обсуждавшийся с Хаусхоферами, которые считали, что Англия могла бы уступить концессии немцам на этом материке).

Суть всех разглаговольствований Гесса сводилась к следующему: Англия контролирует свою империю, а Германия контролирует континент, и обе страны не вмешиваются в дела друг друга. Гитлер, уверял он своих слушателей, хочет сохранения Британской империи, но не потерпит ее вмешательства в сферу интересов Германии. На это доктор Гатри заметил, что данные условия невмешательства не являются равными. «Внутреннее положение в Британской империи Британия контролирует, — сказал он, а затем спросил Гесса: — Контролирует ли Германия внутреннее положение на всем Европейском континенте?» Гесс постарался прояснить ситуацию: Англия стоит перед фактом нарастающих ударов с воздуха; подводная война также будет вестись более эффективно. Гесс сказал, что видит длинные ряды гробов и вереницы рыдающих матерей. Для него все было так просто: остановить «гражданскую войну» между двумя германскими народами, дать каждому из них свою сферу влияния, вернуть Германии ее колонии, и все будет хорошо. Он сказал, что прилетел в лагерь врага, чтобы объяснить все это и сделать так, чтобы британцы пошли на переговоры, не теряя

престижа. Много раз он возвращался к вопросу о престиже; видно было, что это он считал особенно важным для гордых британцев.

Доктор Гатри, воспользовавшись краткой паузой в непрерывном словесном потоке, который извергал Гесс, попробовал уточнить некоторые детали.

Г а т р и. Я хотел бы задать несколько вопросов. Итак, возвращение немецких колоний. Должен ли я понимать, что речь идет и о германской Юго-Восточной Африке?

Д. Да, обо всех колониях.

Г а т р и. Я задаю этот вопрос, потому что в некоторых заявлениях речь не идет о Юго-Западной Африке. Могу ли я передать генералу [Яну Кристиану] Сматсу, что, по крайней мере по вашим словам, речь идет и о германской Юго-Западной Африке?

Д. Да.

Д о к т о р М. [Маккензи] (*по-немецки*). И Японские острова тоже?

Д. Японские острова — нет.

Это был отчасти серьезный, отчасти фарсовый диалог, в котором приняли участие многие следователи, политики, медики. Лорд Бивербрук приехал для беседы с Гессом под именем доктора Ливингстона после вторжения в Россию, и Гесс сказал ему, что для Англии настоящей бедой будет только победа большевизма.

Отправляясь в полет, Гесс рассчитывал через несколько дней вернуться в Германию — в том случае, если британцы примут его предложения и выдвинут свои, — но такие планы оказались полным отрывом от действительности. Ни британцы, ни немцы не восхищались его поступком. Черчилль был озадачен, Гитлер пришел в ярость, а пресса обеих стран объявила его сумасшедшим. Черчилль не хотел распространения слухов о том, что третий человек в рейхе прибыл в Британию с предложением мира. В Британии существовала партия мира, и не в интересах политики Черчилля было устраивать публичную дискуссию о целях прибытия Гесса. По этому курьезному случаю, позволившему по-новому взглянуть на правящую элиту Германии, можно было ожидать пропагандистской шумихи от немцев, но британские власти осторожно решили рассматривать данный случай как

медицинский, а не политический. 13 мая, через три дня после прибытия Гесса, Черчилль отдал указание считать его военнопленным, изолировать, провести расследование, медицинское освидетельствование и обеспечить хорошее обращение.

Гитлер также вынужден был проявить осторожность. Его заместитель и секретарь улетел без его разрешения с миссией мира, и все, что мог сделать фюрер — это арестовать Пинча и подготовить заявление о том, что рассудок Гесса помрачился от переутомления и советов астрологов и он самочинно, без всякого разрешения предпринял полет к врагу. Очевидцы говорили, что редко видели фюрера таким разъяренным, как при получении известия о полете Гесса. Пауль Шмидт рассказал, что слышал из уст Гитлера следующую фразу: «Надеюсь, он утонет в океане». С пропагандистской точки зрения, полет мог произвести эффект разорвавшейся бомбы. Гесс знал, конечно, о приготовлениях к нападению на Советский Союз и мог выдать эту тайну британцам. Все, что в этой ситуации могла сделать немецкая пресса, это повторять, что в какой-то момент рассудок Гесса помутился, он запутался в предсказаниях астрологов и гадалок и совершил этот дикий поступок, никого не поставив в известность. Фюрер созвал лидеров партии в «Бергхоф» и заявил, что в роду Гесса были душевнобольные. Но втихомолку обсуждался вопрос, который открыто сформулировал Мессершмитт: как этот человек мог так долго занимать столь высокое положение, если сам фюрер сказал, что он безумен? Появились остроты: «Тысячелетний рейх стал столетним. Почему? Один ноль исчез». Или: «Учреждена новая должность — рейхсэмигрантенфюрер [глава эмигрантов из рейха]», обыгрывавшая такие титулы, как рейхсмаршал, рейхсфюрер СС и т. д.

Считается, что Гесс полетел в Британию без разрешения фюрера, хотя многие в Германии были уверены в обратном. Геринг верил, что Гесса послал сам Гитлер; так же думал и Шелленберг, который был специалистом в вопросах разведки. Они считали, что, утверждая обратное, легче будет дезавуировать Гесса, если его миссия провалится. По сообщению фрау Гесс, которая читала копию письма своего мужа фюреру, Гесс писал Гитлеру,

что он всегда сможет объявить, что его заместитель сошел с ума, если замысел провалится. Звучит неубедительно с точки зрения того вреда, который при провале миссии наносил полет Гесса нацистской пропаганде — и в самой Германии, и за ее пределами. Стремление к миру можно было продемонстрировать, и не посылая заместителя фюрера выбрасываться с парашютом во вражеской стране. Отто Дитрих, шеф пресс-службы у фюрера, видевший письмо, говорил, что Гесс объяснял Гитлеру: он летит не по причине трусости или слабости — чтобы лететь в Британию, надо больше мужества, чем для того, чтобы оставаться в Германии, — но потому, что хочет установить персональный контакт с теми англичанами, которых знает (Гесс родился в Египте, на территории, управляемой британцами), возродить англо-германские отношения в интересах обоих народов и покончить с войной. Гесс писал Гитлеру, что после последней беседы с ним у него сложилось стойкое впечатление, что фюрер тоже в глубине души хочет англо-германского взаимопонимания. Гесс ничего не говорил Гитлеру о полете, так как знал, что фюрер запретит его.

Британцы смогли понять одно: Гесс верил, что на определенных условиях Гитлер пойдет на заключение мира. Рейх оказался поразительной страной, которой может править странный гибрид высокопрофессионального военного и галлюцинирующего лунатика, являющийся одновременно самым преданным соратником и заместителем фюрера. Формально Гесс являлся военнопленным, хотя обращались с ним с гораздо большей заботой, чем с обычным пленником. Ему был предоставлен дом; после первой попытки самоубийства Гесса англичане предприняли меры дополнительной охраны пленника; некоторое время он обедал вместе со своими «тюремщиками», причем прежде Гесса блюда пробовал начальник охраны. Но Гесс продолжал подозревать, что его хотят отравить, и иногда он вдруг быстро хватал тарелку охранника, а ему отдавал свою. На протяжении долгого времени группа психиатров и других врачей проводила тщательное обследование Гесса. Их диагноз, объявивший Гесса шизофреником с истерическим синдромом, был основан на ссылках на его угловатую фигуру,

оттопыренные уши, примитивную форму черепа — все это считалось признаками дегенерации и, что более серьезно, указывало на раздвоение личности. Британские медики отметили, что с ноября 1943 по июнь 1944 года они наблюдали у Гесса первый подлинный период амнезии. Сомнений в этом практически нет, поскольку в то время «пациент» прошел тест, в ходе которого его погружали в полубессознательное состояние при помощи наркотиков, и в этом состоянии он давал ответы на вопросы врачей, что исключало возможность игры или симуляции с его стороны. Специалисты установили также особенность психики Гесса, нередко встречавшуюся у высокопоставленных нацистских руководителей, а именно — сильное женское начало, включенное в их запутанное, беспорядочное сознание. Часть охранников, стерегущих его, принадлежала к так называемой «золотой молодежи» Англии и ела отдельно, не посещая общую столовую, куда ходили Гесс и приставленные к нему офицеры. Британские доктора считали, что проявление гомосексуального начала в Гессе было ответом на призыв этих молодых людей, которых он рассматривал как представителей рыцарственного короля Англии, которого он пришел спасти. С другой стороны, были политические и медицинские чиновники, с точки зрения Гесса — не его поля ягоды. Первую попытку самоубийства он совершил, когда было назначено его обследование психиатрами. Своих психических отклонений Гесс не осознавал, докторам не доверял и не исполнял их предписаний. Попытки самоубийства он повторял несколько раз: нанес удар себе в грудь ножом и даже пытался умерить себя голодом.

Временами Гесс испытывал приступы тяжелейшего душевного упадка. Прием в Британии поверг его в состояние шока. Он все больше и больше убеждался в том, что и в этой стране имеют место происки евреев. Добрый король Англии и добрый герцог Гамильтон доверяли, к несчастью, тем негодьям, которые хотели отравить его. Враги издевались над ним, используя такие подлые приемы, как шум по ночам — так они хотели лишить его сна и отдыха и подорвать его здоровье. Как Гесс объяснял герцогу Гамильтону, он прибыл в Шотландию с гуманной миссией и ожидал от короля проявления благодарно-

сти — ведь он прилетел по доброй воле. Вместо этого над ним издеваются, применяя черную магию и дьявольские уловки.

«Гесс был убежден, что его окружают секретные агенты, имеющие задание довести его до самоубийства либо организовать его ликвидацию, выдав это за самоубийство, помышляющие только о том, как бы подсыпать яду в его пищу», — писал один из британских психиатров. Иногда Гесс в своей комнате падал на пол и кричал от колик в желудке — настоящих или воображаемых, якобы вызванных происками его тюремщиков. 15 января 1944 года он писал своей жене: «Уже несколько часов я сижу за этим столом, размышляя, о чем же тебе написать. У меня ничего не получается, и я должен признаться тебе в причине этого. Рано или поздно ты все равно узнаешь об этом, поэтому я решил сам сказать тебе: я полностью потерял память... Причин этого я не знаю. Доктора пускаются в длинные объяснения, но в конце я уже не помню, с чего они начинали». Своим врачам он как-то сказал, что русские гипнотизируют немецкие войска из каких-то мистических центров. Даже за тысячи миль от России, в заключении, он продолжал оставаться под этим гипнотическим воздействием.

Вот такой человек должен был отправиться назад в Германию, в Нюрнберг, чтобы дать показания по всем четырем пунктам обвинения. Сразу после приземления Гесса Черчилль в своем меморандуме объявил, что Гесс подлежит суду как главный военный преступник; но британцы боялись, что по условиям Женевской конвенции он может быть репатрирован еще до конца войны в связи с его психическим расстройством. Швейцария, представлявшая рейх в Британии, присылала представителей для посещения Гесса, и если бы они рекомендовали репатриировать его, это могло бы вызвать политические осложнения, в чем англичане не были заинтересованы. Русские также интересовались Гессом, причем в области домыслов недалеко от него ушли. Они всегда подозревали британцев в заговоре с целью создать антирусскую коалицию, и когда лорд Бивербрук посетил Сталина в Москве, русский лидер напрямую спросил о Гессе. Почему он полетел в Англию? Почему его не казнили? В

Потсдаме Сталин снова интересовался Гессом, на этот раз у Эттли, который заверил его, что Гесс будет доставлен на предстоящий процесс.

Суд в Нюрнберге назначил медицинскую комиссию из представителей четырех держав. Выводы членов комиссии были противоречивы, хотя все сходились в том, что Гесс может предстать перед судом. Британские специалисты определили его как психопатическую личность, на данный момент полностью вменяемую. (Доклад британских психиатров среди прочих подписал доктор Д. Р. Рис, главный армейский психиатр, наблюдавший Гесса несколько месяцев.) Американские и французские врачи определили его как истерика, страдающего потерей памяти, но добавили, что это не отразится на его понимании происходящего на процессе, хотя может повлиять на его ответы на вопросы о прошлом и на его способность защищаться. Трое советских врачей и доктор из Франции заявили: «В настоящий момент он не является невменяемым в прямом смысле этого слова. Амнезия позволяет ему понимать происходящее вокруг, но может помешать ему строить защиту и прояснять детали прошлого, когда понадобится разбирать фактические события и даты». Доклады советских врачей, обследовавших Гесса, называли его больным «истерической амнезией, основанной на подсознательном стремлении к самозащите и на намеренном, осознанном стремлении оправдаться».

Когда трибунал предоставил Гессу слово, он сделал заявление, которое уже слышали от него британские врачи в моменты просветления:

«Чтобы опровергнуть сомнения в моей способности выступить на процессе, я, желая вместе с моими товарищами разделить ответственность и выслушать вердикт суда, хотел бы заявить следующее... В настоящий момент память полностью вернулась ко мне, и я осознаю происходящее. Симуляция потери памяти имела причины тактического характера. Фактически только моя способность сосредоточиваться является несколько ограниченной».

Первый адвокат Гесса, Гюнтер фон Роршедт, настаивал на очевидности медицинских доказательств невменяемости Гесса и считал, что обследование в Нюрнберге совпало с непродолжительным периодом прояснения

сознания его клиента, который на самом деле явно ненормален и неспособен защищать себя. (Через несколько месяцев Роршедт сломал ногу и был вынужден убраться от дела. Защитой Гесса занялся мюнхенский адвокат Альфред Зейдль, представлявший также интересы Ганса Франка.)

Президент трибунала заявил, что Гесс использует амнезию как прием для построения собственной защиты, что он в любой момент может сослаться на то, что не помнит событий и фактов, имевших место в действительности. После совещания трибунал решил, что он может присутствовать на процессе, хотя позже, в ходе судебного разбирательства, в необходимости этого возникали сомнения.

Несмотря на свое заявление о том, что он желает предстать перед судом, Гесс практически не выступал на процессе. Постепенно он потерял интерес к происходящему, отрицал полномочия трибунала, отказывался давать показания, принялся во время судебных заседаний читать книги. Однако в неформальное общение со следователями он вступал, особенно в самом начале, ближе к концу и после процесса. Допросы Гесса проводились в присутствии его бывшего секретаря, а также врача, который его постоянно консультировал, Людвига Шмитта, и некоторых других людей; ни одного из них, казалось, он не помнил достаточно ясно.

Как отметил президент трибунала, он не помнил почти ничего из своего прошлого, но когда было произнесено слово «евреи», он сказал, что в нем «шевелинулось чувство чего-то неприятного, как будто эти люди не симпатизировали мне или, скорее, я не симпатизировал им». Но причин, по которым он не любил евреев, назвать не смог. Он знал, что была война, потому что за день до прибытия в Нюрнберг видел развалины Брюсселя.

Когда для проверки памяти ему устроили очную ставку с Герингом, он сказал, что с трудом узнает человека, сидящего перед ним. Когда Геринг пытался заставить его вспомнить, как говорил Гитлер, Гесс сказал, что не может вспомнить и что портрет Гитлера, висящий в его камере, не умеет разговаривать. Геринг был очень активен, ведь эта встреча давала ему возможность вспомнить свое собственное великое прошлое.

Г е р и н г. Вы знаете меня?

Г е с с. Я с вами незнаком, но помню ваше имя.

Г е р и н г. Но мы столько общались.

Г е с с. Такие случаи должны были иметь место... Как заместитель фюрера... я должен был встречаться с другими высокопоставленными людьми, такими, как вы; но я не могу никого вспомнить.

Г е р и н г. Сначала я был фельдмаршалом и позже рейхсмаршалом; вы это помните?

Г е с с. Нет. [*Он добавил, что будет в отчаянии, если доктора не заверят его, что память к нему вернется.*]

Г е р и н г. Вы помните, что я жил недалеко от Берлина, в большом доме в лесу, в «Каринхалле»; вы не помните, что бывали там много раз? [*И потом, говоря о событиях 1923 года*]. Вы помните, что вы арестовали министра?

Г е с с. Видимо, у меня было бурное прошлое.

Г е р и н г. Вы помните, как приехали на Вильгельмсштрассе, во дворец, принадлежавший мне как премьер-министру Пруссии, но я не разрешил вам поселиться там? [*Геринг хвастал своими дворцами, несомненно, чтобы доставить удовольствие следователям.*]

Г е с с. Я не знаю.

Г е р и н г. Вы помните господина Мессершмитта? Он сконструировал все наши истребители, и он дал вам самолет, который я отказывался давать... на котором вы улетели в Англию. Господин Мессершмитт дал вам его без моего ведома.

А м е р и к а н с к и й с л е д о в а т е л ь Г е р и н г у. Хорошо. Можете идти.

Чтобы восстановить память Гесса, привлекали Карла Хаусхофера, Папена, Мессершмитта, Эрнста Боле (он руководил деятельностью отделений партии за рубежом). Боле напомнил Гессу, как, будучи лейтенантом в годы Первой мировой войны, он получил ранение в грудь (ему прострелили легкие), вспомнил о письме Гесса герцогу Гамильтону, которое он, Боле, переводил на английский язык. Хаусхофер называл его по имени, рассказывал о семье Гесса, о его жене и маленьком сыне, сообщил, что Альбрехта убили нацисты. Но все было бесполезно. Гесс повторял, что ничего не может вспомнить. Однако не-

много позже, 30 ноября 1945 года, он заявил трибуналу и следователям, что все это время он притворялся, что фильмы, которые ему показывали, и люди, которые рассказывали ему о его прошлом, ему знакомы и что он симулировал потерю памяти. Американский психолог Д. М. Гилберт, регулярно посещавший заключенных, отметил, что Гесс с наслаждением дурачит окружающих и страдает завышенной самооценкой. Но и он, и другие специалисты, включая американских психиатров, которые наблюдали Гесса, отмечали несомненное снижение его умственных способностей: амнезия возвращалась, он испытывал апатию к происходящему на процессе, с адвокатами сотрудничать отказывался, не хотел выступать и делать что-нибудь для своей защиты и спасения своей жизни.*

Как адвокат Зейдль делал все, что мог. Он подслушал разговор между Герингом и Риббентропом, в котором упоминался русско-германский секретный договор от 23 августа 1939 года, и потребовал расследования этого дела. В его руки попала копия этого документа, переданная ему неизвестным американским офицером, но предоставить ее в качестве доказательства он не мог, поскольку это была копия, а русские судьи и обвинители и слышать не хотели о ней как об улике. Что Зейдль действительно мог сделать, так это вызвать свидетелей, среди которых был и Фридрих Гаус, бывший шеф департамента юстиции министерства иностранных дел Германии, который рассказал о секретном протоколе, прилагавшемся к августовском пакту; согласно его показаниям, Риббентроп, позвонив Гитлеру и получив его разрешение, заявил, что рейх не имеет политических интересов в Латвии, Эстонии и Финляндии. Только Литва входила в сферу интересов Германии. Позже, сказал Гаус, Гитлер согласился уступить Литву Советскому Союзу.

Поскольку Гесс не принимал участия в массовых убийствах, в военных преступлениях и преступлениях против

*Гилберт, осмотревший всех подзащитных, позже, в августе 1946 года, давал трибуналу оценку состояния здоровья Гесса и консультацию по вопросу, нужно ли повторное обследование его психиатрами. Гилберт заявил, что здоровье Гесса, пусть страдающего истерической амнезией, не вызывает у него сомнений и необходимости в повторном психиатрическом обследовании нет.

человечества, его обвиняли только в участии в заговоре по планированию и ведению агрессивной войны. Зейдль попытался обратить внимание суда на обычную практику великих держав в международных отношениях, когда они отбрасывают риторiku и громкие слова и за спинами третьих стран решают их судьбу. Гесс не имел отношения к русско-германскому пакту, но Зейдль указал на то, как на самом деле строились отношения между обвиняемой Германией и одной из великих «миролюбивых» держав, выступавшей на процессе в качестве обвинительницы.

Гесс принял участие в судебном заседании только еще один раз — со своим последним заявлением. Он попросил у трибунала разрешения в связи со слабостью здоровья говорить с места на скамье подсудимых и выступал бы долго, если бы после 20-минутной речи президент трибунала не остановил его. Сказанное Гессом было нелицеприятно, честно и отдавало паранойей:

«Некоторые из моих товарищей в этом зале могут подтвердить, что еще в самом начале процесса я предсказал следующее:

1. Что свидетели, появляющиеся в этом зале, будут под присягой делать ложные заявления, хотя бы они и производили впечатление порядочных людей, обладающих наилучшей репутацией.

2. Что заранее было решено — трибунал будет принимать письменные показания, содержащие ложные заявления.

3. Что обвиняемые испытают удивление и потрясение при виде некоторых свидетелей-немцев.

4. Что некоторые обвиняемые будут вести себя довольно странно: они будут высказывать позорящие фюрера замечания; они будут обвинять свой собственный народ; они будут даже обвинять друг друга, и все это будет неправдой. Возможно, они даже будут обвинять самих себя, и опять же ложно... Я предсказывал это не только здесь, перед началом процесса, но и за много месяцев до него, в Англии, в частности доктору Джонстону. Я говорил об этом, потому что некоторые события в Англии заставили меня задуматься над сообщениями о других процессах. Дело в том, что люди, окружавшие меня во время моего заключения, вели себя специфиче-

ски и иногда абсолютно необъяснимо, и это позволило мне прийти к заключению, что они действовали, находясь в ненормальном умственном состоянии. Некоторые из них иногда менялись поразительным образом. Новые сотрудники, приходившие сменить старых, имели странный взгляд. Их глаза были стеклянными; это был взгляд спящего человека. Так продолжалось несколько дней, а потом они производили впечатление полностью нормальных людей. Они не могли долго оставаться в ненормальном для человека состоянии. Не только я обращал внимание на эти странные глаза, но и врач, посещавший меня в тот период, доктор британской армии Джонстон, шотландец.

Весной 1942 года у меня был посетитель, который явно провоцировал меня и вел себя очень странно. У этого посетителя были такие же странные глаза. Когда он уехал, доктор Джонстон спросил, что я думаю об этом человеке. Мы оба пришли к выводу, что он был не совсем нормальным человеком, и я удивился, что доктор Джонстон поддержал меня в этом мнении и спросил, не обратил ли я внимания на странный взгляд этого человека, «спящий» взгляд. Доктор Джонстон не подозревал, что, когда он еще только пришел ко мне, его глаза были точно такими же... Соблюдая присягу, я должен сказать, что не хожу в церковь; у меня нет духовной связи с церковью, но я глубоко верующий человек. Я убежден, что моя вера в Бога сильнее, чем у большинства других людей. Я прошу высокий суд со всей серьезностью учесть все, что я сообщил под присягой, и призываю Бога в свидетели моих слов».

Гесс стал первым человеком в истории, признанным виновным в заговоре по подготовке агрессивной войны и ведению ее. Это был весьма примечательный процесс. Доказывая его вину, трибунал заявил:

«Гесс активно поддерживал приготовления к войне... Его подпись стояла под приказами, адресованными войскам... Выражая стремление к миру, он призывал к международному экономическому сотрудничеству. Но... никто лучше Гесса не знал, как стремится Гитлер реализовать свои амбиции, каким фанатичным и склонным к насилию человеком он был... Отправляясь в Англию, Гесс вез с собой определенные мирные предложения, которые

Гитлер якобы был готов подписать. Примечательно, что полет состоялся через десять дней после того, как Гитлер определил дату нападения на Советский Союз — 22 июня 1941 года... Трибунал допускает, что на процессе Гесс мог вести себя неадекватно, страдая от потери памяти и умственного расстройства... Но ничто не указывает на то, что он не осознает обвинение, выдвигаемое против него, или что он не в состоянии защищаться... Нет оснований полагать, что он был невменяем, когда совершал действия, в которых сейчас обвиняется...

Подсудимый Рудольф Гесс, суд приговаривает вас к пожизненному заключению».

Однако существовали и определенные контрдоводы. В докладе психиатров, обследовавших Гесса в Британии, говорилось о том, что отклонения в его сознании появились давно. Суд предпочел игнорировать подобных свидетелей. По крайней мере двое членов трибунала — русские судьи — были твердо убеждены (и никаких сомнений еще до процесса у них не возникало), что Гесс полетел в Британию, чтобы заключить соглашение о совместном англо-германском нападении на Советский Союз. Возможно, именно поэтому суд подчеркнул, что полет Гесса состоялся всего через десять дней после того, как Гитлер определил дату нападения на Советский Союз. Тем не менее, несмотря на протест русских членов трибунала, жизнь Гессу сохранили.

В своей камере во Дворце правосудия Гесс много писал, но уничтожал все написанное. Он отказался встретиться с женой или сыном, когда после оглашения приговора были разрешены посещения заключенных. Когда зачитывали вердикт, он не проявил заинтересованности и отправился в тюрьму Шпандау не более озабоченным, чем прибыл в Нюрнберг. Он сказал, что ожидал смертного приговора. Несмотря на отказ встретиться с семьей, иногда из Нюрнберга и потом из Шпандау он писал жене, как ранее из Англии. Письма его были исполнены нежности, очень подробные, но и они подтверждали наличие тех же симптомов, которые обнаружили в ходе процесса. В первом письме из Шпандау, датированном 3 августа 1947 года, он описывал свою свежепокрашенную камеру, кровать с веревочной сеткой и подушкой, свой

огород в тюремном дворике, где он выращивал табак и помидоры.* В письме он также объяснял жене, что мало писал из Англии, так как, симулируя потерю памяти, опасался, что письмами он раскроет себя. С его стороны это было чистым мошенничеством, и он с гордостью писал, что британцы клюнули на него. Возможно, англичане считали, что приговор достаточно суров, писал он, но у него он вызывал только улыбку, и он просил своего адвоката, Зейдля, не подавать прошения о помиловании. Зейдль объяснил Гессу, что помилования он не просил, но указал, что Гесс был единственным подсудимым, признанным виновным по первому и второму пунктам обвинения — планирование и ведение агрессивной войны — и что приговор по своей суровости превосходит тяжесть преступления.

Очевидно, враги его никак не могли успокоиться. В марте 1948 года в письме он извинялся перед женой, что некоторое время не писал, но причин этого не называл. Но не только он жил в иррациональном мире. Хотя, как Гесс писал герцогу Гамильтону, он летел в Англию с миссией мира, но был приговорен провести остаток дней в тюрьме Шпандау за участие в разработке планов нападения на Польшу, Норвегию, Югославию, Бельгию и Нидерланды и другие страны, включая, согласно приговору, и Советский Союз. Не многое было сказано в его оправдание, не говоря уже о том, что судили его, когда он был психически болен.

После нападения вооруженных сил Англии, Франции и Израиля на Египет в ноябре 1956 года адвокат Гесса Альфред Зейдль обратился в министерство иностранных дел Британии, требуя привлечь к суду тогдашнего английского премьер-министра Энтони Идена; он обвинил его в участии в агрессии, каковой и посчитали действия упомянутых стран такие державы, как Советский Союз и Соединенные Штаты.

С учетом всего вышесказанного приговор Гессу можно считать юридическим курьезом. После процесса западные союзники предлагали смягчить его, однако не смогли преодолеть вето, наложенное Советским Союзом.

*В тюрьме Шпандау узники могли выращивать овощи, но не для собственного употребления.

Альфред Розенберг

С самого начала главным идеологом партии был Альфред Розенберг, человек гораздо более эрудированный, чем Штрейхер, но такой же убежденный антисемит и столь же ненавидевший Церковь и славян, как и Борман. Высокую должность он занял 20 апреля 1941 года, за два месяца до начала русской кампании — Гитлер назначил его уполномоченным по контролю за вопросами, связанными с восточноевропейским регионом. После нападения Германии на Россию, 17 июля, он стал рейхсминистром оккупированных восточных территорий. Практически, захваченные области России, которые должны были стать его сатрапией, принесли ему еще один провал в карьере — один из многих, пережитых им в запутанном мире национал-социалистской политики. В России Розенберг потерпел поражение, как до этого в рейхе, и причинами этого стали его непомерные амбиции, не подкрепленные соответствующими талантами.

Он всегда переоценивал себя. В конце войны он написал письмо из штаб-квартиры адмирала Деница во Фленсбурге фельдмаршалу Монтомгери, предлагая свои услуги и отдавая себя в распоряжение фельдмаршала. Ответа он не получил. Вместо этого прибыли два британских офицера и арестовали его. О письме, по их словам, они ничего не знали. Прихрамывая, Розенберг отправился под стражу (он давно страдал болезнью суставов; у него была повреждена лодыжка, и он ходил с трудом), чтобы затем предстать перед судом в качестве главного военного преступника. Американские солдаты нашли в Баварии спрятанные им дневники. Он оказался плодовитым писателем, автором многих книг и статей, и поскольку сохранились документы, сообщавшие о его правлении восточными территориями и о его грабежах в гигантских размерах предметов искусства, почти все о его роли в Третьем рейхе стало известно.

Роль эта была скорее формальной, чем реально значимой. У него имелись громкие титулы: рейхсляйтер, шеф внешнеполитической службы партии, уполномоченный фюрера по сохранению национал-социалистской философии. В реальной жизни от него постоянно отма-

хивались, стараясь отодвинуть в сторону. Теоретически он должен был осуществлять высшую гражданскую власть на территориях, захваченных у русских, и издавать законы для всех этих областей.

Администрация оккупированных восточных территорий напоминала клубок змей — конгломерат нескольких конкурирующих ведомств, имевших частично совпадающую юрисдикцию. Подчиненные Геринга отвечали за осуществление четырехлетнего плана экономического развития, но у армии тоже были структуры экономического характера, и сам рейхсминистр разрабатывал долго- и краткосрочные экономические программы. Борман и его партийный аппарат, Геббельс со своим министерством пропаганды, Риббентроп с министерством иностранных дел, армия, СС — все были имперскими строителями в России. И Тодт со Шпеером, отвечавшие за транспорт и строительство, конфликтовали с Розенбергом, считавшим эти территории своей вотчиной.

Указом от 19 декабря 1941 года Розенберг ввел на восточных территориях принудительный труд. Он одобрил и план, правда, неосуществленный, по отправке детей от 10 до 14 лет из России в Германию — и чтобы использовать их как рабочую силу, и чтобы ограничить биологический потенциал Советского Союза. На бумаге Розенберг был владыкой Востока, но ключевые посты занимали люди, назначенные фюрером, и назначения часто делались через голову Розенберга — так был назначен гауляйтер Эрих Кох, правивший Украиной. Назначенцы Розенберга враждовали с представителями других ведомств, в том числе с ээсовцами Гимmlера. Поскольку Гимmlер, в отличие от Розенберга, всегда находился рядом с Гитлером, который принимал решение в случае конфликта между представителями власти, именно люди Гимmlера постепенно стали настоящими правителями оккупированных территорий. Некоторые лица, теоретически находившиеся в подчинении у Розенберга — как, например, Кох, — в своей жестокости могли поспорить с ээсовцами и карателями и приказов Розенберга не выполняли. Их действия просто были логическим продолжением его идеологических доктрин. Розенберг снова и снова возражал и протестовал по поводу жестокостей,

издевательств и убийств на Украине и в России, указывая, что они отталкивают местное население от немцев, вызывают ответные враждебные действия. И все же население захваченных областей оставалось для него скопищем людей низшего сорта, пусть полезных, но примитивных и опасных.

Скучные книги Розенберга были источником его служебной карьеры. Его речи и статьи (он был редактором «Фёлькишер беобахтер» и «Национал-социалистише монатшефте») и, больше всего, его «Миф XX века» произвели впечатление на Гитлера своим объемом и идеологизированной направленностью. (В Нюрнберге Розенберг сказал, что Гитлер редко участвовал в философских дискуссиях, но он был уверен, что их убеждения одинаковы.) Розенберг был большим доктринёром, чем Гитлер, который с сарказмом отзывался о стремлении Розенберга устроить культ из всего германского.

В 1929 году Розенберг основал «Лигу борьбы за культуру Германии», позже превратившуюся в «Национал-социалистское культурное общество», под опекой которого действовало движение «Сила через радость». В 1934 году Розенберг был назначен заместителем фюрера по надзору за всеобщей идеологической подготовкой и обучением в НСДАП. В феврале 1940 года, когда Гитлер назначил его уполномоченным по защите национал-социалистской философии в партии и государстве, в его обязанности вошло распространение партийной доктрины в вермахте. За несколько дней до этого, 29 января 1940 года, Гитлер дал Розенбергу указание по созданию так называемой Высшей школы («Хох шуле»), которой после войны предстояло стать фундаментом Центрального университета национал-социализма. Храм нацистского образования решили воздвигнуть на берегах Чимзее, южнее Мюнхена. Для своей школы Розенберг собирал книги целыми библиотеками, конфискуя их у евреев и масонов. Более полумиллиона томов было конфисковано и отправлено в Центральную библиотеку в монастырь Танценберг в Каринтии в ожидании того дня, когда их перевезут в Чимзее. Розенберг постоянно готовился к исторической роли, будь то в рейхе или за его пределами (он долго ждал назначения на пост министра иностран-

ных дел и был сильно разочарован, когда Гитлер предпочел Риббентропа). Он хотел получить известность как глава образования в Германии и как проконсул Востока, но эти честолюбивые мечты не сбылись. Суровые люди из СС и разные комиссары либо не обращали на него внимания, либо, как Кох, боролись с ним всеми средствами и сами правили русскими провинциями; а Борман делал все, чтобы Высшая школа осталась лишь жалким подобием задуманного.

Как и Гитлер, Розенберг не был чистым немцем, но далеко превзошел коренных немцев в чувстве патриотизма и преданности Германии. Рожденный 12 января 1893 года в Ревеле, в Эстонии, он происходил из семьи немецкоязычных ремесленников, мелких предпринимателей, остро ощущающих свою «немецкость» среди окружения чужой культуры. Отец Розенберга работал в Ревеле в частной фирме, дед был обувщиком и возглавлял гильдию. Сплетники в партии говорили, что семья вообще не немецкая и происходит из эстонских батраков, которые взяли себе фамилию своего немецкого барина и сохранили ее после переезда в город. Другие говорили, что в жилах Розенберга течет французская или славянская кровь, смешанная с эстонской. Некоторые думали, что в нем есть и еврейская кровь, и когда он опубликовал список русских представителей власти, которые, вероятно, были евреями, появилась острота, что он считает себя единственным в мире Розенбергом-арийцем. Розенберг выглядел как немец, хотя имел черные волосы и круглое лицо. Он был красив, но какой-то мрачной красотой.

Розенберг поступил в Технический институт в Риге, где изучал архитектуру и вступил в студенческий кружок «Рубония», состоявший из немцев и прогермански настроенных молодых людей. Хотя Эстония была частью Российской империи, студентов не призывали в русскую армию. Розенберг считал, что причина этого в том, что у России хватает людей и без них. Когда началась война и в 1915 году немцы подошли к Риге, институт был переведен в Москву. Розенберг также поехал со своими товарищами и вскоре женился на однокурснице. Его жена, Хильда, вскоре заболела туберкулезом и отправилась в Крым поправить здоровье. Она обладала живым, развитым умом. Благодаря

ей Розенберг познакомился с работами Ницше, вместе они читали Бальзака, Толстого и Достоевского, в то время как все вокруг были заняты только мыслями о войне. Розенберг поехал с женой в Крым, но вскоре должен был вернуться в Москву, чтобы сдавать экзамены, и застал революцию в полном разгаре. Неясно, каких политических взглядов он придерживался в то время, но относительная легкость, с которой он переехал из одной страны в другую, говорит о том, что вряд ли он их строго придерживался. Некоторые его критики из нацистов утверждали, что он был настроен прорусски, по крайней мере до революции, и что он даже служил в русской армии. Один из критиков, знавший его лично, говорил, что Розенберг всегда избегал этой темы.

До 1918 года Розенберг занимался в основном архитектурой и живописью. Будучи в Эстонии, он прилагал усилия, чтобы занять видное положение в немецкой общине, отгородившейся от эстонско-славянско-еврейской среды. Когда разразилась революция, он, как и многие в странах Балтии, Польше и России, был уверен, что ответственность за нее несут евреи. Он приветствовал независимость Эстонии, которую она получила в результате этой революции, но не вступил в ландсвер, как это сделали многие прибалты немецкого происхождения, чтобы защищать страну от большевизма. Вместо этого, произнеся перед молодыми соотечественниками несколько речей, он уехал в Париж, куда направлялось большинство русских эмигрантов. Там он впервые прочитал произведения Гобино и Стюарта Чемберлена и, восхищаясь Англией как центром северных рас, попытался добраться до Лондона. Британцы, однако, в 1918 году очень боялись проникновения царских и коммунистических шпионов и не дали Розенбергу разрешения на въезд. Только после этого Розенберг обратил внимание на другую нордическую страну и двинулся в Мюнхен, который, как и Париж, был центром русской белоэмиграции, настроенной столь же антибольшевистски, как и Розенберг. В Мюнхене в 1918 году он объяснил представителям Комиссии по независимости Балтики, набравшим солдат для защиты родной земли, что его жена больна и у него есть другие обязанности, которые удерживают его в Гер-

мании. (Розенберг и Хильда развелись в 1923 году. Она покинула Советский Союз, чтобы жить в Париже, где позже и умерла.)

Взгляды Розенберга были таковы: расовое превосходство северных народов (позже к этому добавилась острая необходимость для Германии в «жизненном пространстве») и необходимость новой религии — национал-социализма, — которая заменит пустые догматы христианства и мистические верования евреев. Христианскую любовь он хотел заменить национал-социалистским товариществом. Свою миссию в обществе он начал осознавать в 1918 году, когда в короткий период существования Советской республики в Баварии он открыл, что может обратиться к немецкой аудитории и народ будет его слушать. Действительно, времена были взрывоопасные, и люди были более чем готовы получать указания. Розенберг никогда не был красноречивым оратором. Чувство юмора у него отсутствовало, речи казались сухими и длинными, но его отрицание евреев и коммунистов одобряли слушатели и в Эстонии, и в Мюнхене.

В Мюнхене он почти сразу стал членом рабочей партии Германии, которая через несколько месяцев была переименована в национал-социалистскую. Он вступил в нее раньше Гитлера. Позже он писал, что первая встреча с фюрером не произвела на него большого впечатления, но он быстро попал под его влияние. Его неколебимая преданность прошла через суровые испытания: Гитлер упрекал его в снисходительности к врагам; Розенберг возражал против подписания пакта о ненападении с Россией в августе 1939 года. Он был твердо убежден, что Германия получит необходимое пространство только в Советском Союзе, навсегда сломив господство славян на широких просторах европейских равнин и устранив опасную концентрацию великорусского народа, составлявшего основную опору царской империи, а потом и коммунистического государства. Сделать это, по его мнению, следовало путем колонизации, заключения союза с Финляндией и народами Украины, Кавказа, Галиции, Белоруссии и Туркестана, которые долгие годы «томились» под властью Москвы.

Розенберг считал, что Россия всегда была азиатской

державой и ее орды можно держать в узде только с помощью германской силы и принципа «разделяй и властвуй». С этой целью он предлагал доброе обращение с некоммунистами и национальными меньшинствами Советского Союза, которые могут производить продукты питания и другие товары и играть роль буфера, защищающего Третий рейх от любого государства, которое возникнет в России в будущем. Исповедуя такие взгляды, он вскоре вошел в острый конфликт с СС и представителями Гимmlера и Бормана, посланными на Восток.* Эти люди, как и Розенберг, по-своему понимали расовую миссию. Они были людьми действия, не искали себе союзников среди местного населения, а хотели рабов, которых можно будет в любой момент ликвидировать. Когда гауляйтера Украины Эриха Коха встречала делегация местных жителей и поднесла ему хлеб-соль, он бросил его на землю и закричал, что они не смеют предлагать что-либо представителю рейха. Подчиненным Коха запрещалось садиться за один стол со славянами, даже с теми, кто сотрудничал с оккупантами. Розенберг считал, что с украинцами можно поддерживать хорошие отношения, можно даже с ними выпить по-дружески, но не напиваться. Себя он считал экспертом не только по вопросам отношений с народами Советского Союза, но и по всем вопросам, связанным с международными отношениями, и верил, что завоеванные народы можно убедить в превосходстве немцев и без применения дубинки. Начиная свой дневник, он записал 22 мая 1934 года, что выступает против применяемых методов решения еврейского вопроса, и отмечал отрицательный пропагандистский эффект, который имели за рубежом речи Геббельса и статьи Штрейхера.

В расистских вопросах Розенберг оставался таким же фанатиком, как и любой эсэсовец, но он возражал против их методов и против их стремления первенствовать. Он говорил, что избиения, убийства и бессмысленные издевательства над населением, которые практикуют эсэсовцы, порождают бесконечную ненависть к рейху, что карательные команды своими действиями вызывают враж-

*Розенберг возражал даже против поголовного истребления комиссаров. Только самые главные из них, говорил он, должны уничтожаться по приказу Гитлера; других следует освободить и использовать при управлении оккупированными территориями.

дебное отношение даже у прогермански настроенных украинцев, которые сначала приветствовали немецкие войска как освободителей. Тем не менее собственные приказы Розенберга его одетым в коричневые мундиры подчиненным по министерству Востока были по всем пунктам не менее жестокими, чем распоряжения Гиммлера. 20 июня 1941 года на собрании с ближайшими сотрудниками он заявил: «Мы не видим абсолютно никаких причин, чтобы брать на себя обязательство кормить русских в этих присоединенных регионах [Южная Россия и Северный Кавказ]. Такова жестокая необходимость, которая лежит вне области сантиментов... Для русских наступают очень тяжелые времена в смысле снабжения продовольствием». В 1942 году он сказал на собрании рейхскомиссаров: «Вопрос стоит так: как нам максимально обеспечить потребности немцев и как добиться наилучшего политического результата. То, что о тысячах славян плохо заботятся и плохо с ними обращаются, должно восприниматься как нечто, само собой разумеющееся. Об этом пусть ваши головы не болят».

Несмотря на такие высказывания, он никогда не был сторонником массовых убийств, которые имели место. Когда они начались, он настойчиво рекомендовал гуманные методы и заявлял о необходимости поиска другого пути. Не то чтобы он был более гуманен, чем его соратники-соперники, просто он хотел укрепить свою власть и реализовать свою собственную программу. Розенберг-прибалт ненавидел великороссов — ядро России, как он их называл. Он не любил ни украинцев, ни белорусов, ни представителей других национальностей Советского Союза. Он считал, что эти народы должны образовать автономные государства, и тогда «москвитов», по его выражению, можно будет держать в узде. Тогда с отдельными народами можно будет обращаться хорошо и делать их союзниками Германии. Для этих целей необходимо использовать определенные методы. Проблема состояла в том, что требовалось убедить Гитлера в превосходстве плана Розенберга над планами Коха, Геринга, Бормана, Гиммлера и других. А для этого необходимо было придерживаться такой же жесткой линии, как и они, и хотеть того же, чего хотел Гитлер. Так, когда Гитлер захотел

расселить немцев в Крыму, Розенберг сказал фюреру, что всерьез подумывает о переименовании городов: Симферополь должен был стать Готенбургом, а Севастополь — Теодорихгафеном.

В меморандуме от 6 марта 1942 года он писал:

«После длительного наблюдения за состоянием дел на оккупированных восточных территориях я пришел к заключению, что у германских властей здесь сложилось определенное, зачастую презрительное отношение к качествам завоеванных народов; однако миссия представителей Германии состоит не в том, чтобы провозглашать меры и мнения, которые скорее повергнут покоренных в отчаяние, чем приведут к наиболее полному их использованию как трудовые ресурсы... Если дома мы заявляем о наших целях всей нации абсолютно открыто и агрессивно... то здесь, на Востоке, политические лидеры должны хранить молчание о том, что политика Германии будет неизбежно жестокой... Да, умный немецкий политик может при определенных обстоятельствах сделать больше в интересах Германии именно мягкостью, которая отнюдь не вредит политике, и некоторыми гуманными уступками, чем открытой и бессмысленной жестокостью».

Позицию Бормана он знал, так как получил памятную записку от сотрудника его ведомства доктора Меркулла, обобщившего результаты переписки между Борманом и Розенбергом; в ней, в частности, говорилось:

«Что прежде всего бросается в глаза, так это полное совпадение концепций... У министра [Розенберга] не только нет возражений против принципиальных положений Бормана или его фразеологии, наоборот, он их использует как базисные в своих ответных письмах и старается показать, что они уже претворяются в жизнь... Если упростить формулировки предписаний Бормана немецкой администрации, то получим следующее: славяне должны работать на нас; когда в них отпадет нужда, они могут умирать... Образование опасно. Достаточно, если они будут уметь считать до ста... Религию мы им оставим, она будет средством воздействия. Что касается продовольствия, они будут получать не больше, чем необходимо. Мы хозяева; мы идем впереди. Эти фразы полностью соответствуют духу и букве писем Бормана...

Вышеупомянутая концепция нашей миссии на Востоке уже претворяется в практическую жизнь... Здесь нет расхождений во мнениях. Ответ министра [Розенберга] можно рассматривать именно в этом смысле».

Давая показания в Нюрнберге, Розенберг сказал, что написал «умиротворяющее» письмо Борману, а сам продолжал отдавать распоряжения по открытию школ и организации медицинского контроля. В этом весь Розенберг: стремясь предотвратить постоянные нападки, он соглашался с такими экстремистами, как Борман и Гиммлер, и закончил тем, что принял методы, которые навязывали ему и завоеванным народам его соперники. У Розенберга были обширные геополитические планы: он хотел переместить центр тяжести Великой России — любой России, будь то царская Россия или Советская, — куда-нибудь в Азию. Лучший способ добиться этого — править славянами твердой хозяйской рукой, используя их и обращаясь с ними строго, но справедливо, чтобы показать нравственное превосходство германцев. Коренным жителям надо разрешить работать на немецких господ, принимать участие в антисемитских и антибольшевистских акциях.

Стремление Розенберга стать министром иностранных дел рейха было столь сильным, что после назначения Риббентропа в 1938 году он даже выразил свое разочарование Гитлеру. Фактически, он не больше Риббентропа подходил для этого поста — понимание внешней политики у обоих было дилетантским, квалификации — никакой.

12 мая 1934 года Розенберг составил для Гитлера меморандум, в котором сообщил, что Англия строит воздушный флот для борьбы против Франции. Англия, как и Германия, писал он, уязвима для атак с воздуха и рекомендовал спланировать англо-германское сотрудничество в открытии авиалинии Берлин — Будапешт — Анкара — Калькутта, а также выступить совместно с Англией в случае русско-японской войны. В своем дневнике 26 декабря 1934 года он записал, что Англия боится французских ВВС и что, когда у Германии будет больше самолетов, можно будет обсудить вопрос о том, как строить сотрудничество двух стран. В 1940 году он устраивал Квислингу аудиенцию у Гитлера. Розенберг познакомился с норвежцем в 1933 году и поддерживал с ним связь,

как он делал это со множеством людей за рубежом, если думал, что они могут быть полезны. Назначение его рейхсминистром восточных территорий было компенсацией за то, что он так и не стал министром иностранных дел, и привело в раздражение Риббентропа, поскольку эта новая должность ограничивала его компетенцию; впоследствии это привело к столкновению позиций министерства иностранных дел и Розенберга.

Соперничество между Риббентропом и Розенбергом нарастало постепенно. Розенберг был главой отдела иностранных дел в партии, структуры, параллельной соответствующему государственному ведомству, конкурирующей с ним и предназначенной, если появится возможность, заменить его. Вскоре после прихода Гитлера к власти, в мае 1933 года, именно Розенберг отправился в Лондон, чтобы представить влиятельным в Британии кругам национал-социалистское видение развития международных отношений, и ни одна поездка нацистских дипломатов, даже поездки Риббентропа, не заканчивалась таким провалом. «Скучным пустозвоном» назвал его сэр Роберт Ванситарт, а британская пресса увидела в нем символ невоспитанности нацистов — Розенберг допустил несколько хвастливых высказываний на пресс-конференции, которую он провел в своем отеле (он немного говорил по-английски). Он возложил венок к могиле Неизвестного солдата, но венок похитили. Сопровождаемый графом Готфридом фон Бисмарком, он был принят в Форин-оффис 8 мая сэром Джоном Саймоном. Розенберг пустился в объяснения, как нацизм может стать стабилизирующим фактором против коммунизма в Германии и на континенте в целом. Он сказал, что если Гитлер исчезнет, его место займет коммунизм. Саймон ответил, что Англия с озабоченностью наблюдает за определенными аспектами национал-социалистской революции, особенно за действиями против евреев. Розенберг вновь повторил обвинения против коммунистов и сказал, что главная цель правительства Германии — защита свободы, которую уничтожат коммунисты, если придут к власти. Он признал, что евреев лишили их занятий, но заявил, что они незаконно правили Германией со времен Первой мировой войны. Его визит не принес ничего, кроме

волны общественного негодования, и больше он не посещал Британию.

Партийный отдел иностранных дел пережил под руководством Розенберга и подобные эпизоды, и упорное противостояние с министерством иностранных дел Германии. Успех норвежской кампании Розенберг приписывал исключительно своему отделу, поскольку именно он обеспечил контакт Квислинга с фюрером и адмиралом Редером, и это его агенты предупредили о неминуемом англо-французском вторжении в Норвегию, в то время как чиновники МИДа Германии слали в Берлин успокоительные доклады. Победа в Норвегии, писал Розенберг, была «точным исполнением исторического задания, которое получил отдел иностранных дел от партии», и еще одним убедительным подтверждением некомпетентности Риббентропа.

Его ранние работы почти не отличались от писанины Штрейхера. В 1920 году Розенберг опубликовал «Евреи под судом истории», «Безнравственность Талмуда», а в 1923 — «Протоколы сионских и еврейских мировых политиков».* В этих книгах с помощью псевдонаучных построений доказывалась развращенность евреев и их планы по завоеванию мира. Розенберг был разработчиком программ партии, в которых исходным пунктом, разъясняющим причины бедствий Германии, назывались происки еврейско-большевистского марксизма и влияние еврейского материализма на Христианскую Церковь. Непостижимым образом он пытался совместить требование «жизненного пространства» за счет Советского Союза и план возрождения культуры рейха на основе мотивов кровавых мифов германцев-язычников. Говорили, что его «Миф XX века» должен был иметь дома каждый член партии. В 1934 году он отмечал в дневнике, что уже продано 250000 экземпляров этой книги. К началу войны количество проданных экземпляров перевалило за миллион. Но письма, сохранившиеся в архивах партии, и показания свидетелей в Нюрнберге говорят о том, что трудно было прочитать ее до конца; Геббельс смеялся над ней, Геринг сказал, что никогда ее не читал, а фюрер только взглянул на нее.

Важность Розенбергу придавал имидж эрудированно-

*В России более известна под названием «Протоколы сионских мудрецов» (прим. перев.)

го, сведущего знатока национал-социалистской мистики. «Миф XX века», несмотря на незатейливые просьбы озадаченной публики и проницательных издателей, он так и не согласился сократить. Один из его почитателей, Альфред Бёмлер, написал в своей книге о Розенберге, что «Миф» труден для чтения, потому что монументальные идеи воспринимаются с трудом. Он писал, что стилю Розенберга не хватает изысканности, но в этом и его сила, так как он не желает сглаживать противоречия, а стремится разрешить их в политической борьбе. Бёмлер писал, перефразируя Розенберга, что «Миф» — предание, передающееся от поколения к поколению с кровью народа; его невозможно создать, да в **этом** и нет необходимости; возрождение его в себе — не простое дело, а испытание для человека.*

До самого конца Розенберг продолжал произносить речи. В 1945 году он все еще обращался к войскам на Восточном фронте. Перед одной из речей в Дюссельдорфе бургомистр, представляя его, сказал с еле заметной иронией: «Имя «Розенберг» — это программа». Так и было на самом деле. Розенберг черпал свои идеи из огромного количества книг, привлекавших его внимание. Аудитории, состоящей из партийных лидеров, он говорил, что «требование времени — углубление их расового и биологического мышления». Великая национал-социалистская революция — вот событие первостепенной важности для расы, делающей историю. Он говорил, что миссия немцев — «защитить своей нордической кровью высокую сущность человека. Раса гораздо более важна, чем государство и его формы», и когда расовая доктрина соединяется с мистической волей фюрера, чтобы выразить германскую душу, становится ясной необходимость передачи Гитлеру абсолютной полноты власти над рейхом и германскими народами. «Фюрер объединяет в себе коллективные стремления людей. Подлинная воля народа — вот что такое фюрер». Розенберг был уверен, что сумел постичь что-то глубоко революционное, очень важ-

*Широко известна была догма Розенберга: «Миф надо пережить, а не просто понять». Даже заведомо образованные люди стали с благоговением относиться к слову «миф». Один профессор написал книгу, в которой собрал 850 толкований значения этого слова.

ное для человека, для всей его жизни на всех фазах его развития. Он говорил: «Новое понимание мира — не догма, а мировоззрение». Он формулировал постулаты:

«Душой называют расу, смотрящую изнутри... Раса находится вне души».

«Человека как личность формирует воля; воля — расово предопределена».

«Каждая форма есть действие, каждое действие обусловлено излиянием воли».

«Государство вне нашего идеала. Идеал — это внутренняя сторона государства».

Розенберг не изменился с 1918 года. В мае 1945 года он говорил британцам, арестовавшим его, что все беды, случившиеся с нацистским государством, проистекают из махинаций Гимmlера и Бормана; что он верит — идеи национал-социализма привлекательны, как никогда, просто созданная организация не поднялась до уровня идей. Даже потерпев поражение, он твердил, что нацистская партия заставила бы понять рано или поздно британцев или американцев, что им необходим союз с Германией.

Несмотря на мистическую преданность фюреру, Розенберга больно ранил пакт с Советским Союзом. 22 августа 1939 года он записал в дневнике: «Поездка нашего министра в Москву — это моральное падение после двадцатилетней борьбы, падение перед славой партийных съездов, перед лицом Испании». Даже попытки англичан и французов достичь соглашения с Советами не были столь опасны, потому что они не отождествляли Советский Союз с Третьим интернационалом, который на протяжении 20 лет нацисты называли не иначе как «еврейский заговор». Всего за четыре года до заключения пакта фюрер в присутствии Розенберга сказал, что он никогда не сможет выработать общий с Москвой курс, потому что невозможно запретить немцам воровать и одновременно дружить с ворами. Всю вину Розенберг возложил на Риббентропа, объясняя заключение пакта его ненавистью к Англии. Германо-русское сближение, по поводу которого немецкая пресса выражала столько энтузиазма, «причиняет мне сильную боль», грустно констатировал Розенберг. 25 августа он писал в дневнике, что у него есть предчувствие: Московское соглашение когда-нибудь ударит по национал-социализму, и спрашивал себя: «Как мы мо-

жем говорить о спасении и устройстве Европы, когда зовем разрушителей Европы прийти нам на помощь?.. И снова встает вопрос: ...была ли необходимость решать польский вопрос сейчас и в такой форме? Сегодня никто не может ответить. Однако я считаю Риббентропа таким же преступником, как Извольский*, политические взгляды которого были порождены чувством зависти». Чувство горечи переполняло Розенберга, когда он услышал, что Риббентроп заявил: находясь в Москве, он чувствовал себя словно среди своих товарищей по партии. Однако вскоре Розенберг частично преодолел уныние по поводу подписания пакта. Он воспрянул духом, когда Геринг прислал ему дружескую телеграмму, а затем когда фюрер походя спросил его совета по какому-то вопросу. В начале 1942 года фюрер назначил его на высокий пост главного разработчика доктрины об идеологическом единстве партии и государства.

В период русско-германской «дружбы» агенты партии продолжали собирать в Польше информацию, подтверждающую, что русские стоят на низшей ступени развития. Среди других приходили следующие сообщения: советский солдат в Польше сказал, что Германия, несомненно, выиграет войну против Запада, но будет остановлена коммунистами. Русские скупали или воровали все, на что могли наложить руку в Польше. Деньги для них значения почти не имели. Советские солдаты платили по 250 рейхсмарок за часы, стоившие малую часть этой суммы. Ботинки ценой в 20 рейхсмарок шли за 150 (один русский в восторге сказал, что «теперь у него целых две пары обуви»). Поляки жаловались, что русские обдирали кожаную обивку с вагонов поездов. Одна женщина сказала, что русские офицеры проявляли недружелюбие к немцам и вели они себя так якобы по приказу. Сообщали, что они говорили немцам «до свидания» — это немцы воспринимали как мрачный намек на будущее военное столкновение.

Розенберг переварил эту информацию и 3 мая 1940 года записал, что русский вопрос должен быть тщательно и осмотрительно разобран и им нельзя пренебрегать, хотя пока он и неактуален. Но при обсуждении плана

*Александр Петрович Извольский, русский посол во Франции в 1910–1917 годах, считался одним из главных вдохновителей антигерманской политики, проводимой царской Россией перед Первой мировой войной.

Гитлера по вторжению в Россию в апреле 1941 года он снова вернулся к своему основному положению о чрезвычайной опасности «союза большевиков с евреями и москвитями» и необходимости обезвредить их.

Расовые вопросы были очень важны, но важными считались и вопросы о среде обитания. Как и многие другие нацисты, Розенберг плохо относился к «грязной человеческой массе» больших городов. Очень немногие из великих нацистов любили большие города. Многие из них вышли из провинции, из маленьких городков. Многие стойкие члены партии, с их стремлением к «народности» в немецкой культуре, рассматривали мегаполисы как адское, нездоровое место, место упадка. Это мнение преобладало, но не все придерживались его. Рём, например, в письме другу — из Южной Америки в Берлин — превозносил столицу Германии, особенно тосковал по турецким баням, которые в его изгнании казались ему лучшим местом на свете. Рём любил Берлин по тем же причинам, по которым другие ненавидели его.

Розенберг всегда придерживался мнения, что расовые конфликты можно решить только путем войны — войны духовно развитых, высших рас против низших. Здесь тоже имелись свои сложности. Германия была спасена от уничтожения, которое готовили «демократы, марксисты и плутократы-церковники», благодаря появлению новой «религии расы и крови». Все парламенты, считал Розенберг, зависят от денежных мешков, корпораций, трестов, картелей, «поработивших» народ Германии. Война, писал он в «Фёлькишер беобахтер» 29 марта 1941 года, это последняя отчаянная попытка заставить белую расу выступить против междоусобного конфликта, который будет на руку еврейским финансистам. Война будет также биологически очищающей мировой революцией. Он был уверен, что в свое время другие нации поймут: миссия, которую выполняла Германия, осуществлялась в интересах и во имя всего Европейского континента. «Либерализм, — писал он, — грешит против закона природы. Старый бессильный либеральный мир будет заменен миром власти и дисциплины. Весь смысл и содержание мировой истории определяются влиянием, исходящим с севера по всему миру; оно порождено голубоглазой, светловолосой расой, которая, насту-

пая несколькими огромными волнами, определила духовный облик мира». Смысл современной мировой революции состоит в пробуждении национальных типов. Не будет франко-еврейской пан-Европы. Вместо нее поднимется нордическая Европа с центром в Германии. Раса определит все. Японцы, негры, евреи могут остаться тем, что они есть; они никогда не смогут быть европейцами и будут развиваться по совсем другому интеллектуальному и политическому пути, преследуя другие цели, хотя японцы и могут оказаться полезны как союзники против России.

Задание, полученное Розенбергом по созданию Центрального университета национал-социализма, имело характерную направленность. То была великая мечта и санкция на грандиозный грабеж. Университет должен был включать в себя множество институтов: один для изучения еврейской проблемы, один по геополитике, один по изысканиям на расовую тему. Для Высшей школы были конфискованы огромные библиотеки Ротшильдов, барона фон Цуйлена, еврейского банкира из Берлина Фюрстенберга. Гитлер, планируя взлет мысли в Европе, объявил в письме от 29 января 1940 года, что школа должна стать центром науки и образования под руководством Альфреда Розенберга. Несмотря на громадные трудности, вызванные войной, Розенберг смог 7 января 1943 года объявить, что уже организованы институты: во Франкфурте-на-Майне — по исследованиям еврейского вопроса, в Галле — по изысканиям, связанным с Церковью, в Гамбурге — по изучению заморских территорий и колоний, в Киле — по жизненному пространству для немцев, в Мюнхене — по истории индо-германской культуры, в Штутгарте — по биологии и расовым вопросам, в Танненберге — по исследованиям, связанным с Германией. Через несколько месяцев, в апреле 1943 года, Розенберг сказал, что дела продвигаются столь успешно, что еще один институт будет открыт в Марбурге 1 мая. Но в целом реализация программы откладывалась до окончания войны в Европе.

В этих образовательных программах у Розенберга имелись соперники. Гиммлер основал жуткую исследовательскую организацию «для изучения географического пространства, духа, достижений и наследия индо-германской и северной расы». Его «Центр расового наследия», среди

прочего, располагал примечательной коллекцией черепов. Гиммлер также планировал основать национал-социалистскую Академию наук со многими институтами, которая работала бы параллельно с Высшей школой. Имея более 50 отделений и бюджет в миллион марок, «Центр» Гиммлера занимался исследованиями в области гуманитарных и естественных наук — истории, археологии, фольклора, даже военной колонизации. Для этого конфисковывались книги и рукописи у еврейских ученых — все, что могло пригодиться для целей «Центра». Как и ведомство Розенберга, организация Гиммлера собирала предметы культуры и искусства по всей Европе.

На допросе 14 апреля 1946 года Розенберг сказал, что считал собранные его подчиненными книги, картины и разнообразные предметы, имеющие культурную ценность, не частной собственностью, а некими объектами, принадлежавшими враждебным организациям, воюющим против Германии. 7 апреля 1942 года он писал, что его работа состоит в спасении всех материальных ценностей, которые могут быть полезны для национал-социалистских исследований, и в недопущении того, чтобы их использовали враги Германии. Декретом фюрера объявлялось, что Розенберг должен выполнять свое задание в сотрудничестве с Верховным командованием вермахта. Специальные части, выполнявшие его приказы на Востоке, подчинялись армейским структурам, которым были приданы. Как и части СД, они имели право пользоваться коммуникациями вермахта и поддержкой армии в соответствии с приказами, которые от лица Верховного командования отдавал генерал Эдвард Вагнер; но на самом деле влияние Розенберга на Востоке было сильно ограничено, что мешало его «коллекционированию» во имя культуры рейха.

Кроме чиновников, занимавшихся грабежом в интересах Высшей школы, были созданы специальные отряды, которые конфисковывали сокровища искусства во Франции и других странах оккупированной Европы — в основном для личной коллекции Геринга. Кроме предметов культуры, люди Розенберга собирали мебель, ванны, ковры, посуду, лекарства, одежду — все, что удавалось погрузить на машины и увезти. 3 октября 1942 года он доложил фюреру, что «Акция М» — сбор мебели у евреев

и франкмасонов во Франции, Бельгии и Нидерландах — дала 19500 тонн мебели в распоряжение немцев, пострадавших от бомбардировок союзников; еще до этой акции погрузили в эшелоны и отправили в Германию 40000 тонн мебели. В августе 1944 года он докладывал, что очищено 69619 квартир евреев и что 26984 грузовика (674 эшелона) везут имущество в Германию. В Париже все грузчики были заняты погрузкой мебели: 1200—1500 человек ежедневно загружали 150 товарных вагонов. Только в Париже из 38000 квартир вынесли все имущество владельцев. Военный губернатор оккупированной части Франции генерал Карл Генрих фон Штюльпнагель жаловался, что люди Розенберга не платят за изъятую во Франции собственность евреев. Розенберг считал эту собственность бесхозной, а Штюльпнагель настойчиво требовал прекратить произвол. На допросе 30 августа 1946 года в Нюрнберге Розенберг назвал этот грандиозный грабеж «невиданной в истории операцией с предметами искусства». * Она была направлена только против евреев и масонов — коллекции изымались только у них и направлялись прежде всего в музей Геринга, хотя рейхсмаршал уже имел огромную коллекцию. Розенберг показал также, что ни он, ни его организация не получили от Геринга за отправленные картины ни пфеннига. Розенберг считал, что это было правильно. Он думал, что этот вопрос надо было отложить до конца войны, после чего фюрер сам примет решение на основании оценок специалистов и выводов будущей мирной конференции. Он показал, что его грандиозная операция началась в июле 1940 года с целью собрать предметы, имеющие историческую ценность, и защитить их от превратностей войны. Таким образом немцы должны были получить полный набор всего, что им требовалось для их исследовательской работы. Он добавил, что в противном случае объекты, не доставленные в рейх, могли быть уничтожены.

Доклад о деятельности подчиненных Розенберга суммировал, какая «бесхозная собственность» евреев была

* Кажется, он преувеличил. Коллекция Наполеона, включавшая живопись со всей Европы, бронзовых коней с фасада собора Св. Марка в Венеции, коллекции оружия из Неаполя, Мюнхена, Вены, была скорее всего большей по объему.

изъята в период с октября 1940 по июль 1944 года: 21903 предмета искусства всех видов, доставленных в рейх 29 транспортами (до этого погрузка осуществлялась на 137 большегрузных машин). Среди них было 5281 произведение живописи, включая работы Рембрандта, Рубенса, Веласкеса, Мурильо, Гойи, Буше, Ватто, Кранаха и Рейнольдса; 684 миниатюры; 583 произведения из текстиля (гобелены, ковры, вышивка); 5825 изделий ручной работы (фарфор, бронза, фаянс, монеты); 1286 предметов искусства из Восточной Азии; 259 предметов античного искусства (скульптуры, бронза, вазы), а также несколько сотен икон и коллекция «упаднического» искусства большевиков. Среди 2477 предметов мебели имелась французская коллекция XVII—XVIII веков, которая, как сказано в докладе, «была, возможно, ценнее некоторых картин».

Оправдывая в Нюрнберге конфискации собственности евреев и масонов, Розенберг указывал, что после Первой мировой войны союзники изъяли собственность Германии на сумму в 25 миллиардов марок и что теперь, в августе 1946 года, все немецкие библиотеки оказались в руках союзников. Он сказал, что сам не взял ничего ценного из того, что было конфисковано. Когда обвинитель напомнил, что из его дома в Берлине под бомбежкой были спасены три полотна голландских живописцев, в том числе работа кисти Франца Хальса, Розенберг ответил, что это подарки, поскольку его вторая жена любила старину и им дарили очень много подарков. Он подчеркнул, что на протяжении всей жизни он старался бороться за то, что он называл здоровым развитием человечества, и так же старался воспитывать своих детей, но признал, что даже самые великие идеи нацизма были в некотором смысле искажены при их воплощении в жизнь.

Он признал, что на Востоке он действовал по другим стандартам, нежели на Западе, — он помнил гонения поляков на немцев, когда собирал в Польше предметы искусства. В докладе его подчиненного, рейхскомиссара Вильгельма Кубе, от 29 сентября 1941 года содержался протест по поводу грабежей в Минске отрядами СС и выражалась просьба прислать нацистского художника, который смог бы восстановить картины, которые были «бессмысленно изрезаны ножами». К сожалению, писал

Кубе, цена уничтоженных сокровищ составила миллионы марок. Он просил Розенберга рассмотреть этот случай вандализма и использовать вооруженную силу для предотвращения подобного, а также сурово наказать виновных. Был полностью разорен музей доисторической эпохи: украдена коллекция полудрагоценных камней, приборы из университета, стоившие сотни тысяч марок, разбиты или разворованы.

Розенберг, с его манерами олимпийца, пытался реагировать на эти крики о помощи. Прежде всего, когда дело касалось предметов искусства, он чувствовал, что его полномочиям бросают вызов.* Кроме того, он восстал против обращения с местным населением, которое практиковали его противники в партии. Также он не одобрял создания Русской освободительной армии Андрея Власова, которая должна была сражаться на стороне немцев. Он хотел, чтобы в деле «защиты» и собирания предметов искусства слушались только его команд. И он хотел очистить завоеванные территории от большевизма, от любой националистической угрозы рейху в будущем. Но для принятия серьезных решений у него не хватало влияния. После начала войны с Россией он видел Гитлера всего два раза. У Гитлера были свои планы и свои проблемы, Розенберг мог сколько угодно писать меморандумы, проносить речи и выражать протесты.

В августе 1942 года на собрании рейхскомиссаров после выступления Геринга слово взял Розенберг. Он изложил свои взгляды на отношения немцев к восточным народам. Он выделил следующие пункты: бывшая славянская сила погублена фанатичной, примитивной философией. Большевизм уничтожил все действительно ценное в культуре России. То, что сейчас видят немцы перед собой — жалкое подобие русского народа. Тем не менее немцы имеют определенные обязательства перед ними. Затем он сказал:

— Много мелких крестьян обосновалось в этом регионе, на этой по-новому устроенной территории, и они

*В вермахте, так же как в британских и американских войсках, имелись офицеры-эксперты, которые должны были сохранять памятники и произведения искусства на оккупированной территории. Их деятельность не имела ничего общего с работой ведомства Розенберга.

чувствуют себя маленькими хозяевами, маленькими королями. Это правильно... На широких просторах Востока... с ними надо обращаться жестко... и справедливо... Народы Востока... всегда управлялись авторитарными правительствами... [но] они всегда взывали к справедливости... Мы должны найти психологические рычаги, используя которые сможем править ими с минимальным насилием и иметь такие результаты, как будто используем сотню полицейских батальонов... Надо установить очевидную связь между преступлением и наказанием. Население не должно уходить в партизаны. Это не означает слабости власти и силы партизан; это вопрос разумной политики.

Не будет вреда, если тот или иной [рейхс] комиссар поступит гуманно по отношению к тому или другому украинцу. Ему не надо относиться к этому человеку по-товарищески... Но он может хлопнуть его по плечу и дать ему добрый совет... и купить ему бутылку шнапса. Ему не надо пить с ним; следует держать дистанцию, это необходимо для настоящего хозяина на Востоке... Хозяин — это тот, кому человек позволит забить себя до смерти... Население должно понимать, что нет другого пути, кроме как принять немецкое руководство... Для нас вопрос стоит так: что позволит нам максимально обеспечить Германию трудовыми ресурсами и что принесет нам наилучшие политические результаты?.. Одежда короткая, и каждый тянет его на себя, чтобы прикрыть бок. Армия... хочет быть готовой к сражениям... Шпеер... требует производства. Наша задача — не просто подъем производства на оккупированных восточных территориях, а его значительный подъем. Гауляйтер Заукель на основании приказов фюрера требует рабочих... Русские забирают с заводов 14–15-летних мальчиков и расстреливают их, чтобы они не были использованы нами. Когда [рейхс] комиссары поумнее, рабочих отправляют на железнодорожные станции под музыку — ведь они едут выполнять свое задание в Германию. Некоторые применяют более жесткие методы, иногда продуманные и правильные, а иногда непродуманные и неоправданные. В этих случаях они [местные жители] не видят разницы между поездкой в Германию и ссылкой в... Сибирь... Конечно, я понимаю, что, если вы заставили работать полтора миллиона человек, у вас не будет возможности прекрасно о них

заботиться. Обеспечьте хотя бы хорошее отношение, не замораживайте три четверти из них, не заставляйте их стоя дожидаться десять часов, дайте им больше еды, чтобы у них был запас сил... Все народы Европы работают на Германию... [скажите им] что, раз немецкий солдат сражается и проливает за вас кровь, вы обязаны по крайней мере работать здесь... Не будет вреда, если ночью они сыграют на аккордеоне, спуют, просмотрят газеты, приколотые к стенам... Восток уже спас Германию. Все руководители сельского хозяйства, кресляйтер, молодые партийные лидеры, руководители СА и СС... неустанно трудились этой последней трудной зимой... Придет день, и история расскажет об этом громадном труде во имя национал-социалистской революции... [Рейхс] Комиссар, который работает здесь, в этих условиях, не думает о бегстве. Он говорит: это мое маленькое королевство; здесь я хочу работать весь остаток моей жизни».

Далее Розенберг сказал, что конфликт (между Германией и Россией) назревал 1600 лет: «Никогда больше не должна она вырваться из немецких рук... на этих просторах должен подняться величайший германский рейх...» [бурные аплодисменты].

Розенберг вел сражение против целого сонма врагов, и его подчиненные также могли проявлять критичность. Некоторые доклады, подаваемые ему подчиненными, были гораздо более емкими, чем большинство немецких оценок ситуации.

Один из его представителей, прикомандированный к штабу группы армий «Север», писал в декабре 1942 года, что боевая мощь русских, несомненно, сломлена; что военная сила славян должна использоваться для победы в продолжающейся войне; что русские не имеют достаточно пищи; что немецкие солдаты на фронте кровью заплатили за приложенные властями усилия, в том числе и за подневольный труд. Он предлагал земельную реформу (которая местами уже была разрешена и проводилась и приветствовалась крестьянами), указывая, что русский крестьянин изголодался по земле. Колхозы подлежали разделу, их земли раздавались крестьянам. Он протестовал против избиений и жестокого обращения с населением, которые заставляют людей уходить в леса. Он писал,

что премиальная система (оплата хорошо сделанной или выполненной досрочно работы) оказалась действенной там, где ее применяли. Он считал, что немцы допускают те же ошибки, которые совершили японцы в Китае. Он возражал против запрета на изучение немецкого языка местным населением и считал это признаком слабости — люди думают, что немцы собираются отступить. Русские, писал он, думают, что немцы хотят низвести их до положения негров и уничтожить. Он рекомендовал полное изменение политики, и это Розенберг, конечно, был бы рад одобрить, если бы сам не являлся подчиненным.

Все ополчились на Розенберга. Заклятые враги договорились о союзе против него. Риббентроп и Гиммлер в 1944 году пришли к соглашению, по которому Гиммлер набирал части СС из народов Советского Союза, а Риббентроп получал власть над любыми внешнеполитическими делами, связанными с этими легионами СС. Розенберг в соглашении вообще не упоминался, и Гитлер отказывался принять его. В последний раз Розенберг встречался с фюрером в ноябре 1943 года. В октябре 1944 года Розенберг униженно просил фюрера сообщить, может ли он еще быть полезен. «Прошу моего фюрера, — писал он, — сообщить мне, желает ли он еще моей службы в этой области... В связи с развитием событий должен прийти к выводу: для меня остается открытым вопрос, считаете ли вы, мой фюрер, мою дальнейшую службу необходимой». Розенберг остался министром (как сказал один человек, «более не оккупированных территорий») и вел свою борьбу до самого горького конца — не против большевиков, евреев и «москвитов», а против своих коллег.

Пребывающий в бездействии, снedaемый завистью, весь в мире оторванных от реальной жизни идей, почерпнутых из газетных вырезок и книг, Розенберг был легкой добычей для людей действия. Его соперники всегда стояли ближе к «трону», чем он, потому что он был скучен, многословен и постоянно понуждал Гитлера принимать трудные решения. Он посылал фюреру меморандумы и доклады об ошибках и глупостях Геббельса и Риббентропа; он враждовал с Леем, Гиммлером, Борманом, Кохом и многими другими; с кем бы он не встречался, этот человек становился его врагом, потому что все они так или

иначе были его конкурентами. Но у него всегда находилось доброе слово для Гесса — до его отлета в Англию — и для Геринга. Гесс мог помочь в борьбе против Бормана, Геринг — против Риббентропа и Геббельса.

Каждый пытался заполнить что-то из его компетенции: Геббельс вторгнулся в культуру, Борман — в борьбу с христианством, Гиммлер покушался на «Хох шуле». Фельдмаршал Кейтель в приказе от 29 августа 1942 года говорил, что армия должна возможно полнее снабжаться провиантом с Востока, Геринг давил на его подчиненных, требуя больше зерна, большего количества разнообразной продукции для рейха, Гиммлер использовал карательные и охранные меры, от которых население бежало к партизанам. Куда бы Розенберг не повернулся, всюду он наталкивался на людей более энергичных и безжалостных, чем он сам, имеющих практически средства для исполнения своих функций.

Второй раз Розенберг женился в 1925 году. Его жена, Гедвига, и маленькая дочка (еще один ребенок умер) не пользовались популярностью, как и он сам. Когда в конце войны жена и дочь нашли убежище в относительно безопасном немецком городке, фрау Розенберг попросили уехать — боялись, что ее присутствие вызовет бомбежки авиации союзников. Он был хорошим семьянином. Когда Розенберга уводили в тюрьму, жена сказала дочери: «В папе мы потеряли хорошего друга». И это, несомненно, не было преувеличением.

Война закончилась поражением, но Розенберг крепко держался своего национал-социализма, заявляя:

— Приход Гитлера к власти был неизбежным результатом подъема национального самосознания; фюрер создал органичную, понятную, новую концепцию рейха.

Тюремщикам он говорил, что был прав в отношении евреев, которых он хотел всего лишь выслать на Мадагаскар, а не истреблять. Это было правдой. Он возражал против независимого еврейского государства, которое может стать центром заговора по ниспровержению «нового мирового порядка», но собрать евреев на каком-то острове под полицейским надзором — это казалось ему приемлемым решением проблемы. Он был уверен, что здесь Гитлер прав. Судьба победила их обоих — судьба и Борман, Геббельс, Риббентроп и другие.

Как оценивать этого человека? С одной стороны, он жил и писал как полуобразованный теоретик, разрабатывающий проблемы, волновавшие его в юности. Детство и юность он, осознающий себя немцем, провел в чужой стране, которая неожиданно, когда он был еще молод, встала на путь революции, путь, чуждый культуре Германии и ее ведущей роли среди государств Балтии. Балтийские страны традиционно, как и Германия, Польша и Россия, были заражены антисемитизмом. После Первой мировой войны он, представитель нордической расы, оказался в большом, нестабильном обществе — обществе, в котором, как он думал, немцам суждено быть либо мучениками, либо сверхлюдьми.

Он никогда не сожалел о той роли, которую сыграл, потому что, как Эйхман и многие другие, верил в необходимость борьбы в интересах элиты рода человеческого — мистической нордической расы, лучшими представителями которой являются германцы. Этот расовый миф лежал в основе его мышления. Как и большевики, которых он ненавидел, в христианстве Розенберг видел только врага, жалкий пережиток прошлого, мешающий свободному росту германской расы.

В ходе процесса Розенберг так ничего и не понял. Он продолжал считать нацизм ответом европейцев на проблемы двадцатого столетия, «самой благородной идеей, которой народ Германии мог отдать все свои силы». Он заявил, что нацизм вернул немецкой нации ее единство и внутреннюю сущность. «Я служил ему преданно, не смотря на все ошибки и человеческие заблуждения. Я останусь верен ему до тех пор, пока я жив». Когда британские охранники спросили его, верит ли он еще в свой «миф», он ответил, что, хотя часть его опровергли реальные события, в целом он остается истиной, и если бы фюрер выбрал его вместо таких людей, как Геббельс и Борман, исход мог оказаться иным. В этом, он считал, заключалась главная ошибка Адольфа Гитлера. Трибунал признал его виновным по всем четырем пунктам обвинения и приговорил к смертной казни через повешение.

Джек Фишман

Семь узников Шпандау

ГЛАВА 1

СЕМЬ УЗНИКОВ ШПАНДАУ

Сейчас, когда я пишу эту книгу, в тюрьме еще находятся два человека, избранных в свое время для продолжения того, что не успел сделать Гитлер.

Один, осужденный на десятилетний срок, который уже заканчивается, утверждает, что имеет право, «завещанное волей Гитлера», стоять во главе германского государства. Этого человека переполняет ненависть к тем, кто победил его и отправил в тюрьму.

Другой, приговоренный к пожизненному заключению, видит себя «мистическим духовным вождем» германской нации, избранным для возрождения того, во что верил Гитлер. Этим людям, гросс-адмирала Карла Деница и Рудольфа Гесса, ждут две могущественные организации, решительно настроенные утвердить их притязания.

Карл Дениц, командовавший нацистскими подлодками, провозглашенный рейхсканцлером после самоубийства Гитлера в берлинском бункере, и Рудольф Гесс, заместитель Гитлера по партии, выбросившийся на парашюте над Британией «с миссией мира», двое из семи узников Шпандау, последние из банды Гитлера, отбывают заключение в самой удивительной тюрьме мира.

Берлинская тюрьма Шпандау, где приняты все мыслимые меры предосторожности, исключающие побег узников, — местопребывание семерых осужденных Нюрнбергским трибуналом за преступления против человечества. Менее десяти лет назад эти нацисты были среди самых могущественных на земле людей, однако сегодня мир почти забыл о них. Это:

гросс-адмирал Карл Дениц;
заместитель фюрера Рудольф Гесс;
президент рейхсбанка Вальтер Функ;
вождь «Гитлерюгенд» Бальдур фон Ширах;
гросс-адмирал Эрих Редер;
министр вооружений Альберт Шпеер;

министр иностранных дел, глава «Протектората Богемии и Моравии» барон Константин фон Нейрат.

Сейчас это просто имена или просто номера на тюремных надгробиях. Вчера эти семеро, сидевшие на скамье подсудимых в Нюрнберге вместе с Герингом, Штрейхером и Риббентропом, пытались поработить мир.

Высылка Наполеона на остров Эльба стала одной из незабываемых страниц истории. Заключение в тюрьму этих нацистских «наполеончиков», обреченных на скорое забвение, станет еще более невероятной историей.

В 1945 году трое были осуждены на тюремное заключение до конца жизни, двое — на 20 лет, один — на 15 и еще один, Карл Дениц, получил самый короткий срок, 10 лет.

И все же как мало слышал о них мир после их заключения, и как быстро о них забыли. Я выяснил это, организовав опрос, в ходе которого 500 человек ответили на простой вопрос: «Знаете ли вы, что такое Шпандау?»

480 человек ответили «нет». 10 решили, что «это имеет какое-то отношение к войне». 8 подошли ближе — «это что-то, связанное с военными преступниками». И только двое из 500 знали, причем в большинстве своем считали, что Рудольф Гесс умер.

Но миллионы людей с короткой памятью должны помнить этих людей, потому что всего лишь через 8 лет после вынесения приговора в Нюрнберге Соединенные Штаты, Великобритания и Франция, вместе с Россией согласившиеся управлять Шпандау и нести ответственность за ее узников, признали, что готовы пересмотреть весь комплекс вопросов об этой тюрьме. Россия ответила, что даже один освобожденный досрочно, одна уступка будут означать конец союзнической тюрьмы Шпандау.

То был, конечно, пример неопровержимой логики, первое звено той цепной реакции, которая должна была неизбежно последовать. Если таким образом суждено открыться этим камерам, то какие еще двери распахнутся в скором времени? Выяснить правду о Шпандау и ее пленниках — такую задачу поставил я перед собой, хотя и прекрасно знал, что все, касающееся тюрьмы, величайшая тайна, а ее обитатели охраняются с применением мер не просто беспрецедентных, а и фантастических.

Я решил проникнуть за стену, окружающую этих семерых, в их жизнь в столь необычной тюрьме, узнать, о чем они говорят, об их письмах домой, о том, что случилось с их семьями, об их средствах и их прошлом.

Чтобы добраться до правды, мне пришлось продира-ться не только через завесы секретности и нацистскую пропаганду, но и через ложь, преувеличения и бесконечные слухи. Ввиду всеобщего умолчания обо всем, имеющем отношение к Шпандау, я не получил совершенно никакой официальной помощи, и на поиски правды ушли годы. Но за это время я узнал о тайном страхе Рудольфа Гесса; узнал и о борьбе за жизнь в тюремной камере; о странном «Эдемском» саде; о самом богатом человеке Шпандау (самое большое желание которого купить ампулу с ядом); я познакомился с женщинами Шпандау — женами преступников. Они — часть этой необычной истории.

Чтобы докопаться до сути дела, я преодолел в общей сложности 5 тысяч миль. Разговаривая с женами, родственниками, адвокатами, друзьями и врагами, я составил портреты этих людей, их характеров, и начал еще более полно понимать, что они означают для самих себя и для других. Я собирал сведения о неонацистских и антифашистских организациях. В Бонне, где находится правительство Западной Германии, я изучал официальные и неофициальные документы о Шпандау и ее узниках; я побывал в их конфискованных владениях и бывших домах; в Гамбурге я разговаривал с боевыми товарищами Карла Деница, готовыми и жаждущими следовать за ним к «новой, великой Германии», я съездил с двумя женами заключенных в Шпандау, где они имели свидания с мужьями; я имел доступ к документам, раскрывающим политические и дипломатические маневры, направленные на освобождение осужденных или изменение условий их содержания; я беседовал с людьми, тесно сотрудничавшими с семерыми в лучшие для Гитлера дни; я смог собрать отрывки из более 400 до того неопубликованных писем, написанных ими в камерах; и большая часть моего рассказа получена из самой тюрьмы. Как именно — это останется моей тайной.

Таким образом, представляя вам частную жизнь, рас-

крывая содержание разговоров узников, я могу цитировать их подлинные слова. Лишь в нескольких случаях обстоятельства, касающиеся определенных бесед, изменены по соображениям безопасности.

Некоторые фотографии, использованные для иллюстраций, тайком сделаны внутри Шпандау, другие же отобраны из частных семейных альбомов осужденных, кое-какие являются копиями тех, которые заключенные держат в камерах.

Итак, ворота Шпандау, так сказать, открыты.

Впервые увидев жен и семьи осужденных, я сразу им все объяснил: «Я не собираюсь обелять этих людей. То, что я думаю о них, мое личное дело. У меня одна цель — добраться до правды о Шпандау и ее заключенных». Некоторые хотели, чтобы я еще до публикации предоставил для их одобрения ту часть рукописи, информацией для которой они поделились со мной. Я отклонил это по причинам, которые будут понятны и которые я в свое время объясню. В любом расследовании решающее слово арбитра принадлежит тому, кто расследует. Это его дело давать оценку фактам так, как он сумел понять их, и выбирать, что правда, а что нет. И в конце позвольте мне сказать, что какое бы суждение не вынес читатель, все написанное служит одному — показать, что Шпандау дело всех и каждого и что начинается оно с...

Приговор Нюрнберга

Заместитель фюрера Рудольф Гесс — «за полную поддержку агрессивных действий Германии и участие в военных преступлениях против человечества» — пожизненное заключение.

Министр вооружения и боеприпасов Альберт Шпеер, который вместе с Геббельсом, Гиммлером и Деницем принадлежал к «большой четверке» нацистского режима, — «за упорное расширение программы рабского труда, использование труда заключенных концлагерей и военнопленных и за мобилизацию рабочей силы в 14 миллионов человек» — 20 лет тюремного заключения.

Министр экономики и президент рейхсбанка Вальтер Функ — «за участие в экономической подготовке агрессивной войны и преступления против человечества, включая физических лиц и их собственность на оккупированных территориях» — пожизненное заключение.

Лидер «Гитлерюгенд» Бальдур фон Ширах — «за развращение умов детей, учреждение «Гитлерюгенд» в качестве источника подготовки кадров для нацистской партии, участие в антисемитской политике в Австрии и ответственного за страдания иностранных рабочих» — 20 лет тюремного заключения.

Гросс-адмирал Эрих Редер — «за планирование и ведение агрессивной войны и осуществление неограниченной подводной войны, включая потопление невооруженных нейтральных торговых судов» — пожизненное заключение.

Бывший министр иностранных дел и глава «Протектората Богемии и Моравии» барон Константин фон Нейрат — «за осуществление и принятие ответственности за исполнение внешней политики нацистских заговорщиков и за оправдание, руководство и участие в военных преступлениях и преступлениях против человечества» — 15 лет тюремного заключения.

Гросс-адмирал Карл Дениц — «за участие в военном заговоре, за неотмену приказа расстреливать союзных военнопленных, захваченных в плен, и как главу государства после смерти Гитлера, отдавшего приказ продолжить войну» — к 10 годам тюремного заключения.

* * *

Таковы семеро обитателей Шпандау.

ГЛАВА 2

«РАЗБЕРИТЕ ЭТИ ВИСЕЛИЦЫ!»

Ночью 15 октября 1946 года двери двух камер во Дворце правосудия в Нюрнберге, Германия, открылись. Двум заключенным приказали встать и одеться. Мужчины, оба высокие и крепкого телосложения, вышли из камер и проследовали по безмолвным коридорам Дворца в сопровождении вооруженных охранников из армии США.

Пока они шли, тишина уступила место монотонному стуку молотков, и стук этот становился громче. Шум стал совсем громким, когда мужчины вошли в ярко освещенный зал и прищурились от раздражавших глаза едких паров хлорной извести, которой побелили пол. Перед ними высилась виселица. Возле нее лежали только что снятые леса. Заключенным приказали помочь снять последнюю из трех виселиц, послуживших инструментом приведения в исполнение смертных приговоров гитлеровскому министру иностранных дел Иоахиму фон Риббентропу; преследователю евреев Юлиусу Штрейхеру; австрийскому предателю и тирану оккупированных Нидерландов Зейссу-Инкварту; Кальтенбруннеру, Франку, Йодлю, Фрику, Кейтелю, Заукелю, Розенбергу. Это имена людей, теперь почти забытых, но принесших страдания и смерть миллионам. Все они были казнены здесь за свои преступления против человечества.

Двое заключенных, взявшихся за работу, знали, что только рейхсмаршал Герман Геринг, спрятавший капсулу с цианидом, и лидер Трудового фронта Роберт Лей, повесившийся с помощью носового платка, перехитрили своих палачей. Осталось в живых только семеро из гитлеровской иерархии: двое, работавших под бдительным наблюдением охраны, вождь «Гитлерюгенд» и бывший правитель Австрии Бальдур фон Ширах и министр вооружений Альберт Шпеер. Еще пятеро находились в камерах Дворца правосудия. Этим семерым преступникам

Международный военный трибунал в Нюрнберге вынес следующий приговор:

Рудольф Гесс — пожизненное заключение;

Альберт Шпеер — 20 лет;

Вальтер Функ — пожизненно;

Бальдур фон Ширах — 20 лет;

Эрих Редер — пожизненно;

Константин фон Нейрат — 15 лет;

Карл Дениц — 10 лет.

Таким было решение того исторического трибунала.

Сегодня об этих приговорах помнят немногие, а виновные почти забыты. Забыты те, чьи жадность и властолюбие поработили Европу и превратили ее в огромное кладбище безымянных могил. Избежав судьбы других преступников, семеро узников Шпандау ждали будущего, которое с каждым прошедшим месяцем возрождало их надежды. И действительно, причины для бодрости были. Их тюремщики — Великобритания, Америка, Франция и Россия — не только не смогли договориться об условиях исполнения приговора в отношении зловещих заключенных, но и начали недостойную борьбу, выказывая друг другу взаимные претензии. Такой поворот событий должен был заставить правосудие покраснеть.

Точка зрения русских состояла в том, что осужденные должны содержаться в «полном одиночном заключении», без права принимать посетителей или без привилегии читать книги. Французы соглашались с одиночным заключением, но не более. Англичане и американцы полагали, что такое обращение с узниками составляет наказание, выходящее за рамки того, что понимал под «наказанием» Нюрнбергский трибунал. Все время, пока продолжались эти желчные дискуссии, узники оставались в Нюрнберге. Лишь по прошествии 7 месяцев русские наконец согласились с тем, что приговор следует исполнять по тюремному кодексу Германии.

Но даже эта уступка не положила конец спорам, так как оставался нерешенным вопрос о выборе тюрьмы. Генерал Клей, представлявший США, полагал, что осужденных следует оставить в Нюрнберге. Маршал авиации сэр Шолто Дуглас от имени Великобритании предложил окруженную рвом тюрьму в британской зоне. Но маршал

Рокоссовский заявил, что Советы предпочитают старую берлинскую тюрьму Плетцензее. Увязнув в этом болоте, союзники спорили и спорили, оставаясь на месте, до тех пор, пока в начале лета 1947 года дискуссии, если их можно так назвать, прекратились сами собой, и соглашение было наконец достигнуто. Принятые решения держались, мягко выражаясь, в глубокой тайне.

В 4 часа утра 18 июля 1947 года семерых разбудили и впервые сообщили, что их переведут в другое место. Им приказали сложить вещи в армейские рюкзаки, после чего каждого сковали наручниками с американским военным полицейским и торопливо вывели во двор. Там их усадили в несколько машин «скорой помощи» и под охраной бронемашин и грузовиков с солдатами доставили на ближайший аэродром. Уже на борту поджидавшего осужденных самолета «Дакота» с них сняли наручники. Через два с половиной часа необычный груз — военные преступники — оказался на летном поле аэропорта Гатов, контролируемом ВВС в британском секторе Берлина.

Автомобили с черными шторами быстро доставили их к последнему пункту путешествия, в берлинский район Шпандау, куда они прибыли ровно в 11 часов. Заключенные вышли из машин и увидели, что находятся у дома №24 по Вильгельмсштрассе. Таков был адрес печально известной тюрьмы Шпандау.

Каждый из семерых хорошо знал эту неуклюжую, сложенную из красного кирпича тюремную крепость. В выборе ее была некая политическая справедливость, потому что с 1933-го здесь размещался сборный пункт политических заключенных, направлявшихся в нацистские лагеря. Это было место, где страдали тысячи жертв Гитлера, и здесь еще сохранились железные крючья, на которых подвешивали узников, используя любимый гестапо метод «короткой веревки».

Заключенные, каждый в сопровождении двух охранников, миновали караульное помещение и административные кабинеты, где находились ключи от первого блока тюрьмы и располагался коммутатор. В помещении для охраны работали четыре офицера, представлявшие каждую из стран-союзниц, и административный персонал, набранный по тому же принципу.

Пройдя караульную, являющуюся фактически частью основной тюремной стены, узники пересекли двор и подошли к стальной двери, а затем поднялись по 12 каменным ступеням винтовой лестницы в главное здание тюрьмы. Наверху слева находилась дверь с надписью «Kommandatura», за которой размещался кабинет начальников тюрьмы. Их было четверо, по одному от каждой из 4 стран, и они руководили тюрьмой по одному месяцу, сменяя друг друга. Напротив — конференц-зал, где предстояло встречаться тем, кто отныне должен был контролировать каждый миг жизни семерых осужденных.

Заключенные двинулись дальше — мимо комнаты посетителей, через следующую массивную стальную дверь, самую прочную в тюрьме, — и оказались в коридоре с каменным полом. Эхо шагов узников и их охраны было единственным звуком, отдававшимся от стен. Наконец они вошли в кабинет старшего надзирателя. Там им приказали раздеться. Полностью обнаженных, их провели по коридору в медицинский кабинет, где взвесили и осмотрели. В осмотре участвовали 4 врача. За время пребывания в управляемой американцами нюрнбергской тюрьме, где хорошо кормили и не ограничивали в табаке, все семеро, как оказалось, набрали вес.

В ходе осмотра заключенных еще раз обыскали на тот случай, если во время поездки кому-то удалось раздобыть ампулу с ядом. Все помнили о сенсационном самоубийстве Геринга. В медицинской книге Шпандау сделали первые записи, после чего узников снова отвели в комнату старшего надзирателя. Старший британский надзиратель Чизхольм на прекрасном немецком сказал им: «Отныне вас будут знать только по номерам. Это (он указал на лежавшие семь стопок одежды) ваша одежда. Она пронумерована от 1 до 7. Номер 1..!»

Рудольф Гесс — человек, удививший весь мир тем, что сбросился на парашюте над Англией с «мирным предложением», Рудольф Гесс, заместитель фюрера, человек со смуглой кожей, вьющимися черными волосами, густыми бровями, больше похожий на ирландца, чем на арийца, автоматически вышел вперед, чтобы получить униформу Шпандау под №1. Проигнорировав это молчаливое приязание на лидерство, Чизхольм вручил первую стопку

светловолосому, голубоглазому вождю «Гитлерюгенд» Бальдуру фон Шираху, который тут же стал надевать белье, серую рубашку, коричневые плотные брюки и однобортную куртку. Одевание дополнили черная американская шинель, серая шапочка и плетеные сандалии. Позднее сандалии заменили деревянными башмаками, что позволяло охране слышать шаги заключенного, куда бы он не пошел. На спине куртки, на обоих коленях брюк стоял нарисованный ярко-белой краской номер, так сказать имя узника.

Тюремная одежда №2 досталась высокому, худощавому гросс-адмиралу Карлу Деницу, который, выйдя вперед, по привычке щелкнул голыми пятками и взял свою стопку.

Барон Константин фон Нейрат оделся в униформу №3.

Невысокий и плотный гросс-адмирал Эрих Редер, всегда служивший образцом опрятности, натянул на себя мешковатый костюм заключенного №4.

Номер 5 получил Альберт Шпеер.

К стопке №6 неуверенно шагнул Вальтер Функ, в каждом движении которого ощущался страх.

И самый последний, №7, был выделен для Гесса. С хмурым выражением лица он взял одежду. Гесс до сих пор с горечью и негодованием говорит о том, что в тюрьме за ним, заместителем фюрера, не признали права на униформу №1.

Затем заключенным приказали опорожнить рюкзаки, и все, за исключением семейных фотографий, было изъято. Так, например, Дениц лишился серебряных наручных часов, серебряного будильника, двух авторучек, адмиральского жезла с бриллиантом, еще одного — военноморского — жезла (изготовленного знаменитым берлинским ювелиром Вильмсом) и 15000 золотых марок.

В общей куче личных вещей французские офицеры, проводившие досмотр, обнаружили американские сигары и сигареты. В Нюрнберге их давали всем заключенным.

— У нас никогда не было приличного импортного табака, так с какой стати он будет у этих вшивых нацистов? — воскликнул один из французов. Русские согласились. Американцы и англичане тоже. Единогласно реши-

ли конфисковать весь запас табака. Затем семерым прочитали несколько разделов из «Правил внутренней безопасности»:

«Заключенные работают ежедневно, кроме воскресенья, в зависимости от состояния здоровья. Работа включает в себя уборку тюрьмы и другие задания по решению начальника тюрьмы...

В нерабочее время заключенные прогуливаются во дворе или в камерах, в зависимости от погодных условий, не менее часа ежедневно, разделенного на две части, утром и вечером.

Заклученным разрешается получать духовное руководство и прогуливаться сообща, но [дальше шло правило, которое семерка больше всего ненавидела и больше всего боялась] заключенным запрещается разговаривать друг с другом или с охраной, не считая старшего надзирателя, без особого разрешения».

«Правило молчания», поначалу соблюдавшееся очень строго, а затем ставшее источником многих конфликтов, далее гласило:

«Заклученным разрешается обращаться к старшему надзирателю по вопросам работы, болезни или с личными просьбами. В отсутствие старшего надзирателя заключенные могут обращаться к охранникам в исключительных случаях, и последние (охранники) незамедлительно докладывают обо всех обращениях старшему надзирателю, не вступая в разговоры с заключенными».

Первоначальный распорядок дня был таков:

06.00 — Заклученные встают, одеваются и по двое идут умываться.

06.45—07.30 — Завтрак.

07.30—08.00 — Уборка постелей, камер.

08.00—11.45 — Мытье коридора и другие необходимые работы; при определении работ принимается во внимание физическое состояние заключенного.

12.00—12.30 — Обед.

12.30—13.00 — При выполнении легкой работы заключенным разрешается отдохнуть в камерах. При выполнении тяжелой работы на воздухе заключенным разрешается отдыхать в камерах с 12.30 до 14.00.

13.00 или

14.00–16.45 – Повседневная работа.

17.00 – Ужин.

22.00 – Выключается свет.

«По понедельникам, средам и пятницам заключенных бреют и, при необходимости, стригут от 13.00 до 14.00».

Но это ежедневное расписание по-разному интерпретировалось каждой контролирующей стороной во время их управления тюрьмой. Сегодня оно в целом остается таким же, и только примерно с 11.30, если позволяет погода, семерка работает в тюремном саду, где каждый ухаживает за своим участком, выращивает то, что ему захочется, при условии, что продукт представляет ценность для тюремной кухни. Еще одна привилегия – выращивание цветов, хотя заключенным и не разрешается приносить их в камеры. По воскресеньям им позволено отдыхать, не выполняя работ по уборке коридора и камер, до выхода в сад. В плохую погоду они читают в камерах.

После окончания процедуры ознакомления заключенных вывели из кабинета старшего надзирателя и, проведя через очередную стальную дверь, впустили во внутренний блок Шпандау, надежный 90-футовый коридор с 32 камерами. Гесса сопроводили к самой дальней справа. Он вошел, дверь закрылась, потом повернулся большой железный ключ, запиравший замок. Гесс увидел то, что должно было до конца жизни стать его домом. Камеру, 8 футов в длину и 5 футов в ширину, недавно покрасили. Армейского типа кровать, застеленный белым матрас на металлических пружинах, деревянная табуретка, деревянный стол 3-х футов длиной – все расположено так, чтобы охранник через «глазок» в двери мог ясно видеть сидящего за столом или лежащего заключенного. Слева от двери унитаза из фаянса. Гесс должен был понять, что, если узник попытается разбить унитаз, чтобы осколком нанести себе смертельную рану, в тишине тюрьмы этот звук будет подобен взрыву бомбы.

К стене прикручен открытый деревянный шкафчик с двумя полками. Белое, армейского типа, полотенце, четыре трубы отопления, а высоко – так, чтобы не дотянуться, – маленькое зарешеченное окно. Гесс поднял

голову — яркий свет давала лампочка, защищенная железной решеткой, чтобы заключенный не смог выкрутить ее и попытаться покончить с собой с помощью электричества. В вопросах безопасности власти Шпандау подумали обо всем. Подобной тюрьмы в мире еще не было.

Трехэтажное здание из красного кирпича с большой дымовой трубой над столовой окружено стеной в 732 ярда длиной и 15 футов высотой. Снаружи стена поднимается на 30 футов, а для тех, кто лелеет какую-то надежду на побег, есть еще 25-футовый барьер из колючей проволоки, по которой пропущен электрический ток. Берлинцы здесь нередко находили кроликов, попавших ночью под электрическое напряжение.

В Шпандау существует собственная система электрообеспечения, что делает тюрьму независимой от городской сети Берлина, уязвимой для диверсантов.

Круглосуточно тюрьму охраняют 120 солдат, вооруженных автоматами, а с девяти караульных вышек просматривается вся территория. Каждые 10 минут дежурный охранник на вышках с прожектором нажимает кнопку, что регистрируется на индикаторе в кабинете коменданта. Такая электронная проверка осуществляется круглосуточно и ежедневно.

Войти в Шпандау можно только через главную дверь. Другого выхода тоже нет. Даже вертолет не рискнет забрать узников во время их прогулки из-за опасности попасть под перекрестный огонь охраны.

Во внутреннем тюремном блоке работают только профессиональные надзиратели. Они носят форму с эмблемой «ССГ» (Контрольная Комиссия Германии) и меняются через 8 часов. Каждая сменная команда состоит из главного надзирателя, его заместителя, представляющего страну, которая контролирует тюрьму в это время, и по одному надзирателю от каждой из четырех стран. Для того, чтобы воспрепятствовать перестукиванию между заключенными, две соседние камеры оставлены пустыми. Через каждые 15 минут надзиратель заглядывает во все 7 камер через «глазок». На внешней стороне двери каждой камеры висит лампа, с помощью которой наблюдение осуществляется после того, как свет выключен.

Спустя несколько часов после прибытия в Шпандау Дениц сел за стол, чтобы написать свое первое письмо домой, жене Инге.

«Моя любимая Инге. Мы в Шпандау. Я могу написать два письма в шесть недель и получить столько же за тот же период. Я могу получать посылки, но только не продукты. Пришли мне расческу и мыло, которого, похоже, здесь не хватает. Насколько я понимаю, мне можно принимать посетителей каждые два месяца в течение 15 минут. Союзники, кажется, договорились насчет нас.

Управление и охрана осуществляются всеми четырьмя странами одновременно. Писать об этом больше нет необходимости.

Несмотря на справедливость и порядочность местных начальников и охраны, должен сказать, что я никогда не признаю свой приговор справедливым и разумным. Я нахожусь здесь как политический заключенный, с которым по приказу сверху обращаются, как с обычным преступником.

Наши сердца уже пережили перевод сюда, а любые взлеты и падения уже не смогут изменить наших жизненных ценностей.

Твой парень».

Дениц знал, что в Шпандау 134 камеры, несколько общих, и обычно в тюрьме содержится более 600 заключенных. Кто еще находится в ней вместе с ними? Когда, немного позднее, охранник открыл дверь камеры, Дениц решил, несмотря на запрет на разговоры, задать ему вопрос, никак не выходящий из головы.

— Кто еще в Шпандау, кроме нас? — осведомился он. Охранник заколебался, но затем, чувствуя, что за ответ на этот вопрос его не накажут, сказал:

— В Шпандау нет других заключенных, кроме вас семерых. Она вся ваша.

ГЛАВА 3

ТАЙНЫЙ СТРАХ РУДОЛЬФА ГЕССА

— Дайте мне сотню надежных людей и два самолета, и я смогу вытащить Гесса и других шестерых из Шпандау. В случае непредвиденных затруднений Гессу будет отдано предпочтение. — Это хвастливое заявление пробыться через все ограждения самой ревностно охраняемой тюрьмы в мире сделал не кто иной, как генерал СС Отто Скорцени, человек, спасший Муссолини от союзников после военного поражения Италии.

Заговор с целью организации побега из Шпандау был раскрыт британской разведкой во время допроса в январе 1953 года шести нацистов, возглавляемых доктором Вернером Науманом (одно время бывшим помощником Геббельса в гитлеровском министерстве пропаганды), после их ареста по обвинению в подготовке свержения правительства Западной Германии.

Нетрудно понять, почему Скорцени и некоторые другие из оставшихся представителей старой нацистской верхушки выказывают столь нежное отношение к Гессу, лакею Гитлера, делавшего все — он разве что не помахивал хвостом, — когда фюрер находился рядом. Шестифутовый Гесс, имевший «почетный» шрам на черепе (полученный в одной из драк в какой-то пивной), действительно числится своим среди самых опасных реакционеров. Он справедливо считает себя первым в шеренге нацистских последователей Гитлера. Для тех, кто поднаторел в искусстве создания ложных богов и национальных мифов, он единственная надежда на возрождение и арбитр идейных разногласий. Личность этого человека в очках, молчаливого и угрюмого, ставит в тупик многих немцев — они не могут решить: то ли он сверхъестественно умен, то ли просто непроходимо глуп. Так или иначе, но мистический ореол, которым он окружил себя, делает его центром

притяжения для тех амбициозных людей новой партии, которые беременны дьявольскими идеями Гитлера.

И Гесс, осужденный к пожизненному заключению, твердо верит, что Судьба выбрала его для большей роли, чем та, которую он уже сыграл, и что день его свободы еще придет. Взгляните на него, как однажды посмотрел британский надзиратель по имени Белсен в «глазок» камеры №7. Заключенный не сидел у стола, его не было на кровати, он лежал на полу, раскинувшись и не шевелясь: глаза закрыты, руки над головой. Высокий, слегка покаты́й лоб, кустистые, нависающие над глазами брови, широкий нос — лицо человека, живущего в странном, безмолвном мире нереальности. Так он пролежал 5 минут, тело его оставалось совершенно неподвижным. Затем глаза вдруг открылись, так внезапно, что их голубизна показалась еще ярче — Рудольф Гесс закончил релаксацию. Этому упражнению он научился еще мальчиком, когда наблюдал за арабами, слезавшими с верблюдов и ложившимися на горячий песок, чтобы расслабиться. Охранник еще одну-две секунды смотрел на Гесса и затем отвернулся, оставив заключенного в покое.

Многое случилось с Гессом как до, так и после того удивительного полета в Шотландию, который был принят с целью достижения договоренности между Германией и Великобританией. Вот некоторые факты. Гесс родился в Александрии 26 апреля 1896. Семья обосновалась там, когда дед заместителя фюрера, почувствовав тягу к Египту, покинул Германию и, став купцом, переехал на Восток. Дела у старика шли совсем не плохо, и в конце концов он смог передать отцу Гесса процветающий бизнес. Тот в свою очередь укрепил благосостояние семьи. Однако, когда дело дошло до Рудольфа, последний заколебался. Хлопок-сырец и чечевица не прельщали его — он был торговцем другого склада и чувствовал, что его деловые интересы лежат в Германии. Гесс отправился на родину и, став студентом Мюнхенского университета, почти сразу попал под влияние профессора Карла Хаусхофера, оказавшего решающее влияние на его будущую философию и мышление. Фактически именно почтенный профессор и вдохновил Гесса на его знаменитый полет.

Геополитической теории Хаусхофера (географические факторы определяют политические отношения) суждено было стать частью нацистской доктрины, так что нет ничего удивительного в том, что Гесс глубоко привязался к своему наставнику.

Но величайшим политическим образцом для Гесса стал сам Адольф Гитлер. Слушая разглагольствования будущего фюрера в мюнхенских пивных в 1923 году, он решил связать свою судьбу с национал-социализмом, движением, породившим нацизм. Вскоре после первой встречи Гитлера и Гесса арестовали и бросили в ландсбергскую тюрьму за попытку свержения правительства Баварии. Именно там Гитлер с помощью и при содействии Гесса написал «Майн кампф», ставшую впоследствии Библией нацистов. В те дни Гитлер шел в движении под номером 7, а Гесс под номером 16, но они — вопреки рейтингу — были намного ближе по духу, а когда дело дошло до убийств и насилия, стали единым целым. Судьба написала свой приговор, и поверженный Гитлер отправился в бесславную Вальгаллу...

Гесс поднялся с пола. Было 6 часов утра, и день в Шпандау начался. Двери семи камер открылись, и заключенных по одному провели по коридору направо в умывальню. Каменный пол, три раковины — две из них располонены друг против друга, — ванны с деревянными настилами возле них, шесть душевых кабин и машина для отжимания белья. Заключенные умывались по двое. В то утро Бальдур фон Ширах подошел к ближней к двери раковине. Гесс направился к ней же и оттолкнул фон Шираха.

— Это моя раковина! — сказал он.

— Они все одинаковые, какая разница, кто какой пользуется! — сердито воскликнул фон Ширах. Другие пятеро только смотрели на них, ничего не говоря.

— Это раковина, которой я всегда пользуюсь, и как заместитель фюрера и старший среди вас имею право выбора во всем — даже в тюрьме! — закричал Гесс. — Так я хочу, и так будет! — высокомерно закончил он.

Когда Гесс сердится, прежнее нацистское высокомерие и надменность проявляются очень ярко. Например, однажды, когда заключенные работали в саду, группа офицеров-инспекторов заметила, что Гесс стоит отдельно

от остальных. Узнать, в чем дело, послали охранника. Он вернулся и сообщил:

— Герр Гесс как заместитель фюрера считает, что не он должен подходить к проверяющим, а они к нему.

Охрана уже собиралась вмешаться в зарождающуюся возле умывальника ссору, когда фон Ширах отошел в сторону, а Гесс, пользуясь душистым мыло, присланным женой, начал умываться. Вытершись тюремным полотенцем, он вынул пожелтевшую, плохо подогнанную вставную челюсть, промыл ее и поставил на место.

В ту же комнату три раза в неделю семерых приводили по одному к тюремному парикмахеру. Сюда же они приходили по двое каждую пятницу в 9 утра, чтобы постирать свое белье. От ванны отказывался только гросс-адмирал Редер. Как человек, страдающий от артрита, он предпочитал душ. Ванну готовят два санитары-мужчины. «Банный день» предоставлял семерке прекрасную возможность поговорить, и они пользовались ею даже в те дни, когда разговоры были запрещены. Почти с самого начала семеро узников игнорировали это правило.

Альберт Шпеер с трудом разместил свое длинное — 6 футов 3 дюйма — тело в ванне. Гесс, узкогрудый, с покатыми плечами, занял противоположную.

— Жена пишет, что мой мальчик силен в математике, — начал разговор Гесс. — Точь-в-точь, как его отец, хотя мне было не до математики. Может быть, Вальтер станет бухгалтером или займется бизнесом. А может, станет инженером. Мне бы это понравилось, я сам чуть не стал им.

Шпеер, тоже любивший упомянуть о семейных достижениях, рассказал о своем 15-летнем сыне Фрице, уже играющем на виолончели.

— Думаю, у Вольферля тоже будет склонность к музыке, — ответил Гесс. — В Александрии, когда мне было 12, мы с братом брали уроки игры на пианино у одной немецкой фрейлейн. Она изумлялась моему таланту, а это свидетельствует, что я должен был стать композитором. Мне так и надо было сделать, тогда бы я не сидел здесь. Но, может быть, из этого ничего бы не вышло, потому что у меня была плохая координация пальцев, слишком велико расстояние от них до мозга.

Не стоит считать это внезапным проблеском чувства юмора, Гесс всячески избегает любого его проявления. Как говорит Ширах:

— Гесс пошутил только один раз в жизни, когда сравнил Германию с ежом, а ее врагов с лисами. Но даже этот образчик тевтонокого юмора не принадлежал ему лично, а был взят из басни Вильгельма Буша.

Разговор о доме сменился молчанием, затем Гесс заметил:

— Половину своей жизни я провел в горах, неудивительно, что я и горы — единое целое. Вот куда бы я вернулся, если бы был свободен. В Нюрнберге я осознал, что должен принять во внимание любой исход — смерть, тюрьму, сумасшедший дом. Хотя до сих пор удивляюсь, что меня не приговорили к казни.

Каждое утро после умывания семеро возвращались, чтобы заняться уборкой камер и коридора. Даже при этом применялись меры против попыток самоубийства. Не разрешалось пользоваться ничем, что могло бы привести к летальному исходу. Мыло должно было быть без карболки, края ведер затуплены. Однажды в камере Редера нашли выданное по ошибке мыло с карболовой кислотой. Тут же провели расследование и допустившего оплошность охранника строго наказали.

По завершении уборки Гесс подождал обыска, проводившегося дважды в день, причем обыскивали как камеру, так и заключенного. Через 10 минут после обыска дверь опять открылась и в камеру вошел военный врач. Ссутулясь, Гесс прошаркал навстречу.

— Что-то вы не очень похожи на заместителя фюрера, — сказал врач. Гесс моментально подтянулся, шелкнул каблуками и кивнул. Затем врач случайно нарушил тюремные инструкции, протянув заключенному руку. Гесс, как всегда бывший настороже, замаялся и не ответил на этот жест. С другими было бы иначе.

— И как вы себя чувствуете? — спросил врач, хорошо зная, какой примерно ответ последует.

— Боли! Боли в животе! — прохрипел Гесс. Почти всегда одно и то же: боли либо в животе, либо в сердце. Тем не менее каждый осмотр Гесса — вероятно, самого изученного с медицинской точки зрения человека в

мире — показывал отсутствие каких-либо признаков физического заболевания. Доктор окинул взглядом побеленные стены камеры — они были совершенно голые.

Заключенным разрешалось держать в камере не более 11 семейных фото. Похоже, никто в Шпандау не знал, почему было определено именно это число. Но как бы там ни было, при получении каждой новой фотографии узник был обязан отдать взамен одну старую. Все изъятые снимки нумеровались, вносились в картотеку и потом могли быть предоставлены заключенному по его просьбе.

— Почему у вас на стене нет ни одной семейной фотографии? — поинтересовался врач.

— Нет снимков, — коротко ответил Гесс.

Не обращая внимания на эти слова, офицер приступил к обыску. Под матрасом на кровати он обнаружил две карточки — жены Гесса и его сына.

— Почему вы не повесите их на стену?

— Нет.

Врач понимал, что вторгается в сокровенное Гесса.

— Вам нужно повесить эти фотографии на стену, это приказ! И они должны оставаться там.

Гесс неохотно подчинился. Но офицер еще не закончил.

— Почему вы не хотите увидеть жену и сына? — снова спросил он. На протяжении всего заключения Гесс ни разу не разрешил им посетить его.

Заключенный посмотрел на свою тюремную одежду, расстегнул куртку и ответил:

— Не таким.

В течение долгого времени Гесс изо всех сил старался — и в некоторых отношениях успешно — скрыть правду от врачей и психиатров, пытавшихся пробраться в потаенные уголки его мозга.

2 сентября 1946 года он писал своей жене: «Я категорически отказываюсь... от встреч с тобой или с кем-либо еще в условиях, которые считаю недостойными». Эту причину он всегда называл властям Шпандау, но за столь простым объяснением кроется много большее.

Я хорошо знаю, почему Рудольф Гесс ни разу не виделся с женой и сыном после своего полета в Велико-

британию; почему он многократно — и тщетно — приглашал ее посетить Нюрнберг. Он просил ее приехать и в дни, когда посещения не разрешались, и тогда, когда мог бы ее увидеть, но не имел ни малейшего желания сделать это.

Гесса мучает смертельный страх — его кошмар порожден им самим. Он боится себя и видит в себе собственного палача. Я узнал о тайном страхе Рудольфа Гесса от человека, первым понявшего, что случилось с ним, — его жены. Правда вышла наружу в тот момент, когда женщина немного расслабилась:

— Рудольф окружил себя как бы стеной, которая защищает его от постоянно испытываемого им напряжения, но я знаю и он знает, что стена эта очень тонкая. Вот почему он боится таких посещений Шпандау. Я могу заплакать. Эмоциональное напряжение могло бы быть слишком невыносимым для нас — мы очень давно не виделись, — и Рудольф боится, что мое присутствие разрушит его защиту.

Стоит появиться трещине, и эту, такую тонкую, стену, уже не восстановить, а тогда только Богу известно, что может произойти. Его рассудок может не выдержать. Вот почему он не может видеть ни меня, ни сына. Ему невыносима сама мысль, что наш мальчик запомнит своего отца в обличье преступника.

Гесс страшился не только того, что пред ним предстанут жена и сын. Все, что хоть в малейшей степени напоминает ему о прошлом — например, красота цветов или музыка, — бьет по возведенной им хлипкой стене. Даже те звуки музыки, что доносятся по субботам из часовни, находящейся в самом конце внутреннего тюремного блока, серьезно нарушают его душевное равновесие. Сама часовня небольшая, примерно вдвое больше камеры. В ней семь стульев, три религиозного содержания картины и старая фисгармония. Алтарь представляет собой простой стол; на нем бронзовый крест, Библия и две свечи. Каждую субботу ее наполняют музыка и пение шестерых заключенных. Гесс всегда отсутствует при этом; не посещает он и службы, которые проводит тюремный капеллан, француз. Когда его спрашивают об этом, он только отмахивается. Разрешены только религиозные

гимны и музыка, но иногда Функ играет Прелюдию Баха — а делает он это прекрасно — и вдруг переходит на какую-нибудь немецкую народную песню или мелодию, предложенную другими. Именно этих, хорошо знакомых звуков боится Гесс.

По особым случаям — например, на Рождество или Пасху — капеллану разрешено включать в часовне граммофон. 4 апреля 1953 года Гесс писал своей жене:

«Сегодня днем у нас был пасхальный концерт. Симфония Гайдна, Квартет Шуберта, Квартет Моцарта и еще одна симфония — я не знаю ее названия, хотя это было что-то знакомое, — пронзили броню, которой я окружил душу и сердце, как космические лучи прорезаются сквозь толстые свинцовые стены. Если бы это было возможно, я бы убежал. Меня спас только шум транспортных самолетов, постоянно пролетающих над тюрьмой. Они раздражали меня, что, наверно, странно для бывшего пилота».

Гесс всегда был упрямым, иногда даже по-детски, и фрау Гесс легко признала, что «с Рудольфом иногда не по себе, потому что он любит мучить людей». Эту черту характера он часто проявлял, притворяясь жертвой амнезии. Со времени своего заключения в Англии Гесс всегда сопротивлялся любым попыткам провести тщательное медицинское обследование его психического состояния под предлогом «я не могу вспомнить». Но однажды он хвастливо заявил одному из тюремных врачей, что «надеялся, сфальсифицировав психическое расстройство, вернуться домой из Британии по обмену военнопленными, который тогда происходил. Я старался, но из этого ничего не вышло. Пытаясь обмануть врачей, я изобразил себя жертвой провалов в памяти. Все было, как в опере, — сплошное притворство. Я притворялся, что не могу вспомнить, кто я такой, и это продолжалось до тех пор, пока я хотел этого. Когда я уставал от «приступа», то вспоминал свое имя и удивленно озирался, словно осознавая, что вернулся в тот мир, который на время покинул. Каждый раз, когда я разыгрывал их, это была великая игра».

По словам Гесса — а он не очень пытается скрыть это, — артистический дар, впервые пущенный им в ход во

время заключения в Англии, спас его в Нюрнберге от виселицы. Однажды он признался:

— Во время суда я понял, что моя способность обманывать всех, симулируя приступы амнезии, может помочь мне построить защиту. Я уверен, что если бы не эта артистическая способность, то я бы был приговорен к смерти.

Даже и сейчас Гесс любит сослаться на амнезию. Однажды, когда полковник Смит, американский начальник тюрьмы, зашел в тюремный сад, что делал довольно часто, Гесс осведомился у Функа, кто этот «незнакомец».

— Вы хорошо знаете, кто он такой, — ответил Функ.

Немного спустя Гесс пожаловался фон Шираху:

— Функ пытается сыграть со мной шутку. Говорит, что вон тот мужчина — начальник тюрьмы. Скажите мне правду, кто он?

И далее в том же духе... В конце концов Гесс удалился с сердитым выражением лица. Но и потом, спустя несколько месяцев, во время специального обследования, проводившегося американским военным психиатром, Гесс уверял, что полковник Смит для него «незнакомец».

Однажды утром в тюремном саду, когда у Гесса случился очередной «приступ амнезии», Альберт Шпеер предложил ему прочесть книгу личного врача германского «железного канцлера» Бисмарка.

— А кто такой Бисмарк? — спросил Гесс.

Шпеер, не будучи уверен в искренности своего собеседника, все же объяснил ему, какими деяниями прославился Бисмарк.

В разговор вмешался прислушивавшийся к ним фон Ширах:

— Нет! Нет! Это все не так. Тот Бисмарк, о котором идет речь в этой книге, это человек, придумавший так называемую «бисмарковскую селедку» и заработавший состояние тем, что сделал ее самой популярной маринованной селедкой в Европе.

Шпеер, подмигнув, начал доказывать, что замечание фон Шираха абсолютно справедливо, но Гесс, не терпевший, когда подшучивали над ним (розыгрыш должен был быть направлен против другого), поднялся и, не говоря ни слова, ушел.

Одним чудесным весенним утром того же года, а точнее 13 апреля 1950 года, память вернулась к заместителю фюрера после очередного затянувшегося «улета», и он обратился к Альберту Шпееру с вежливой просьбой проверить его, Гесса, знания по некоторым общим вопросам. Будучи не прочь сыграть роль учителя, Шпеер любезно согласился. Гесс отвечал правильно. Такое же представление он разыграл с фон Ширахом, которому объяснил, что память вернулась к нему накануне ночью, ровно в 11 часов. Заключенным не разрешалось иметь часы, но Гесс не объяснил, как ему удалось установить точное время своего выздоровления!

Из всех семерых заключенных Гесс всегда был самым беспокойным и доставлял больше всех хлопот, а так как он постоянно пытался привлечь к себе внимание и утвердить свой приоритет, то не удивительно, что и наказывали его чаще, чем других товарищей по заключению. В регистрационном журнале Шпандау немало записей о невыполнении им правил, главным образом оскорблениях администрации и неподчинении ей. Когда фрау Гесс не получает очередного письма от мужа, она знает, что он наказан за какой-то проступок, вроде того, что был допущен им однажды утром, когда вошедший в камеру охранник обнаружил, что Гесс все еще лежит на кровати и явно не намерен вставать.

— Ну же, вставайте.

— Не могу, я болен.

Приказ был повторен трижды, но Гесс не сделал никакой попытки подняться и продолжал лежать. В конце концов охранник призвал помощь, заключенного стащили с кровати и бесцеремонно вытолкали из камеры в коридор. О случившемся незамедлительно доложили четырем начальникам тюрьмы, и результатом стал приказ о наказании Гесса за намеренное неподчинение. В течение следующих трех дней из камеры выносили кровать, возвращая ее только после «отбоя», так что заключенный был лишен возможности нормально отдохнуть. Разрешили оставить только деревянный табурет. Чтение было запрещено, а все книги вынесены.

Несколько дней спустя Гесс повторил свое представление и пожаловался, что ему стало хуже, что он не

может встать с кровати, чтобы умыться и сходить на завтрак. После того как доктор объявил об отсутствии каких-либо признаков физического недомогания и Гесс понял, что еду ему никто не принесет, он кое-как добрался до столовой. Тем не менее он продолжал жаловаться и уверять всех, что не мог подняться. Симуляция обошлась ему в 14 дней одиночного заключения с лишением всех книг и письменных принадлежностей.

Гесс со своими периодическими «хворями» доставляет немало хлопот, а его медицинское досье самое пухлое в тюремной картотеке. Конечно, он хронический ипохондрик с манией «природолечения», а его медицинская карта, секреты которой я открою позже, — это случай из психиатрической практики. Как и у многих сложных, противоречивых натур, его моральные воззрения и философские убеждения зависят от времени и обстоятельств. Например, когда Гесс узнал, что в семье одного его друга появился внебрачный ребенок, он преисполнился негодования. Его ханжество и лицемерие в данном вопросе заставили Функа напомнить ему случай, произошедший зимой 1939 года. Тогда заместитель фюрера провозгласил, что готов стать крестным отцом незаконнорожденных детей солдат, убитых на войне.

— Нас не касаются более устарелые, придуманные людьми традиции и моральные принципы, — объявил он. И вот теперь Гесс написал своей жене о согрешивших любовниках и добрачном целомудрии:

«Если мой сын, Воль, сделает то, что сделал этот молодой человек, и произведет на свет ребенка, не поставив меня в известность, так сказать, за моей спиной, и не скажет мне об этом из-за трусости, у него будет чертовски много проблем. Если он, однако, придет и сознается, то я, приняв суровый вид, скажу:

— Ну разве ты не мог немного подождать? Разве ты не мог, согласно традиции, сначала жениться, а потом заводить детей, ты, такой-сякой? Но раз уж это случилось, я требую достойного поведения и безотлагательной свадьбы. Не могу представить, что он не поступил бы так даже с финансовой точки зрения. В чем разница между браком и его отсутствием? Если ответственный за случившееся мужчина финансово не дееспособен, о ребенке должна

позаботиться семья со стороны отца, или семья со стороны матери, или обе. Однако соблазнитель всегда — отец, и он несет основную ответственность. Никто не может требовать, чтобы девушка сопротивлялась мужчине вечно, это против природы, основанной на том, что мужское начало — это активный элемент. Но все же у мужчины доминирует воля. Следовательно, он должен в большей степени владеть собой, чем более эмоциональная женщина. В данном конкретном случае единственное возможное оправдание — это то, что был май и опять-таки это природа. Не зря же статистика свидетельствует, что больше всего людей рождается в феврале.

Что касается репутации юного отца, то в глазах приличных людей она пострадает намного меньше, если он возьмет на себя ответственность за последствия того, что свершилось так стремительно, и не бросит бедняжку».

С того самого дня, как офицеры Британской службы безопасности упрятали Рудольфа Гесса в лондонский Тауэр вместе с его драгоценным предложением мира, он не переставал дивиться чуду своей неудачи. Сейчас, как и 13 лет назад, это остается для него необъяснимым. Возможно, загадка стала даже еще более таинственной, превратившись в манию, нечто всепоглощающее, о чем нужно размышлять, строить догадки, спорить, к чему нужно постоянно мысленно возвращаться.

Из всех неудач и поражений это, как считает Гесс, самое горькое, и его мысли упорно цепляются за него. Ему нужно говорить об этом, говорить без конца с любым в Шпандау, кто готов его слушать.

— Знаете, разговор между друзьями может иногда породить удивительную идею, — говорит Гесс. — Да, такое случалось у меня с профессором Хаусхофером. Я знал его со студенческих времен и бывало посещал его лекции. Впоследствии мы уже не теряли друг друга из виду. Влияние профессора можно обнаружить в «Майн кампф».

В начальные дни войны мы часто вели длинные дискуссии. Хаусхофер говорил о бессмысленности воздушных налетов, и я, будучи человеком семейным, соглашался с ним. Именно тогда он и сказал мне, что уверен в

том, что кое-кто в Великобритании понимает глупость войны и охотно поможет положить ей конец.

Передавая содержание этого разговора, Гесс объясняет, что Хаусхофер упомянул имя герцога Гамильтона и предположил, что этот влиятельный человек обладает здравым смыслом. Похоже, Гесс вспомнил, что встречался с герцогом на каком-то обеде во время Олимпийских игр*. Он также знал, что его друг Хаусхофер, как считалось, обладает даром ясновидения и что во время Первой мировой войны, в которой он был генералом, предчувствие, по его уверениям, не раз ему помогало избежать смерти.

— Именно эта необычайная способность Хаусхофера, — говорит Гесс, — и определила мое решение предпринять полет в Британию. Хаусхофер рассказал мне о трех виденных им снах, в которых я летал на самолете в неизвестном направлении. Это откровение убедило меня в том, что я должен полететь к герцогу Гамильтону, который отведет меня к королю с предложением мира. Я проникся уверенностью в том, что король сумеет избавиться от поджигателей войны и заменит их партией мира.

Для Гесса, воспитанного в условиях тоталитарного правления, не было ничего фантастического в предположении, что британский монарх, вопреки парламенту и конституции, уберет Черчилля и его правительство ради тех, кто желает договориться о мире с Германией.

— С учетом военной ситуации я был убежден, что Британию можно склонить к переговорам, — говорит всем Гесс. — Тем не менее, решая выполнить эту миссию, я вынужден был принять самое трудное в моей жизни решение. Я сознавал, сколь легко можно представить мои мотивы в ложном свете и что меня обязательно обвинят в отсутствии разума.

Я тщательно все спланировал и поделился моей тайной только с адъютантом. Первое, что нужно было сделать, это получить самолет у Вилли Мессершмитта. Он дал его мне, когда я объяснил, что самолет необходим для дальних тренировочных полетов и, возможно, заня-

*Олимпийские игры в Берлине состоялись в 1936 году.

тий спортом. Машину переделали в одноместную и снабдили дополнительными баками. Это дало мне лишних 3 галлона топлива. Из-за погодных условий полет пришлось несколько раз откладывать, пока наконец я не взлетел с мессершмиттовского аэродрома в Аугсбурге. Перед отлетом адъютант взял письма, которые я написал жене, родителям и брату и в одном из которых лежало мое завещание. Там были также письма Гитлеру и Гимmlеру. Фюреру я объяснил причины своего полета и выразил уверенность в способности убедить Британию принять мирные предложения, которые я вез с собой, и начать переговоры с Германией об окончании войны. Я планировал задержаться на пару дней, прежде чем возвратиться в Германию.

Гесс никогда так не оживлялся, как в минуты, когда пересказывал факты своего предприятия. С собой он вез рекомендательное письмо герцогу Гамильтону, данное ему Хаусхофером на случай, что оно может потребоваться для предполагаемой встречи (которую вроде бы одобрил Гитлер) с герцогом в нейтральной стране.

— Геринг командовал люфтваффе, но у него не хватило бы мужества сделать то, что сделал я, и полететь в Шотландию одному, — утверждал Гесс. — Представляя, как мало летной практики было у меня после Первой мировой войны, я считаю, что у меня получилось очень хорошо — это действительно был чудесный полет над Северным морем. Когда я достиг побережья, мне пришлось укрыться за облаками, чтобы избежать встречи со «Спитфайром», но я прошел его на скорости 450 миль в час и пролетел над каким-то небольшим городком южнее Холи-Айл».

Гесс проскочил на бреющем полете над сельской местностью, но когда оказался вблизи Дангавела, шотландского имения герцога Гамильтона, то полетел к западному берегу, чтобы сориентироваться. Повернув еще раз на восток, он проследовал над железной дорогой, затем над дорогой южнее Дангавела и едва избежал катастрофы. Выключив мотор и послав самолет в пике, Гесс выпрыгнул с парашютом и потерял сознание. Ему повезло, что он пришел в себя до приземления. Ударившись о землю, он разбил колено.

Было 10.45 вечера 10 мая 1941 года.

— Я приземлился всего в 10 футах от двери какого-то сельского дома и вскоре уже сидел у огня и пил чай, — вспоминает он. — Немного погодя меня отвезли на машине в Глазго и посадили в камеру и лишь потом доставили в госпиталь из-за полученного ранения. У моей кровати, наблюдая за мной, стояли охранники с примкнутыми штыками. В конце концов мне удалось увидеться с герцогом Гамильтоном, которому я объяснил свою миссию, прежде чем меня забрали.

Гесс был совершенно убежден, что, если Британия не вступит в переговоры, ее ждут полное поражение и гибель, а потому все условия его «знаменитых» мирных предложений указывали на это. Фактически они являлись продолжением тех предложений, которые накануне войны доставил в Лондон агент Геринга. Вот они:

1. Германия получает свободу действий в Европе.

2. Британия имеет право на свободу действий на территории империи, за исключением бывших германских колоний.

3. Территория России должна рассматриваться как часть Азии и как основа конкретных требований к Сталину, которые будут удовлетворены либо путем переговоров, либо с помощью войны.

4. Британия должна уйти из Ирака.

5. Мирное соглашение должно предусматривать взаимную компенсацию британским и немецким националистам, чья собственность была конфискована в результате войны.

6. Эти предложения должны быть направлены британскому правительству, но не тому, которое сформировано мистером Черчиллем, планировавшему войну с 1936 года, и не его коллегам, уступившим политике войны.

В Сюррее, в миле с четвертью к востоку от Фарнборо, есть местечко под названием Митчетт. Это крохотная деревенька, но в ней был госпиталь, и именно в Митчетт отвезли Гесса для встречи с виконтом Саймоном и Айвоном Киркпатриком, приехавшим туда от имени правительства. Лорд Саймон представился неким доктором Гатри, а его спутник из Форин-оффис — доктором Маккензи. Гесс тут же, следуя примеру Гитлера, принялся

разглагольствовать о тяготах, выпавших на долю Германии. Когда его попросили перейти к сути дела, он начал объяснять, что сделает люфтваффе, если его мирные предложения не будут приняты. «Подумайте о рядах детских гробов и плачущих матерях. Фюрер желает предотвратить эту катастрофу, пока еще не поздно».

Министерство иностранных дел отказалось рассматривать инициативы Гесса, отметив, что он ошибся с выбором времени и обратился не по адресу. Гесс также рассказал о намерениях Гитлера в отношении России. Он потребовал, чтобы его поместили в Букингемском дворце, но в итоге ему пришлось довольствоваться лондонским Тауэром. Там Гесс не проявил особого интереса к раздающимся за окном звукам волынки, но нашел Тауэр «пленительным».

— Знаете, что сказал о вас Гитлер? — спросил однажды Шпеер, в очередной раз выслушав воспоминания Гесса.

— Не знаю и знать не хочу, — ответил тот.

Разумеется, он знал, что фюрер объявил его сумасшедшим и запретил какое-либо упоминание его имени в газетах и по радио. Все госпитали, улицы и площади, названные его именем, были переименованы, и даже его партийную карточку изъяли из картотеки рейха.

Тем не менее Гесс по-прежнему с нежностью вспоминал о Гитлере.

— На мою верность фюреру несколько не повлияли меры, принятые им против меня, — говорит он. — Уверен, что Гитлер впоследствии одобрил мои действия, хотя я и не проконсультировался с ним. Моя жена в одном из писем рассказала, что, когда кто-то говорил о моей измене, Гитлер сердился и отвечал, что убежден в чистоте мотивов моего поступка.

Вынося приговор Гессу, Нюрнбергский трибунал заявил следующее: «Гесс нес ответственность за все партийные дела и принимал решения от имени Гитлера. До полета в Великобританию он был ближайшим доверенным лицом Гитлера. Их отношения были таковы, что Гесс безусловно был информирован об агрессивных планах Гитлера и принимал участие в их осуществлении. В своих беседах после прибытия в Англию Гесс всецело поддержал агрессивные действия Германии, лично вы-

ступал за войну против Польши и помогал формулировать законы, направленные на уничтожение евреев и поляков.

Он знал о военных планах Гитлера и никогда не выступал против них».

Сейчас Гесс утверждает, что понял, насколько ошибочной была вся идеология нацизма. Он говорит о том, что нацисты, стремясь уничтожить классовые барьеры, преуспели только в том, что заменили их системой расовой дискриминации, что оказалось еще хуже.

— Но, несмотря на наши ошибки, — обещает он, — Германия возродится во всем своем величии и славе и исполнит предназначение нашей расы.

Многочисленные тайные ячейки нацистов и по сей день лелеют память об ушедшей «славе» Германии. Именно с Гессом, названным бывшим послом Великобритании в Германии сэром Невиллом Хендерсоном, «приемным сыном Гитлера», связывает свои планы возрождения *Der Tag* («День»), подпольное движение в этой стране.

ГЛАВА 4

СХВАТКА ЗА ЖИЗНЬ В КАМЕРЕ СМЕРТИ

Мужчина в белом поварском фартуке вез по коридору тележку с тарелками, подносами, хлебом, маслом и кастрюлями с дымящимся супом. Вполне естественная картина для любой столовой — только тележка катилась по коридорам Шпандау.

Время ланча. Тележка остановилась у двери камеры, и охранник, американец по фамилии Оуэнс, прокричал по-немецки:

— Номер один!

Затем открыл дверь. Высокий блондин, Бальдур фон Ширах, вышел из камеры и шагнул к тележке. Он взял небьющуюся тарелку с кусочками масла, ломоть черного хлеба, немного супа, после чего вернулся в камеру. Щелкнул замок — камера закрылась.

Один за другим заключенные подходили к двери и получали свою порцию. Мясо, овощи — все кладется в супы, чтобы приготовить удобную для подачи и питательную пищу. Рацион питания всегда один и тот же.

Завтрак в 6.45 утра — овсяная каша и молоко; черный кофе и иногда яйцо. В 10 часов дают еще кофе. Ужин чаще всего повторяет завтрак. На ланч — хлеб и суп, потом яблоко — всегда яблоко. Никогда никаких пудингов, никакой добавки.

Узник №6, Вальтер Функ, нервно подходит к двери шаркающей походкой и берет яблоко, после чего возвращается в камеру. Мясо, суп и яблоки на ланч — так будет до конца жизни. Можно представить, каково было Вальтеру Функу, человеку, всегда любившему хорошую еду и вино, Вальтеру Функу, бывшему владельцу сказочно богатого и процветающего поместья, человеку, высоко стоявшему в нацистской иерархии, министру экономики и президенту рейхсбанка. Толстый, круглый, лысеющий маленький Вальтер Функ, журналист, ставший финансовым

гением, проложивший себе путь к богатству и славе — и оказавшийся в Шпандау, — показал Гитлеру, как вести войну без денег. Функ вел переговоры между нацистами и крупнейшими промышленниками, в результате которых в партийную кассу хлынули миллионы. Функ помогал снабжать и экипировать армии Гитлера за счет побежденных и запуганных шантажом соседей, согласившихся принимать германские товары в обмен на поставку жизненно необходимых военных материалов.

В Нюрнберге Вальтер Функ, обвиненный в том, что заполнил сейфы рейхсбанка тоннами золотых зубов, снятых с жертв концлагерей, покаялся:

— Я так ошибался. Я был слишком доверчив.

Сегодня Функ, регулярно игравший для Гитлера на пианино, играет в часовне Шпандау и нуждается в постоянном медицинском внимании и уходе, потому что из всех семерых узников его здоровье — самое худшее. Даже в прежние времена Функ не отличался хорошим здоровьем, но зато всегда знал, как обратить это к собственной выгоде. Если, например, к нему приходил доктор Лей, лидер Трудового фронта, и Функ понимал, что требуются деньги или его подпись, он начинал ныть и стонать, жалуясь на болезни, пока посетитель наконец не говорил:

— Вальтер, у меня разрывается сердце от того, что приходится беспокоить такого больного человека, как ты, — и уходил ни с чем.

Вальтер Функ и сейчас действует так же, но он и впрямь больной человек. Осматривавшему его в Шпандау врачу он сказал:

— Проблемы со здоровьем начались у меня тогда, когда я заразился венерической болезнью в возрасте 13 лет в какой-то низкопробной пивной в Восточной Пруссии. Там мы, школьники, соблазняли официанток.

Женщины, еда и выпивка — по-прежнему излюбленные темы разговора этого старого повесы, заверяющего теперь всех в своей глубокой религиозности и играющего на расстроенной тюремной фисгармонии Баха, Бетховена, Моцарта и Шуберта. Функ рад дать молодым охранникам и своим товарищам по заключению совет в отношении женщин — благо знаний и опыта в этом вопросе у него предостаточно. Он рассказывает им о злых

местах Берлина и поет неприличные песенки, репертуар которых у него, похоже, неиссякаем.

— Какие чудесные вечеринки я бывало устраивал, — вспоминает он, и его толстые чувственные губы расплываются в улыбке. — Приходили все, кто имел вес. У нас были лучшие вина, самое отличное шампанское, все только самое лучшее. Это были настоящие вечеринки, они продолжались всю ночь. Я слишком много ел, слишком много пил и, конечно, имел сколько угодно девочек. Тоже самых лучших. У нас бывали танцовщицы... обнаженные... — Функ смеется, с удовольствием вспоминая прошлое.

— Я всегда умел обращаться с женщинами, — хвастается он перед охранниками. — Француженки, ах! — Он посылает воздушный поцелуй. — Но египтянки! Совершенство!

Теперь Функ жестоко расплачивается за былые грехи. Нервы у него постоянно напряжены: он не переносит шума, яркого света, для облегчения страданий ему требуются частые инъекции морфия и кокаина. Чтобы уснуть, он принимает большую дозу снотворного. Эта жалкая карикатура на человека мучается от периодических, сводящих с ума головных болей и проводит большую часть дней и ночей, когда не может уснуть или найти покоя, ругаясь с охраной на немецком, французском, английском и русском. Как он ненавидит русских! Та, в свою очередь, презирает этого бывшего финансового мошенника больше, чем кого-либо из его товарищей по заключению, и доводит его до бешенства тем, что до буквы исполняет одно из тюремных правил. Согласно ему, охранник должен в качестве меры безопасности регулярно светить фонариком ночью через «глазок» камеры.

Свет бьет Функа по глазам через каждые 15 минут всю ночь. Он бушует, неистовствует и колотит по двери камеры, крича:

— Грязная русская свинья!

Но свет снова вспыхивает через четверть часа. Утром, когда тюремный врач проводит свой ежедневный осмотр, он осведомляется:

— Сколько раз прошлой ночью?

И Функ всегда отвечает:

— 23, 24 раза. Это ужасно. Пожалуйста, помогите. Эти русские свиньи.

Британские, американские и французские военные врачи бессильны изменить эту меру безопасности, принятую по настоянию русских. Этот вопрос постоянно встает на встрече четырех начальников тюрьмы, но русские всегда говорят:

— Таково правило.

Единственный выход — дать Функу побольше снотворного, чтобы он не просыпался. Но иногда это не срабатывает, и однажды случилось неизбежное — нервы у Функа не выдержали.

В ту ночь он в своей привычной манере кричал и жаловался на то, что шум и свет не дают ему уснуть, и дежурный охранник-француз решил войти в его камеру. Врачи предупреждали всех охранников не вмешиваться, если заключенный начинает буйствовать, но в данном случае солдат принял неверное решение: он отпер дверь и вошел.

Функ тут же набросился на опрометчивого посетителя, сбив его своим весом на пол. Затем этот бушующий, визжащий зверь схватил охранника за горло и начал душить. Задышающемуся французу удалось каким-то образом разжать его пальцы, но Функ с силой, свойственной безумцам, поднял беднягу и выбросил из камеры. На помощь ринулись другие охранники. Функа скрутили. Вызванный врач сделал ему укол в руку, и заключенный затих. 6 октября 1952 года Вальтер Функ написал объяснение в своей камере, адресовав его начальникам тюрьмы:

«В течение нескольких лет по особому приказу к маленькому зарешеченному окошку на двери моей камеры прикрепляется листок бумаги, с тем чтобы охранник, заступающий на дежурство, видел, что меня лечили и поэтому меня нельзя беспокоить. Листок прикреплен так, что охранник из коридора может в любое время, когда захочет, просмотреть камеру.

В понедельник, 29 сентября, я очнулся от наркотической анестезии из-за громких голосов, звучавших рядом с окошком в двери моей камеры, через которое проходят все шумы из тюремного коридора. Кто-то также стучал в

дверь. Когда я с величайшим напряжением поднялся, то обнаружил, что листок с приказом исчез. Из-за этого я ужасно разволновался, что является следствием моей болезни. Возбуждение переросло в сильный нервный и сердечный приступ, когда я понял, что в тюремном коридоре смеются над моими ужасными страданиями.

Я, конечно, не мог знать, что за моей дверью находится Herr russische Director, который и спровоцировал инцидент. Тогда со мной и случился сильнейший приступ буйства, подобного которому никогда не было. Американский специалист, диагностировавший у меня 2,5 года назад воспаление нервов, отметил, что в состоянии сильного возбуждения у меня отсутствуют ясность сознания и волевой контроль.

В течение последовавших за инцидентом дней у меня все еще сохраняются нервное расстройство и сердечные приступы. Я прошу защитить мою жизнь, которой угрожают такие инциденты. Я прошу, чтобы после сеансов лечения меня не беспокоили светом или шумом и чтобы в другие ночи постоянное вмешательство в мой сон через освещение камеры прекратилось.

Вальтер Функ».

В 1948 году Функу сделали операцию в тюремном госпитале по поводу грыжи, и на ежемесячной встрече начальников тюрьмы прозвучало предложение дать ему суточный отдых с освобождением от рутинных процедур. Предложение было, однако, единодушно отвергнуто. Решение звучало так: «Ни при каких обстоятельствах не допускать ослабления режима, если только речь не идет об опасности для здоровья».

Но уже в конце лета следующего года Функ стал причиной очень серьезной медицинской проблемы в Шпандау. Из-за болезни, поразившей желчный пузырь и предстательную железу, возникла необходимость каждые десять дней открывать мочевой тракт, и Функу делали инъекции морфия и атропина. Несмотря на эти меры, в ходе лечения Функ дошел до состояния почти полного коллапса. В его медицинской карте есть запись о том, что «болевого порог низок», но состояние коллапса было вызвано страхом, так как лечение не очень болезненное.

Однажды ночью британская охрана, осуществлявшая

надзор за камерами, услышала, как заключенный колотит в дверь и кричит: «Помогите! Помогите!» Чтобы все понять, хватило одного взгляда в камеру. Пол выглядел так, словно на нем резали какое-то животное. У Функа случилось обширное кровотечение.

Срочно вызвали дежурного военного врача, и Функа, предварительно сделав ему укол, перенесли в санитарную палату, где провели переливание крови, воспользовавшись банком из запасов английской армии.

После дальнейшего обследования и консультаций всех четырех врачей было решено, что необходима срочная операция предстательной железы, чтобы спасти жизнь заключенному. Начальник американской медицинской службы в Берлине предложил свои услуги при условии, что пациента переведут в американский военный госпиталь, но это предложение было отвергнуто по причинам безопасности. В конце концов договорились, что операцию в тюрьме осуществит майор Гиншар, главный хирург и уролог французского госпиталя в Рейникендорфе, французском секторе Берлина.

Услышав обо всем этом, жена Функа отправила телеграмму следующего содержания американскому Верховному комиссару в Германии:

«Прошу вас разрешить провести операцию моему мужу в госпитале за пределами тюрьмы, где имеются лучшие хирургические возможности и лучший уход». Но решение уже было принято. Ни Функу, ни какому-либо другому из семерых не разрешалось ни при каких обстоятельствах покидать Шпандау даже на секунду в течение срока их заключения, даже на время, требующееся для операции.

В Шпандау не было операционного стола, и его установили в камере для казни, показавшейся наиболее пригодной для этого. Все необходимое для операции доставили из американского военного госпиталя в Берлине. Определили и дату: 15 октября 1949 года.

Когда Функу сообщили обо всех этих приготовлениях, он совсем упал духом. Плача и трясаясь, он только и смог сказать:

— Я хочу умереть.

Каждый вечер до начала операции Функу, который казался на грани очередного коллапса, давали усиленную

дозу снотворного, а охранники получили приказ не беспокоить его без необходимости. Но еще до того, как попасть на операционный стол, Функу как-то удалось перехитрить врачей, не приняв таблеток. Ему нужно было кое-что сделать. Заметив, что охранники не так бдительны, как всегда, Функ однажды ночью уселся за стол и начал писать на листке со штампом тюрьмы. Как он ухитрился раздобыть его, этого никто не знает, потому что все листки пересчитываются и отмечаются. Вверху Функ написал:

«Мое завещание. Только один параграф.

Я оставляю все, что имею, Луизе Функ, урожденной Шмидт, проживающей в настоящее время в гостхаузе Зойр, Гехенберг. Мое имущество — это дом Бергхоф на холме в районе Кирхбихль и в Бад Тольце и все усадебные постройки, включая пристроенные позднее фермы, которые перечислены. Также оставляю мебель в домах, две страховки «Альянц Ферзихерунг», также компенсационные выплаты по неполученной мною зарплате в «Банк фюр Интернационален Залунгзаузгляйх» в Базеле, Швейцария (она не выплачивалась мне с начала войны).

Завещаю также мои личные ценности, на которые я получил расписку о хранении в Нюрнберге и которая сейчас, вместе с ценностями, находится на хранении в Шпандау. Это: золотое кольцо; наручные часы; золотая заколка для галстука с инициалами «В. Ф.»; две золотые пуговицы.

Написано и подписано перед моей операцией.

Шпандау — 11.10.49.

Вальтер Функ».

Это, до сих пор неопубликованное, завещание Вальтера Функа было, как я могу сообщить, вынесено из тюрьмы тайком. Конечно, оно никем не засвидетельствовано.

Утром 15 октября прибыл хирург, майор Гиншар, в сопровождении ассистента из французского госпиталя. Точнее, это была ассистентка, медсестра — смуглолицая, русоволосая мадемуазель Азильо, приятная женщина лет 30 с лишним. Она стала первой и единственной женщиной, вошедшей в запретный внутренний блок Шпандау. С помощью двух тюремных санитаров, голландцев Буна

и Проста, мадемуазель Азилио совершила последние приготовления к предстоящей операции.

Утром того же дня в тюрьме собрались начальство и врачи. Нервы у всех были, мягко говоря, напряжены. Предстояла первая в Шпандау крупная операция, и если бы она окончилась смертью Функа, можно представить, какие это вызвало бы отклики. Всегда нашлись бы люди, готовые шепнуть «Убийство!», используя в качестве повода тот факт, что операция проводилась не в госпитале, тем более что в задачу тюремного и медицинского персонала входило поддержание здоровья семерки на уровне, обеспечивающем отбытие заключенными полного срока, определенного им в Нюрнберге. Эти сомнения, однако, ничуть не тревожили французского врача. Свое мнение он выразил прямо:

— Эти люди заключенные, и тюремные правила существуют для того, чтобы их выполнять.

Как раз в это время на операционном столе Функ вдохнул эфир, и битва за его жизнь началась. Она шла в камере для казни, а в комнате под ней уже стоял простой деревянный гроб, изготовленный по меркам Вальтера Функа. Наконец все закончилось, и когда Функ спросонок открыл глаза, то увидел сидящую у кровати и наблюдающую за ним медсестру Азилио. Он понял, что лежит в незнакомой комнате, хотя по-прежнему в тюремном блоке, в комнате с белыми стенами, приспособленной под палату для выздоравливающих. Для пациента начались дни кризиса — всего их было 6, — потому что сердце оказалось слабым, а жизнь едва теплилась в его теле. При нем неотлучно находилась сестра Азилио, лишь ненадолго, когда она уходила отдохнуть, ее сменяли мужчины-санитары. Тем временем фрау Луиза Функ получила письмо с тюремным штемпелем, которое гласило:

«Ваш муж прооперирован. Вы можете навестить его в первой половине декабря.

Начальник союзной тюрьмы Шпандау».

С помощью своего «ангела-спасителя», как Функ называл сестру Азилио, он выкарабкался. Утром седьмого дня, когда она ухаживала за ним, он рассказал ей, что видел ночью сон:

— Мне приснилось, что мы с женой посещали моих

умерших родителей. Моя жена была в саду, шла по тропинке к реке, где есть небольшие ступеньки и где всегда привязана лодка, а я был на другой стороне.

Я крикнул, чтобы она переплыла за мной на лодке, и она сделала это очень быстро, потому что у нее живой темперамент. Однако лодка перевернулась. Она упала в воду и скрылась из виду.

Для меня это было ужасное потрясение, и я прыгнул в воду и как-то вытащил ее. И вот она лежала вся мокрая у меня на руках, и мы оба проливали слезы по поводу ее спасения.

Функ спросил, как медсестра интерпретирует его сон.

— Может быть, это означает, что я мог уберечь жену от страшного несчастья, совершив какое-то доброе деяние? А может, я мог спасти ее, если бы выздоровел? Я буду делать все, что смогу, для этого, — добавил он.

Мадемуазель Азильо не смогла дать никакого ответа, но когда жена Функа услышала об этом сне, то объяснила:

— Во сне он пытался донести до меня свое первоначальное намерение умереть или совершить самоубийство, чтобы я, кого он представлял живущей в очень стесненных условиях, выгадала от его смерти за счет очень большой страховки, а также пенсии, на которую имела бы право как вдова высокопоставленного гражданского чиновника.

Но Функ не умер и не совершил самоубийства. Операция оказалась настолько успешной, насколько это было возможно с учетом его общего состояния, но болезнь не вылечили, а только ослабили, и Функу по-прежнему приходилось через каждые несколько дней принимать лекарство от застарелого недуга — задержки мочи. Записи в его медицинской карточке, без преувеличения, пугают: проблемы с сердцем, нервные заболевания и диабет, обнаруженный в 1952 году, когда ему сделали еще одну операцию, на этот раз по поводу аппендицита.

В декабре 1953 года Функа и Эриха Редера информировали о том, что им срочно требуется операция на предстательной железе. Решение было принято после консультации между четырехсторонней медицинской комиссией и комендатурой тюрьмы. Операции наметили на

святки, и майор Гиншар, французский хирург, проводивший Функу предыдущую операцию, был назначен на новую.

И снова Функ решил — на этот раз по согласованию с Редером — заявить официальный протест против намеченных планов под тем предлогом, что операция и лечение должны проводиться не в Шпандау, а в одном из берлинских госпиталей, «для обеспечения возможно наилучших условий для выживания и выздоровления».

Прошение решили передать на рассмотрение четырех правительств. А тем временем поступил приказ отложить операции.

Тогда Функ заявил, что откажется от нее, пока власти не рассмотрят его обращение по поводу незамедлительного освобождения.

«В связи с тем, что судьи в Нюрнберге приговорили меня не к смерти, а к пожизненному заключению, они, очевидно, не желают, чтобы я умер, — заявил в этом обращении Функ. — Однако результатом моего дальнейшего пребывания в тюрьме будет моя смерть».

Однажды ночью в своей камере Функ взял ручку, бумагу и написал:

«Призрачная соната в тюремной камере.

Ночь в Шпандау.

Вальтер Функ.

Мысли грозят задушить меня, и я должен как-то вытолкнуть их из моей души.

Что приходится претерпеть человеческому существу, когда душа распята, а больные нервы не знают покоя, об этом может судить только тот, кто, подобно мне, провел годы в тюрьме.

Тем не менее я думаю, что все они похожи на меня и даже искренне жалеют меня, но есть правила и инструкции обращения с заключенными, которых надзиратели и охранники должны придерживаться. Не раз и не два некоторые пытались облегчить мою участь, но и того, что оставалось, все еще достаточно, чтобы все больше и больше подрывать мое стремление к жизни.

Французские врачи, лечившие меня, делали все, что могли, чтобы унять боль с помощью уколов, но ночной

шум и «адский фейерверк» — освещение камер снаружи и изнутри — лишают меня сна, хотя я и затыкаю ватой уши и закрываю глаза темной тряпкой.

Я просыпаюсь от шума за дверью камеры и, когда включаю свет, уже не могу снова уснуть. Я чувствую себя слепым, о котором говорят: «Он ощущает свет луны на руках и слышит, как падают снежинки». Когда хлопает тяжелая железная дверь у входа в коридор, ведущий к камерам — однажды ночью она хлопнула 28 раз, — у меня так сильно болят глаза, словно в них втыкают ножи.

В инструкции говорится, что каждые 15–30 минут камеры нужно освещать и что надзиратели должны ходить, проверяя, живы ли мы еще. Эти гулкие шаги мы слышим всю ночь через небольшое зарешеченное окно в двери, которое должно оставаться открытым. Мы также слышим разговоры надзирателей, каждый звук усиливается в тюремном коридоре, потому что над нами зияет пустота помещений той части тюрьмы, где когда-то размещались сотни заключенных.

Более здоровые из моих товарищей не так страдают от ночного беспокойства. Только Дениц и фон Ширах часто жалуются на бессонницу из-за света и шума. Как и я, Дениц, мучающийся от ревматических болей, имеет на двери табличку с надписями «Не шуметь» и «Включать свет только по необходимости». Но надзиратели не всегда строго следуют этим медицинским указаниям.

Гесс, иногда страдающий от психических расстройств и острых истерических болей, однажды вынужден был провести две недели в тюремной камере, где из мебели имелся только один стул. Но некоторые начальники действительно пытались смягчить правила и инструкции, особенно американский начальник тюрьмы.

Сейчас 10 часов ночи. Из казармы доносится последний сигнал трубача. Печально, предостерегающе и увлеченно звучит труба. Этот молодой горнист усердно и мучительно практиковался все лето. Сейчас он трубит, как молодой Зигфрид.

Свет в моей камере потушен, но через 15 минут его снова включают. Лучи прожекторов охраны на стенах тюрьмы пробегают по окну и ненадолго задерживаются на стене камеры.

В ночи раздаются команды по смене охраны, но, хотя время ночное, из-за света, проникающего через окошечко в двери камеры, в ней все видно.

Сейчас явятся призраки ночи: стук, скрежет, шаги по коридору — все, играющее роль в странной, призрачной сонате Шпандау.

В ту незабываемую ночь, когда у меня случилось страшное кровотечение, я был в полубессознательном состоянии и чувствовал себя так, словно уже покинул этот мир. Я был сомнамбулой в детском возрасте и привык к необычному, но в ту ночь все было так, словно я совершил путешествие за пределы мира в состоянии полного счастья.

Никто ни молится так страстно, как больной, заключенный в своей камере, и я молился всю ночь.

12 часов — полночь. Сейчас начинается настоящий час призраков. Но моим призракам нелегко, потому что в камере недостаточно темно и недостаточно тихо для них.

Контрольные часы в коридоре бьют полночь — сигнал к смене охраны в тюрьме. Русские сдают дежурство американцам, англичане французам или наоборот. Все это сопровождается разговорами, бряцаньем ключами, лязгом закрываемых тяжелых металлических дверей. Кто-то — то ли из уходящей смены, то ли из новой, или кто-то еще — светит в мою камеру. Затем старший смены, проводящий инспекцию, заглядывает ко мне еще раз.

Слух у меня острый, как у таксы. Я узнаю разных надзирателей. Их около 30. Я узнаю не только их голоса, кашель, свист или мурлыканье, но и их шаги, то, как они садятся, или играют ключами, или швыряют их на стол.

Я принадлежу к тем счастливым или к тем несчастным, которые рождены, чтобы любить. Я не могу ненавидеть. Я не способен ненавидеть ни одно человеческое существо. Ненависть — это всего лишь комплекс неполноценности. Я всегда искал в людях только прекрасное, только доброе, и это стало моей бедой. Вера в людей может стать чумой.

Дни посещений здесь — это самые большие праздники в году. Перед визитом все наши мысли и чувства настроены на этот великий день. Как много нужно ска-

зять, о стольком спросить, но почти все остается несказанным из-за нехватки времени. Такие визиты переполняют взбудораженную душу узника.

Разговор во время посещения идет на огромной скорости, чтобы успеть как можно больше сказать и как можно больше спросить, но воспоминания наскакивают одно на другое и путаются. Иногда память дает сбой, и ты тщетно пытаешься вспомнить имя, которое раньше знал так хорошо.

В такой праздничный день особенно угнетает проводочный барьер между заключенным и посетителем в комнате для встреч. Подобный барьер я видел когда-то в «Аквариуме», где он защищает от ядовитых рептилий.

После операции в октябре 1949 года меня посетил представитель французской Верховной комиссии. Войдя в тюремную больничную палату, он поинтересовался моим здоровьем. Этот чиновник разрешил мне написать письмо жене, сообщить ей об успешной операции. Как я должен быть благодарен за эту выдающуюся операцию великому французскому хирургу! Да, французский врач и отлично подготовленная профессионально заботливая медсестра — это оазис человеческой доброты и культуры в моей пустыне.

Я чувствую себя намного лучше благодаря нескольким годам специального лечения посредством глубоких инъекций в точки центральной нервной системы на голове и спине. Хирургическое лечение пузыря еще продолжится, и мне все еще требуются морфин, атропин и другие уколы. В целом здоровье продолжает улучшаться.

Сейчас я получаю два лекарства весьма интересного эротического (!) характера. Одно приготовлено из яичек быка, другое из последа женщины. Чего здесь только не делают, чтобы я оставался жив!

Я немного вздремнул, и мне приснился неприятный сон. Я вырывал волосы — клоками, — и при этом в действительности я лыс. А потом мне приснилось, что я играю в карты с американцами — с Генеральным прокурором Джексоном и судьей Биддлом. По-моему, мы играли в покер. Я крупно проиграл. Невезение во сне сулит удачу в жизни. Однако я все время говорил «двадцать

два», когда следовало сказать «двадцать один». Почему мне вынесли такой приговор?

Сейчас жуткий крик совы смешивается с ночным концертом призраков Шпандау. Совы, как и соколы, гнездятся на стенах и башнях тюрьмы. Вместе с воронами и грачами они населяют это место. Однажды мы побеспокоили одну из этих ночных птиц, когда убирали коридоры огромного тюремного здания, готовясь к инспекции офицеров, представляющих оккупационные страны.

6 часов утра, и горнист играет подъем. Включается весь свет. В двери камеры заскрипели ключи. Время вставать и умываться. Мне нужно 10 минут, чтобы привести себя в порядок. В голове звенит, саднит в глазах.

Итак, день пришел и — о!»

* * *

Функу не разрешили отправить эти излияния жене. В них содержалось слишком много тем, касаться которых в письмах из Шпандау запрещалось. В ноябре 1949 года узника, проведшего 5 недель в палате для выздоравливающих после сложной операции, сочли пригодным для возвращения в камеру, а доктору Гиншару особым распоряжением разрешили лично продолжать наблюдение за лечением.

За день до возвращения в камеру, к привычной тюремной рутине, Функ, с напускным весельем, рассказывал анекдоты, читал стихи — непечатные — ухаживающим за ним санитарам Буну и Просту и говорил о своем любимом времяпрепровождении — игре в вист. Эта игра доставляет ему столько же удовольствия, сколько и всевозможные небылицы, которыми он потчует всех легковерных. Бывший финансовый советник Гитлера радостно посмеивается, повествуя о том, как он подшутил над Гессом, рассказав ему анекдот, в котором фигурировали он сам и Рихард Штраус, знаменитый композитор.

— Знаете ли вы, — спросил он Гесса, — что однажды вечером Штрауса ждали несколько тысяч слушателей, собравшихся послушать симфонический концерт под его управлением, а он в это время играл в вист с одним

своим другом и со мной. Мы были в вечерних костюмах и сидели в крохотной комнате за сценой, но Штраус не пожелал уйти, пока не доиграли партию до конца. Более того, мы вернулись к игре, как только наступил перерыв

Гесс, всегда легкая добыча для подобных шутников, с изумлением взирал на Функа.

— Знаете, — сказал Функ, трясаясь от смеха, — он совершенно попался. Никакого сомнения. Гесс — живое доказательство того, что безумные, пьяницы и дети находятся под защитой Бога. Когда думаешь о Гессе и о его невероятных поступках, то понимаешь, какие безответственные люди правили когда-то Германией.

Это критическое замечание Функ, конечно, не распространял на себя.

ГЛАВА 5

КОРОЛЬ ШУТОВ ИЗ ШПАНДАУ

Это было необычное судебное заседание — да оно и не могло быть иным, потому что суд заседал в комнате для свиданий тюрьмы Шпандау, и ни заключенного, ни охранников видно не было. Всего присутствовало 10 человек: судья и представитель обвинения, оба американцы, к тому же и выглядевшие как настоящие янки; доктор Ганс Флешнер, известный юрист, выступавший адвокатом на Нюрнбергском процессе, представлявший и теперь сторону защиты; судебный стенографист из комиссии по военным преступлениям и еще переводчик.

Отделенные от этой небольшой группы проволочным барьером, сидели полукругом начальники тюрьмы, все четверо. Суд по военным преступлениям проводил свою сессию, но не было ни скамьи подсудимых, ни подсудимого — только стул для свидетеля. И к этому стулу подошел человек, чьи показания суд желал выслушать. Это был Альберт Шпеер, один из семи узников Шпандау, отбывающий 20-летнее тюремное заключение. Его показания имели огромное значение для суда над еще одним «торговцем смертью» — Фридрихом Фликом*, обвиненным в использовании рабского труда; а так как нерушимые законы Шпандау не разрешали Шпееру посещать заседания в Нюрнберге, суд сам переместился в Шпандау. Гора пришла к Магомету!

Все участники этого импровизированного суда вста-

*Фредерик Флик был приговорен в Нюрнберге в декабре 1947 года как военный преступник к семи годам лишения свободы за использование рабского труда, грабеж, захват имущества в оккупированных странах и пребывание в рядах СС. Он был освобожден в августе 1950 года, и в 1952 году Высший Контрольный комитет разрешил Флику возобновить контроль над частью его промышленной империи. Две из его рурских каменноугольных компаний и один сталелитейный завод с общим капиталом в 25 млн. фунтов стерлингов стали независимыми, т.к. двое сыновей Флика имели контрольный пакет акций в 75% в сталелитейных предприятиях, а Флик-старший получил почти 11 млн. фунтов стерлингов за обе угольные шахты.

ли, когда Шпеер принес клятву, подняв — в соответствии с германским законом — правую руку:

— Я клянусь перед Господом Всеведущим говорить правду, и ничего не упускать, и ничего не убавлять.

Послышался негромкий шорох — 10 человек опустились на грубые деревянные стулья, и заседание началось.

С 10 утра до полудня его расспрашивали о структуре и положении всей системы организации труда в Германии во время войны. Поначалу Шпеер думал, что это всего лишь еще один из бесчисленных допросов, через которые он прошел, когда расследовалась его собственная деятельность, но поняв, что теперь он свидетель на настоящем судебном разбирательстве, изменил свое отношение и стал отвечать на вопросы обвинения и защиты полно и совершенно откровенно, объясняя, как управлялась военная экономика Германии.

Когда в работе суда в 12 часов наступил перерыв, появились два охранника, которые увели Шпеера в камеру. Судью и советника пригласили в соседний конференц-зал как гостей пообедать вместе с четырьмя начальниками тюрьмы. В час дня заседание продолжилось еще на 3 часа, и перекрестный допрос длился весь следующий день.

Когда суд завершил наконец свое дело в Шпандау, адвокат Флешнер, защищавший Шпеера в Нюрнберге, спросил у начальников тюрьмы, может ли он коротко переговорить наедине со своим старым клиентом. Ввиду исключительности обстоятельств жесткое правило Шпандау — «только семья» — было отменено на 15 минут, и Шпеер, ухватившись за нечаянную возможность, поговорил о домашних делах.

— У меня из головы не выходит один важный вопрос, Ганс, — сказал он адвокату. — Меня сможет навестить только один из моих детей. Так как Альберт и Хильда старше других, то вполне естественно — каждый из них чувствует, что должен быть первым и здесь. Я написал жене и попросил ее поговорить с ними об этом. Она знает мою точку зрения.

Явно обеспокоенный, Шпеер продолжал:

— Учитывая все условия и обстоятельства, визит может быть опасен для нас всех. Боюсь, дети могут увидеть

во мне другого человека, не того отца, которого они знают и помнят, и за то короткое время, которое будет в моем распоряжении, я не смогу установить с ними тот контакт, которого мне хотелось бы. И, если уж быть совершенно откровенным, такое посещение — и в этом подлинная причина моих колебаний — слишком меня расстроит. Ничто так сильно не подчеркивает наше несчастье, и его трудно понимать за пределами тюрьмы, как свидание с женой и детьми, выросшими и возмужавшими без отца. Но если двое старших действительно захотят бывать здесь, я покорюсь.

Минуты пролетели быстро, и Альберт Шпеер, уже получивший знак заканчивать разговор, сказал на прощанье:

— Сделайте все, что сможете, чтобы помочь моей жене. Я постоянно боюсь, что такая жизнь добьет ее. Судьба несправедливо распределила между нами бремя. Ей приходится нести одной все наши беды и общие тревоги за детей.

Когда адвокат и бывший клиент попрощались, сказав друг другу «ауфвидерзеен» — рукопожатия были запрещены по соображениям безопасности, — Шпеер добавил:

— Я получил не больше того, что заслужил за свои колоссальные ошибки.

Все у этого человека могучего телосложения, высокого, с большой головой ученого и массивными руками, всегда было внушительным. Ловкий карьерист, подхалимством пробившийся к вершинам власти, Шпеер всегда отличался огромной выдержкой и колоссальной способностью использовать убедительное искусство лести.

Типичный представитель немецкой молодежи из среднего класса, Шпеер увидел свой шанс в 1932-ом и ухватился за него. Нацисты хотели украсить свою новую штаб-квартиру в Берлине. Шпеер получил работу, и то, что он сделал, на все 100% совпало с цветистым вкусом заказчиков. Те пришли в восторг, и так получилось, что с ростом нового движения Шпеер занял место немецкого «общественного декоратора №1». Выставки, съезды, уличные мероприятия — Шпеер занимался всем этим, и его умение добиться внешней эффектности удовлетворяло любовь Гитлера к помпезности.

Приведя свой стиль в соответствие с идеями Гитлера, Шпеер в возрасте 28 лет стал личным советником фюрера по архитектуре.

— Мне дали офис на Унтер-ден-Линден, к которому Гитлер приказал построить переход от рейхсканцелярии, — говорит Шпеер откровенно, как он всегда это делает в Шпандау, рассказывая о собственном взлете и падении. — Гитлер приходил в любое время, чтобы добавить несколько штрихов к моим наброскам новых зданий.

Партнерство Гитлера и Шпеера породило немало гигантских прямоугольных общественных зданий с массивными колоннами у фасада и орлами наверху. Вместе они перестраивали города, и Шпеер сумел упрочить добытые позиции, потому что он знал, как обращаться с Гитлером. Законченный эгоист и неудачливый архитектор, фюрер рьяно воспринял идеи Шпеера, как свои собственные, а у Шпеера хватило ума поощрять такое «заимствование».

Когда главный соперник Шпеера, глава военного строительства Фриц Тодт, погиб в загадочной авиакатастрофе в феврале 1942 г., Гитлер поставил перед Альбертом Шпеером задачу завершить начавшуюся работу по возведению оборонительных укреплений на Западе, против возможных попыток союзников открыть второй фронт. Кроме того, Шпеер был назначен рейхсминистром вооружений и боеприпасов, главнокомандующим трудовой организацией, генеральным инспектором шоссежных дорог, председателем совета по вооружениям, генеральным инспектором по воде и топливу, председателем кабинета по рейхсархитектуре — гигантская работа для человека с колоссальными амбициями.

В последнюю неделю 1943 года ему была дарована последняя «милость». Альберт Шпеер был назван равным таким высшим нацистам, как Геббельс, Гиммлер и Дениц. Вот так незаметный архитектор с большими идеями, производивший секретные ракеты «Фау-1» и «Фау-2» и подводные лодки, заработал себе место среди преступников и камеру в тюрьме Шпандау.

Альберт Шпеер единственный из семерых узников Шпандау, кто безусловно признает свою вину, все еще

работает и строит планы на будущее. На столе в его выкрашенной пастельно-зеленой краской камере, с семейными фотографиями на стенах, всегда лежат угольник, блок для рисования и стопка рисунков и планов.

На то, чтобы выкрасить стены в бледно-зеленый цвет, потребовалось специальное разрешение тюремного начальства. Вся работу Шпеер сделал сам. «Мне бы хотелось покрасить камеру в этот цвет, — объяснял он в своем обращении, потому что он благоприятен для глаз, утомленных годами ночных проверок и теми условиями освещения, с которыми мы вынуждены мириться». Уступка заключенному была согласована с медицинской рекомендацией.

Освещение в камерах долго оставалось большим местом Шпеера и Бальдура фон Шираха. Свет давала одна-единственная лампочка на потолке, защищенная в целях безопасности металлической решеткой. Свет был столь скуден, что почти не давал возможности читать, и Шпеер и фон Ширах жаловались на то, что у них устают глаза.

В ответ на их обращения освещение изменили, перейдя от одной крайности к другой, но заключенные промолчали, не дав властям повода вернуться к прежним условиям.

Во время послеполуденного отдыха и каждый вечер после ужина, до выключения света в 10, Шпеер занимает себя работой, делает рисунки и чертит планы промышленных зданий, многоквартирных и индивидуальных домов, стадионов, улиц и дорог для будущей Германии. Неудобства состоят не столько в отсутствии Гитлера, сколько циркуля (считающегося опасным из-за наличия металлических деталей), поэтому вычерчивать окружности и полуокружности приходится от руки. Когда ему понадобились линейки, он написал одному из своих бывших коллег по профессии и попросил прислать целлулоидные. От других друзей Шпеер получает необходимое количество бумаги, каждый лист которой проверяется на наличие тайнописи до вручения заключенному.

Фрау Анна Мария Кемпф, бывшая одно время секретаршей Шпеера, назвала его гением неаккуратности. Он и сейчас верен себе, но, подобно большинству неаккурат-

ных людей, без особого труда находит любой документ или рисунок, какой бы беспорядок не царил на столе в его камере.

И только на его почерк Шпандау как-то повлияла — он стал намного разборчивее и аккуратнее.

Когда Шпеер заканчивает очередную серию рисунков и планов, их забирают и складывают в особый шкаф в одном из административных кабинетов.

— Я должен продолжать работать и хранить идеи, пока мой мозг еще способен трудиться, — говорит Шпеер, — для того, чтобы заработать что-то для семьи, когда я выйду. Лучше всего для нас будет поехать в Америку, там сейчас деньги.

А пока в тюремном шкафу лежат архитектурные замыслы Альберта Шпеера, которые останутся там до тех пор, пока он не отбудет наказания, вынесенного в Нюрнберге за «преступления против человечества, включая плохое обращение и использование людей для принудительного труда в ходе агрессивной войны».

Для тюремного персонала Шпеер был не только самым умным, самым выдающимся из семи заключенных, но и, так сказать, «королем шутов». Всегда готовый пошутить, он стремился найти что-нибудь забавное в каждой ситуации. Когда дежурный начальник тюрьмы совершает свой обычный утренний обход, заходя по очереди во все камеры, Шпееру предоставляется возможность «пообщаться». Как только гость входит, Шпеер встает и низким голосом, очень медленно и отчетливо произносит:

— Пожалуйста в мой кабинет. Присядьте. Извините, что не могу предложить виски с содовой. Что я могу сделать для вас сегодня, дружище? — Никто, конечно, не садится в ответ на его приглашение, но это ничуть не обескураживает Шпеера.

Когда ему дали армейские очки, чтобы было легче работать, он прочел на коробочке инструкцию, как носить их с респиратором, и тут же подозвал охранника, требуя респиратор для своих очков. Его настойчивость настолько привела в замешательство охранника, что тот почти поверил в необходимость доукомплектования очков респиратором.

Однажды вечером главный юморист Шпандау уселся за стол, раскурил трубку и начал писать письмо семье, характеризуя свою повседневную жизнь:

«Дорогая мама,

после вкусного и плотного ужина я раскурил мою большую трубку и, глядя в сизые облака дыма, думаю о том, что бы мне написать. Во-первых, я хочу рассказать тебе кое о чем, что ободрит вас всех и твердо убедит в том, что я здоров. А так как физически я в полном порядке, то все мое существование сводится к нескольким простым пунктам.

Сон: он приходит часто, особенно долгим бывает по воскресеньям. Вот почему сегодня я проспал 4 часа. Но не беспокойся, вечером я снова усну. Сон — это определенно самая разумная деятельность в тюрьме, и мне только жаль, что я не могу залечь в спячку на зиму, как медведь. Многие говорят, что у меня есть что-то от животного.

Сад: мой скалистый сад доставляет мне огромное удовольствие, потому что он сейчас весь в цвету. Там единственный гладиолус, но, кроме него, я выращиваю несколько чудных растений и цветов. Жаль, что этот сад нельзя собрать и отправить к нам домой в Гейдельберг. Весной я сообщу вам названия некоторых цветов, которые вы должны приобрести для вашего сада, чтобы у вас тоже росло что-нибудь «превосходное». Я также выполняю свою долю работы в саду — особенно под ореховым кустом. Дети, наверное, наострят сейчас уши.

Питание: к несчастью, надо мною нависла опасность отпустить животик; если сказать по правде, он уже явно проступает, и мне снова придется столкнуться со старой проблемой веса. И кстати, мама, мне надо признаться кое в чем, раз уж речь зашла об этом. Дома я часто сбивал наши старые весы. Мне удавалось сделать так, что я весил больше, чем было на самом деле. Это всегда приводило тебя в хорошее настроение, что было особенно необходимо, когда ты получала сообщение от моего учителя. В данный момент здесь управляют англичане, поэтому у меня на столе знакомые соленья, томатный кетчуп и английская горчица.

Чтение: за последние недели я прочел значительно

меньше, чем обычно, так как был несколько перегружен различными работами. Тем не менее я нашел хемингуэевский «По ком звонит колокол» интересным и читаю его на английском. После еды я всегда беру роман, прежде чем обратиться к изучению более серьезной литературы, что тоже считаю своим долгом. Однако самые прекрасные — это те примерно полчаса, когда перед тем, как уснуть, я представляю вас всех дома».

Отличаясь душевной крепостью и чувством юмора, Шпеер тем не менее всегда с уважением относился к тюремной охране, что неизменно вызывало подозрения у остальных шестерых. Его отношение к охране совершенно ошибочно воспринимается как желание пресмыкаться и унижаться перед властями в надежде на снисходительное обращение. Совсем недавно Функ даже обвинил его в том, что он стал информатором у русских. Это, конечно, неправда.

Но под внешней бравадой скрывается реальный человек, объединивший германскую военную индустрию, правивший миллионами рабов, которых заставил работать на войну. Иногда, когда одиночество становится невыносимым, маска соскальзывает с лица, и Альберт Шпеер в отчаянии обращается к одному из своих товарищей:

— Возможно ли, что они выпустят нас до срока? Жизнь здесь становится бесконечной agonией.

Именно Шпеер был первым, кто презрел запрет на разговоры и стал свободно обращаться как к другим заключенным, так и к охране. Его не испугали ни неоднократные предупреждения, ни угрозы наказания. Дело в том, что запрет этот не нравился и тюремному штату, а потому его в конце концов отменили.

Иногда, как это случилось осенью 1952 года, жалоба Шпеера возвращается к нему подобно бумерангу. Во время обыска в камере, проводившегося англичанами, охрана принялась изучать его бумаги, и обычное самообладание покинуло Шпеера. Он принялся презрительно критиковать тюремщиков за «незаконное вторжение в его личную жизнь». Для человека, имевшего в Шпандау репутацию шутника, это было нечто странное, и в нака-

зание за непослушание и дерзость его подвергли заключению в своей камере на 7 дней.

Именно Шпеер, когда Гесс совершит какое-нибудь нарушение, например, оскорбит охранника, всегда приходит ему на помощь и защищает его.

У него свое представление о заместителе фюрера и его физических недугах.

— Страшно, что это те самые колики, — объясняет Шпеер, — от которых так же страдал и Гитлер, особенно, когда осенью 1944 года ход войны изменился к худшему. Гитлер консультировался то у одного врача, то у другого, неоднократно жалуясь на потерю голоса и желудочные колики. Несомненно, что и Гитлер, и Гесс подпадают под одну психиатрическую категорию.

Шпеер не знал, что позднее причина расстройства у Гитлера в указанный период была установлена. Оказалось, что его личный врач ежедневно прописывал ему сверхдозу лекарства, в состав которого входили стрихнин и белладонна. Результатом стало состояние хронического отравления, из-за чего боли только усилились.

Будучи по сути «одиноким волком», предпочитающим оставаться в компании с самим собой, Шпеер тем не менее легко общается с другими, хотя с Бальдуrom фон Ширахом они не ладят. Когда его спросили о причинах такой враждебности, Шпеер сказал:

— Ссоры случаются и в самых лучших семействах. — Этим он, разумеется, остроумно указал на постоянные разногласия между четырьмя начальниками тюрьмы.

Прямота — это качество, которое Шпееру следовало бы развить еще в начале карьеры, и он сам это прекрасно осознает.

— Мне нужно было бы давным-давно высказать Гитлеру свое мнение, — признался он в одном разговоре уже в тюрьме. — Когда я очнулся и понял, что он уничтожает будущее страны, мне надо было дать этому ублюдку под зад или убить его. Но ни того, ни другого я не сделал.

Прошлое напомнило о себе, и Шпеер умолк, лишь подрагивание кустистых бровей да раздражающая привычка кусать ногти, тщательно взвешивая каждое слово, выдавали внутреннюю муку человека, потерпевшего по-

ражение и остро осознающего, как и почему он оказался на дне. Почти мечтательно он продолжал:

— Это, возможно, трудно понять, но Гитлер действительно был почти гипнотической личностью и мастером убеждения, хотя это вовсе не оправдание для таких преступников, как я и другие. После Первой мировой войны человек, подобный Гитлеру, должен был неизбежно подняться в Германии. Условия созрели, страна была готова к такому человеку, и именно этот безумец смог определить судьбу нации. Я не оправдываюсь. Как министр национал-социалистского правительства я признаю ответственность за всю его политику. Даже при авторитарном режиме полной ответственности избежать нельзя.

Явно неравнодушный к этой теме, Шпеер продолжал:

— Гитлер сыграл в старую игру «разделяй и властвуй» и уже к 1937 году начал планировать будущую войну. Фюрер всегда утверждал, что такие категории, как «правильно» и «неправильно», не входят в военные расчеты, где важна только победа. Он был неискоренимым «оптимистом», настолько уверенным в себе, что в 1941-ом, не сомневаясь в скором прекращении сопротивления немецким армиям в России и близкой победе, решил поставить авиационную промышленность в преимущественное перед всеми положение ввиду своих планов осуществить нападение на Британию весной следующего года. Приказ был выполнен и не отменялся до января 1942-го; к тому времени материальные резервы армии оказались почти исчерпаны. По мере того, как одно поражение следовало за другим, с головой у фюрера становилось все хуже. Даже его почерк стал походить на почерк старика.

Однажды Дениц спросил Шпеера, почему тот не исполнил приказ фюрера о проведении политики «выжженной земли», когда над Германией нависла угроза поражения. Шпеер ответил:

— Потому что для страны достаточно и одного маньяка. После гибели моего брата под Сталинградом я сильнее, чем когда-либо, чувствовал, что мой долг — вести борьбу до конца, хотя уже знал, что война проиграна. 30 января 1945 года я послал Гитлеру подробный доклад, предлагая предпринять все усилия, чтобы остановить

военные действия, потому что военная промышленность лежала практически в руинах и больше не могла функционировать.

Зная достаточно хорошо, что политики не передадут мой доклад военным в штаб-квартиру фюрера, я отправил несколько копий доклада высшим генералам. Его они отвергли, и вот тогда я понял, что должен уничтожить Гитлера, пока он не довел разрушение Германии до конца. Прошлое словно ударило меня в лицо, и до меня дошло, как я ошибался все эти годы.

Когда Гитлер послал за мной, я уже догадывался, о чем пойдет речь. Он был вне себя от ярости, обвинил меня в распространении идеи пораженчества и приказал публично заявить, что война не проиграна. Я не купился на это, и тогда он посмотрел на меня и сказал:

— Даю вам 24 часа, чтобы вы пересмотрели свое решение. Говорить о поражении — измена, и я пока еще знаю, как поступать с предателями. — Он сердито посмотрел на меня, но в тот раз это не произвело нужного впечатления, и я остался при своем мнении. Ему пришлось меня выслушать, и он кивнул, когда я несколько раз повторил, что, какие бы различия между нами не были, он может положиться на то, что я продолжу выполнять свои обязанности. Он принял это, и тот ультиматум, на котором он настаивал вначале, был успешно забыт.

Нельзя отрицать того, что Шпеер действительно воспротивился исполнению приказа Гитлера об уничтожении предприятий германской промышленности, сказав фюреру, что его требования — это требования безумца.

— Я избежал его гнева, — говорит Шпеер, — только потому, что он знал — хотя и не желал этого признать, — что война окончательно проиграна. Осенью 1944 года мы произвели два новых отравляющих газа, которые назвали «Табун» и «Зарин», и их применение могло дать ужасающие результаты. Никакой противогаз, никакая другая защита не могли противостоять им, и три завода уже работали в полную силу. Геббельс и Лей пытались убедить Гитлера применить их, но среди нас были такие, в том числе и армейские генералы, кто выступил против газовой войны. Приблизительно тогда же я решил убить Гитлера.

По словам Шпеера, ликвидацию фюрера предполагалось осуществить с помощью газа, пущенного через систему кондиционирования подземного бункера, который он занимал в Берлине и в котором провел последние дни своей жизни. План пришлось отменить, когда вокруг вентиляционной трубы построили защитную трубу, а другой возможности не представилось.

Таков рассказ Шпеера, и он придерживается его, но даже его близкие друзья относятся к этой истории скептически.

В Нюрнберге адвокат, выступая за смягчение обвинений, выдвинутых против него трибуналом, заявил:

— Он был одним из немногих людей, кто имел смелость сказать Гитлеру, что война проиграна.

На суде Альберт Шпеер не пытался защититься или убедить судей в том, что он ни в чем не виноват или не знал о чудовищных преступлениях. Он признал свою вину, как признал и неумолимость Правосудия. В тот час Шпеер стал реалистом... но было слишком поздно.

ГЛАВА 6

САМЫЙ БОГАТЫЙ ЧЕЛОВЕК ШПАНДАУ

«Моя вина в том, что я воспитывал молодежь для человека, совершившего множество преступлений; я несу вину за молодежь, возвращенную на антисемитизме при антисемитских законах; и я беру на себя ответственность за насильственно угнанных с оккупированных восточных территорий от 40 до 50 тысяч детей в возрасте от 10 до 14 лет и их доставку в Германию для отбытия повинности в трудовых лагерях и вооруженных силах».

Таково было нюрнбергское признание Бальдура фон Шираха, вождя «Гитлерюгенд», бывшего правителя Австрии, человека, ответственного за растление умов целого поколения детей.

Фон Ширах, самый молодой из нацистских лидеров на скамье подсудимых и горячий сторонник доктрины «чистоты арийской расы», настаивал на том, что он «продукт бойскаутского движения». 10 миллионов немецких детей видели в нем своего руководителя и наставника. За это поклонение он отплатил им тем, что развратил их умы нацистской ненавистью, а когда они повзрослели, отправил на смертную битву за миф о расе господ.

Он пытался избавиться от части вины, но правосудие не поддалось на обман, и Бальдур фон Ширах был отправлен в Шпандау на 20 лет.

— Я удивлен такой развязкой, — сказал он по прибытии в тюрьму. — Думал, что меня собираются повесить.

На столе его всегда опрятной и чистой камеры стоят фотографии дочери и трех сыновей, но нет фотографии матери его детей. Подобно миллионам введенных в заблуждение юношей и девушек, она тоже стала жертвой его идей, но ей повезло больше, чем им. Генриетта фон Ширах развелась со своим мужем в октябре 1950 года.

В 1948 году Бальдур фон Ширах тайком отправил из

тюрьмы клочок бумаги с посланием своей жене. В нем говорилось:

«Мы не осознавали, как нам повезло. Теперь все уничтожено. Когда появляется шанс, ему угрожает опасность. Только реальность останется неизменной. И хотя она никогда не вернется, огромная удача, бывшая с нами, останется нашей судьбой».

Всегда одно и то же — записки и письма, полные философской и идеалистической болтовни, зачастую противоречивой, но ни слова молодой жене о воспитании детей, финансовой поддержке.

18 августа 1950 года Бальдуру фон Шираху вручили письмо. Он сидел в камере и читал его, словно слушая голос жены:

«Спрашивал ли ты себя когда-нибудь, как нам удастся выжить? Было ли хоть раз так, чтобы ты, сидя в своей камере, вместо изучения философии, латыни, французского, вместо сочинения стихов и размышлений о том, как исправить наше положение в истории, как ты это называешь, действительно посмотрел в глаза реальности и поинтересовался, откуда возьмется еда для твоей жены и твоих детей?»

Ты изолировал себя от всего и от всех, ты витаешь в облаках, как было почти всегда со дня нашей свадьбы. По прошествии лет я лучше, чем когда-либо, осознала, что твои идеалистические идеи и мечты все дальше и дальше уносят тебя от меня и детей.

Помнишь тот день 1943 года, когда я пришла в Берхтесгаден после посещения моих друзей в Амстердаме и принесла журнал «Лайф», который я купила на обратном пути через Лиссабон? Я показала его Гитлеру, который, как ты знаешь, почти никогда не видел заграничных публикаций. Я указала ему на статью в журнале о войне и ее бесчеловечности. Ты помнишь, что случилось? В это время ты был в комнате. Гитлер взорвался и сказал: «Вы должны научиться ненавидеть, все вы. Вы слишком сентиментальны».

Я видела, что мое присутствие раздражает фюрера, и когда уже собралась уходить, Мартин Борман, желая успокоить Гитлера, поставил пластинку. Я дошла до лестницы и услышала звуки вагнеровской «Гибели богов».

Совершенно внезапно я поняла, что те, чье общество я только что покинула, и ты среди них, обречены.

Позже, когда ты пришел ко мне, я рассказала о своем предчувствии и о том, что я думаю. Ты назвал меня дурочкой, которая не понимает, что сегодняшний мир — это мир мужчин, крепких мужчин. Я всегда была дурой. Я никогда ничего не понимала.

Потом, когда гитлеровская Германия уже рушилась вокруг нас, я ожидала, что ты попросишь принять яд вместе с тобой, как сделал Геббельс со своей женой и детьми. Наш лучший друг, Колин Росс [американский писатель, приехавший во время войны в Германию работать на нацистов]*, сказал: «Я совершил ошибку и теперь должен отвечать за последствия». Потом он выкопал себе могилу в нашем саду в Урфельде и застрелился в гостиной.

Я похоронила его сама, завернув в брезент его любимой палатки. Тогда я готова была встретить смерть вместе с тобой. Ты ответил: «Я не могу совершить самоубийство. Сначала мне надо прояснить мое место в истории и значение моей работы».

Как всегда, ты не желал смотреть фактам в лицо. Прими я тогда яд, это избавило бы меня от невыразимых страданий в борьбе за жизнь свою и детей. Я уже столько раз выражала тебе свои чувства, но ты всегда предпочитал игнорировать их как неприятные для тебя».

Но в тот день Бальдуру фон Шираху все же пришлось посмотреть в лицо действительности. Генриетта закончила свое письмо словами, более похожими на постскриптум: «Я немедленно развожусь с тобой».

Таковой оказалась реальность. Фон Ширах не ответил на это письмо и никогда больше не писал своей жене.

В последующие дни, работая в тюрьме или в саду, он почти ни с кем не разговаривал. Однажды утром в его камеру с обычной проверкой вошел дежурный офицер.

— Жалобы есть? — привычно спросил он.

*Комитет Мартина Диаса, расследовавший антиамериканскую деятельность еще до начала войны, в декабре 1939 года выдвинул обвинение, что Колин Росс, действительно родившийся в Германии, был ловким интриганом, чья деятельность «целиком подпадает под категорию шпионажа». Комитет решил, что нога этого человека никогда более не должна ступать на землю Америки.

— Все в порядке, и в то же время все не так, — ответил фон Ширах.

— Что вы имеете в виду?

— У меня расстроены нервы и ужасно болит голова. Думаю, все дело в письме, которое я получил от жены. Она собирается развестись со мной. Теперь все прошло, все кончено.

Тюремный цензор уже рассказал офицеру о домашней катастрофе фон Шираха.

— Я позабочусь, чтобы вам дали что-нибудь от мигрени, — сказал он.

— Спасибо, но мне нужны не таблетки, — твердо отказался фон Ширах, говоривший на английском безукоризненно и без малейшего акцента. — Гораздо нужнее будет цианид. Мои друзья и семья позаботятся, чтобы вам хорошо заплатили, авансом, если вы поможете мне раздобыть ампулу.

— Не будьте идиотом. Моя работа заключается в том, чтобы вы жили, а не убили себя. Таблетки будут полезнее. Они дадут вам время свыкнуться с мыслью о том, что вы теряете жену, — ответил офицер, выходя из камеры.

Фон Ширах получил таблетки, но не цианид. Тем не менее мысль о смерти осталась на какое-то время в его планах, а однажды, когда заключенные изготавливали конверты и бумажные пакеты, получила новое звучание.

На стульях вокруг деревянного стола во внутреннем тюремном блоке сидели семеро поверженных нацистских богов: Гесс, Нейрат, Редер, Функ, Шпеер, Дениц и Ширах. Час за часом они брали нарезанные листы бумаги, соединяли узлы, намазывали клеем края и складывали готовые пакеты и конверты в растущую стопу.

Каждому по очереди разрешалось почитать вслух другим ради разнообразия, но как только охранники чуть ослабляли проявление строгости — и они знали, что такое скука, — заключенные тут же спешили воспользоваться ситуацией. Когда очередь читать дошла до фон Шираха, он, отложив книгу, сказал, не обращаясь ни к кому в отдельности:

— Меня всегда изумляло, как Геринг, находившийся в заключении в Нюрнберге вместе с нами, ухитрился

раздобыть, а потом спрятать ампулу, с помощью которой и покончил с собой.

Первую версию предложил бывший гросс-адмирал Дениц:

— После его смерти я вспомнил те дни, когда меня вместе с Герингом водили в душевую, и я заметил, какой огромный, со складками жира у него живот. Когда вспомнишь об этом, то понимаешь, что было совсем не трудно сунуть капсулу с ядом между этими складками.

Вальтер Функ тоже полагал, что, по всей вероятности, Геринг прятал цианид где-то на теле, потому что было легко заметить, что всегда опасался перспективы перевода из тюрьмы, когда пришлось бы оставить в камере все свои вещи.

Упоминание Функом о вещах Геринга натолкнуло Деница на новую мысль.

— Теперь, когда я думаю об этом, — сказал он, — то нахожу, что самой ценной — или так по крайней мере казалось — из всех принадлежностей была его длинная трубка, которую он никогда не терял из виду, даже во время помывки.

— Совершенно верно, — вмешался фон Ширах, — нельзя было не заметить, как он всегда присматривал за ней. Что его беспокоило и о чем он не раз говорил мне, это то, что приговоренные к смерти узнают о своем конце только тогда, когда их будят ночью, дают другую одежду и приказывают сдать все личные вещи.

Дениц вспомнил, что Геринг и ему досаждал подобной проблемой, но последнее слово в этом разговоре принадлежало Константину фон Нейрату.

— Та любимая трубка Германа, возможно, и есть ответ на все вопросы, — предположил он. — Если помните, когда обнаружилось, что Герман совершил самоубийство, она лежала на полу, разломленная пополам.

После работы в камеру вернулся уже другой, задумчивый фон Ширах. Тюремным табаком из коробки он набил трубку, раскурил ее и задумался о загадке смерти Геринга.

Через несколько недель после убийственного письма от жены фон Ширах получил тюбик своей любимой

зубной пасты, пронесенной тайком одним стоворчивым охранником. Насколько известно, в нем могла быть записка или даже ампула с ядом.

Но все разговоры о цианиде прекратились после визита в Шпандау его шурина, Генриха Гофмана, сына личного фотографа Гитлера, пришедшего обсудить с фон Ширахом процедуру развода.

Молодой Генрих Гофман объяснил, что его сестра, обратившись за разводом, вероятно, получит опеку над детьми. Услышав это, фон Ширах ответил:

— Я бы хотел, Генрих, каким-то образом иметь опекунство. Мне сказали, что законных прав у меня на это нет, но мы тем не менее должны заявить, что только при этом согласимся с любым судебным решением в отношении родительских прав. Необходимо каким-то образом отстоять наши интересы, которые для меня всегда совпадали с интересами моих детей.

— Не беспокойся, Бальдур, — сказал Гофман, — в жизни есть многое другое, что станет тебе компенсацией. — Свидание закончилось, фон Ширах вернулся в камеру, к своим философским изысканиям, поэзии и мечтам.

По предложению шурина он послал в суд письмо, состоявшее только из трех предложений. Вот они:

«Я не имею ничего против развода. Желаю ей всего самого лучшего. Она должна знать, что ей делать в этой ситуации».

Это краткое заявление было принято мюнхенским судом как письменное показание под присягой со стороны Бальдура фон Шираха. Хотя и не засвидетельствованное, оно было в данных обстоятельствах сочтено достаточным для предоставления развода по взаимному согласию. Такая форма развода была в Германии в это время наиболее легкой и самой частой.

В октябре 1950 года брак между женщиной, которая в детстве росла с Гитлером и любимым протезе фюрера, был расторгнут. Ни Генриетта фон Ширах, ни Генрих Гофман, ни кто-либо другой, связанный с семьей, не получил опеки над детьми. Ввиду отсутствия должным образом заверенных документов от отца, что было невозможно из-за тюремных установлений, дети попали под опеку баварского суда.

Но судьба не перестала сыпать соль на раны Бальдура фон Шираха, человека, в свое время загубившего жизни сотен тысяч людей.

Ровно через 5 лет после прибытия в Шпандау — в 1952 году — ему вручили письмо, которое сухим юридическим языком извещало, что он и его сестра Розалинда стали единственными наследниками крупного семейного состояния, вложенного большей частью в американские ценные бумаги.

Это было равносильно тому, чтобы предложить трупу насладиться шампанским и икрой, и Бальдур фон Ширах, сын американки и прусского аристократа, должно быть, понял после этого лицемерного удара судьбы, что нет человека беднее, чем он. При всем его богатстве в действительности у него не было ничего.

У Альберта Розенберга фон Ширах позаимствовал напыщенные и пустые цитаты, провозглашавшие расовую чистоту нацистов, хотя сам не мог похвастать ею. Его мать, Эмма Мидлтон Линар Тиллу, была дочерью Тиллу, нью-йоркского юриста-промышленника, дальнего потомка гугенотов. Отец Бальдура, Карл Бенедикт фон Ширах, был сыном майора американской армии и Элизабет Болли Норрис, родом из Филадельфии. Карл стал театральным импресарио, но, судя по всем отзывам, очень расточительным, и считал утомительным любое упоминание о денежных делах. Тем не менее он долго проматывал деньги своей жены, дотянув их до смерти в 1939 году. Незадолго до этого госпожа фон Ширах погибла в авиакатастрофе.

Состояние, унаследованное Бальдуром фон Ширахом и его сестрой, пришло по женской линии через филадельфийскую «Норрис локомотив компани» и другие фирмы. Оно возросло за счет акций и денежных вкладов дедушки Тиллу. Все состояние оказалось под контролем американских властей, но будет возрастать за счет процентов ежегодно до того дня, когда Бальдур фон Ширах покинет Шпандау и востребует свою долю.

Когда Генриетта услышала о неожиданном богатстве, свалившемся на ее мужа, она впервые после того письма, в котором уведомила его о своем намерении развестись, написала в Шпандау. Генриетта просила письменного

разрешения на то, чтобы получить часть денег, которые помогли бы ей растить детей. Бальдур ответил через шурина откровенным отказом.

Немного погодя 19-летняя Анжелика фон Ширах нанесла второй, инициированный матерью, визит в Шпандау, чтобы попросить отца подписать необходимое разрешение. Девушка вернулась домой с пустыми руками.

Своему шурина фон Ширах в разговоре признался:

— Мой отказ вызван подозрением, что Генриетта может попытаться завладеть деньгами ради своих нужд.

— Как всегда, он даже не подумал, что я пекусь единственно о благополучии детей, — сердито ответила Генриетта брату, когда тот передал ей их разговор. — Он знает, что ты и Розалинда помогаете покрывать расходы на учебу и воспитание детей, но мне заранее следовало бы знать его ответ и не просить. Его слова типичны для людей с подобным родом мышления.

Итак, Бальдур фон Ширах, самый богатый человек в Шпандау, держит свое не востребованное богатство нетронутым. Возможно, что самое ценное его достояние, более значительное, чем деньги, которые он не в состоянии потратить, получено им 1 декабря 1948 года, когда ему и его товарищам по заключению сообщили, что правило молчания отменено и они могут теперь разговаривать друг с другом за работой. Более всего другого, более даже мундира, к ношению которого он питает страсть, Бальдур фон Ширах любит разговаривать, хотя семерке не разрешена подобная свобода, когда тюрьмой управляют русские:

Высокий, хорошо сложенный, Бальдур, всегда старающийся скрыть природную женственность за воинской выправкой, в дни относительной свободы не мог наговориться и наспориться.

— Каждый мальчик, погибающий на фронте, погибает за Моцарта, — любил говаривать он. Другой образец его причудливого красноречия — «Вену нельзя завоевать штыками, только музыкой».

Даже в тот день, когда в июне 1945 года он сдался американцам, ему хотелось говорить с молодежью Германии и со всем миром, передать им свои свежие идеи о том, что произошло и чему суждено случиться. Об обще-

нии с миром теперь нет и речи, но Бальдур фон Ширах все еще говорит обо всем и обо всех — за исключением жены.

О Гитлере он говорит:

— Я верил, что служу фюреру, который сделает народ и молодежь счастливыми и великими, но был сумасшедшим, что влез в политику. Я был рожден для искусства.

О будущем:

— Я рассчитываю выйти из Шпандау примерно в 1966-ом, и здоровый мужчина в 60 еще может получить от жизни многое.

О Шпеере:

— Мы не ладим, потому что он такой человек, который не ценит искусства. Он не ценит даже хорошую музыку.

Это, конечно, не так. Шпееру очень нравится опера и серьезная музыка. Есть, однако, то, что объединяет фон Шираха и Шпеера. Это их интерес к Гессу. Оба защищают его, когда у того неприятности, а неприятности у него всегда, и оба любят говорить о нем.

Однажды вечером, когда Гесс отказался взять с подноса свой ужин, крича: «Вы хотите отравить меня! Я не стану это есть! — фон Ширах едва сдержался до прихода к месту инцидента начальника охраны, пытаюсь затем объяснить ему причину вспышки заместителя фюрера.

— Гесс со своей манией отравления, — уверяет фон Ширах, — может свести кого угодно с ума. Помню, однажды в Нюрнберге он посоветовал мне не есть бисквиты, которые нам давали, потому что, как ему казалось, в них подмешан наркотик. Как-то в саду, когда у него случились его обычные «колики», Гесс сказал мне: «Я знаю, что кто-то пытается отравить мою пищу. Вы уверены, что на кухне не работают евреи? Возможно, кто-то из них работает по поручению международного еврейства и подкладывает мне яд по его указаниям!» Хотя мы все уверяли его, что в Шпандау нет никаких евреев, наш ответ не удовлетворял его. «Как вы можете это знать, когда в тюрьме столько иностранцев?» — спрашивал он.

Фон Ширах вспоминает, что Гесс однажды осведомился, действительно ли овощи, которые едят заключенные, выращены на искусственных удобрениях. Он даже

заставлял зеленщика доставлять овощи, выращенные на земле, удобренной навозом — это единственный надежный способ питания, уверял Гесс.

Другому офицеру Ширах так объяснял причины полета Гесса в Британию:

— Он всегда был большим мечтателем. Поклонялся Гитлеру, и это обожание было взаимным. И действительно, чтобы найти одного, надо было поискать другого. Однако под давлением военных проблем в ходе войны Гесс все далее и далее отодвигался от Гитлера, а более близкие к фюреру места занимали генералы. Это его ужасно огорчало. Он чувствовал, что его господин и повелитель не нуждается в нем больше. Именно это побудило его задуматься о возможности совершения для фюрера чего-то грандиозного, чего-то, что вернуло бы ему прежнее место рядом с Адольфом. А что с большей вероятностью могло обеспечить блестящий успех, если не полет в Британию с миссией чрезвычайного посла, поставившего перед собой задачу убедить англичан в том, что война проиграна и что не следует препятствовать плану Германии уничтожить Россию.

В качестве вывода к этому краткому исследованию приведем последние слова фон Шираха о Гессе:

— Этот человек никогда не был иным, чем сейчас. Действительно странно, что из всех именно он оказался достойным стать вторым после Гитлера. Ну и, конечно, был еще Геринг, наркоман... Чертовски прекрасная парочка!

Будучи нацистом, фон Ширах и сам несет клеймо злодея, хотя, возможно, и не спешит вспоминать те невероятные дни, когда немецкие дети по его наущению доносили на своих родителей в гестапо и верили в то, что Гитлер — это новый мессия, а Германия — его царство*.

Сегодня, однако, языческая вера больше не вдохновляет его. На стене его камеры висит распятие, купленное шурином по его просьбе в одном из магазинов Мюнхена.

*В честь фюрера фон Ширах писал стихи и песни для «Гитлерюгенд», публиковавшиеся в специальных песенниках, в которых заодно поносились евреи и Церковь. Будучи гауляйтером Вены, он истребил и депортировал из страны 185 тыс. евреев, заявив даже о своем намерении заменить в городе все христианские кресты свастиками.

Святой крест сделан из светлого дуба, на нем выделяется фигура Христа из более темного дерева.

Деревянные пробки заменяют на распятии гвозди и, в соответствии со строгими требованиями тюремных инструкций, – никакой надписи из металла. Но зато крест достигает 3 футов в длину – Бальдур фон Ширах пожелал большой...

ГЛАВА 7

СЕМЬ ЖЕНЩИН ШПАНДАУ

На склоне Альпийских гор, на высоте 3000 футов, в Нижней Баварии приютились полдюжины деревянных домиков. Почтовый адрес местечка — Гайленберг. Туристы расскажут вам, что Гайленберг стоит посмотреть ради его галереи современного искусства, которая состоит наполовину из ресторана и наполовину из музыкального клуба. Еще они упомянут, что здесь поселилась фрау Ильзе Гесс.

Именно присутствие госпожи Гесс в этом небольшом поселении, изолированном наподобие монастыря в глубине леса, и стало причиной того, что как-то майским днем я отправился мимо деревни Хинделанг, не нанесенной ни на одну дорожную карту и словно сошедшей с открытки, в Гайленберг по вьющейся вдоль склона глинистой дороге, с одной стороны которой зиял головокружительный обрыв.

Этот визит в Гайленберг был лишь первым этапом путешествия, добавившего еще немало миль к уже пройденным тысячам. В этом путешествии я встречался и разговаривал с женщинами Шпандау, которые — это можно сказать без преувеличения — разделили нюрнбергский приговор со своими мужчинами. Женщины эти являются членами клуба избранных, клуба Шпандау, в котором действуют весьма простые правила:

«Обмениваться всей информацией о том, что происходит в Шпандау.

Работать с политиками для улучшения условий содержания заключенных в тюрьме.

Обеспечить освобождение семерых находящихся там мужчин как можно быстрее».

Фрау Винифред фон Макензен, дочь барона фон Нейрата, является бесспорным лидером этого клуба, включающего шесть жен и даже Генриетту, бывшую супругу Бальдура фон Шираха. Единственный ассоциированный член — Генрих Гофман, шурин фон Шираха.

В первом доме, к которому я подошел в Гайленберге, на меня из разных окон с подозрением уставились две женщины и мужчина. Кто-то еще в доме проигнорировал мое присутствие. Я постучал в дверь, потом еще раз, и наконец дверь открылась (она была, невзирая на дневное время, заперта на замок и закрыта на засов), и некий неразговорчивый субъект указал мне дом фрау Гесс. Дорога к нему проходила по скользкому, поросшему травой склону. Это был неуклюжий деревянный дом с примыкающим к нему большим сараем. Найти кого-либо оказалось нелегко, но появившаяся наконец женщина в ответ на мой вопрос показала на дверь сарая: «Фрау Гесс живет там».

В темноте я рассмотрел стойла, заполненные дровами, и небольшую лесенку, заканчивающуюся площадкой с двумя дверями. Я опять наткнулся на женщину, указаниям которой пытался следовать, и оказалось, что эта часть сарая принадлежит ей. «Другая дверь», — сказала она, и я, разобравшись наконец в этой путанице, протянул руку к двери, которую открыла фрау Гесс, высокая, плотного сложения женщина, улыбнувшаяся в знак приветствия. Не зная, кто она, ее легко можно было принять за сестру-близняшку Гесса — те же глубоко посаженные глаза пронзительного синего цвета, тот же тип лица, те же твердые челюсти. Она — вторая половина невероятной истории Гесса: женщина, оставшаяся в одиночестве после письма, выброшенного из кабины самолета, единственная женщина, занимавшая мысли Гесса, жена, с которой он не осмелился встретиться, приглашенная и отвергнутая.

Фрау Гесс взяла мое пальто, и я последовал за ней в комнату, служившую одновременно кухней и спальней. У одной стены стояла большая баварская плита. Над ней — несколько полок для сковородок и кастрюль, которыми пользуется фрау Гесс. В углу — диван с ситцевыми покрывалами и подушками.

На стене над диваном висел замечательный, написанный маслом, портрет мальчика лет 10, а рядом грубоватый карандашный рисунок, изображающий спускающегося на парашюте мужчину, за которым пристально наблюдает одинокий фермер.

Некоторое время я не мог оторваться от рисунка, и фрау Гесс сказала:

— Это нарисовал мой муж, находясь в тюрьме в Англии. Он послал его моему сыну. Думал, что это развлечет его.

— Проходите сюда, — добавила фрау Гесс чуть погодя, и мы проследовали в другую комнату, которая хоть и являлась частью сарая, но была удивительно уютной.

Я устроился в удобном старом кресле, рядом с двумя небольшими окошками, за которыми открывался вид на занесенные снегом Альпы. Напротив меня, через круглый стол, сидела фрау Гесс. Возле нее стоял столик с пишущей машинкой, которой она пользуется. Госпожа Гесс пишет книгу с предположительным заглавием «Моя жизнь с Рудольфом Гессом». Когда я приехал, она работала. В комнате полно картин, фотографий, стопок писем, так что письменный стол-бюро уже не вмещает их все. Среди лучших фотографий есть одна, на которой улыбающийся Гесс-младший стоит со своей матерью и другом, на другом снимке он — мрачный, с густыми бровями и опущенными глазами, похожий на отца. Присутствует на стене и Рудольф Гесс, акварель с его портретом написана профессором Хорном, любимым художником Гитлера.

Я смотрел на книжные полки с трудами по философии, естественным наукам, астрологии, томами Гёте и вдруг заметил, что фрау Гесс наблюдает за мной. Ее всегда описывают как типичную немецкую *hausfrau*. Она, конечно, и есть *hausfrau*, но в ней нет ничего типичного, зато много индивидуального. Даже мышиного цвета волосы, ровно постриженные и заколотые с одной стороны заколкой, и веснушчатое розовое лицо крестьянки, что она не пытается скрыть макияжем, скорее опровергают определение о ее типичности. Она признает, что за последние годы набрала лишний вес, но все равно выглядит моложе своих 53 лет. Воротничок полосатой блузки высовывается из-под высокой горловины свитера, простая черная юбка, нейлоновые чулки и туфли на низком каблуке с серебряными пряжками — таков ее наряд. В этой строгой внешности заметна лишь одна уступка женственности — массивные золотые браслеты на обоих запястьях.

Жены, имевшие репутацию хороших поварих (Гитлеру нравились ее блюда) и хозяйек, обязательно получали соответствующий ярлык, но предположить, что фрау Гесс всего лишь еще одна немецкая супруга и мать — значит недооценить ее необыкновенный характер. Карточка, стоящая рядом с ее столом, это все, что заменяет ей мужа. И большего у нее не будет, если только нюрнбергский приговор не смягчат. Похоже, это все, на что можно надеяться, но она обладает такими запасами внутренней силы и характером, которые заметно отличают ее от других женщин. Ее рассказ о расставании с мужем, при всей кажущейся загадочности, тем не менее вполне понятен в данных обстоятельствах. Гесс был заместителем Гитлера, а буря войны постоянно уносила его. Фрау Гесс вполне понимала это.

Она начала говорить:

— Последний разговор с мужем состоялся у меня возле детской в нашем доме в Мюнхене 10 мая 1941 года. Я спросила: «Когда ты вернешься?»

Он ответил, что точно не знает, возможно, на следующий день, но наверняка не позднее вечера в понедельник. «Не верю, — сказала я. — Ты не вернешься быстро». С того времени я его не видела. Но мы не расстались. Телепатия, астрология и его письма помогают нам быть вместе.

Ее взгляд остановился на стеклянном шкафчике, и я, повернувшись к нему, увидел на полочках львиную лапу, несколько археологических сувениров из Египта, астрологические карты со знаками Зодиака и оловянного солдата, около 4-х дюймов в высоту, из тех, которые были популярны в Германии в 30-е годы. Фигурка изображала нациста в коричневой рубашке и с черным галстуком. Лицо напоминало Гесса.

Фрау Гесс продолжала:

— Мы с мужем поддерживаем постоянный телепатический контакт. Сюда часто приходят люди, которых я не видела годами, и в следующем письме Рудольф всегда спрашивает об этих посетителях. Таким образом мы получаем и телепатические сообщения.

Я хотел получить объяснение болезней Гесса, и фрау Гесс не отказалась поговорить на эту тему:

— Мы часто ссорились, потому что я чувствовала — у

него все в порядке. Это подтверждалось и многочисленными исследованиями. Все дело было в его воображении и нервах, но убедить его было невозможно. В первые полтора года заключения в Англии он постоянно писал мне о своих болях и недомоганиях. Потом жалобы вдруг прекратились, и я поняла, что Рудольф наконец смирился с тем фактом, что он заключенный и с этим ничего не поделаешь. Только тогда злость и боль в желудке и груди исчезли.

Ипохондрия была не единственной слабостью Гесса. Он то ли не любил, то ли не умел решать житейские проблемы, и Ильзе Гесс охотно признает это:

— Мы с Рудольфом частенько приезжали в Хинделанг в былые дни и сошлись на том, что было бы неплохо купить здесь поместье. Решили, что «modersohn» (галерея-ресторан) в Гайленберге как раз то, что надо. Но потом Рудольф забыл об этом, и его продали кому-то. Дом мог бы быть моим и служить для приема гостей. Вот так все произошло, но, может быть, я смогу заработать денег на книге, чтобы купить здесь пансион.

В первую ночь моего визита шел сильный снег, и на следующий день фрау Гесс позвонила в мой отель, чтобы сообщить, что придет ко мне сама. Она приехала на санях, спустившись по занесенному горному склону, одетая в коричневые плотные брюки. Теперь она была не столь подозрительна и насторожена и в этот раз говорила со мной о своем 15-летнем сыне Вольфе:

— Школа, в которую наш мальчик ходит в Берхтесгадене, совместная, и это иногда беспокоит меня. Двое из ближайших друзей моего сына говорят, что это очень хорошо, но они не хотели бы, чтобы туда ходила их сестра.

Мне очень нравился прежний учитель сына. Это был прекраснейший человек, и я просила его обсуждать с мальчиком письма моего мужа, что он и делал. Мне казалось, что он хорошо влияет на ребят, и я была шокирована, когда его арестовали по обвинению в растлении учеников и отправили в тюрьму. Это трагедия. Он был таким счастливым семейным человеком, и школа без него уже не та. Успехи Вольферля сейчас, похоже, невелики, и я всерьез думаю о том, чтобы забрать его оттуда.

Хотя никто из мальчиков в школе не донимает Воль-

фа шутками об отце, он носит в кожаной папке несколько его фотографий. «Зачем мне держать карточки у кровати, чтобы другие мальчишки все время пялились на них?» — говорит он.

Многие письма Гесса к сыну, содержащиеся в них вопросы, темы, о которых он пишет, слишком сложны для понимания сына. Я сказал об этом фрау Гесс.

— Вот почему мне нужен был учитель, который объяснил бы и упростил их для мальчика.

В своем горном доме фрау Гесс снова и снова перечитывает письма мужа, улыбаясь про себя, наслаждаясь тем или иным уже знакомым абзацем, редактируя нацистские рассуждения, которые он намеренно вставляет в письма жене для будущего поколения или скорее для будущей публикации. Им предназначено стать новой «Майн кампф» от человека, помогавшего Адольфу Гитлеру написать оригинал.

Беря в руки только что полученные из Шпандау письма, Ильзе Гесс, должно быть, вспоминает ту ночь, когда она сидела в ресторане с Гитлером и своим приятелем Рудольфом. Она только что потеряла работу в книжном магазине и еще не решила, идти ли ей учиться в Мюнхенский университет или искать другую работу.

— Милая девушка, — сказал ей Гитлер, — а вам никогда не приходило в голову найти работу, выйдя замуж за этого человека?

Он указал на Рудольфа. Через несколько недель они поженились.

Я попрощался с Ильзе Гесс в ее пустом горном доме. Во что бы не верили другие, мне показалось, что ее влияние на жизнь мужа и его дела всегда было сильным и во многом определяющим. Такая она женщина.

Уходя, я заметил на столе передней раскрытую книгу. Она называлась «Как зелена была моя долина».

* * *

Моя следующая встреча с еще одной женщиной из «Клуба Шпандау» состоялась в Мюнхене, где живет и работает Генриетта фон Ширах. После рабочей недели она возвращается в деревню Урфельд, где у нее есть просторное бунгало, состоящее из трех гостиных и не-

есколько маленьких спален. Деньги на его покупку она заработала, трудясь ассистентом в фотолаборатории своего отца.

Ева Браун до знакомства с Гитлером тоже работала в этих лабораториях, благодаря которым отец Генриетты, Генрих Гофман, стал миллионером, получив монополию при нацистском режиме.

Изящная и привлекательная, Генриетта фон Ширах, чьи по-мальчишески коротко постриженные волосы украшает единственная седая прядь, напоминающая о прошедших годах, считается изгоем в «Клубе Шпандау». Она по-прежнему его член, но после развода с Бальдуром фон Ширахом большинство других жен предпочитают обмениваться информацией о тюремных делах с братом Генриетты, Генрихом, который присматривает за делами своего зятя.

— Возможно, это трудно понять, но я оставила мужа не потому, что он попал в беду, — уверяет Генриетта. — Я была «вдовой» нацистского режима задолго до Шпандау, потому что Бальдур женился на нацистах и «Гитлерюгенд».

Хотя она держится осторожно и тщательно взвешивает слова, но с самого начала разговора чувствуется, что ей хочется защитить себя. Говоря, она все больше возбуждается, вспоминает о своих отношениях с мужем и постигших ее разочарованиях. Она уже не в силах сохранять спокойствие и дает волю чувствам:

— Бальдур живет жизнью тибетского монаха и воспринимает себя таковым. Он изолирован от мира. Это началось вскоре после его заключения в Нюрнберге в 1945 году, и это только ускорило развод. Для меня это не было чем-то новым, потому что в нашей семейной жизни он всегда оставался в стороне от всех и всего, включая меня и детей, но тогда это было не так невыносимо. Он думает только о своих идеях.

Ни разу за все мои посещения нюрнбергской тюрьмы и наверняка ни в одном из писем, посланных мне до развода, он не спросил: «Как живут дети? Как живешь ты?». Мне приходилось продавать что-то, чтобы тайком переправить в его камеру в Нюрнберге бутылку шнапса.

Когда моим мальчикам понадобилась обувь, моя ценная коллекция детской одежды ушла купившим ее фермерам. Чтобы хоть что-то заработать, я продавала на улицах «кока-колу» и работала билетершей в кинотеатре. Мой муж «помогал» мне бороться за жизнь, присылая идеалистические, оторванные от действительности стихи, а я не могла кормить детей поэзией.

Бальдур никогда не смотрел в лицо фактам. Мы постоянно ругались из-за этого. Его сестра Розалинда воспитывалась в Британии и Америке, она законченная англофилка. Бальдур и сам любит все англосаксонское, потому что у него есть американские предки, однако он не раз сжигал свои корабли самым глупым образом. Однажды в 1943 году я услышала по Би-би-си, что он выступил в Вене с какой-то особенно глупой речью, насквозь пропитанной ненавистью к Британии. Я сразу позвонила ему в Мюнхен и сказала: «О чем, черт возьми, ты думаешь, выступая и поступая таким образом на столь опасном этапе войны?» Он впал в ярость, проклинал меня и предупредил: «Держи рот на замке, даже для фрау фон Ширах есть концлагерь».

— Семейные связи с Америкой, — продолжает откровенничать Генриетта, — позволили мужу считать, что он понимает характер народа США и вообще является экспертом. Вместе с Колином Россом, американским писателем, с которым он близко сошелся, они обсуждали необходимость предпринять попытку по умиротворению Америки с помощью рассчитанных дипломатических жестов и любой ценой удержать ее от вступления в войну.

Фон Ширах надеялся, что президента Рузвельта можно убедить поддержать германские притязания в Европе. Ему удалось до некоторой степени заинтересовать своей теорией Гитлера и Геринга. Однако фон Реббентроп отозвался о ней с пренебрежением, и этого оказалось достаточно, чтобы она перестала нравиться фюреру.

— Так лопнула еще одна мечта моего мужа, — говорит Генриетта. — Я знаю, что мой муж — жертва своего воспитания, — продолжает она, — и что во время ареста и суда он действительно хотел покаяться. Он всегда говорил, что немецкую молодежь нельзя винить за Освен-

цим и злодеяния других концлагерей, но, будучи идеалистом-страусом, не мог смотреть правде в глаза и не избежал своей доли вины.

Поток ее упреков на мгновение останавливается, и бывшая жена начинает, как и положено, защищать отца своих детей:

— Я верю, что, когда Бальдур делал заявление против Гитлера и таким образом обвинял себя, он действительно осознал свои ошибки. К несчастью, он прозрел слишком поздно. Бальдур понимал свою вину и поэтому заявил, что он, человек, продолжавший после Освенцима политику расовой ненависти, должен нести ответственность и за Освенцим. — В голосе ее снова звучит горечь.

Сегодня Генриетта фон Ширах работает под чужим именем и зарабатывает на жизнь в нескольких местах. Она продает в Германии французские фильмы и пишет к иностранным фильмам субтитры. Кроме того, она помощник редактора телевизионного журнала и помогает выпускать телефильмы для Америки и Германии, надеясь, что когда-нибудь их покажут в Великобритании. Хотя ее дети, Анжелика (19 лет), Клаус (18), Роберт (14) и Рихард (10), находятся под опекой суда, она заботится о них с помощью брата.

Анжелика изучает искусство в Висбадене и делает рекламные постеры, которые ей иногда удается продать. Она тоже ощущает груз вины, лежащей на семье, и не пользуется своей фамилией. У нее довольно необычное имя, такое же было и у племянницы Гитлера Анжелики Раубаль, совершившей самоубийство в 17 лет. Обстоятельства ее смерти остаются нераскрытыми, и, по утверждениям некоторых ее биографов, Гитлер так и не оправился от шока, вызванного ее гибелью. Когда Бальдур фон Ширах выбрал для своей дочери это имя, фюрер выразил большую радость.

На протяжении всего разговора Генриетта не сделала ни единой попытки защитить свою связь с нацистским строем.

— Я не заслуживаю никакого сочувствия, — сказала она. — Я была ответственна за собственные ошибки и закончила в сточной канаве, где ползала ради пропита-

ния, тогда как Бальдур в Шпандау витал в облаках идей, далеких от действительности.

* * *

«Луиза Функ, жена Вальтера Функа, находящегося под судом в Нюрнберге как военный преступник, предпринимала попытку самоубийства. Ожидается, что она поправится».

Это сообщение облетело мир 5 декабря 1945 года. Но фрау Функ жива и сегодня является одним из самых активных участников нескончаемых политических маневров по освобождению узников Шпандау или хотя бы смягчения их приговоров.

Жена бывшего президента рейхсбанка теперь пенсионер в «гастхаузе» в деревушке Гехенберг, в нескольких милях от баварского курорта Бад-Тельц. В годы правления нацистов модный Бад-Тельц был любимым местом отдыха высокопоставленных гитлеровских чиновников, их жен и любовниц.

Гастхауз представляет собой дом, расположившийся на ферме, два верхних этажа которого приспособлены для сдачи гостям. Входя в него, сразу ощущаешь сильный запах скота, и это неудивительно, когда вспомнишь, что в Баварии сохраняется весьма странный обычай, при котором фермер и его семья делят свой дом со скотом. Гастхауз не является исключением из этого первобытного правила.

Владелец, герр Зойр, огромного роста крестьянин с мощными руками и влажным рукопожатием. Нынешний хозяин фрау Функ, он был раньше рабочим-фермером в поместье Функов.

В день посещения гастхауза меня провели в одну из комнат на первом этаже. Мне навстречу поднялась фрау Функ в приятном розовом костюме, с которым гармонировали помада и лак на ногтях. Каштановые волосы зачесаны назад и убраны под сетку. Говоря о своем муже, она плакала.

— Вальтера подставили, — сказала она, используя неожиданный американизм и нервно теребя носовой платок. — Его подставили на основе показаний обер-

группенфюрера Поля, которого пытали люди, работавшие на американского прокурора в Нюрнберге. Поль сказал, что он устроил доставку золотых зубов, вынутых у евреев, убитых в концлагерях, в хранилище рейсбанка, находившееся под контролем моего мужа. Я говорю, что мой муж не знал о существовании этих зубов.

Поля пытали и избивали, чтобы он дал такие показания против моего мужа. Ему натирали лицо горячей мазью, а потом брили ржавыми ножами, пока не начинала идти кровь. Потом ему втирали в раны соль. В мучениях он вынужден был подписать это проклятое признание, которое благополучно доставил в суд американский прокурор и которое предъявили как свидетельство против моего мужа.

— Какие у вас есть доказательства, что Поля пытали подобным или каким-либо другим способом? — спросил я.

— Я просто это знаю, — ответила фрау Функ с чувством. Ей, однако, пришлось признать, что предъявить какие-либо доказательства в поддержку своих утверждений она не может.

— Мой муж был самым неподкупным человеком в Германии, — плача, продолжала она. — Мы прожили вместе 35 лет и никогда не интересовались политикой. Как может мой муж быть ответственным за то, о чем не знал? Если убийца прячет труп в сундуке и оставляет его на хранение в банке, следует ли предположить, что полиция, обнаружив труп, поступит правильно, если обвинит в убийстве директора банка?

У фрау Функ это один из обычных аргументов, и он прекрасно вписывается в модель тех действий, которые она предпринимает, чтобы поколебать вердикт Нюрнберга. Хладнокровие возвращается к ней нелегко, но пронизательность ее никогда не покидает.

Комната, являющаяся ее домом и боевым штабом, ничем не отличается от комнаты в каком-нибудь заштатном пансионе третьесортного английского курорта. В ней полно ничем не примечательных безделушек, соседствующих с тяжелым массивным шкафом и комодом красного дерева. И, конечно, неизбежные старинный

платяной шкаф с мраморным верхом и фарфоровый кувшин с тазиком.

— Посмотрите на эту убогую кровать! — восклицает она, расхаживая по комнате почти так же напряженно, как и ее муж, обитающий в Шпандау. — Я могла бы спать на одной из чудесных кроватей из нашего дома, но на этой кровати я так много страдаю и провела так много бессонных ночей, думая о моем бедном Вальтере. Нет, я не воспользуюсь другой кроватью до тех пор, пока он не будет на свободе.

Она привлекла мое внимание к написанному маслом портрету ее мужа и другим его портретам, висящим тут и там на стенах. Кое-где мне попадались на глаза вещи, говорившие о более приятных и обеспеченных днях. Чай подали на изысканно гравированном серебряном столике восточного дизайна, крышка которого служила как бы отдельным подносом, поддерживаемым тремя изогнутыми серебряными руками. Ниже они сливались в тонкую ножку, заканчивавшуюся как бы ступнями ног. Весил этот столик, должно быть, немало. Фрау Функ показала мне некоторые из вещей мужа, среди которых были часы из белого золота, идущие, по ее словам, уже 30 лет и отставшие за это время не более чем на две минуты. Я открыл часы и обнаружил надпись на немецком, переводившуюся так: «Рейхсмастеру Шрамму от благодарной палаты ремесленников». Я был удивлен, заметив отсутствие на часах какого-либо указания на принадлежность их Вальтеру Функу.

Видя мое восхищение часами, фрау Функ порылась в ящике прикроватной тумбочки и вынула сияющую золотую монету в 1 доллар. Она нажала потайную пружинку, монета раскрылась, и моим глазам предстали очаровательные часики, встроенные в нее.

— Не думаю, что на свете есть другие такие же. Это одно из моих самых дорогих сокровищ, — сказала женщина. — Муж всегда носил их с собой, когда надевал вечерний костюм.

Украшения, похоже, вообще были семейной страстью Функов. Фрау Функ, как я заметил, носила нитку жемчуга на шее, сережки с жемчугом, золотое кольцо с двумя большими жемчужинами и жемчужный гребень в воло-

сах. Как и фрау Гесс, она верила в телепатию и была убеждена, что поддерживает постоянный контакт с мужем.

— Когда Вальтер болен, я всегда узнаю об этом еще до того, как он напишет и расскажет. У меня тоже проблемы с сердцем, разлитие желчи, расстройство кишечника и болезнь глаз. Недавно, когда его состояние серьезно ухудшилось, я проснулась среди ночи и отчетливо почувствовала, как его рука стиснула мое плечо.

Фрау Функ разрешает одному графологу в Мюнхене изучать письма ее мужа.

— Он очень опытный человек и может поведать мне о таких сокровенных чувствах мужа, о которых я и не знала. Мой графолог постоянно указывает мне на необычайное одиночество мужа.

Функ постоянно сообщает жене о тех книгах, которые он намерен прочесть, чтобы она смогла собрать их. Они чувствуют, что благодаря такой договоренности становятся ближе, хотя интерес Функа к психологии и философии вызывает у его жены недоумение. Она рассказала мне о своем увлечении астрологией, но, хотя и не пожелала раскрыть, что предсказывают звезды, призналась, что однажды получила указание на большую духовную перемену.

Похоже, что вскоре после этого она обратилась за советом к одному кардиналу, и его ответ произвел на нее такое сильное впечатление, что она решила сменить религию.

— Мне мешает моя неспособность запоминать указания, которые мне дают, но уверена, что со временем смогу преодолеть эту трудность, — говорит фрау Функ. — Может быть, когда-нибудь моего мужа освободят, и тогда он поможет мне учиться, потому что он тоже решил перейти в католичество после прочтения моих писем.

Вальтер Функ лишь добродушно улыбался над уверенностью своей жены в том, что он поменяет вероисповедание.

— У меня еще масса времени, чтобы решить этот вопрос, — логично указывает он.

Тем временем фрау Функ исправно посещает службы

и устраивает так, чтобы в молитвах не забывали о семи узниках Шпандау.

Пока фрау Функ рассказывает о своем супруге, глаза у нее припухают и краснеют от слез, и она тянется за темными очками. Она часто носит их, посещая тюрьму, чтобы скрыть болезнь глаз от мужа.

Она подзывает меня к окну и показывает на белый особняк, расположенный на ближайшем, через поле, холме. Это Бергхоф, сказочный 22-комнатный дом семьи Функов, сейчас конфискованный. В 1941 году он стоил 400000 марок и был великолепно обставлен. Вокруг него лежат поля и леса, также входящие в поместье.

Когда я уходил, фрау Функ села у окна, как часто делает, и принялась рассматривать в сильный бинокль потерянный ею роскошный дом. Бинокль помогает создать иллюзию, что старые владения ближе.

* * *

Фрау Винифред Макензен, дочь посла и жена посла, являет собой дипломатический мозг «Клуба Шпандау». Она более, чем кто-либо другой, сделала для того, чтобы изменить условия внутри зловещей тюрьмы, и если когда-либо семерку освободят досрочно, то своей свободой эти люди будут обязаны прежде всего 49-летней уроженке Лондона. Нет такого дипломатического трюка, который был бы неизвестен ей.

После смерти в 1944 году мужа единственным смыслом в жизни стали для нее отец, барон фон Нейрат, мать и остатки семейного поместья в Вюртемберге, где провела свои детские годы королева Мария.

Усадьба Нейратов, с ее домами и постройками, расположенными возле речушки, где плещется форель, находится у подножья покрытого виноградниками холма. Над небольшим по площади участком доминирует семейный особняк, покрашенный в кремовый цвет, с окнами за зелеными ставнями. Усадьбу конфисковали вскоре после окончания войны.

Возле особняка, в тени каштанов, посиживают наедине со своей памятью пожилые беженцы и государственные пенсионеры, а неподалеку, у дома поменьше, но

более современного, в конце березовой аллеи, прогуливается 79-летняя баронесса фон Нейрат со своими воспоминаниями и мыслями о муже в далекой тюрьме.

Время обошлось с ней милостиво, и кожа у нее, несмотря на венчик седых волос, вьющихся и шелковистых, осталась гладкой и упругой. В широком бело-голубом платье и соломенной шляпке, защищающей лицо от солнца, она и сейчас не менее грациозна, чем тогда, когда присутствовала на королевских приемах в Букингемском дворце.

Мы выпили с ней чаю в ее отдельной гостиной, комнате, напоминающей о более спокойных днях и словно принадлежащей давно забытому прошлому. Повсюду, на оклеенных обоями стенах, на старом дубовом письменном столе, на журнальных столиках, висят и стоят фотографии, миниатюры и портреты представителей семьи Нейратов. Самый большой портрет, расположенный напротив излюбленного диванчика баронессы, изображает ее мужа, тогда еще молодого дипломата в Турции.

— Я всегда говорила мужу, что у него слишком серьезный вид и что я предпочитаю видеть его улыбающимся, — сказала баронесса, когда мы остановились у картины. Мы сели перед большим резным старым столом, на котором по английскому обычаю уже стоял чай, кстати, самый лучший из всех, которые мне довелось пить в Германии, лежали булочки, кекс, пирожные и печенье. Лишь немногие немцы понимают простое искусство приготовления чая. Единственным чужаком в этой комнате, полной серебряных и фарфоровых безделушек, был стоявший около стола электрический чайник.

Пока баронесса разливала чай, я невольно подумал, как поразительно напоминает она свою подругу, покойную королеву Марию. Баронесса вела разговор на прекрасном английском, лишь иногда останавливаясь на какой-нибудь трудной фразе, и это был типичный застольный разговор о былых днях в Англии: о приемах и деятельности дипломатов в Лондоне, об усадьбе Нейратов, но ни слова о Шпандау.

И только когда мы закончили и баронесса, пересевшая ненадолго за письменный стол, взяла в руки последнее письмо мужа из тюрьмы и попыталась читать его

твердым голосом, в нем все-таки появилось волнение. Вдруг, словно вспомнив, что она жена дипломата, женщина взяла себя в руки и закончила чтение, после чего аккуратно сложила письмо и вложила в конверт.

— Было бы хорошо, если бы он смог умереть там вместе со мной, — негромко сказала она. Баронесса поднялась, и я направился к выходу. Когда дверь закрылась, фрау фон Макензен заметила:

— Мы, дипломаты, всегда учимся контролировать свои эмоции.

Когда мы спускались по лестнице, старый мир барона фон Нейрата, главы «Протектората Богемии и Моравии», еще раз напомнил о себе головой оленя с раскидистыми острыми рогами, укрепленной на деревянной доске с надписью: «Застрелен в ноябре 1940 в Моравии». В той самой Моравии, где были застрелены или умерли в концлагерях тысячи мужчин и женщин.

Внизу находилась комната, из которой мы ранее вышли, большой зал для приемов. Здесь тоже висели на стенах портреты, изображавшие в полный рост отпрысков семейств Нейратов и Макензенов. В углу на пьедестале стоял бюст фрау фон Макензен из белого мрамора.

— Так хотел мой муж. Он мне не очень нравится, — сказала она. Я не согласился с ней. Мы прошли в соседнюю комнату, кабинет госпожи Макензен, где невестка фельдмаршала Макензена планировала операции по освобождению своего отца.

— Для моего отца было бы лучше, — сказала она, — если бы его повесили в Нюрнберге, а не заключили в Шпандау. Я его дочь, я люблю его и могу сказать это, зная, что это правда. Я не защищаю его. Он совершил ошибку, его судили и признали виновным, и никто это не оспаривает, — рассудительно говорит она. — Но он так стар и болен, что даже если бы и был опасен, то уже никому не может навредить. Если бы ему разрешили вернуться сюда, в его дом, его можно было бы как-то ограничить в общении. Его единственное желание — умереть у себя дома и быть рядом с женой, на которой он женат 52 года. Мой отец никогда не был членом какой-либо партии, и это официально признано. Он просто немец.

Странно, но Нейраты — еще одна семья, верящая в телепатию. Баронесса часто говорит дочери, что у барона ночью был сильный сердечный приступ, и это всегда подтверждается очередным письмом от него. И фрау Макензен, прогуливаясь иногда по саду, ощущает близость отца.

— Через несколько дней он напишет и упомянет именно то дерево, на которое я в тот день смотрела.

Фрау Макензен родилась в Форест-Хилл, в Лондоне, когда ее отец был молодым вице-консулом. Внешне ее можно принять за жену какого-нибудь английского сквайра — у нее подстриженные прямо слегка седые волосы, на ней опрятная блузка и приталенный костюм. По-английски она говорит бегло, но все же не так бегло, как ее мать, и с легким акцентом. У нее осанка и уверенность прирожденной аристократки, и только когда говорит об отце, чувствуешь, как глубоко она переживает его заключение в Шпандау.

* * *

На стене, в спальне полуразрушенного дома, стоящего высоко над руинами знаменитого Гейдельбергского замка и старым университетским городом, я увидел странный карандашный рисунок в простой деревянной рамке. Рисунок, размером едва превышающий миниатюру, изображает одинокую женщину в черной шали, которая сидит между массивными разбитыми греческими колоннами. Вдали высится горный хребет.

В правом углу рисунка инициалы «A. S.» — Альберт Шпеер, любимый архитектор Гитлера и министр вооружений и боеприпасов. Рисунок выполнен Шпеером 24 апреля 1948 года и отправлен семье по особому распоряжению властей. Для семьи Альберта Шпеера — это личное послание, исполненное глубокого смысла.

Женщина на рисунке — мать Шпеера, скорбящая по сыну. Ее окружают руины — амбиции и надежды, все то, что он построил и теперь разрушено. Горы, по которым он когда-то любил лазить, символизируют мечту Шпеера о свободе.

Я стоял в тесной маленькой спальне, разглядывая

рисунок вместе с женой Шпеера Маргарет. До мая 1953 года, когда они переехали в новый многоквартирный дом в самом Гейдельберге, семья Шпеера, фрау Шпеер и шестеро ее детей, жили несколько лет в переполненном домике на территории усадьбы ее свекра с прекрасным видом на лежащий внизу старый город и чудесную долину Неккара, одно из самых красивых мест в Германии.

На кирпичной стене одного из двух входов в усадьбу Шпееров я различил написанное черной краской имя: «А. Шпеер». Крутая выходящая тропинка вела к автопарку, расположенному чуть ниже восхитительно построенного дома с большими окнами и широкой ухоженной полянкой перед ним.

Но Шпееров лишили права на этот дом, и сейчас в нем живет американский бригадный генерал Джон Мерфи с семьей. Чтобы добраться до послевоенного жилища Шпееров, нужно подняться по еще более крутому склону холма к маленькому наполовину деревянному, наполовину кирпичному домику, утопающему в диких кустарниках и цветах.

На веревочных качелях, привязанных к ветке согнувшегося под тяжестью лет дерева, раскачивалась девочка лет 12—13, с прямыми волосами, в очках. Она побежала в дом сообщить матери о моем прибытии и быстро вернулась с худощавой привлекательной женщиной с обеспокоенным лицом, делавшим ее похожей на курицу, у которой слишком много цыплят.

Несмотря на многочисленные домашние заботы, Маргарет Шпеер удавалось выглядеть опрятной и ухоженной в простой белой блузке, бежевом жакете с длинными рукавами и серой юбке. К тому же она обладала и завидной фигурой. Коротко стриженные черные волосы говорили о принадлежности ее к тому надежному типу женщин, которых одолевают многочисленные домашние проблемы и которым не от кого ждать помощи. Даже эти короткие волосы она постоянно отбрасывала вверх нервным жестом, а дети, хотя и играли неподалеку, в оставленной Шпеерам части усадьбы, явно беспокоили ее.

У Шпееров шестеро детей — четыре мальчика и две девочки. 18-летний, играющий на виолончели, Альберт

хочет стать архитектором, как отец и дед. В настоящее время он учится на плотника, чтобы получить удостоверение мастера, и посещает вечерние занятия, готовясь к поступлению в технический университет.

Отец направляет ход карьеры сына письмами из тюрьмы: «Я согласен, Альберт, с тем, что ты берешь уроки плотницкого дела. Это часть твоей подготовки, чтобы стать архитектором, при условии, что потом ты некоторое время поработаешь каменщиком. Это необходимо, потому что нельзя давать указания на стройплощадке, не владея профессией, в противном случае ты будешь чувствовать себя глупо... и даже немного не на своем месте».

15-летний Фриц в семье — «ученый». Естественные науки, химия, физика и геометрия — вот в чем он специализируется.

«Что касается тебя, Фриц, — пишет из Шпандау отец, — то мне трудно написать настоящее отцовское письмо с отцовскими предостережениями. Когда мне было столько лет, сколько тебе сейчас, я был немного безответственным и не любил учиться в школе. Иногда я бывал вспыльчивым, что, как я сейчас понимаю, объясняется естественным процессом взросления. Я знаю о всех тех комплексах, которые часто мучают мальчика, но они исчезнут, когда ты станешь старше. И, осознавая все это, я искренне хочу помочь тебе сейчас. Я занялся греблей, и это избавило меня от всех вредных тенденций. Предлагаю тебе сделать то же самое».

Фриц семейный фотограф и делает большинство фотографий матери, братьев и сестер, которые отсылаются отцу в Шпандау.

— Есть еще застенчивая Маргарет, которую вы видели, когда приехали, — сказала фрау Шпеер, пересчитывая свое потомство. — Маргарет 14, а Арнольд, на год младше. Что касается школы, то в нашей семье он — «паршивая овца». Младшему, Эрнсту, 9, и еще есть старшая дочь, Хильда, но о ней я хотела бы рассказать вам позже. Сейчас ее дома нет. Я всегда стараюсь отправить одного ребенка куда-нибудь, потому что в доме не хватает места.

Оглядев тесные помещения, я все понял. Фрау Шпеер делит спальню с Эрнстом, а на всех пятерых остаются две маленькие комнаты, когда семья в сборе. Помогают

двухъярусные деревянные кровати, на которых спят мальчики.

В этом доме, полном разрозненной мебели, царит тот плановый беспорядок, который привел бы в ужас любого уважающего себя архитектора. Самая большая комната — кухня, совершенно неподходящая по размерам для обслуживания такой семьи. Рядом с ней узкий холл с двумя столиками и пестрым диванчиком. Несколько картин с итальянскими пейзажами начала XIX века, украшающие стены холла, — это единственные предметы живописи, спасенные из руин бывшего дома Шпееров в Берлине.

Мы с фрау Шпеер прошли к стоящему в саду столику, подальше от пытливых детских глаз.

— Мой муж живет сейчас только для детей, но мы не разрешаем им посещать его в Шпандау. Я против этого. У них сложилось бы неверное представление об отце, которого они очень мало знали, потому что во время войны его подолгу не было дома. Младшему, например, исполнилось всего 1,5 года, когда мужа арестовали в 1945 году.

Я не хочу спорить о справедливости и несправедливости в деле моего мужа. Его судили в Нюрнберге за то, что он использовал рабский труд иностранных рабочих, хотя должна сказать, что на деле не он занимался ими. Но вы не думаете, что он заплатил уже достаточно большую цену восемью годами своей жизни? — спрашивает его жена.

Затем Маргарет Шпеер резко переходит на другую тему. Она знает, что ее муж — один из немногих политических преступников, признавших свои ошибки и преступления, совершенные против человечества.

— Странно, что может карьера сделать с браком, — сказала она. — Альберту пришлось решать столько вопросов, что мы стали почти чужими людьми. Но так было не всегда. Первые годы супружества — это такая радость. В марте или апреле, как только становилось теплее, мы уходили на лыжах с рюкзаками, путешествуя по Альпам, забираясь как можно выше и не спускаясь в долины. Мы поднимались на несложные пики, и даже сейчас помню, как сердился Альберт, когда, несмотря на всю его силу и выносливость, он не мог преодолеть нескольких метров

одного очень высокого пика. Альберту нравилось достигать желаемого.

Летом мы предпринимали путешествия подольше, с палатками и складными каноэ, по Дунаю, Мозелю или мекленбургским озерам. Но самую большую радость моему мужу доставляло вождение автомобиля. У него всегда была двухместная спортивная машина, и я была запасным шофером. Альберт так и не утратил этого технического энтузиазма и, уже когда стал министром, научился водить танк.

Другие его любимые занятия — это гребля, пилотирование самолета и регби, но через несколько лет эти чудесные беззаботные дни ушли, отданные в жертву карьере. Вот так это было. Альберт всегда с нетерпением ожидал, когда мы сможем путешествовать и предаваться старым увлечениям, но его постоянно что-то удерживало, а потом он оказался в Шпандау.

Маргарет Шпеер снова переменяла тему. Теперь ей хотелось поговорить о дочери, 17-летней Хильде, дочери, которая, как надеется Альберт Шпеер, подаст пример жизни в демократическом обществе другим детям.

Летом 1953 года Хильда Шпеер сменила дом в Гейдельберге на другой, в Гастингс-на-Гудзоне, штат Нью-Йорк, США. Американское Бюро по преобразованию при информационных службах США в Германии выбрало ее как одну из ряда учащихся, чтобы провести 12 месяцев в американской школе, изучая заодно демократический образ жизни. Личность ее отца была засекречена, и она жила у некоего доктора Ричарда Дея, педиатра и психолога.

Хильда делила с семьей Дея обычную домашнюю жизнь, посещала с тремя дочерьми доктора местную школу и регулярно выступала в международных дискуссионных группах. Единственными людьми, знавшими, кто она, были доктор Дей и его жена.

— Хильда хорошенькая девушка, очень музыкальная и хорошо вписавшаяся в семью Дея, — гордо сообщила фрау Шпеер. — В письмах домой и отцу, которые я передаю в Шпандау, заметно, что ее немецкий американизировался. Отец написал ей, что по возвращении она могла бы заменить меня и попробовать применить на

практике свои знания детской психологии. Мой муж считает, что то, чему Хильда научится в Америке, будет полезно для всей семьи.

Есть вещи более странные... как сказал Шекспир.

* * *

В течение 24 отчаянных дней 1945 года эта седовласая, с резкими чертами лица женщина была «первой леди» того, что осталось от гитлеровского рейха.

Фрау Инге Дениц, жена гросс-адмирала Карла Деница, никогда не забывала пережитого, и сейчас она живет и ждет того времени, когда ее муж — человек, получивший самый короткий срок заключения и питающий самые большие надежды в Шпандау, — займет, как она говорила, «законное место во главе государства».

Чтобы повидаться с фрау Дениц, я проехал примерно 30 минут от порта Гамбург-Центр до №1 Дора Шпрехтштрассе, Аумюль. Это всего в миле от поместья отца современной политики и милитаризма в Германии Бисмарка, «железного канцлера», той силы, что стояла за тронном первого германского кайзера.

У фрау Дениц трехкомнатная квартира на первом этаже, состоящая из спальни, жилой комнаты, кухни и ванной. Просторные комнаты обставлены в строгом стиле. Из нескольких картин в жилой комнате явно выделяется одна, написанная в 1941 году, на которой изображены строящиеся в Лауриенте массивные субмарины. На шкафу стоит бронзовый бюст Петера, старшего сына Деница, убитого во время несения караульной службы на борту одной из отцовских подлодок.

В ту субботу, когда мы встретились, фрау Дениц была свободна от дежурства в гамбургском госпитале Раутенберга, того самого госпиталя, который некоторое время назад германское правительство объявило центром неофашистской активности.

Фрау Дениц сменила больничную форму на безыскусное, но элегантное шерстяное платье. Она высокого роста, худощавая, волосы убраны в узел. Она дисциплинирована и владеет собой, чего и следует ожидать от женщины из семьи, где четыре поколения мужчин были профессиональными солдатами, и, конечно, от жены

амбициозного человека (она замужем 30 лет), ставшего гросс-адмиралом.

Оба ее сына погибли на войне: Петер в начале ее, а Клаус утонул во время похода. В живых осталась только дочь Урсула, вышедшая замуж за бывшего командира подводной лодки Гюнтера Хесслера. Во время войны Хесслер получил из рук тестя Рыцарский крест, а потом перешел на работу в его личный штаб.

— Когда мой муж выйдет на свободу, нам обоим понадобится отдых и покой, — высказывает осторожное предположение фрау Дениц. — Впервые я смогу по-настоящему побыть с ним наедине. Сколько я себя помню, у него всегда была на первом месте служба. Я, конечно, понимаю, что рано или поздно мне придется «заглянуть в ведро» — так говорят жены моряков, зная, что рано или поздно их ждут потери.

Говоря о своем муже, фрау Дениц, заядлая курильщица, тянется за очередной сигаретой, своей любимой, египетской, втыкает ее в небольшой мундштук и через мгновение выдыхает через нос струю дыма.

— На Нюрнбергском процессе мой муж узнал о многих ужасных вещах, о которых до того и не ведал, — сказала фрау Дениц. — Он ничего не знал о концлагерях, и я тоже, хотя признаюсь, что слышала о Дахау и других местах и что находиться в них было не очень приятно.

Она, похоже, повторила ранее сделанное заявление и затем продолжала выступать от имени защиты.

— Когда я случайно упомянула о концентрационных лагерях, мой муж ответил: «Даме твоего положения не следует связывать себя со слухами».

— А ваш муж не спрашивал Гимmlера о концлагерях? — поинтересовался я.

— О нет, он бы не сделал этого, потому что всегда считал неоправданным расспрашивать о делах другого ведомства. Мой муж вышвырнул бы из кабинета любого, кто пришел бы к нему только ради этого.

Удивление гросс-адмирала Деница, якобы только на суде узнавшего историю концлагерей, объяснить несколько затруднительно. На мой взгляд — и это подтвердили впоследствии протокольные записи, — Дениц был гораздо лучше информирован в этом вопросе, чем представля-

ла себе его жена. Невозможно отрицать, что Дениц не только упоминал об использовании рабочей силы заключенных концлагерей на совещаниях по вопросам военно-морского флота у Гитлера, но даже однажды обратился к фюреру с личной просьбой об освобождении одного заключенного, обладавшего особой квалификацией, требовавшейся для срочной работы.

Фрау Дениц внезапно переводит разговор с неприятного прошлого на более приятные размышления о будущем.

— Мы могли бы переехать к моей невестке, — говорит она и тут же с легкой улыбкой, вызванной, возможно, воспоминанием о кратком периоде славы, добавляет:

— Но может наступить день, когда к моему мужу обратятся. Если нынешний глава германского государства умрет, влиятельные люди, не исключено, решат попросить моего мужа занять его место. Зная о его чувстве долга, а не тщеславии, как некоторые, похоже, думают, я допускаю, что он согласится.

Фрау Дениц ненадолго умолкла, и только крепко сжимавшие мундштук пальцы выдавали ее напряжение. Лицо, свободное от косметики, оставалось непроницаемым.

— Мой муж имеет право занять первое место в стране по двум причинам. Первая состоит в том, что он спас 2,5 миллиона немцев, сумевших убежать от русских за то время, когда он был главой государства и тянул с перемирием ради их безопасности. Вторая заключается в том, что Гитлер назначил его преемником.

— Вы со всей серьезностью предполагаете, что ваш муж вправе стать наследником режима, не имеющего никакой власти и полностью себя дискредитировавшего? — спросил я.

Никогда раньше фрау Дениц не обсуждала будущее с кем-либо вне круга близких ее мужу людей, и, пока она обдумывала ответ, я напомнил ей, что гитлеровское руководство не оформило династический принцип наследования, а сами нацистские законы умерли вместе с ним.

Она ответила резко и холодно:

— Гитлер стал канцлером, когда президентом был Гинденбург. Затем рейхстаг вручил ему абсолютную власть

на 4 года, в течение которых Гинденбург умер, а Гитлер, используя законные полномочия, соединил посты президента и рейхсканцлера и стал фюрером. Гитлер отменил старую конституцию и вместо нее установил собственную, по которой, помимо прочего, он дал себе право назначать преемника. Это право — закон Германии по сей день.

Я ответил, что от закона, установленного таким режимом и подобным образом, можно избавиться без особого труда.

— Это действительно совсем просто, — добавил я. — Если Гитлер сотворил собственный закон, отбросив старую конституцию, то нынешнее правительство может с равным основанием аннулировать так называемую конституцию фюрера и с ней — право наследования.

Фрау Дениц собиралась что-то сказать, но рука ее с зажатым в пальцах мундштуком остановилась вдруг на полужесте. Очевидно, она поняла, что сказать ей больше нечего. Рука опустилась, и женщина спокойно закончила:

— Имейте в виду: мой муж не будет пытаться настаивать на этом праве, но он всегда готов взять в руки штурвал, если этого пожелает народ.

* * *

Именно в Берлине, куда она ездила на свидания к мужу, я встретил в первый раз восьмого члена «Клуба Шпандау» — Эрику Редер, жену гросс-адмирала, построившего гитлеровский флот и осужденного на пожизненное заключение. Поначалу фрау Редер не хотела меня видеть. Затем, передумав, она сказала, что готова сделать заявление, но не желает вступать ни в какую дискуссию. Я сказал, что хочу, чтобы она откровенно обсудила со мной все проблемы, иначе встречи не будет. В конце концов она согласилась.

Это было мое первое впечатление о характере женщины, с которой мне предстояло встретиться. Но по-настоящему мы познакомились в Берлине. Мне хотелось поговорить с ней в привычном для нее окружении, поэтому через несколько дней я встретил ее в аэропорту Ганновера, и мы поехали к ней домой, в Липштадт, Вестфалия,

в трех часах езды по автобану. По дороге я понял, как может ненавидеть эта женщина: она ненавидела русских, англичан, американцев, французов — всех, кто имел какое-либо отношение к осуждению ее мужа. И еще она ненавидела поражение.

С каждым словом этой высокой бледнеющей женщины, которой уже за 60, и до сих пор носящей траур по своему погибшему 30-летнему сыну Гансу, из нее выплескивается страшная ненависть. Для нее стал проклятым тот день, когда Гитлер заменил ее мужа на посту главнокомандующего ВМФ «новичком» Деницем. Поражение Германии стало для этой женщины еще одним ударом, а в 1946 году она исчезла из Берлина: вместе с мужем ее увезли в Москву.

Русские возвратили Редера в Германию, чтобы посадить на скамью подсудимых в Нюрнберге, а его жена в течение 4 лет оставалась заключенной за «железным занавесом». Точное ее местопребывание в Советском Союзе держалось в тайне. В Минске, Бирнау, Бухенвальде и Заксенхаузене, концлагерях на территории Восточной Германии, она познала лишения, горе и унижения.

Когда гросс-адмирала признали военным преступником, русских попросили дать его жене возможность посетить мужа, но она не появилась в Германии.

— В Москве меня кормили икрой, но в Минске заставляли голодать. В Заксенхаузене мне приходилось чистить по 700 картофелин в день, меня все время допрашивали и наконец выпустили без всяких объяснений, — жалуется фрау Редер.

Она покинула Заксенхаузен, бывший нацистский «лагерь смерти», ровно через 4 года после того, как ее мужа задержали в их доме возле Берлина русские.

— Я никогда не принадлежала к нацистской партии, и тем не менее меня наказали. После освобождения мне приказали находиться в русской зоне, не разговаривать ни с кем из русских и жить в Потсдаме. — Но при первой же возможности она надела мужские ботинки, взяла небольшой рюкзак и доехала на поезде до американского сектора в Берлине.

Все, сказанное Эрикой Редер за время нашего путешествия в Липштадт, пропитано бессильной злобой:

— Международный суд в Нюрнберге не имел никакого законного права на существование. Обвиняемым не предоставили ни единого шанса предъявить доказательства или свидетелей в свою защиту.

При всей дикости ее обвинений спорить с ней было бесполезно — Эрика Редер начинала длинную тираду, и ничто не могло остановить ее.

— А как насчет бомбардировки немецких городов? Разве это не пример бесчеловечности союзников? (Она не упомянула о налетах люфтваффе на английские города и их бомбардировках). Британская бесчеловечность в ведении войны проявлялась во многом, включая использование противолодочных ловушек, — заявила фрау Редер. (Вероятно, мы должны были бросить все и позволить разрушить наш флот).

Пока мы не достигли в Липштадте ее современного дома, фрау Редер метала громы и молнии в адрес Британии и ее союзников и восхваляла гуманность немецких войск.

В уютном, увешенном фотографиями холле она со злостью заговорила об условиях жизни в Шпандау и заметила, что родственникам следует предоставить право на бесплатные авиабилеты для посещения тюрьмы.

Затем, среди достойных Геббельса излиятий этой ожесточившейся и озлобленной женщины, последовало и такое:

— В книге Черчилля «Надвигающаяся буря» он признал, что готовил вторжение в Норвегию, но его опередила Германия. Тем не менее именно вторжение в нейтральную Норвегию стало тем обвинением, по которому моего мужа осудили в Нюрнберге.

Впервые за время долгого разговора с госпожой Редер я не нашелся, что ответить. А она продолжала:

— С нами, немцами, обращались хуже, чем с евреями.

Я вспомнил запечатлевшуюся в памяти картину концлагерей: крематории, массовые захоронения. Было очевидно, что никакие слова не остановят этот поток ненависти. В конце разговора она вернулась к британскому военно-морскому флоту:

— Причина, по которой англичане не терпят нас и моего мужа особенно, кроется в том, что его отважные

небольшие корабли, «Шарнхорст», «Гнейзенау» и другие, поставили англичан в глупое положение и доказали, что лучше сражаются. Нет никакого сомнения, что маленький германский флот намного лучше огромного британского.

Из всех членов «Клуба Шпандау» фрау Редер оказалась самой разговорчивой, но и самой упрямой и злобной.

ГЛАВА 8

ДЕНЬ ПОСЕЩЕНИЙ

Старую телегу тщательно отскребли от грязи и вытерли. Теперь она была готова к поездке. Потертый пол покрыли куском прохудившегося и выцветшего персидского ковра, на который поставили удобный и мягкий стул, прочно привязав его к доске. Оставалось дожидаться одного-единственного пассажира, ради удобства которого все это делалось.

Когда телега выехала со двора, возчик слез с сиденья и ненадолго исчез в доме, откуда появился с подножкой из нескольких ступенек, которую прикрепил к задней части телеги.

Через секунду к нему подошла одетая в розовый костюм женщина. Поверх костюма на ней было надето свободное бежевое пальто. На голове — коричневая шляпка. Возчик помог ей подняться по ступенькам, и когда женщина уже начала устраиваться на стуле, из дома вышла пухлая hausfrau с двумя среднего размера дорожными чемоданами. Пришла пора прощаться.

Телега медленно покатила по неровной узкой дороге, соединявшей одну деревню с другой: фрау Луиза Функ отправилась в Берлин, чтобы навестить своего мужа в Шпандау. Прошло немало времени, прежде чем повозка преодолела несколько километров до деревушки Гехенберг, где пассажирка пересела в местный автобус, следующий до Мюнхена.

Из Мюнхена фрау Функ добралась уже другим автобусом до аэропорта. Там ее встретил Ганс Рехенберг, верный друг, работавший прежде в министерстве экономики Вальтера Функа. Рехенберг всегда сопровождает Луизу Функ в ее путешествиях в Берлин. Иногда они вылетают из Мюнхена, иногда — из Дюссельдорфа.

— Я не хочу, чтобы русские точно знали мой маршрут, — объясняет фрау Функ. — Они не любят Функов, и им может взбрести в голову атаковать мой самолет.

Примерно через час с четвертью после вылета из Мюнхена самолет приземляется на аэродроме Темпльхоф в Берлине, откуда автомобиль довозит госпожу Функ и Рехенберга до отеля «Вест Пеншн», Курфюрстендамм, в британском секторе. Этот отель, любимое место Юнити Милфорд* в те дни, когда она была увлечена Гитлером, пользуется популярностью и у жен заключенных Шпандау, приезжающих навестить своих мужей.

Открыв дверь спальни, Луиза Функ поискала взглядом большой букет цветов, стоящий, как она знала, в вазе на туалетном столике. Каждый раз, когда она приезжает, ее ждет букет розовых гвоздик. Такое пожелание выразил ее муж, а исполняет его герр Рехенберг, по-прежнему оказывающий услуги своему бывшему шефу.

Сняв пальто, фрау Функ сразу же подходит к стоящему у кровати телефону и просит соединить ее с тюрьмой Шпандау. Через несколько минут в трубке раздается щелчок, фрау Функ называет себя и добавляет:

— Я сейчас в Берлине.

— Позвоните позже, — отвечают ей.

Через три часа госпожа Функ делает второй звонок, и ей говорят:

— В 11 утра завтра.

Вот таким образом устанавливается наконец время визита. Так делается всегда. Жена или близкий родственник, желающие посетить Шпандау, сначала устанавливают удобную для обеих сторон дату, а затем заключенный обращается с письменным заявлением к начальникам тюрьмы. Когда вопрос решен, наступает очередь посетителя просить о разрешении. В путь можно собираться не раньше, чем запрос удовлетворен.

На практике не более двух заключенных могут принять гостей в один и тот же день. Накануне этого дня все возбуждены, и это настроение ожидания и напряжения передается и другим заключенным. Врач, проводящий

*Юнити Милфорд, одно время являвшаяся другом и восторженным поклонником Гитлера, умерла в госпитале в Обейне (Шотландия) в мае 1948 года. Тридцатитрехлетняя дочь лорда Ридсдейла и сводная сестра сэра Освальда Мосли (идеолога английских фашистов) возвратилась из Германии в январе 1940 года с чудовищным огнестрельным ранением в голову.

ежедневный осмотр, без труда «диагностирует» наступающее событие. У фон Шираха разыгрывается мигрень, и он просит дать сильное болеутоляющее; старик Нейрат желает получить «что-нибудь, чтобы поспать сегодня немного лучше»; это же относится и к Шпееру, и, конечно, к Функу. Только Дениц и Редер, пропитанные служебной дисциплиной, почти всегда могут обойтись без успокоительного. Гесс, разумеется, никаких посетителей не принимает.

Перед днем посещения мужчины всегда стирают и гладят одежду и надевают яркие рубашки, переданные им родственниками и приберегаемые для таких вот случаев. У Альберта Шпеера любимая с ярко-красными квадратами, но его перешеголял Дениц, питающий слабость к еще более пестрым ковбойским рубашкам. Функ всегда завязывает коричневый кашемировый шарф, а фон Ширах красный, в котором поначалу была заколка в виде розы. Цветок забрали, но шарф до сих пор скрывает в себе тайный дар. Его смочили одеколоном, чтоб узник мог наслаждаться ароматом роскоши внешнего мира.

Утром в день визита каждый приносит в туалетную комнату щетку для волос и ароматное мыло. Деницу нравится запах лаванды, а у фон Нейрата мыло французское, пахнущее гвоздикой. В первые дни заключения узникам не давали ни мыла, ни полотенец, и это стало известно генералу Л. Д. Клею, бывшему в то время военным комендантом американской зоны. Он-то и спросил, почему с заключенными так обращаются. Ему ответили, что один политзаключенный в другой тюрьме воспользовался полотенцем, чтобы повеситься. Генерал Клей пошел на компромисс с требованиями безопасности, позволив пользоваться полотенцами под присмотром охраны. Потом полотенца забирали.

В 10.30 утра фрау Функ и Рехенберг вышли из отеля, сели в машину, взятую напрокат, и через 25 минут остановились на Вильгельмштрассе. Фрау Функ вышла из автомобиля и пошла по уложенной плитами дорожке к главному входу в тюрьму, мимо деревянных дощечек с надписями: «Прохода нет», «Предупреждение. Опасность. Не приближайтесь к этому ограждению. Охрана имеет приказ стрелять». Она подошла к массивным железным

воротам и постучала. В окошке сразу же возник охранник и спросил:

— Вы фрау Функ?

Она подтвердила и прошла через открывшуюся в воротах дверь. Ее уже ждал круглолицый, с брюшком месье Дарбуа, французский начальник тюрьмы, который проводил ее в караульное помещение, где она начала записывать необходимые данные в журнал посетителей:

Фамилия: Функ. Имя: Луиза. Полное имя: Луиза Функ. Дата рождения: 7 июня 1888. Национальность: немка. Вероисповедание: протестантка. Место жительства: «гастхауз» Зойр, Гехенберг, Бад-Тельц. Время: — здесь охранник, стоявший рядом с ней, показал свои часы. Было 10.57.

Пока фрау Функ занималась этим делом, содержимое ее большой черной сумки выложили для осмотра на стол. Саму сумку, как и пальто посетительницы, тоже проверили. После этого охранники положили все вещи гости в шкаф до окончания посещения.

С формальностями было покончено, и Луиза Функ вместе с месье Дарбуа и вооруженным охранником вышла из караульной и поднялась в конференц-зал, откуда ее, после недолгого ожидания, провели в соседнюю комнату для посетителей. Необычное освещение и контрасты теней в этой среднего размера комнате, стены которой были покрашены в бледно-желтый цвет, требовали некоторого времени, чтобы свыкнуться с ними. Помещение делилось на две половины металлической сетью. Когда-то она была двойной, но потом один барьер убрали, чтобы гость и заключенный могли лучше видеть друг друга.

Фрау Функ села на деревянный стул перед длинным столом, стоявшим у перегородки. Стул располагался так, чтобы мощный луч лампы освещал лицо посетителя и давал возможность надзирателям видеть каждое движение, каждый знак. Естественный свет попадал в комнату только через единственное окно за перегородкой.

Слева от госпожи Функ сел месье Дарбуа, справа — русский начальник тюрьмы. По обе стороны от сетки находилось по стенографисту, которые вели полную запись разговора. За спиной госпожи Функ у стены стояли

еще два начальника тюрьмы — англичанин и американец. Лишь однажды все четверо отсутствовали, и в комнате находился только охранник. Это произошло 28 февраля 1953 года, когда фрау Эрика Редер пришла повидать мужа после смерти их сына, и было тактично решено ограничить присутствующих.

Пока фрау Функ ждала, русский стенографист вдруг улыбнулся и сказал на хорошем немецком:

— Noch nicht fertig mit Sontagskleide (Он еще не приготовил свою воскресную одежду.).

Через несколько секунд вторая дверь по другую сторону от сетки открылась, и лысеющий маленький Вальтер Функ нервно прошел, сопровождаемый охранником, к стулу напротив жены. Оба, как требовалось по инструкции, положили руки на стол, и свидание началось.

Заклученный начал разговор, как всегда, словами:

— Я счастлив снова видеть тебя, — и затем осведомился, хорошо ли она доехала. Хотя бывший журналист Функ мог когда-то завернуть удачную фразу, но в комнате для свиданий разговаривать свободно ему было крайне трудно. Политика, повседневная тюремная жизнь и события в мире относились к запретным темам, поэтому он говорил главным образом о своих болезнях и нарядах жены. Он знает каждое платье и каждый костюм из ее обширного гардероба. В данном случае Функ обратил внимание на ее наряд.

— Встань, чтобы я мог увидеть твой новый костюм, — сказал он.

Она сделала это, и он попросил:

— Повернись, дай мне посмотреть на тебя со спины.

Фрау Функ послушно выполнила желание мужа, чувствуя себя очень неудобно в присутствии посторонних.

— Ты купила его в том же салоне, где покупаешь обычно?

Он явно обрадовался, когда она кивнула, зная, что магазин этот весьма дорогой. Луиза Функ, всегда любившая поговорить, рассказала о друзьях, о соседях и обо всем прочем, что только могла вспомнить.

Потом, словно их одновременно посетила одна и та же мысль, они попытались просунуть через сетку мизинцы, чтобы коснуться друг друга. Русский начальник тюрь-

мы тут же вскочил со своего стула и начал кричать о нарушении правил. В ужасе от этого взрыва супруги отпрянули от перегородки, но, после вмешательства других начальников, разговор возобновился. Функ заговорил об операции, как всегда, нервно теребя носовой платок.

— Не вносите это в протокол, — приказал стенографистам русский.

— Они по-прежнему светят тебе в глаза? — спросила фрау Функ. Когда заключенный кивнул и сказал, что вынужден прикрывать глаза тремя платками, русский снова вмешался:

— Здесь такие разговоры запрещены!

Это замечание вывело из себя обычно трусоватого как кролик, Функа. Крича и рассыпая проклятия, он вскочил со стула в приступе неопикуемой ярости.

— Разве разговаривать — преступление? Преступление?

Его жена, пришедшая в ужас при мысли о возможных последствиях такого поведения, внезапно обмякла, словно теряя сознание, и американец с англичанином, зная о том, что у нее слабое сердце, поспешили на помощь. Ее вынесли из комнаты, усадили на диван и дали стакан воды. Лишь когда она оправилась и немного отдохнула, ей позволили вернуться, заверив, что это время учтено не будет.

Снова привели Функа. Поникший, он извинился перед женой и объяснил:

— Это нервы, я принимаю слишком много лекарств.

Разговор продолжался. Наконец француз посмотрел на часы, постучал по столу и сообщил, что осталось 3 минуты. Когда прозвучал сигнал, супруги поднялись, послали друг другу воздушный поцелуй, после чего Луиза Функ вышла из комнаты. Получасовое свидание закончилось. До ноября 1952 года свидания разрешались только один раз в два месяца и ограничивались 15 минутами. Теперь встречи стали ежемесячными, но из-за дороговизны проезда большинство жен заключенных договариваются о том, чтобы получить одно свидание в конце месяца, а другое через несколько дней, но уже в начале следующего.

Медленно идя по коридору, фрау Функ оглянулась на

мужа, которого вели к железной двери камеры. Он повернул голову, встретился взглядом с женой и исчез из виду. В сопровождении русского и француза фрау Функ возвратилась в караульное помещение, где ей вернули вещи и попросили расписаться в журнале посетителей, указав точное время ухода. Лишь когда она вышла из тюрьмы через главные ворота, два начальника оставили ее и разошлись в разные стороны.

Первой из родственников, кто посетил Шпандау, стала госпожа Винифред Макензен. Это было в декабре 1947 года, когда путешествие по Германии казалось кошмаром. На поезда нельзя было положиться, полеты тоже были невозможны, и дочь барона тряслась до Берлина в попутном грузовике. 4 дня и ночи она пролежала в кузове на ящиках, коченея от ветра. В Берлин фрау Макензен прибыла в жалком состоянии, с почерневшими от копоти лицом и руками.

В Шпандау ее встретили охранники в касках и с автоматами, и она вписала свое имя в журнал посетителей под дулом пистолета. Еще один охранник проверил ее карманы и даже прощупал волосы.

Барон фон Нейрат — единственный из заключенных, кому разрешено принимать одновременно двух взрослых посетителей, жену и дочь. Эту привилегию он получил в связи с возрастом и слабым здоровьем баронессы. Как и у мужа, у нее слабое сердце, и ей требуется сопровождающий. Подобную же уступку делают и в отношении юных посетителей Шпандау.

30 января 1953 года, когда в тюрьме появился новый английский начальник, фрау Макензен попросила разрешения дотронуться до руки отца. Ей отказали.

— Это к лучшему, — сказала ей мать. — Не думаю, что это было бы разумно, он мог бы слишком расчувствоваться.

Несмотря на свои 80 лет, барон фон Нейрат вошел в комнату без посторонней помощи. Лишь когда из-за болезни сердца состояние его ухудшалось и на лице появлялись признаки сердечной недостаточности, он пользовался тростью. Барон оглядел всех присутствующих. Из-за катаракты зрение у него было ослаблено, а операцию

врачи не рекомендовали в связи с общим состоянием здоровья.

В помещении было так тесно, что русский начальник тюрьмы чуть не придавил обеих посетительниц. Англичанин попросил его немного подвинуться.

— Я всегда здесь сижу.

— Я настаиваю, чтобы вы подвинулись.

Русский уступил, и свидание началось. Фон Нейрат раскрыл тетрадь, принесенную с собой, а его жена положила перед собой листок бумаги. У обоих была плохая память, и к разговору они делали для себя пометки. Барон нервно проверил свои протезы, проведя по ним языком. Это были уже вторые, поставленные тюремным врачом, но ему до сих пор не удалось к ним привыкнуть. Один за другим фон Нейрат вычеркивал из списка пункты: работа в усадьбе, новости о родственниках, друзьях и соседях. Жена сказала, что принесла ему мыло, белье, носки, носовые платки и трубки. Затем прозвучал сигнал о том, что время на исходе, и вскоре женщины поднялись и ушли.

В мае 1953 года в Шпандау побывал один из самых юных посетителей, 10-летний Рихард фон Ширах. Отец, не видевший его много лет, попросил о свидании, и мальчика доставила в тюрьму фрау Гофман, жена Гейдриха Гофмана. Он уже знал о заключении отца и объяснил своим школьным друзьям, что его папу посадили в тюрьму, как сажали некогда знаменитых людей.

— Как Ричарда Львиное Сердце, — сказал юный фон Ширах. Но когда сын увидел отца в Шпандау, на том не оказалось рыцарских доспехов.

Когда тюрьму посещают старшие дети Шираха, их специально отпускают из школы, и они одни путешествуют из Мюнхена. До достижения 18 лет их всегда кто-то сопровождал. Уже из Берлина друзья семьи, в которой дети останавливались, звонили в Шпандау. Для 19-летней Анжелики, голубоглазой, с золотистыми волосами, визит в тюрьму всегда сопряжен с большими трудностями. Какой из двух костюмов надеть — синий или темный в крапинку? В прошлый раз был синий. Она пришла в Шпандау с большим букетом красных роз и попросила,

чтобы отцу разрешили их понюхать. Цветы осмотрели, но сказали, что оставить их в качестве подарка нельзя. Анжелика принесла их в комнату для свиданий и улыбнулась всем, кто там находился. Как она гордо признала, это был «успешный небольшой флирт»! Но уже позже девушка сказала:

— Я попробовала заговорить с одним охранником на довольно плохом английском, но ничего не вышло. А симпатичные русские даже не посмотрели в мою сторону.

В комнате для свиданий девушка не стала снимать шляпку, чтобы отец смог увидеть образец последней моды. Она также встала, демонстрируя свой костюм, и обратила внимание отца на длину юбки.

— Не хочу, чтобы папа превратился в Рипа Ван Винкля*, — объясняет она.

Как и фон Нейрат, Ширах, готовясь к визиту, составляет план разговора: какие книги следует прочитать детям, как они учатся в школе. 14-летний Роберт — единственный из детей фон Шираха, никогда не видевший отца вне тюрьмы. Когда ему было 5 лет, его тайком провели в камеру в Нюрнберге, спрятав под одеянием священника. Это случилось перед вынесением приговора. Мальчик оглядел унылое помещение и сказал:

— Похоже, тебе здесь очень удобно, папа.

Родственники фон Шираха до сих пор рассказывают об этом случае.

Перед уходом дети Шираха всегда встают на стул, чтобы он увидел, как они подросли. Так же поступают и внуки гросс-адмирала Деница: 14-летний Петер, 10-летний Уте, 8-летний Клаус. Этот мальчик, похожий на Деница, когда тот был ребенком, в первый раз войдя в комнату, поклонился деду. То же он сделал и уходя. Все полчаса он называл деда «Опус», это любимое прозвище, данное ему еще детьми, и объяснял, как нужен ему трансформатор для электрической железной дороги. Игрушку эту он позже получил.

*Рип Ван Винкль — герой одноименного рассказа выдающегося американского писателя Вашингтона Ирвина (1783—1859), который фантастическим образом на много десятилетий оказывается оторванным от жизни родных мест и, вернувшись назад, потрясен новым бытом и внешним видом людей — своих отдаленных потомков.

Повернувшись на секунду к дочери, Дениц, человек приказывавший своим подводникам убивать и убивать, сказал: «Я счастлив, что у меня длинноногий и стройный, как тростинка, внук. У него веселые и живые глаза, и он всегда готов улыбаться моим глупостям. Он доставляет мне огромное наслаждение, и я еще больше желаю приближения завтра».

Во время своего первого посещения, когда фрау Дениц расписывалась в журнале посетителей, в караульной послышались громкие выстрелы, и в комнату, хромая, вошел один из охранников. Через открытую дверь она видела, как принесли еще троих солдат — они получили ранения. Как оказалось, кто-то из охранников случайно выстрелил из автомата. Фрау Дениц объяснила, что она медсестра, но ее предложение помочь отклонили. В те первые дни в Шпандау все находилось в состоянии колоссального напряжения, которое к концу свиданий достигало кульминации. Вот почему охранники более чем обычно внимательны к заключенным после свиданий, понимая, как их должны мучить отчаянье и раскаянье.

При первой же возможности шестеро осужденных, принимающих посетителей, взволнованно обсуждают состоявшиеся или будущие свидания, но ночью наступает реакция. Больше чем когда-либо им нужны опилки, чтобы привести в порядок нервы и забыть об утраченном мире, испытывавшем на себе их амбиции и жестокость.

Вальтер Функ вспоминает обвинения и приговор Нюрнберга по-своему. Когда его жена выходит за ворота Шпандау, поджидающий ее Рехенберг вручает ей второй букет гвоздик от имени мужа. Теперь они темно-красные — скорбь о будущем, уничтоженном прошлом.

ГЛАВА 9

САД ИДЕНА

Никогда этот сад не выглядел чудеснее. Сирень стала очаровательным цветным зонтиком, ореховые кусты радовали плодами, а на грядках зрели клубника, помидоры, сельдерей, кабачки, огурцы, морковь, лук, шпинат, горох, картофель. Всего было в изобилии в этом саду, и лишь один плод оставался недоступен семерым мужчинам, которые копали, рыхлили и лелеяли песчаную землю, поливали и подрезали деревья в саду Шпандау, — свобода.

Пока заключенные работали, некоторые из них даже обнажившись по пояс, в тихом, затененном уголке сада, за ними наблюдали с трех башен одетые в хаки солдаты с заряженными пулеметами. Все, что выращивается в саду Шпандау, за исключением клубники и орехов, поступает на тюремную кухню для всех.

В 10.30 утра четверо охранников в синей форме выводят семерку из камер и сопровождают к стальной двери в дальнем конце внутреннего тюремного блока. Дверь открывается, и заключенные один за другим спускаются по узкой каменной лестнице к другой стальной двери. Там, за ней, «Эдемский»* сад, как называли его узники по имени министра иностранных дел Великобритании Энтони Идена.

Каждодневная работа в саду, если позволяет погода, — это единственное время, которое семерка проводит на открытом воздухе, и при этом она постоянно находится под наблюдением. Обычно, выходя в обширный сад, все семеро машинально смотрят в небо, отыскивая своих друзей — птиц, гнездящихся на деревьях, порхающих с ветки на ветку, носящихся над стеной. Узникам быстро раздают лопаты и мотыги, и они направляются к огороду, где каждый работает на своем участке.

* В данном случае — игра слов. Eden в переводе с английского означает «рай» (сады Эдема). Фамилия министра иностранных дел Великобритании пишется и произносится по-английски так же.

Гросс-адмирал Карл Дениц с лейкой в руках присоединяется к барону фон Нейрату; Бальдур фон Ширах составляет пару 77-летнему Эриху Редеру; Вальтер Функ долго ходит туда-сюда, бормоча и ворча себе под нос, пока, наконец, не подходит к Нейрату и Деницу; Альберт Шпеер, как всегда довольствующийся компанией самого себя, идет к грядке с помидорами. Рудольф Гесс сразу же приступает к тому, что ему больше всего по душе в саду: он растягивается на ближайшей тачке, чтобы соснуть часок.

В письмах домой Гесс часто хвастает своими познаниями огородника и жалуется на то, как утомляет его работа. Это, конечно, чистое вранье, потому что на деле он самый ленивый из семерки, в чем его товарищи и охранники неоднократно убеждались.

— Мне столько приходилось заниматься овощами, что этого хватит на всю оставшуюся жизнь, — сказал Гесс, поднимаясь с тачки. — Когда я учился в школе в Годесберге, нам приходилось каждую неделю помногу работать в саду. Каждому ученику давали по 2 квадратных метра земли, с которыми он мог делать все, что хотел. Мои усилия не шли дальше выращивания крыжовника, так что наш учитель вскоре оставил меня в покое.

Прежде всего заключенным пришлось расчистить 99 кв. метров земли. Взявшись безо всякого желания за эту работу, Гесс заметил:

— Возможно, это как раз по мне, заниматься сорняками, я делал это и раньше, только в другом масштабе.

Вальтер Функ тоже не отличается тягой к физическому труду и большую часть времени проводит за тем, что философствует, посмеивается и подшучивает над другими заключенными. Обычный его трюк — притвориться, что он ищет, чем бы заняться, а потом стоять с мотыгой в руках возле одного из работающих.

Самое большое достижение архитектора Альберта Шпеера — сад камней, который он создал из обычных кирпичей. Чаще всего он работает в старых белых шортах, присланных женой. Шпеер всегда дружелюбен со всеми, кроме Шираха, которого презирает.

— Голова у него испорчена ложными идеалами, — говорит он, на что Ширах ядовито отвечает:

— Шпеер всего лишь так называемый художник. Подлинного художественного дара он лишен.

Эти люди, профессией которых когда-то была ненависть, знают, как ненавидеть друг друга, особенно Дениц и Редер, давние и жестокие враги.

Барону Константину фон Нейрату врачи посоветовали не заниматься в саду никакой работой, потому что напряжение смертельно опасно для него. Но бывшему владельцу огромного поместья недоступно почти ничего, потому что чтение ему тоже противопоказано из-за катаракты, так что сад — это его единственная привязанность в тюрьме.

Высокий, плотного телосложения, фон Нейрат, с дуэльным шрамом на щеке, — единственный из всей семерки, кто действительно знает толк в огородничестве. Именно он руководит посадкой, т. к. имеет практические знания. Для всех он *Der ober Gartenbaudirektor* — старший, главный садовник, отвечающий за процветание сада.

Всегда любезный, редко жалующийся, человек другого мира и поколения, фон Нейрат, бывший правитель Богемии и Моравии, бывший министр иностранных дел, бывший посол в Лондоне и Риме, внушает уважение заключенным, охране и администрации тем, с каким спокойствием принимает наказание. Единственное, на что он жалуется, это ночные проверки. Однажды он предложит:

— Почему бы не оставить в камерах на всю ночь приглушенный свет? К нему человек может привыкнуть в отличие от яркого.

Состояние фон Нейрата вызывает постоянное беспокойство, и в саду за ним всегда присматривает санитар. Нейрат часто перетруждается, затем вдруг замирает и опирается на что-нибудь рукой. Дениц и Шпеер осторожно помогают ему опуститься на землю и посидеть, пока санитар взламывает капсулу с тринитритом, которую держит для таких случаев при себе. Фон Нейрат отдыхает до тех пор, пока сердечный приступ не проходит.

Раз за разом врачи предостерегают его от работы в саду и даже от стирки, но ответ всегда один:

— Каждый должен работать.

Чувствуя приближение опасности — об этом свидетельствует тяжесть в груди, — Нейрат садится или даже ложится, так как ему это позволено.

Именно вокруг этого 80-летнего заключенного ведутся в Шпандау незатихающие политические споры. Время от времени англичане, французы и американцы безуспешно пытаются перевести его в госпиталь. Но русские наотрез отказываются даже обсуждать возможность такого перевода.

— Если союзники хотят для Нейрата лучшего медицинского обслуживания, здесь достаточно хороших русских врачей, — говорят они. Британский Форин-оффис даже заказал два подробных доклада о состоянии его здоровья.

Против тех, кто добивался более мягкого отношения к «ныне безобидному старику», звучат голоса других, цитирующих документы Нюрнберга: «Он метал бисер своего дипломатического опыта перед Гитлером; руководил германской дипломатией; умерял страхи народов, бывших следующими жертвами; был готов оставаться инструментом политики фюрера столь долго, сколько это требовалось для укрепления величия рейха, и сам навлек на себя наказание всего мира, которое должен вынести полностью».

Когда в саду Шпандау фон Нейрат начинает говорить, остальные шестеро слушают. Они уважают мнение этого дипломата старой школы и понимают, что его точка зрения намного ценней и глубже, чем взгляды доморощенных нацистских лидеров.

— Если бы не фон Нейрат, мы бы все сошли с ума, он такой реалист, — говорит Шпеер.

А вот какой совет дает шестерым сам Нейрат: «Много думайте, но мало говорите. Чувствуйте, но не проявляйте чувств».

Но иногда дипломатическая закваска не помогает. Вот что пишет Нейрат в одном из недипломатичных писем домой: «Не думаю, что смогу выносить это и дальше».

Человек, которого в Праге сменил Гейдрих, был последним видным деятелем донацистского режима, сохранившим свой пост при Гитлере. В 1938 году Риббентроп

изгнал его из министерства иностранных дел Германии. Ему дали незначительный пост «председателя тайного совета кабинета». В следующем году Гитлер назначил Нейрата главой «Протектората Богемии и Моравии», т. к. он происходил из династии, правившей некогда Венгрией. Но барон, который каждый день, летом и зимой, независимо от погоды, ходил пешком, с зонтиком в руках, к Сент-Джеймскому парку кормить уток, оказался в Богемии слишком добродушным, с точки зрения Гитлера. Фюрер хотел, чтобы чехи пребывали в покорности и страхе, и фон Нейрата заменили.

Тем не менее это был один из самых «сильных людей» нацистского режима. Он сыграл зловещую роль в противостоянии мировому разоружению и разрушении Лиги Наций*. Обо всем, что из этого вышло, он говорит так:

— Война была огромнейшей глупостью. Мое знание английского народа убедило меня в том, что британцы выполняют обещание, данное Польше, и президент Рузвельт тоже ясно дал понять, что американцы в конце концов вмешаются в конфликт. Я предвидел, что Германия не сможет победить. Перед войной я много и честно работал с моим большим другом, лордом Галифаксом, ради мира, но мы лишь понапрасну тратили время. Гитлер уже сделал выбор в пользу войны. Так обстояли дела...

Именно к фон Нейрату приходят остальные шестеро со своими проблемами. Дениц, едва знавший барона до своего заключения, сейчас полностью ему доверяет. Однажды утром, когда они вышли в сад, Дениц едва смог сдержать себя, пока ему не представилась возможность поговорить наедине с фон Нейратом на участке с картошкой.

— Из письма от жены я узнал кое-какие неприятные вещи, — начал гросс-адмирал. — Она сообщает мне, что получает только пенсию капитана ВМФ; это просто унижительно, принимая во внимание мою ответственность. Я

*Именно фон Нейрат советовал Гитлеру выйти из поддерживаемой Лигой Наций Конвенции по разоружению, и он же играл ведущую роль в переговорах, которые подтолкнули Гитлера к решению оккупировать Рейнскую зону.

стал высшим командиром военно-морского флота в самое критическое время войны. В качестве главы государства мне пришлось выполнять неблагодарную задачу по завершению войны, а теперь правительство дает мне лишь пенсию капитана, объясняя это тем, что более высокими званиями я обязан Гитлеру.

Не будь Третьего рейха, я все равно стал бы адмиралом, а в соответствии со старыми правилами, действовавшими со времен кайзера, фельдмаршалы и гросс-адмиралы вообще не выходят на пенсию. Они имеют право получать полное вознаграждение до конца своих дней. Страна имеет право оценивать каждого высшего военного, исходя из следующих положений: был ли он активно ответственен за начало войны в 1939 году? делал ли он, когда война начиналась, все для того, чтобы выиграть ее? То, что происходит сейчас, — это намеренное оскорбление. Я также не намерен отказываться от зарплаты главы государства за май 45-го. Когда я выйду из этого санатория, то позабочусь об этом, — сердито закончил Дениц.

Фон Нейрат успокоил его, предложив попросить адвоката заняться вопросом пенсионного обеспечения, с тем чтобы добиться его увеличения.

В начале 1953 года Гесс тоже доверился фон Нейрату:

— Моей жене требуется операция, и я посоветовал ей обратиться к хорошему целителю. Сейчас я не помню его имени, но я сказал ей, что кое-кто из «моих людей» должен помнить его. Он как раз тот человек, которого ей нужно посетить. Думаю, я поступил правильно, посоветовав целителя: даже в лучших медицинских учреждениях могут ошибаться в диагнозе. — И добавил, вспоминая, что его часто поддразнивали за защиту гомеопатов: — Вы, возможно, просто посмеетесь над моей верой, но я тем не менее знаю, что я прав.

— Нет, я вовсе не нахожу ваше предложение смешным, — сказал фон Нейрат. — Гомеопатическое лечение помогает мне справиться с высоким давлением и сердцем, и в любом случае даже простая вера во что-то принесет пользу.

Гесс, поделившись своими сомнениями, отправился сажать подсолнухи, что вызвало недовольство других,

обвинивших его в пренебрежении к «более важным сельскохозяйственным культурам».

Все останавливаются послушать, когда фон Нейрат начинает вспоминать былые дни, ведь его знали во многих странах, и он вращался в высоких кругах. Барон всегда представлял нацистов за пределами Германии и от имени правительства даже присутствовал на похоронах короля Георга V.

Несмотря на запрещение читать газеты, семерке удастся узнать кое-что из того, что происходит в мире, и на фон Нейрата произвело большое впечатление известие о смерти королевы Марии; в этот день у него случился сильный сердечный приступ. Выздоровев, он еще на протяжении долгих дней говорил только о ней, королевской особе, с которой росли он сам и его жена.

— Когда я был ребенком, — вспоминает фон Нейрат, — принцесса Элизабет фон Тек прибыла со своей дочерью Марией в замок Людвигсберг. На принцессе был считавшийся тогда самым модным, костюм из черной баратеи с сотней жемчужных пуговиц на лифе.

Принцесса была очень крупная, с большой грудью, и девочки в замке пытались угадать, сколько именно пуговиц на ее одеянии. Она проявила неподдельный интерес к урокам танцев, которые проходили в большом холле, но не смогла принять в них участия из-за понесенной большой потери — смерти ее возлюбленного, герцога Кларенса. Одеята она была во все черное, и это, наряду с тем, что она потеряла любимого в столь раннем возрасте, делало ее в глазах многих романтической и трагической фигурой.

Мой отец был лордом-камергером у короля Вюртемберга, и меня, соответственно, представили Марии. Если бы не отец и я, королева Мария, возможно, никогда бы так долго не правила Англией. Однажды вечером — мне тогда было 17, — прибыв в Штутгартский замок, мы с ужасом заметили отблеск огня в одной из спален. Мы бросились в комнату и, ворвавшись в нее, обнаружили, что шторы занялись от керосиновой лампы, а юная Мария спит, не догадываясь об опасности. Мы разбудили ее и проводили в безопасное место, а сами вернулись, чтобы

погасить пламя. Служащие замка согласились, что, если бы не мы, Мария могла бы сгореть заживо.

Несколько лет спустя фон Нейрат, женившийся на Марии Мозер фон Фильзек, снова встретился с Марией в Лондоне. Они были на приеме у короля Георга V и королевы Марии в Букингемском дворце в начале 1930 года, вскоре после того, как барон представил верительные грамоты посла рейхспрезидента Гинденбурга.

— Сначала представили всех присутствующих на приеме джентльменов, — рассказывает фон Нейрат Шпееру, — и когда подошла моя очередь, королева воскликнула: «Уж не маленький ли это Константин!» Потом стали представлять дам дипломатического корпуса, и когда приблизилась моя жена, королева снова воскликнула. «Манни Мозер! Уж не жена ли ты посла!»

Ей было приятно встретить подругу былых дней. После этого мы часто видели короля и королеву, нанося регулярные, но не официальные визиты во дворец.

Больше всего фон Нейрату нравилось рассказывать историю о королеве Марии и яблоках:

— Однажды, когда я был послом в Лондоне, от нашего бургомистра пришла большая посылка. В сопроводительном письме говорилось, что он прочел в местной газете о том, как королева лично помогает своей внучке заниматься немецким, и решил прислать королеве ящик вюртембергских яблок, чтобы она давала по одному ученице, когда у той наметятся успехи.

Прочитав письмо, мы открыли ящик, самый обычный, деревянный, и моя жена взяла одно или два яблока, чтобы попробовать. Вид у них был неважный, за время пути они подвяли и потеряли свежесть. Ящик закрыли, приложили записку с извинением за их внешний вид, и жена лично отвезла подарок в Букингемский дворец на машине.

Лакей, опередив мою жену, внес ящик в комнату королевы Марии, а моя жена, когда ее приняли, объяснила предназначение подарка. Ящик вскрыли, королева прочитала письмо бургомистра и, взяв одно из яблок, сказала: «Моей ученице? О нет! Я сама съем эти яблоки с моей старой родины!»

Альберт Шпеер, всегда с нетерпением ожидающий будущего освобождения, жадно впитывает долгий дипломатический опыт фон Нейрата. Как только ему предоставляется удобный случай, он расспрашивает барона о его прошлой жизни и неизменно выслушивает подходящую случаю поучительную историю. Одной из них стал рассказ о приеме в Чекерсе во время англо-германских политических переговоров. Фон Нейраты вместе с германским канцлером Брюннингом и министром иностранных дел были гостями Рамсея Макдональда и его дочери Шейлы.

— Мы обычно старались избегать этих английских вечеринок, потому что на них полагалось играть в бридж, а мы не играли, предпочитая проводить воскресные дни дома или в саду посольства, — рассказывал Шпееру Нейрат. — Все было хорошо, состоялось много интересных разговоров, одним из гостей был Джордж Бернард Шоу, но моей жене вечер запомнился по другой причине. Рамсей предложил нам прогуляться, и нам, естественно, хотелось посмотреть, что из себя на самом деле представляет Чекерс. Все шло прекрасно, пока Рамсей не выдвинул вдруг в какой-то комнате ящик стола, и перед нами предстала посмертная маска Оливера Кромвеля. Моя жена, будучи женой дипломата, знала, как контролировать себя, и просто сказала: «Очень интересно», — хотя ее чуть не стошнило от ужаса.

Возможно, если бы я послушался королеву Марию, я не был бы сейчас в Шпандау, — продолжает фон Нейрат. — У нее было предчувствие, что моя карьера начала рушиться, когда Гинденбург отозвал меня из Лондона в Германию. На следующий день после получения инструкций из Германии итальянский посол сопровождал мою жену на прием в Букингемский дворец. Когда машина въехала во двор, подошедший к жене камергер сказал, что он должен незамедлительно отвести ее прямо к королеве. Королева стояла, окруженная большой толпой, и ей как раз представляли нового посла, но, увидев мою жену, она, к удивлению посла, сразу же поспешила к ней. «Манни, ваш муж не должен возвращаться в Германию сейчас, — сказала королева. — Он принесет много больше пользы здесь, оставаясь послом».

Манни объяснила, что я и сам не испытываю желания уезжать, потому что я чувствовал необходимость моего пребывания в Лондоне, но пообещал Гинденбургу вернуться в любое время, когда ему понадобится новый министр иностранных дел. И вот меня позвали.

Через некоторое время я вернулся в Лондон, чтобы привести в порядок дела, и меня с женой пригласили на прощальный ланч в Букингемский дворец. Присутствовали только король с королевой и мы с женой. Слуга лишь принес поднос, а обслуживала сама королева. Порции оказались так велики, что, когда она нагрузила наши тарелки, моя жена, смеясь, воскликнула: «Слишком много! Слишком много!»

Несмотря на наши протесты, королева не остановилась и приказала: «В моем доме ешьте столько, сколько вам дают».

Когда пришло время прощаться, из разговора я уже понимал, что она считает: моя карьера повернулась к худшему.

Так и оказалось. Фон Нейрат, человек, часто шедший на компромисс с совестью, вернулся в Германию, к Гинденбургу, Гитлеру и... в Шпандау.

Но и в тюрьме его дипломатические и политические знания продолжали находить применение.

Однажды утром в сентябре 1952 года Функа увлекла вдруг одна идея. Первым делом он подошел к фон Шираху, занимавшемуся грядкой с капустой, потом обратился к Редеру, а затем объяснил свой замысел по очереди всем остальным.

Как бывший журналист, Функ хорошо понимал, какой властью обладает пресса, и задумал отправить из тюрьмы обращение к Папе Римскому с просьбой от всех семерых помочь добиться амнистии. Функ даже составил черновик этого обращения и рассказал, что в его намерения входит отправка копии документа в Америку для публикации в журналах «Тайм» и «Лайф».

После первоначального обсуждения в саду обращение тайком передавали из камеры в камеру, чтобы каждый из заключенных мог изучить его для принятия решения. Встреча была назначена в саду на следующий день.

Едва утром началась работа, как Функ занялся выяс-

нением мнения своих товарищей. Фон Ширах, Редер и Гесс были готовы подписаться, а фон Нейрат воздержался, объяснив, что хочет сначала услышать мнения Деница и Шпеера. Последние высказались против и пояснили фон Нейрату причины своих возражений.

— Мы считаем, что обращение к Папе Римскому, исходящее непосредственно от нас, будет плохим знаком и скорее всего вызовет противоположную реакцию, т. к. мы открыто нарушаем тюремные правила, запрещающие любые политические контакты с внешним миром, — сказал Шпеер. — Дело не в том, что мы боимся какого-то наказания, но мы убеждены, что это плохая дипломатия. Было бы намного эффективней, если бы с таким воззванием от нашего имени обратились наши жены, семьи и друзья.

— Это — наше общее мнение, — сказал Дениц. — Я полностью согласен с его точкой зрения.

Фон Нейрат как председатель попросил Функа уничтожить петицию.

— Не расстраивайтесь, — утешал Функа Шпеер, — намного лучше принять наказание и смириться с заключением. Проблемы заключения всегда одни и те же, с человеческой точки зрения. Многие заключенные, несмотря на духовную депрессию, позднее восстанавливают способность выживать и продолжают жить, и это до некоторой степени утешает меня.

Там же, в саду Шпандау, были брошены семена еще одного заговора. Камеры подвергались обыску каждый день. Годами там ничего не находили, но однажды утром под кроватью фон Шираха обнаружили некий предмет круглой формы, завернутый в бумагу.

Русские надзиратели, проводившие обыск, спросили, что это такое, но фон Ширах сказал, что и сам заинтригован. Один из надзирателей наклонился, чтобы поднять странную находку.

— Не прикасайся, — предупредил его кто-то из товарищей. — Неизвестно, чем эта штука может оказаться.

Было решено позвать начальника, который в свою очередь послал за дежурным офицером. Внимательно осмотрев предмет, тот приказал развернуть его. Это мог быть и заряд, но других способов проверить не было.

Бумагу медленно развернули — под ней оказалось «конское яблоко». По крайней мере, и вид, и запах подтверждали это, но офицер знал, что похожие штуки использовали диверсанты во время войны, и решил не рисковать.

Предмет осторожно подняли и перенесли, полностью не разворачивая, в соседнюю комнату и положили на пол. Там его осмотрели более тщательно и выяснили, что неизвестный предмет именно то, чем и показался вначале, — конский помет.

Как он попал в камеру фон Шираха, оставалось загадкой, которую следовало разгадать, для чего созвали четырехстороннее совещание. На поиски ответа ушло несколько дней. Выяснилось, что загадка началась с фон Шираха. Работая в саду, он однажды решил подарить Функу «природное лекарство». Им и стало «конское яблоко», взятое из кучи навоза. «Лекарство» тайно пронесли в камеру Функа, посоветовав использовать его в качестве бальзама от бронхита. Обнаружив природу «целебного средства», Функ каким-то образом переправил его в камеру Шираха, завернув в бумагу, причем, последний ничего об этом не знал. Таково было официальное решение «загадки с бомбой». Еще одно расследование, требовавшее участия представителей четырех держав, проходило в январе 1953 года и получило название «Следствие о шоколаде». В роли виновного оказался фон Нейрат. Однажды, работая в саду, он сунул руку в карман куртки, покопался там, поднес руку к лицу и затем что-то сунул себе в рот. Внимательно наблюдавший за ним охранник заметил странные движения и, бросившись к Нейрату, кричал:

— Выплюньте то, что у вас во рту!

Фон Нейрат так и сделал. Это оказался кусочек шоколада, а из кармана охранник извлек остаток плитки. Вызвали начальство, шоколад конфисковали, а фон Нейрата спросили, откуда он взялся. Объяснений не последовало.

Шоколад, завернутый в бумагу, отнесли в конференц-зал и положили на стол в ожидании четырех начальников тюрьмы. Те вскоре прибыли, и следствие началось. Общее мнение было таково: шоколад — роскошь; роскошь в тюрьме запрещена; следовательно, его доставили в

Шпандау тайно, а это означает некую прореху в цепи охраны.

В течение 14 дней «улика» лежала под замком в шкафу конференц-зала. Каждый раз, когда начальники собирались услышать новую информацию, ее приносили и клали на середину стола.

Допрашивали каждого охранника, каждого работника тюрьмы, но загадка, связанная с появлением шоколада, так и не была разгадана. 14-дневное расследование кажется фантастическим и напоминает фарс, но в глазах тюремного начальства шоколад мог быть ампулой с ядом или пистолетом. Фон Нейрата предупредили, что любое повторение подобного нарушения может привести к серьезным изменениям в положении заключенных.

— Я понимаю важность данного вопроса, с вашей точки зрения, — сказал фон Нейрат сделавшему ему выговор офицеру и добавил: — Если бы шоколад был моей единственной слабостью...

ГЛАВА 10

СРОЧНЫЙ ВЫЗОВ

Человек в хаки склонился над фигурой спящего и осторожно тронул его за плечо.

— Срочный вызов из Шпандау, сэр.

Было 2 часа ночи, и лежавший на кровати дежурный врач зевнул и спросил:

— Кто на этот раз?

— Гесс, сэр.

— О Боже! Вот дела.

Доктор поднялся с кровати и начал одеваться. Он был одним из четверки представляющих каждую страну. В обязанности врачей входило поддерживать заключенных в максимально здоровом состоянии и обеспечивать такие условия, при которых никто не мог обвинить власти в безразличии или халатности. Власть медиков распространялась настолько, что они в экстренных случаях могли даже отменить любое из установлений тюремной администрации.

Выйдя из дома, где жили офицеры, врач подошел к главному входу, нарочито топая ногами, как делали все входившие в тюрьму после наступления темноты, чтобы избежать ситуации, когда охранник сначала стреляет, а лишь потом окликает.

У кабинета начальника тюрьмы доктор подождал, пока секретарь позвонит и сообщит о его приходе, а затем прошел по коридору к железной двери в конце. Он посвистел, заметил в «глазке» какое-то движение и услышал, как поворачивается в замке ключ. Ключи от внутреннего блока всегда находятся у надзирателей, дежурящих там. Сопровождаемый начальником охраны, врач вошел в дверь камеры заключенного №7. Начальники охраны выступают также в роли переводчиков и, за исключением англичанина Чизхолма, который не очень силен в русском, говорят на четырех языках. Никто и никогда не остается с заключенным наедине.

Заклученный Рудольф Гесс лежал на полу, прижав руки к животу и стонал:

— Помогите мне! Помогите! Почему вы не можете помочь мне?

Доктор знал, что осмотр ничего не даст. Симптомы болезни Гесса всегда оставались без изменений, но скрытая за ними физическая причина была неясна. Одно время для облегчения колик Гессу даже разрешали пользоваться грелкой.

— Хорошо, номер 7, это вам поможет, — пообещал доктор, доставая из сумки шприц. Гесс тут же перестал стонать и посмотрел на врача.

— Что вы собираетесь дать мне? — спросил он, наблюдая за тем, как шприц наполняется бесцветной жидкостью из небольшого пузырька.

— Морфий. Вашу руку, пожалуйста.

Сделав укол, доктор сказал:

— Сейчас вы уснете, а позже мы снова поговорим.

Рудольф Гесс почти сразу же уснул. Бесцветная жидкость во флаконе, между прочим, была просто дистиллированной водой!

Врач еще успел поспать несколько часов, когда в Шпандау наступило время медицинского осмотра. Иногда дежурный доктор заходит в камеры к заключенным или осматривает их в саду, но чаще всего, как и в это утро, их приводят по одному в медицинский кабинет, находящийся вне главного блока.

Бальдур фон Ширах вошел в комнату, потирая руки в надежде получить кое-какие привилегии. Вытянувшись и щелкнув каблуками, он застыл у стола, пока не получил разрешения садиться.

Улыбаясь, фон Ширах взглянул на лежавшую на столе перед врачом книгу и сказал:

— А теперь я могу получить фрукты от запора?

Доктор знал, что и остальные шестеро обратятся к нему с подобными просьбами. Единственная возможность получить их — это пожаловаться на здоровье, хотя фон Ширах верит в эффективность кофе. Первое желание было удовлетворено.

— А черный кофе с черным хлебом? — спросил он, пытаясь добиться большего.

— Давайте подождем и посмотрим, как будут действовать фрукты, — ответил врач.

Фон Ширах подошел к весам, где санитар проверил его вес и вписал данные в карточку.

— Как на этой неделе? — поинтересовался фон Ширах.

Услышав, что слегка потерял в весе, Ширах завозмущался:

— Постоянный вес — самое важное для моего здоровья. Доктор, я думаю, что в данных обстоятельствах вы примете во внимание мою просьбу насчет дополнительной порции хлеба и кофе.

Его требования проигнорировали.

Поддержание веса заключенных считается важным делом, но когда приходит очередь русских, то некоторые узники из-за смены диеты и нервного напряжения теряют от 2 до 4 фунтов за месяц.

— У вас снова были проблемы с Гессом, доктор, — замечает фон Ширах, меняя тему разговора. Заместитель фюрера — любимая тема словоохотливого Шираха; и он продолжает:

— Возможно, у него действительно какое-то физическое расстройство. Он явно ненормален. Некоторые его поступки, несомненно, проистекают из комплекса неполноценности, которым он страдает. Уверен, что именно это подтолкнуло его совершить полет в Англию и попытаться одним ударом превратиться в самого важного человека в мире.

Когда Гитлер сообщил Герингу, что в случае, если с тем что-то случится, его место займет Гесс, Геринг так разозлился, что повысил голос на фюрера. По его мнению, было бы оскорблением считать, что человек с интеллектом Гесса способен заменить его. Я советую, доктор... — Но дальше фон Шираху не дали развить свою мысль.

— Замолчите, номер 1, вы снова слишком много говорите, — оборвал его врач. Фон Ширах умолк. Он знал, как далеко может зайти.

— Вот ваши новые очки, номер 1, хотя они вам в общем-то и не нужны. — Доктор подал ему футляр.

— Если другим позволено проконсультироваться со

специалистом и получить очки, то не понимаю, почему это нельзя мне, — как всегда, обидчиво заметил фон Ширах. — Я могу ознакомиться с рецептом на очки?

Доктор осведомился о причине такого любопытства.

— Просто приятно видеть это, — ответил заключенный, но в итоге вышел из кабинета ни с чем.

Следующим ввели Карла Деница. Он тоже щелкнул каблуками и оглядел бедно обставленный кабинет с кушеткой и бюро. Попросив кофе, хлеба и фруктов от запора, гросс-адмирал пояснил, что его по-прежнему беспокоят сильные боли. Для доказательства верности своего утверждения он согнул правую ногу и, пытаясь выпрямить ее, закричал:

— О Господи!

Дениц полагал, что у него тромбоз.

— Мне нужна та же операция, что и королю Англии. У короля ведь тоже были острые боли, верно?

Электрокардиограмма показала отсутствие у Деница каких-либо заболеваний сердца. Общее состояние было хорошим, и врач, назначив ему массаж, уверил Деница, что тромбоза у него нет. Дениц разделся, и санитар Прост в течение 15 минут массировал его ноги и туловище для улучшения кровообращения.

— Думаю, отчасти моя беда в том, что я больше не могу совершать длительные прогулки, — объяснил Дениц. — Камера слишком мала для тех упражнений, которые мне нужны. Не разрешите ли вы, доктор, когда мне станет хуже, прогуливаться по коридору?

— Думаю, что да, — ответил врач.

В кабинет вошел, прихрамывая, Альберт Шпеер.

— О нет, и вы туда же, — с притворным отчаяньем заметил врач.

— Перестаньте, — ответил тюремный шут, внезапно выпрямляясь и продолжая идти, уже не хромя. — Нельзя же винить за попытку. — Шпеер тоже попросил кофе, черного хлеба и фруктов.

— Что-нибудь еще? — поинтересовался врач.

— Да, я хотел бы покататься на лыжах, — усмехнулся Шпеер.

Считая себя тоже добровольным защитником Гесса, он заговорил о ночном вызове.

— Гесс может стать для вас большим испытанием, — предупредил он. — Проблема заключается в том, как я ее понимаю, что ипохондрия и намеренное притворство в какой-то момент переходят в безумие. Однажды в Нюрнберге Гесс попросил меня попробовать сахар из его пакета и сказать, может ли он, по моему мнению, стать причиной диареи. На следующий день я обманул его, сказав, что у меня случился запор, на что он ответил: «Несомненно, в определенных количествах он может произвести обратный эффект». Ну, что вы скажете о таком человеке?

Бывший министр вооружений хотел получить курс инъекций витамина В, потому что во время войны ему делали их для снятия напряжения, и они принесли ему большую пользу. Американский и английский врачи как правило отказывали ему в этом, и тогда Шпеер обычно говорил:

— Я подожду, когда придет французский доктор.

В кабинете появилась высокая фигура барона Константина фон Нейрата.

— Как ваши дела? — спросил врач.

— Не лучше, чем может быть у человека моего возраста, — последовал ответ. — Ангина причиняет сильную боль в горле, но дигиталис, который мне пришлось принять для поднятия сердечного тонуса, оказался полезен. Должен сказать, однако, что гомеопатическое лечение, которое я получаю от французского доктора, представляется мне наиболее полезным, хотя, боюсь, его не одобряет остальной медицинский персонал.

Фон Нейрат оказался прав. В течение нескольких месяцев 4 врача, которые должны были вырабатывать общий курс лечения, спорили относительно эффективности гомеопатического лечения. В конце концов баронесса фон Нейрат и ее дочь, Винифред фон Макензен, навестили тюрьму в мае 1953 года и были проинформированы о том, что именно гомеопатическое лечение будет продолжено неопределенно долго.

— Ваш муж понимает, что его состояние можно только облегчить, — объяснили посетительницам.

Прежде чем выйти из кабинета, барон повернулся к врачу, чтобы задать вопрос, который он задавал каждому офицеру в Шпандау:

— Скажите, меня когда-нибудь освободят?

— Да, когда-нибудь, — последовал обычный ответ.

Но барон знает, что у него серьезные проблемы с сердцем, которые должны закончиться его смертью.

— Мой приговор — это тяжелый удар по моей гордости, — говорит человек, дававший советы Гитлеру по внешней политике.

Взвешивание и осмотр прошел кривоногий, страдающий от артрита гросс-адмирал Эрих Редер.

— Я немного хромаю после того, как поднимаюсь со стула, доктор, — говорит он. — Вообще же я хожу нормально, хотя колено, несомненно, нуждается в постоянном внимании.

После операции по поводу грыжи, проведенной в Шпандау, Редеру в течение 4-х дней переливали кровь из американских запасов. Он регулярно получает массаж, а в это утро доктор сказал, что сделает кое-что для его колена. Редер поклонился, бросил свое обычное «Schönen Dank» и вышел.

Следующим ввалился маленький, толстый Вальтер Функ.

— Герр доктор, — простонал он жалобно, как делал всегда, когда хотел о чем-нибудь попросить, — вы можете помочь мне? Эти проклятые русские продолжают игнорировать табличку на двери моей камеры, где говорится, что меня нельзя беспокоить после лечения. Из-за них я не спал всю прошлую ночь.

Врач сделал пометку о том, чтобы опять поднять этот вопрос, зная заранее, что ответ советского начальника будет таким же, как всегда:

— От имени Союза Советских Социалистических Республик я хочу указать, что освещение камер в течение ночи является мерой безопасности, имеющей, в соответствии с инструкциями, первостепенное значение.

Русские всегда строго придерживаются написанного, и среди персонала Шпандау много таких, кто согласен с ними в столь строгой трактовке правил. Когда другие начальники настаивают на сокращении ночных проверок, русский всегда отвечает коротко:

— Я передам это в вышестоящую инстанцию. — После этого начинается обычное перетягивание каната, но на

следующей встрече зачитывается ответ вышестоящей инстанции — «Нет», — и на этом все заканчивается.

Раздевшись догола, Функ встал на весы.

— Почему я так сильно теряю вес, герр доктор? — хнычет он.

— Сбросить немного жира совсем не вредно для вас, — ответил врач. — Сейчас вы расплачиваетесь за прошлые злоупотребления. Вы всегда были слишком жадны до всего.

При упоминании о былых временах губы Функа складываются в подобие улыбки, и он декламирует:

— Как прошлое люблю я вспоминать,

Когда все мои члены были гибкими —

Все, кроме одного.

О, те чудесные времена прошли,

Закоченели все мои члены —

Все, кроме одного.

Функ вытягивается на кушетке, и санитар начинает массировать его правую ногу. Из-за мышечной невралгии Функу некоторое время пришлось передвигаться с палкой.

— Если не считать, что эти чертовы русские беспокоят меня по ночам, герр доктор, я стал значительно спокойнее после последнего лечения от нервного расстройства, — признается он. — Ужасное состояние перевозбуждения прошло, и, возможно, пройдет и заболевание сердца, особенно потому, что, как я чувствую, это лекарство очень полезно. Все мои страдания берут начало в душе.

Массаж закончился, и Функ начал одеваться. Уже собираясь уходить, он сказал:

— Герр доктор, у меня есть еще одна просьба. Могу ли я получить несколько таблеток от головной боли?

— Знаете ли вы, номер 6, что запас лекарств для вас обходится в 240—280 марок в месяц? — спросил доктор.

— Выпустите меня из Шпандау, герр доктор, — ответил Функ, — и я с радостью заплачу за себя вдвое больше.

Мигрень у Функа действительно имеется, потому его просьба удовлетворена.

Через несколько секунд его место в кабинете занял заключенный номер 7. Когда Гесс разделся, чтобы встать на весы, на его груди стал виден небольшой шрам, напо-

минающий о попытке самоубийства, предпринятой во время заключения в Британии. Это случилось в госпитале в Уэльсе, когда Гесс, схватив столовый нож, нанес себе удар в область сердца, но сумел лишь слегка пораниться. Эта попытка была уже второй, а первую Гесс предпринял до перевода в Уэльс, где провел 3,5 года. В первый раз Гесс в полном облачении пилота и летных ботинках бросился через перила лестничного пролета. Часовой, услышав звук падения, выхватил револьвер, и Гесса спасло только то, что офицер охраны, осознав опасность, успел крикнуть:

— Не стрелять.

Гесса нашли у подножья лестницы, умоляющим дать ему морфия. Он сломал ногу.

Гесс так объясняет эти покушения на самоубийство своим товарищам по заключению:

— Я чувствовал, что схожу с ума, и меня угнетала депрессия, потому что будущее Германии казалось безнадежным. Один из братьев моей матери совершил самоубийство, а сестру отца забрали в заведение для душевнобольных, и она умерла молодой. Полагаю, что причиной ее болезни было то, что мой дед был пьян во время зачатия. Уверен, что, когда я находился в Англии, агенты секретной службы намеревались убить меня, доведя до самоубийства или расправившись со мной так, чтобы это походило на самоубийство, либо подмешивая небольшие дозы яда в пищу, так, чтобы казалось, будто я скончался от какой-то длительной болезни.

Те, кто охранял Гесса в Британии, знают о его подозрительности и говорят, что, даже когда пищу подавали на общем блюде, он никогда не брал ближайший кусок мяса.

— Номер 7, — сказал тюремный доктор, — мы решили провести дальнейшее психиатрическое и терапевтическое обследование, включая рентген.

Губы Гесса растянулись в довольной улыбке, обнажив неновые вставные зубы.

— Это хорошо, герр доктор, но есть еще одно, о чем я хочу спросить вас. Я слышал, что рентгеновские лучи могут сделать мужчину сексуально стерильным. Это сильно меня беспокоит, потому что женщина-астролог, многие

годы направлявшая меня, сказала мне однажды, что звезды предсказывают, будто у меня должно быть еще двое детей, хотя тогда никто не знал, что мне предстоит провести в тюрьме так много лет.

Гесс, очевидно, не принимал в расчет тот факт, что ему придется провести в тюрьме остаток жизни, и остался вполне доволен, когда врач уверил его в том, что рентгеновских лучей бояться нечего. Пока он отец единственного ребенка.

Несколько дней спустя к главному входу в тюрьму Шпандау подъехал большой грузовик с рентгеновским оборудованием из ближайшего американского госпиталя. Гесс, пользовавшийся, вероятно, большим, чем кто-либо, вниманием со стороны медиков, подвергся дальнейшему обследованию. Его ввели в медицинский кабинет и приказали раздеться.

— Мне бы хотелось как-то защититься от лучей, герр доктор, — сказал неизменно осторожный Гесс, о котором в Мюнхене часто говорили: «Если фюрер когда-либо встанет на путь вооруженной борьбы за власть, то вы увидите Геринга, палящего во все стороны, а наш Руди помчится домой, чтобы проверить, действительна ли его лицензия на право ношения оружия».

Врач еще раз подчеркнул, что никакой опасности нет. Тем не менее Гесс прошел в рентгеновскую кабину, прикрыв руками низ живота.

Рентген показал, что легкие чистые, за исключением небольшого отвердевшего участка в правой верхней области; анализ крови дал отрицательный результат — никаких признаков органического заболевания не обнаружено. Никакой физической причины для болей в груди и животе, на которые жаловался Гесс почти ежедневно, не существовало.

— Я собираюсь дать вам угольные таблетки для облегчения пищеварения, — сказал врач, — и кое-что для повышения тонуса. — Лекарство было извлечено из аптечного шкафчика, и Гесс, знавший кое-что о препаратах, спросил, из чего оно состоит.

— Железо и стрихнин, — ответил доктор.

— В таком случае, доктор, если не возражаете, попробуйте его сами.

Врач рассмеялся, зная о страхе Гесса перед отравлением, и проглотил чайную ложку тоника.

Когда Гесс устает, он говорит о болезни сердца. «Я чувствую себя усталым все время, почему это?» — спрашивает он. Его одержимость тем, что это симптом чего-то серьезного, возможно, имеет какое-то отношение к тем страхам, на которые ссылался Геринг, когда его спрашивали о Гессе. Основа их — то самоудовлетворение, которым он занимался в юношеском возрасте.

Огромный страх испытывает Гесс и перед раком. «Я чувствую, что гомеопаты скорее найдут ответ на вопрос о раке, — говорит он. — В этом отношении я уважаю их больше, чем тех, кто критикует современную медицину. Я не говорю, что каждый гомеопат художник, но гений гомеопатии заключается не только в мышлении. Один гамбургский гомеопат говорил мне, что рецепт лекарства пришел к нему ночью, во сне.

Невозможно объяснить, почему в наше время так называемые шарлатаны столь часто имеют успех. Врачи с понятным ужасом узнают, что фермеры прикладывают к ранам свежий коровий навоз. Однако эта терапия оказывается на удивление успешной, особенно в случае с гангренозными ранами. Еще задолго до войны стало известно, что коровий помет обладает необычайными антисептическими свойствами. Гомеопаты никогда не опередят ученых в медицинской профессии, скорее наоборот, вот почему я всегда симпатизировал гомеопатам».

Интерес Гесса к натурцелителям возник несколько лет назад. В первые дни, когда заключенным Шпандау еще разрешалось получать книги от своих родных, он уже был убежден, что современная медицина не способна ему помочь, и собрал коллекцию книг по лечению народными средствами от всех известных болезней, начиная от 500 г. до н. э. и до нынешнего дня.

Ипохондрию Гесса хорошо иллюстрируют те меры предосторожности, которые он принял перед полетом в Британию. Его карманы были набиты таблетками и снадобьями «на крайний случай», в основном гомеопатическими. Гесс запасся не только витаминами, глюкозой и снотворным, но и неким эликсиром, привезенным, как говорили,

одним шведским исследователем из тибетского ламаистского монастыря. Гесс считал, что это — чудодейственное средство от любых заболеваний желчного пузыря.

Комментируя этот аспект его полета, Британский Исследовательский медицинский совет заявил: «Судя по весьма примечательному набору средств, становится вполне очевидно, что он намеревался защитить себя — по крайней мере свою плоть — от нападения дьявола, и если он знал о действии всех препаратов, которые имел при себе, то явно ошибся с призывом — ему следовало бы стать врачом общей практики.

Похоже, он защитил себя от 1) болей при ранениях — с помощью опиумных алкалоидов; 2) от колик — с помощью атропина; 3) против полетной слабости — с помощью первитина; 4) против бессонницы, вызываемой первитином, — с помощью барбитуратов; 5) от запора — салиновой микстурой, и от всех других телесных недугов — смесями неизвестных веществ, составленными по гомеопатическим рецептам, причем настолько разведенными, что определить их состав невозможно.

Такая вера в аллопатию против телесных заболеваний и уверенность в действенности гомеопатии против других расстройств представляют собой любопытную точку зрения на медицину».

Психиатры неоднократно осматривали и изучали Гесса, самым последним был известный французский специалист. В его досье тюремные доктора могут найти немало интересного и полезного. Среди записей можно найти, например, такие:

«Склонен к долгим периодам уныния, во время которых ложится на кровать и лежит, зажав уши пальцами, и, улыбаясь, смотрит прямо перед собой. Когда осознает, что находится под наблюдением, реагирует на это чаще всего с подозрительностью и нежеланием говорить о прошлой жизни. Всегда пытается противодействовать тщательному исследованию его психического состояния, заявляя: «Я ничего не помню».

Гесс демонстрирует отстраненность от действительности во всем, за исключением повседневных желаний, проблем и жалоб.

Очевидно, что амнезия его симулирована. В общем,

этот человек — психопатическая личность шизофренического типа с выраженными депрессивными тенденциями и манией преследования. Безосновательные подозрения придают простым происшествиям в его глазах зловещий характер; подвержен галлюцинациям.

Он ипохондрик, часто катающийся по полу, обхватив руками живот и стеная от боли. Когда его спрашивают о характере боли, мгновенно затихает, чтобы обсудить симптомы, но, закончив подробное описание, начинает все сначала.

Гесс, несомненно, раздвоенная личность, Джекил и Хайд*, — этот безжалостный нацист, способный на все, в то же время провозглашающий свою заинтересованность в счастье и благополучии детей.

Заключение врачей и психиатров, представляющих четыре державы, единогласно и недвусмысленно: «Гесс не является сумасшедшим, в том смысле, что не способен отличить добро от зла или полностью осознавать последствия своих действий».

Перед начальниками тюрьмы Шпандау стоит трудная задача по недопущению излишней опеки и проведению только тех мер, которые абсолютно необходимы для поддержания или укрепления здоровья заключенных, как это предписано согласованными между четырьмя державами правилами. Но жизнь диктовала необходимость изменения первоначальных тюремных инструкций. Они вводились по настоянию врачей, точка зрения которых в определенных ситуациях становилась истиной в последней инстанции.

Новый порядок в Шпандау по-настоящему начался 1-декабря 1948 г., когда было официально отменено «правило молчания» и заключенным разрешили разговаривать друг с другом во время работы. В это время начальником тюрьмы был американец, майор Максвелл Миллер. Именно он по совету врачей попросил тогдашнего коменданта американского сектора Берлина, гене-

*Джекил и Хайд — персонажи мистического романа известного английского писателя Р.Стивенсона (1850—1894) «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда», в котором доктор Джекил является воплощением гуманного и творческого начала, но его порождение и «второе Я» мистер Хайд — символ разрушения и зла.

рала Хоули, отменить некоторые из тюремных инструкций и осуществить кое-какие реформы. Генерал Хоули обещал поддержать его просьбу и на заседании тюремной администрации 3 декабря 1948 года майор Миллер объявил о следующих изменениях:

1. Увеличить рацион заключенных до 2702 калорий в день;

2. Разрешить заключенным ложиться в любое время, когда они находятся в запертых камерах (ранее лежать на кровати разрешалось только в строго указанное время);

3. Разрешить заключенным разговаривать друг с другом под наблюдением в определенное время;

4. Смягчить правила посещения и допустить одно 30-минутное посещение в месяц, если это будет желательно с психологической точки зрения;

5. Обеспечить подходящей работой внутри тюрьмы при холодной погоде;

6. Обеспечить возможность для отдыха;

7. Установить разумную цензуру писем заключенных и книг;

8. Ввести меры по поддержанию физического и психического здоровья заключенных.

Английский и французский начальники тюрьмы, проконсультировавшись со своим руководством, согласились с этими реформами уже на следующем заседании. Советский же начальник заявил:

— Советское правительство протестует против акции американских властей. Советская сторона не признает изменений, проведенных военными властями США, которые нарушают правила союзной тюрьмы. В будущем советская сторона будет проводить ранее согласованные четырехсторонние решения, касающиеся порядка обращения с главными военными преступниками, как это было определено военным трибуналом в Нюрнберге.

Майор Миллер настаивал на том, что до принятия других решений со стороны высшего начальства в течение оставшегося срока управления американской администрацией будет проводиться новая политика. Так и было сделано. Через несколько месяцев майору Миллеру пришлось покинуть Шпандау, но большая часть его реформ сохранилась. Был лишь один человек, делавший

все возможное, чтобы игнорировать их: Балдин, начальник советской охраны.

Маленький, с прилизанными рыжеватыми волосами и яйцеобразной головой совершенно непропорциональных размеров, презираемый даже своими сотрудниками, которые знали о его попытках заставить персонал других стран докладывать ему о тех русских, которые читали, спали на дежурстве или разговаривали с заключенными. Балдина подозревали в том, что он является тайным агентом спецслужб, поэтому его очень опасались, и разговор за едой в его присутствии не клеился. Во время напряженного периода воздушной блокады Берлина именно Балдин получил инструкции от маршала Соколовского, командовавшего советскими оккупационными силами в Германии, в соответствии с которыми он нес персональную ответственность за то, чтобы семеро заключенных Шпандау не были вывезены союзниками. На крайний случай в его распоряжении имелись войска.

Влияние и власть тюремных врачей были вызовом для Балдина, и он пытался противодействовать этому любыми способами. Одним из самых крупных козырей в руках Балдина было правило, гласившее, что обращаться к заключенным можно только на немецком языке. Тем врачам, которые не говорили по-немецки, приходилось пользоваться услугами начальника охраны в качестве переводчика, но т. к. большинство заключенных говорили по-английски, американские и английские врачи игнорировали это правило и обращались к узникам на этом языке.

Каждый раз, когда Балдин слышал обращение к заключенному на английском, он подавал официальную жалобу, и того или иного офицера наказывали за нарушение инструкции.

Однажды ночью находившийся на дежурстве английский врач явился на срочный вызов, когда у барона Нейрата случился сердечный приступ. По пути к камере его остановил Балдин.

— Распишитесь в журнале. (В журнале регистрировались все посещения блока.)

— Я уже расписался один раз совсем недавно, так что нет необходимости делать это еще раз, — ответил врач.

— Распишитесь! — повторил Балдин.

— Этого я ни за что не сделаю. У меня срочный вызов, и важна каждая секунда, — сказал доктор, которого злила задержка.

Балдин встал перед дверью камеры, отказываясь от-крыть ее.

— Не войдете, пока не распишетесь, — заявил он.

— Хорошо, — ответил врач. — У меня здесь два сви-детеля, оба англичане, которые могут подтвердить, что вы отказались впустить меня. Если заключенный умрет, ответственность ляжет на вас.

Балдин заколебался, затем открыл дверь. На следую-щее утро врача вызвали к начальникам тюрьмы и предья-вили обвинение в нарушении правил и неподчинении старшему по званию офицеру. За всем этим стоял, разу-меется, Балдин, рассчитывавший, что последнее слово останется за ним. Но в тот раз он проиграл.

— Я не был ранее представлен начальнику Балдину, а так как у него нет знаков различия, то я не мог знать, что он старший офицер, — ответил на обвинения врач. Из-бранная им линия защиты оказалась удачной и убедительной, потому что Балдин действительно носил форму без знаков различия. Обвинение было снято.

Все годы службы в Шпандау Балдин пытался бороться с властью врачей, пока однажды из тюрьмы не вынесли тайком сделанную фотографию, которую опубликовали затем в немецких газетах.

Произошло это якобы в то время, когда внутренним блоком заведовал Балдин. Однажды утром он не явился на дежурство. С тех пор его не видели и о нем ничего не слышали, а советские власти не дали никакого объясне-ния по поводу его исчезновения.

ГЛАВА 11

БИТВА АДМИРАЛОВ

Гросс-адмиралы тюрьмы Шпандау, Эрих Редер и Карл Дениц, все еще сражаются, но теперь — друг с другом.

Эрих Редер, первый гросс-адмирал после «Тирпица», был снят Гитлером с поста главнокомандующего военно-морским флотом Германии в январе 1943 года и заменен недавно получившим это звание гросс-адмиралом Деницем, его многолетним критиком и соперником, ответственным за подрыв его авторитета. Смещение Редера подали в приятной упаковке, заявив, что он назначен генеральным инспектором и остается главным советником Гитлера по военно-морским делам.

Сам Редер официально сообщил:

— Я освобожден со своего поста по состоянию здоровья.

Но истина заключалась в том, что главный подводник Дениц торпедировал карьеру Редера, и все в высшем германском командовании знали это.

В течение последних месяцев войны, когда Германия содрогалась в предсмертных конвульсиях, Редер и Дениц усердно избегали друг друга и никогда не присутствовали вместе на многочисленных военно-морских конференциях, проходивших в присутствии Гитлера. И только в Нюрнберге, где им предъявили обвинения в тотальной морской войне, соперники оказались вместе.

Редер, 15 лет командовавший германским военно-морским флотом, который и создавался с его помощью, получил в свои 70 лет пожизненное заключение.

Дениц, чье блистательное назначение произошло во время боевых действий, а не до них, не был обвинен, в отличие от других, в участии в преднамеренной подготовке к агрессивной войне и получил самый легкий приговор. Ему дали 10 лет тюрьмы. Этих двоих, ненавидевших друг друга, вместе доставили в тюрьму, где они не могли

избежать ни мук собственной совести, ни присутствия друг друга.

Вскоре после прибытия Редер направил петицию в Союзную Контрольную комиссию. В ней он просил заменить пожизненное заключение расстрелом.

«Я предпочитаю смертный приговор солдата томлению в тюрьме до конца жизни, — умолял Редер. — Мне 70 лет; силы сопротивления организма ограничены, и мое пожизненное заключение не сможет продлиться долго. Расстрел следует рассматривать как более легкое наказание, а для моих родных он станет благословенным освобождением от мучений. Это обращение ни в коей мере не означает, что я в какой-либо степени признаю свою вину».

Эрих Редер указал, что статья 29 Положения разрешает Контрольной комиссии смягчать наказание, но не допускать его ужесточения. «Я бы рассматривал такое изменение приговора как акт милосердия», — писал он в заключение.

Ответ не заставил себя долго ждать. Обращение Редера было отвергнуто, а это означало, что до конца дней ему придется оставаться в Шпандау. Эрих Ганс Альберт Редер, морская копия традиционного твердолобого прусского офицера, чьей судьбой стало раздуть тлеющие угли мечты кайзера Вильгельма о германском имперском военно-морском флоте, правящем морями, сейчас хранитель книг в тюремной библиотеке. Он содержит их в строгом порядке, чего и стоило ожидать от прошедшего хорошую школу моряка.

В эту библиотеку, служившую прежде одной из камер внутреннего блока, приходят по одному остальные шестеро в надежде найти что-то новенькое. Первые семь дней женам и родственникам разрешалось присылать им книги, но потом это разрешение отменили, потому что каждый том подлежал тщательной проверке на предмет наличия спрятанных посланий или шифров, а это требовало больших затрат времени от тюремного персонала.

Было разрешено сохранить определенное количество книг, включая 50 томов из собственной библиотеки Редера, среди них несколько изданий Нового Завета, но

установить новый порядок. Заключенных спрашивали, какие книги они хотели бы прочитать, а Берлинская публичная библиотека соответственно выполняла заказы. Выбор здесь в основном весьма утонченный: германская история XVII в., художественные альбомы, переводы с французского и испанского. Журналы запрещены, а из газет дозволено иметь только протестантскую, целиком занятую религиозными материалами.

Все семеро заключенных помогают содержать библиотеку в чистоте, но за книги несет ответственность персонально Редер. Каждая книга ценна для него так же, как домашняя кошка для одинокой старушки. На флоте его знали как человека с малопривычной привычкой совать свой нос в каюты и камбузы, чтобы удостовериться, что под его началом все в порядке. Его боялись из-за внезапных проверок, когда он мог за милю обнаружить мятую форму или грязный цветочный горшок в окне казармы. На месте библиотекаря Редер так же щепетилен и дотошен и любит повторять, что «неприбранный корабль отражает неспособность к действию».

Если книга порвана или страница завернута, он устно отчитывает провинившегося. Стоит кому-либо из охранников нарушить строгий порядок расположенных по алфавиту книг, как обычно спокойный и вежливый заключенный превращается в кипящего от ярости поборника дисциплины, которого возмущает «несанкционированное вмешательство властей».

Здесь всегда есть возможность получить специальную литературу, которую желает почитать тот или иной заключенный, и в тюрьме большой спрос на труды по философии. Редер, сам доктор философии, является и любознательным исследователем-любителем. Его старый соперник, Дениц, предпочитает исторические биографии и авантурные романы, что вызывает у Редера лишь презрительное фырканье.

— Мне нравятся книги Джека Лондона, особенно рассказы о собаках, — признается Дениц, у которого всегда был свой волкодав. — Собаки и маленькие дети — это самые лучшие создания в мире, — добавляет человек, затопивший во время войны корабли общим водоизмещением 150 миллионов тонн. — Я читаю очень интенсив-

но на протяжении нескольких недель, пока у меня не переполняется голова; потом делаю перерыв на две недели, и это дает мне возможность обдумать прочитанное, прежде чем приняться за новое.

Дениц читает и перечитывает Форрестера.

— Это те книги, которые следует прочитать моему внуку Петеру, чтобы не стать сухопутным увальнем, — сказал Дениц Шпееру, советуя ему почитать рассказы о капитане Горацио Хорнблоузере.

— В первые три года пребывания здесь я прочел более пятисот книг — от греческой драмы до знаменитых пьес и романов современных писателей, — объяснял Шпеер. — По крайней мере сто из них были по истории искусства и культуры и семьдесят об эпохе Ренессанса. Есть еще тема, достойная изучения. — Шпеер помолчал, потом, как бы в раздумье, продолжал:

— Мне понадобилось три недели, чтобы прочесть «Войну и мир» Толстого; роман ужасно длинный, но должен признать, что кое-что мне очень понравилось. Хочу, однако, заметить, что большую часть прочитанного очень быстро забываю. У меня нет намерения заниматься умственной эквилибристикой, но в любом случае я что-то извлекаю из книг, независимо от того, помню я или нет.

Вкусы Бальдура фон Шираха соответствуют его идеалам, и больше всего ему нравятся книги о Древней Греции и музыке. Однажды, желая отвлечься, он прочел книжку о любовной жизни улиток.

— Прочитав о привычках этих виноградных улиток, которые так вкусны, — сказал Бальдур, — я почувствовал стыд за то, что съел столько этих нежных созданий, не принимая во внимание их чувств.

Вальтер Функ верен своему призванию и увлекается работами по финансам и экономике, но немало читает и по таким темам, как мировая история, психология и философия, хотя его самая любимая книга — сборник шахматных этюдов, которую прислала в 1949 году жена. Раз за разом Функ пересматривает партии, сыгранные великими мастерами.

Фон Нейрат, чье зрение постоянно слабеет, ограничивает себя чтением Библии и исторических трудов. Самая трудная задача библиотекаря Редера удовлетворить вечно

меняющиеся вкусы гудольфа Гесса, который переключается с астрономии на историю, с книг по медицине на тома о путешествиях. Вернув книгу под названием «Ближайший к полюсу», Гесс прокомментировал:

— Знаете, адмирал, эта вещь содержит очень интересную информацию об эскимосах. Молодые брачные пары меняют партнеров по несколько раз, пока не найдут подходящего. Тогда эти браки длятся вечно. Очень разумно! Похоже на наши баварские испытательные браки. — Сказав это, Гесс уходит с первым томом «Войны и мира», чтобы получше изучить свой идеал, Наполеона. Редер остается наедине с книжными полками.

Библиограф Редер, некогда боевой моряк в мундире с широкими лацканами и золотым кортиком, теперь человек с мягкими манерами и редкими волосами, разделенными посередине пробором. Трудно представить, что этот маленький голубоглазый человек (его рост 5,6 фута), некогда столь развращенный властью, что сам возомнил себя законом, был кем-то иным, а не школьным учителем, как его отец. Если он чувствует, что должен как-то выразить себя, он делает это так же, как и большинство немцев, с помощью тех же слов и жестов. На деревянном столе в его камере — изображение Христа, подаренное ему французскими капелланами, и рядом копии двух его любимых цитат. Одна — «Быстро шагай в ногу с жизнью, действуй и не раздумывай слишком долго; не полагайся на других; и никогда не жди благодарности» — стояла на его письменном столе в германском адмиралтействе с 1926 по 1943 год. Другую — «Наша судьба в руках Бога. Знать это — наша величайшая сила» — он держал дома в рамке.

Утром и вечером он ежедневно читает цитаты из Библии на календаре, висящем на стене над кроватью. Тонкогубый Редер, благочестивый протестант, всегда был человеком двух религий, вторая из них — германский военно-морской флот.

Он любит вспоминать те дни, когда молодым офицером имперского флота, исполняя обязанности штурмана на кайзеровской яхте «Гогенцоллерн», встретил Франца Хиппера, «посланца моей судьбы». Хиппер, которому было суждено сыграть значительную роль в Ютландском

сражении и позднее сменить Шпеера во главе флота, проявил большой интерес к Редеру, ставшему его любимым младшим офицером.

— Когда я стану адмиралом, сделаю тебя моим начальником штаба, — гремел Хиппер. И сдержал слово. Шесть лет спустя, в 1916 году, когда германский флот шел к одному из величайших морских сражений в истории, Ютландской битве, начальником штаба на борту его флагмана «Лутцов» был не кто иной, как капитан Эрих Редер. «Лутцов» командовал разведывательными силами, отвечавшими за первые столкновения с британскими кораблями, и в последующие 48 часов ожесточенного боя был так сильно поврежден, что его пришлось покинуть. Именно Редер отвечал за переброску штаба на другой крейсер. Он никогда не забывал мощь орудий Британского королевского флота и по сей день утверждает, что «силу Британии на морях никогда нельзя недооценивать».

Когда остатки германской морской мощи, 74 корабля, были затоплены в Скапа Флоу, 21 июня 1919 года, это стало для него большим ударом. С того времени им овладела одна навязчивая идея: немецкий военно-морской флот должен быть восстановлен, и Германия должна снова стать великой морской державой.

Став в 1928 г. начальником военно-морского строительства, Редер сделался приверженцем осуществления программы перевооружения Германии, используя несовершенство Версальского договора. Одним из ответов на ограничения, наложенные по договору на военно-морские силы, был «карманный линкор», построенный Редером по своим собственным спецификациям. Используя сварные, а не клепаные пластины, Редер избавился от значительной части веса и старой догмы, что в конструкции линкоров невозможно что-то изменить.

В решении других проблем он также проявил свою поистине лисью хитрость. У него хватило сообразительности понять, что договор ограничил калибр, но не длину ствола. К тому времени, когда Германия стала нацистской, Редер добавил к своим «карманным линкорам» «Дойчланд» (позднее переименованный в «Лутцов»), еще два — «Граф Шпее» и «Шеер» — стояли на стапелях.

Редер говорит, что Гитлер стал вскоре требовать все больше крупных кораблей и длинноствольных орудий, и со временем флот получил такие суда, как «Бисмарк», «Шарнхорст», «Гнейзенау» и «Тирпиц». Что бы ни решил Нюрнберг в отношении Редера, он не лишил его былой веры в свою правоту и презрения к правилам ведения войны. Беспощадный, как типичный нацист, он считал, что нападения субмарин на нейтральные и невооруженные торговые суда не нуждаются ни в каких оправданиях, если это вызвано требованиями войны. Человечность в расчет не принималась.

На протяжении всей своей карьеры Редер не любил консультации и рутинные заседания за круглым столом. Имея на то право, он отдавал всегда собственные приказы, без ссылок на кого-либо другого. Именно такая ситуация сложилась с первых дней его сотрудничества с Гитлером. Вначале фюрер был высокого мнения о нем, и он нес ответственность только перед Гитлером.

— Проблема с тобой, Эрих, состояла в том, что ты всегда был недоступен, — сказал ему однажды в саду фон Нейрат, его ближайший друг в Шпандау. — Сторонясь Гитлера, ты упустил возможность убедить его в том, что знаешь, что делаешь и что твоя стратегия верна. Другая твоя ошибка в том, что ты не сумел договориться с Герингом. Наверняка ты должен был понять, как важен он был для тебя в обеспечении так необходимой воздушной поддержки с воздуха.

От этой откровенной критики голубые глаза Редера вспыхнули. Он никогда не чувствовал удовлетворения в отношениях с кем-либо, кроме подчиненных, о чем знали другие высокопоставленные нацисты.

— Как можно было сотрудничать с Герингом? — сердито возразил он. — Он был совершенно неуправляем, тщеславен, эгоистичен и к тому же отъявленный лгун. Только он виноват, что нам не удалось вторгнуться в Британию в 1940 году. — Редер помолчал, затем снова повернулся к фон Нейрату: — Я говорил Гитлеру, что не могу гарантировать успех высадки без полного воздушного прикрытия и что необходимо, чтобы по крайней мере хотя бы часть люфтваффе перешла под мое командование. Геринг не желал и слышать об этом. Не мог выне-

сти, чтобы кто-то даже временно командовал хоть одной его эскадрилей. Жаль, что Гитлер поддержал его.

Губы его тронула мрачная полуулыбка.

— Гитлер упустил эту замечательную возможность, а к концу сентября все надежды на вторжение исчезли. Когда было уже слишком поздно, фюрер понял, что позволил Герингу против желания убедить себя. Геринг имел огромное разрушительное влияние, и Гитлеру так и не удалось сдержать его.

Первая тень легла на профессиональную карьеру Редера с поражением «Графа Шпее», а Дениц, воспользовавшись случаем, не колеблясь, вколотил несколько гвоздей в гроб своего соперника.

Однажды, разговаривая с экипажами субмарин, только что вернувшихся с дежурства в Атлантике, он стал критиковать расточительную политику главнокомандующего. Дениц считал, что, переведя людей с парализованного надводного флота, можно в три раза усилить флот подводный.

Война шла, перспектива победы таяла, и Гитлер, уже не такой самоуверенный и бодрый, нуждался в козле отпущения, чтобы отвлечь внимание от стратегических поражений и растущих потерь, которые уже невозможно было скрыть от немцев.

30 января 1943 года, в день 10-й годовщины нацистского правления в Германии, было опубликовано следующее официальное заявление:

«Сегодня в своей штаб-квартире Гитлер принял главнокомандующего флотом гросс-адмирала Редера. В знак признания и оценки его исторических достижений в строительстве нового германского военно-морского флота и принимая во внимание его достижения на посту главнокомандующего военно-морским флотом в ходе Великой германской войны за свободу, фюрер назначил гросс-адмирала Редера адмиралом-инспектором ВМФ...»

Проще говоря, Редера выгнали. Тем не менее за участие в подготовке и жестокое ведение агрессивной войны этого человека, никогда не скрывающего ненависти к англичанам, приговорили в Нюрнберге к пожизненному заключению.

Из камеры он прислал своей семье такое послание:

«Не плачьте, но благодарите Бога часто,
Хотя не все идет, как ожидалось,
Ему за многое нужно быть благодарным,
Любовь Господа велика и благотворна —
Хотя не всегда это понимаешь сразу, —
Ей нет препятствий.
Без колебаний, если сохранил разум,
Становись в шеренгу, чтобы укрепить фронт.
Хотя тебя не выделить из строя,
Единство — это солидарность, и ты — часть ее».

Последовательный сторонник дисциплины, Редер всегда следит за порядком в своей камере. У него есть несколько тряпочек, которые он держит в разных местах. Его легко выводят из себя ежедневные обыски, когда кто-то нарушает этот порядок, однако он никогда не жалуется на артрит, от которого сильно страдает. Больше всего его раздражают вставные челюсти. Много лет назад в Америке ему поставили искусственные зубы со сложной системой пружин и мостиков — «инженерный шедевр», как охарактеризовал их сам Редер. Но с годами челюсти повредили эту конструкцию, а менять что-то адмирал не желает.

Несмотря на проведенную операцию, он считает необходимым носить пояс, и потому его будят раньше, чем других, чтобы он успел приладить его. Редер с удовольствием тратит несколько минут на упражнения с глубоким дыханием, тщательно следит за весом и с наслаждением работает в саду.

— Посетители всегда удивляются тому, как я выгляжу, — хвастает он. — Не могут поверить, что мне 77. Я присматриваю, помимо прочего, за 20 грядками с клубникой, это требует усилий и поддерживает меня в форме.

Жена впервые посетила Редера только 15 марта 1950 г., после освобождения из русской тюрьмы, а до этого его посещали Анита, дочь от первого брака, и Ганс, сын от второй жены.

Ганс принес много разочарований и стал трагедией в жизни Редера.

— Из-за плохого зрения он не смог поступить на флот, — с сожалением объясняет Редер, — но воевал в армии в России.

Вернувшись с войны, Ганс занялся фермерством, но, не обладая крепким здоровьем, переключился на бухгалтерское дело и стал работать на какую-то фирму в Липштадте, где жил со своей матерью. В январе 1953 года Эрих Редер узнал, что его сын попал в больницу с серьезным и редким заболеванием крови.

Дюссельдорфский адвокат, доктор Отто Кранцбюлер, защищавший Редера в Нюрнберге, сообщил об этом германскому правительству, которое, в свою очередь, обратилось к четырем державам с просьбой позволить Редеру покинуть тюрьму на пару дней, чтобы навестить сына.

В просьбе было отказано, и Кранцбюлер попытался позвонить одному из начальников Шпандау.

— Ничего нельзя поделать, — ответили ему. Следующим шагом было обращение к американским властям и канцлеру Германии Конраду Аденауэру. Из этого тоже ничего не вышло, а 17 января в тюремную камеру Эриха Редера, заканчивавшего письмо сыну, вошел капеллан.

— Ваш сын... — начал посетитель, но продолжать не было необходимости. Редер понял, что случилось худшее. Он сел на кровать и уставился на фотографию жены с сыном. Жизнь нанесла Эриху Редеру самый сильный удар после заточения в Шпандау.

Германское правительство предложило разрешить Редеру присутствовать на похоронах сына 21 января, в день рождения фрау Редер, и, получив очередной отказ, Кранцбюлер позвонил Конанту, верховному комиссару от США.

— Невозможно, чтобы все четыре державы пришли к общему согласию в этом вопросе, и мы не можем начинать войну из-за Шпандау, — сказал Конант в конце разговора. Фрау Редер пошла на похороны сына, а Эрих Редер остался в камере.

Книги, библиотека и сад, где можно обсудить ошибки прошлого, это все, что осталось Эриху Редеру.

— Если бы только Гитлер прислушался, все могло бы быть совсем иначе, — говорит он. — Проявляя активность в Голландии, используя связи с испанским и финским флотами, мы смогли создать базу для строительства подводного флота вопреки Версальскому договору и, таким образом, сумели осуществить первые спуски на воду в

1935 году, сразу после того, как Гитлер согласился подписать англо-германский договор в Лондоне.

Экипажи подводных лодок поначалу проходили подготовку за границей, а затем — в противолодочном подразделении, служившем камуфляжем наших истинных целей.

Летом 1939 года фюрер считал, что Англия не вступит в войну, если мы нападём на Польшу, а потому санкционировал программу военно-морской экспансии, согласно которой строительство действительно мощного флота могло быть завершено к 1944 или 1945 году. Однако события повернулись так, что военно-морским силам пришлось вступить в боевые действия против величайшей в мире морской державы в то время, когда мы только приступили к делу.

Судьбоносным для Германии днем называет Редер один из декабрьских дней 1942 года. Вице-адмирал Кранке представил ему отчет о встрече, во время которой Гитлер кричал о бесполезности крупных кораблей, недостатке способностей и смелости у части более старших по возрасту морских офицеров. Фюрер зашел настолько далеко, что обвинил флот в том, что он якобы нападает на торговые суда только после того, как убедится, что они не в состоянии должным образом ответить.

— То, что я услышал, — сказал Редер, — убедило меня в бесполезности попыток образумить Гитлера, и вскоре после этого меня официально уведомили, что фюрер относится к моим кораблям как к рассадникам бунта, не желающим вступать в бой. Мне ясно дали понять, что принято окончательное решение покончить с океанским флотом, а его персонал, вооружения и броню использовать в других целях.

6 января 43-го я встретился с Гитлером и предупредил его, что, если Германия лишится своих крупных кораблей, последствия будут катастрофическими не только по отношению к нашей ситуации, но и в целом к военно-морской стратегии. Враг одержит победу над нами, не прилагая со своей стороны ни малейших усилий и рассматривая наш шаг как признак слабости и показатель непонимания высочайшей важности морской войны.

Отсутствие угрозы с нашей стороны в Атлантике по-

зволит противнику сконцентрироваться на решении ситуации в Средиземном море или сосредоточить силы для решающего удара по японскому флоту. Все, сказанное мной, не возымело действия. По указанию фюрера, Верховного главнокомандующего, германский флот прекратил свое существование.

Интересно, что если бы несколько раньше Редер стоял на своем, то, возможно, избежал бы падения и заключения в тюрьму. Весной 1939 года, когда ему было 63 года и он уже занимал свой пост в течение 11 лет, Редер попросил заменить его более молодым человеком. Гитлер отклонил просьбу, и это повторилось еще три раза — дважды в 1941-ом и один раз в 1942 году, когда врач посоветовал Редеру уйти со службы.

Вряд ли Редер думал тогда, что со временем найдет покой в тюрьме, доживая оставшиеся дни и утешая себя тем, что ведет «la recherche du temps perdu»*.

*«Поиски утраченного времени» (фр)

ГЛАВА 12

ПЕРВЫЙ – НА ВЫХОД

Послушав, как гросс-адмирал Дениц говорит о своих планах, после того как Шпандау выпустит его за свои стены (у него самый короткий срок заключения, 10 лет), можно прийти к заключению, что боевой пыл в его сердце давно и навсегда погас.

Высокий, худощавый, с тонкими губами, этот человек, избранный Гитлером при последнем издыхании Третьего рейха на пост рейхсканцлера и Верховного командующего вооруженными силами, изложит любому, кто его пожелает выслушать, весьма простую программу, сложившуюся в его голове, — закончить свои дни в мире и покое.

— Постараюсь не быть занудливым стариком, — говорит он. — Несмотря на возраст, сердце у меня молодое, определенно достаточно молодое, чтобы понять молодых.

Любовь к ближнему у гросс-адмирала Деница не ограничивается только мечтами, у него есть конкретные планы.

— Я хочу заботиться о детях, сиротах, нуждающихся. Думаю, что открою детский сад, в котором будут дети и щенки, им будет весело вместе.

Эта запоздалая любовь к детям, возможно, не так невинна, как может показаться на первый взгляд, особенно когда вспоминаешь, что никто из сторонников Гитлера не трудился с такой беспощадностью, наполняя мир сиротами, как гросс-адмирал Дениц.

В своей подземной штаб-квартире на французском берегу, построенной так, чтобы обезопасить находящихся в ней от случайной бомбы, Дениц руководил самой кровопролитной кампанией в истории войн.

— Убивайте и продолжайте убивать, — наставлял он командиров подводных лодок. — Помните: никто не должен уцелеть. Гуманность — это слабость.

Изобретение радара и спокойная, холодная отвага людей, охранявших жизненно важные для Британии морские коммуникации, склонили чашу весов в этом

великом сражении с волчьими стаями нацистских субмарин не в пользу фашистов. Но в те решающие дни, когда Дениц наблюдал за разыгравшейся под его руководством кровавой драмой, он был человеком, несущим в сердце смерть. Ни тюрьма, ни осуждение цивилизованного мира не изменили его кардинально. Другие преступники, такие, как Шпеер, фон Ширах и даже Функ, признались в своих преступлениях, но гросс-адмирал Дениц, со всеми его сентиментальными разглагольствованиями о детях и щенках, остается нераскаявшимся и самым опасным из узников Шпандау; страшным, потому что он нацист во всех своих проявлениях; опасным, потому что тюрьма не притупила его амбиций, не уничтожила его веры в то, что ему предопределено повести Германию по тому же пути, вернуть ей положение расы господ.

Враждебность Деница по отношению к Британии и его отказ признать поражение своей страны превратили его в пример для подражания для так называемой «Бригады Деница», могущественной и влиятельной организации, ставящей своей целью вернуть ему власть как новоявленному фюреру-спасителю. Среди членов этой организации не менее 36 бывших командиров подводных лодок, вносящих свою долю в фонд, который пока оказывает помощь семье Деница, оплачивая каждый визит в Шпандау, и рассчитывает на большее потом. Фондом управляет «Альман и К°», банк, ведущий дела в старом портовом городе Киле. Нельзя считать случайным, что одним из его директоров является некий Эберхардт Годт, некогда контр-адмирал и начальник оперативного штаба Деница.

«Легенда» о Денице уже живет в Гамбурге, Киле, Дюссельдорфе, Мюнхене и Западном Берлине. Его называют «Lowe» (Лев).

— Когда он выйдет, чтобы повести нас тем путем, каким мы хотим идти? — спрашивают нацисты. На этот вопрос невозможно ответить с определенностью. Есть три вероятные даты, когда власти могут счесть срок наказания Деница исчерпанным. Вот они: май или осень 1955 или октябрь 1956 года. Все зависит от того, какую дату следует считать началом отбывания наказания: то ли его арест в Фленсбурге 23 мая 1945 года, то ли осень того же года, когда его перевели в Нюрнберг в качестве под-

судимого, то ли октябрь 1946 года, когда его поместили в Шпандау.

Можно сказать, что прецедент был уже установлен в случае с рядом немецких генералов, освобожденных из тюрьмы в британской зоне оккупации на том основании, что исполнение их приговоров началось со времени ареста, а не решения суда в Нюрнберге. Из этого вовсе не следует, что данное правило будет применено к преступникам в Шпандау, и доктор Отто Кранцбюлер, адвокат семей Деница и Редера, старается прояснить ситуацию в отношении Карла Деница.

Теперь, когда большая часть срока позади, Дениц может смотреть на календарь, зная, что когда его время истечет, многие будут ожидать его возвращения в общество как наследника Гитлера и готовиться поддержать его претензии на власть. Несмотря на строгие меры безопасности, принятые в Шпандау, достичь полной изоляции не удавалось никогда. Из тайком доставленных в тюрьму писем Дениц узнал о существовании Sozialistische Reichs Partei, неонацистской организации, запрещенной в январе 1953 года, и заинтересовался ее деятельностью. Он даже получил послания от ее лидера, Вернера Наумана, желавшего знать, готов ли Дениц встать во главе государства в том случае, если Науман обеспечит контроль над страной. Науман, работавший в министерстве Геббельса, был арестован англичанами, чтобы предать его суду за заговор против государства. Впоследствии его передали немцам и позднее выпустили по распоряжению Верховного суда Германии без передачи его дела в суд.

Дениц, как уверяют его поклонники, не имеет никаких политических амбиций и заботится только о благополучии Германии. В Шпандау ему каким-то образом удается узнать обо всем, что пишут о нем в мире, так как он болезненно относится к сохранению собственного престижа*.

*Как человек, всегда имевший страсть к персональным расследованиям, Дениц, не удовлетворенный официальным рапортом адмиралтейства о течениях, отливах и приливах вокруг британской морской базы в Портланде, в 1937 году решил выяснить это самостоятельно на борту подлодки У-37. Британский противолодочный корабль «Вулфхаунд» обнаружил субмарину и заставил ее уйти на глубину. Дениц все время похода оставался в каюте, в то время как капитан подлодки выходил на палубу, чтобы дать необходимые команды и распоряжения.

Человек, не имевший ни малейшей возможности переубедить свободный мир, воспринимающий его как своего врага, ухитряется выглядеть безупречно даже в тюремной робе. Жизнь ему отравляет ревматизм, от которого он очень страдает, и его обычный ответ на вопрос дежурного доктора, есть ли у него какие-либо жалобы, звучит так:

— Ах, у меня нет спасения от этих чертовых судорог и болей в суставах.

Поддерживать себя в форме стало у Деница навязчивой идеей, и его раздражает невозможность из-за болей долго выполнять упражнения. Даже в крохотной камере он постоянно ходит взад-вперед.

— Мне нужно поддерживать здоровье, чтобы выбраться из этой дыры, — говорит он. Другое правило, которого он придерживается, — рано ложиться спать. Гросс-адмирал и делает это, укладываясь задолго до других. Дениц объясняет эту привычку так: «Если я буду ложиться на пару часов раньше обычного, то просплю в год больше месяца дополнительно. А значит, из десяти лет на сон уйдет более года».

До того, как оказаться в Шпандау, Дениц не курил, распределяя свой недельный рацион табака между другими. Однажды он попробовал выкурить трубку, и ему это понравилось. Теперь Дениц — убежденный курильщик, но при этом постоянно разбивает трубки, и жене приходится то и дело присылать ему новые.

Карл Дениц родился под Берлином в 1891 году и, не испытывая большой любви к морю, поступил на службу во флот в возрасте 19 лет. Начало Первой мировой войны застигло лейтенанта на «Бреслау», когда этот корабль вместе с линкором «Гебен» бежал в Константинополь, чтобы укрыться от британского флота. Этот эпизод, похоже, убедил будущего гросс-адмирала в том, что его талантам нужно искать другое применение, и он стал пилотом, не особенно увлекаясь при этом морскими самолетами, но имея опыт полетов на них. Через некоторое время Дениц поступил на подводную лодку и был уже знающим командиром, когда в октябре 1918 года приказал атаковать английский конвой неподалеку от Мальты. Однако корабли сопровождения установили контроль над

ситуацией и заставили субмарину Деница всплыть, применив глубинные бомбы. Тем не менее Деницу удалось, покинув подводную лодку, не оказаться в тюрьме. Уже в те дни ему было не занимать хитрости и ловкости. Симулировав сумасшествие, Дениц вместо тюрьмы попал в заведение для умалишенных в Манчестере.

— Это позволило мне, — хвастливо вспоминает он, — быть среди первых военнопленных, репатриированных по окончании военных действий.

Появление нацистов в роли новых хозяев Германии оказалось весьма кстати для удовлетворения амбиций Карла Деница, тем более что к этому времени уже стало ясно — Версальский договор по различным причинам больше не является щитом против перевооружения Германии. Деница не нужно было убеждать склониться перед свастикой, и вскоре его, человека, имевшего за спиной опыт командования корветами и фрегатами, назначили командующим подводным флотом. Со временем в нем еще больше развилась амбициозность и обнаружились повадки «вождя». Молодые офицеры, «его мальчишки», могли делать все, что заблагорассудится, и он всегда находил извинения их эскападам и защищал их, при условии, что они не подводили его в море и разделяли его концепцию о том, что все подводники — «сыновья из одной большой семьи».

От членов экипажей подводных лодок Дениц истово требовал безусловного повиновения, смелости и преданности до конца. При этом у него был свой подход к ним. Он никогда не встречался с ними в формальной обстановке, но мог вместе с ними перемять косточки руководству Германии, обсудить, что и от кого из лидеров можно ожидать. Горевший в нем огонь фанатизма делал его запоминающейся фигурой, и Дениц верит, что после его освобождения найдется немало таких, кто будет готов слепо последовать за ним.

В те дни, когда Дениц отдавал свою немалую энергию строительству подводного флота и опробованию на практике новых методов нападения на противника, он получил мощную поддержку в узком кругу близких Гитлеру нацистов. С помощью Геринга он довел до совершенства взаимодействие своих подводных рейдеров с люфтваффе и в ходе совместной работы близко сдружился с летчика-

ми. Будучи внешне почти полной противоположностью, Дениц и Геринг имели по крайней мере одно общее — оба побывали в домах для умалишенных, хотя и по разным причинам.

Подверженный жестоким приступам морской болезни при малейшем волнении на море, толстяк Геринг вряд ли являл собой героическую фигуру на борту корабля, но обладал огромным влиянием среди нацистов, а Дениц был готов обhajивать каждого, кто мог содействовать его продвижению по избранному пути.

В начале войны Дениц делал карьеру не так быстро, как ему хотелось бы, но тем не менее стал во главе германских подводных сил и сумел доказать, что для его субмарин не имеет значения, идут ли вражеские корабли в составе конвоя или поодиночке. Впрочем, он вынужден был пересмотреть эту стратегию и позднее перебросил значительную часть своего флота на Балтику*. Затем командиры получили новый приказ. Им предписывалось уходить на работу «стаями» — время одиночного патрулирования морских маршрутов завершилось.

Дениц метил на пост главнокомандующего, но в то время позиции Редера оставались крепкими. Тем не менее, когда Дениц счел, что подходящий момент наступил, этот коварный специалист-подводник начал задавать один и тот же вопрос:

— Какой толк от того, что германский флот заперт в норвежских фиордах?

Яд действует медленно, но Деница не нужно было учить искусству интриги. Авторитет Редера постепенно таял, и ему пришлось уступить место своему сопернику. Уход из портов Ла-Манша «Шарнхорста», «Гнейзенау» и «Принца Евгения» в 1942 году вызвал ядовитый комментарий Деница, который заявил:

Существуют такие высказывания Деница:

«Я продемонстрирую, что подводные лодки могут выиграть войну в одиночку. Для нас нет ничего невозможного».

«Корабли противника опустятся на дно — и останутся на дне. Судьба Германии зависит от этого».

«Самолеты не более способны уничтожить подводную лодку, чем ворон способен убить крота».

Дениц имел возможность поразмышлять о полном несоответствии последнего высказывания действительности.

— Замечательный подвиг, это несомненно. Но это не морское сражение. Это отступление испуганного флота, и оно не прославит Великую Германию.

В Шпандау схватки между двумя адмиралами редки, но когда они начинают спорить об ошибках, приведших к сбою в германской военной машине, Редер всегда держит в запасе одну торпеду, приберегая ее для последнего удара. Независимо от того, наблюдает за ними кто-либо или нет, он в конце концов пристально всматривается в того, кого так ненавидит, многозначительно кивает и заканчивает спор одним и тем же суждением:

— Всего лишь проклятый адмирал-писака.

В присутствии Шпеера, ответственного за производство субмарин в то время, когда дни Германии были уже сочтены, Дениц предпочитает не анализировать причины поражения. Разгром его страны — это вечное унижение для него лично? и память о нем не дает покоя его пытливому уму.

— Знаете, Альберт, — сказал он Шпееру, — по-настоящему война была проиграна еще до того, как началась, потому что у нас не было ответа на огромную морскую мощь Британии. Единственное эффективное противодействие могло быть в том случае, если бы Германия вступила в войну с тысячью подводных лодок; если бы мы лучше оценили ситуацию, то имели бы их. Наше правительство не предусматривало войны с Британией, и наши вооруженные силы были оснащены для боевых действий в Европе — это был предполагаемый театр военных действий, и все строилось на том расчете, что Англия останется нейтральной или станет нашим союзником.

Кого винить за неверный расчет? Дениц сознавал, что простого объяснения, возможно, не существует, но он знал, что, вступив в войну с Британией, Германия должна была направить все свои военно-морские ресурсы против флота и коммуникаций врага и что именно провал попыток превратить море в огромное кладбище для моряков и кораблей означал поражение Германии.

— По вине Геринга у нас не было морской авиации, — продолжал он, — имелись и другие факторы, подрывавшие нашу силу. Начать с того, что нам пришлось столкнуться

с грозными противолодочными устройствами, плохой разведкой, особенно в конце войны, неудачами нашей воздушной разведки и массированными бомбардировками союзников.

Предаваясь этим невеселым размышлениям, Дениц вдруг остановился, как будто память о проигранной войне была слишком мучительна. Наконец он продолжил:

— Возможно, все было бы иначе, Альберт, если бы вы отвечали за производство до 1943 года. Подводные лодки нового типа были бы готовы вовремя и могли бы сделать свое дело. Вместо этого, начиная с зимы 1944 года и до конца войны, больше наших субмарин погибало от бомбежек, чем шло на дно моря. Из 38 тысяч человек, служивших у меня, пали более 30 тысяч.

Настоящая беда началась, когда на кораблях и самолетах стали использовать радары. Наши потери, составлявшие раньше 13 процентов всех находившихся в море кораблей, быстро возросли до 30—50 процентов. Это было ужасно. Всего за один месяц, май 43-го, мы потеряли 43 подводные лодки.

Существует еще одна проблема, особенно болезненная для Деница. Гросс-адмирал утверждает, что настаивал на развитии радиолокации в Германии до войны, но никто не обратил на него никакого внимания, т. к. он был всего лишь капитаном флота. При этом Дениц считает вполне возможным для себя забыть, что, когда англичане оснастили свои противолодочные силы радаром, он даже не понял, что это такое. На одной военноморской конференции Дениц заявил:

— Делается все необходимое для раскрытия сути этого нового противолодочного устройства.

Для отвергнутого пионера радиолокации он показал себя поразительно неинформированным.

Он также всегда доказывает, что не превосходная стратегия, не блестящая тактика повлияли на исход битвы против его субмарин.

— Ученые, усовершенствовавшие радиолокацию, были провозглашены спасителями своей страны, и это было действительно так, — говорит Дениц. — Победить помогло превосходство в технических достижениях. Германия со своей стороны жестоко ошиблась, позволив, чтобы ее

ученых призвали на службу в вооруженные силы, и лишь позднее их освободили от непосредственного участия в боях.

Война, как понимал это Дениц, пошла не так в тот момент, когда Германии не удалось занять восточное Средиземноморье, через которое пролегал путь на Восток и к жизненно важным источникам нефти. Произошло это потому, уверяет он, что итальянцы оказались неумелыми солдатами, а в снабжении сухопутной армии Роммеля возникли проблемы. Объединенные германо-итальянские военно-морские силы не сумели достичь даже временного контроля над Средиземноморьем, что расстроило планы Германии в Северной Африке.

К 1944 году Германия была готова расстаться с иллюзиями, и все уже ощущали горький запах поражения. В ситуации надвигающейся национальной катастрофы попытка немецких генералов убить Гитлера ничуть не удивила Деница. Однако он хорошо понимал, чего от него ждут, и в своем приказе заявил: «Небольшая клика сумасшедших генералов, не имеющих ничего общего с отважными армиями, защищающими фатерлянд, предприняла покушение на нашего возлюбленного фюрера. Этот трусливый и предательский акт против нашего Вождя и немецкого народа получит заслуженное осуждение, а его исполнители понесут наказание. Германский военно-морской флот безжалостно расправится с любым предателем, раскрытым в его рядах».

Вскоре после покушения Дениц присутствовал в штабквартире Гитлера на приеме Муссолини. Гитлер был мрачен, внезапно у него прорвалась вспышка гнева:

— Я начинаю задавать себе вопрос: достоин ли немецкий народ моих идеалов? — заорал он. — Если нет, то он заслуживает только уничтожения.

Прежде чем в берлинском бункере над последним актом этой вагнеровской драмы упал занавес, Гитлер, как выясняется, сделал 4 копии своего завещания, в котором назвал своим преемником Карла Деница. Документы нужно было доставить тем лицам, которых Гитлер желал ознакомить со своим завещанием, но посланным эмиссарам так и не удалось добраться до пунктов назначения.

Тела двух посланцев были обнаружены позже, а все остальное — спекуляции. Никаких копий завещания найдено не было. Известно лишь, что назначение Деница основано на телеграмме, присланной ему из бункера Мартином Борманом, другом Гитлера, информировавшим его о воле фюрера.

Деница не нужно было просить дважды, и, обращаясь к немецкому народу по радио уже в качестве главы государства и Верховного главнокомандующего, он объяснил, что фюрер умер, сражаясь во главе своих войск. Необходимость поддерживать остатки морального духа нации убедила Деница в неразумности обнародовать тот факт, что Гитлер покончил с собой. Закончив краткое выступление, в котором он объяснил всем свою позицию, Дениц заявил:

— Битва продолжается. Моя миссия состоит в том, чтобы спасти немецкий народ от истребления большевиками.

Он нашел союзника в Шпеере, который был готов помочь в попытке наладить коммуникации и обеспечить хоть какой-то порядок в неописуемом хаосе, но возможностей что-либо сделать было слишком мало. Дениц стоял у штурвала тонущего корабля, с которого смыло за борт все командование. Три недели спустя вместе с другими нацистскими вождями он оказался в тюрьме. На суде в Нюрнберге было сказано, что Дениц не просто командир армии или дивизии; он командовал подводниками, самым грозным подразделением германского флота. Не было забыто и то, что в качестве главы государства он приказал продолжать войну на Востоке.

Возможно, только в Германии, с ее фантастической историей политического лидерства и политических преступлений, вопрос о праве военного преступника наследовать Гитлеру власть в государстве может рассматриваться как серьезное предложение. В остальном мире его восприняли бы как дурную шутку или признак врожденного идиотизма. Как ни удивительно может показаться, но будущее Деница способно стать серьезным вопросом для его соотечественников.

У него есть влиятельные сторонники — те, кто готов

добиваться признания его так называемых конституционных прав, и те, кто утверждает (эти, возможно, еще более опасны), что Der Lowe стоит над политикой.

В заслугу Деницу ставят то, что он помог 2,5 миллиона немцев уйти на Запад, затянув переговоры о перемирии с Монтгомери. Это, да еще ненависть к Британии («войну нам навязали, потому что англичане завидовали нашей растущей силе и величию»), делают его популярной фигурой у немалого числа соотечественников.

В день, когда перед ним откроются двери тюрьмы, он рассчитывает добраться до ближайшего аэродрома и улететь на Запад. Он уверен, что коммунисты устроят демонстрацию, чтобы выразить свое крайнее недовольство, хотя парни из «Бригады Деница» уже уверили его в том, что у них хватит сил справиться с любой ситуацией, которая может возникнуть.

Все это выглядит так, словно кто-то перелистывает страницы истории назад.

ГЛАВА 13

ПИСЬМО ИЗ ШПАНДАУ

В дверь позвонили, и почтальон вручил открывшей дверь женщине голубовато-зеленый конверт с берлинской почтовой отметкой.

В левом верхнем углу стоял штемпель со следующими словами:

«Союзная тюрьма Шпандау

(I) Берлин — Шпандау

Вильгельмштрассе, 24»

Это один раз в неделю отсылаемое письмо написал своей матери Альберт Шпеер.

«Дорогая мама,

хотя вы и уверяете меня, что все в порядке, между строк я читаю нечто другое. Пожалуйста, напишите и расскажите мне всю правду. В конце концов, я достаточно крепок и смогу выдержать. Я не хочу прятаться от плохих новостей, в особенности когда это касается вас.

Не горюйте и не допускайте, чтобы ваша жизнь стала еще труднее из-за моего заключения. Никому из нас не помогут ни отчаянье, ни споры, ни раздражение. Вот почему я считаю правильным, чтобы вы все постарались преодолеть несчастье как можно быстрее, и меня чрезвычайно обрадует, если вы когда-нибудь сможете быть по-настоящему веселой.

Самое большое мое желание — чтобы мы понимали друг друга. Я хорошо сознаю, что беспокойство и горечь могут только ухудшить состояние вашего сердца и понизить сопротивляемость болезни, поэтому, пожалуйста, будьте во всем разумны.

Время незаметно течет, и я смогу выйти полным энтузиазма и желания работать, чтобы сразу же материально обеспечивать Гретель и детей.

Я очень надеюсь, мама, что вам лучше. Нам обоим нельзя прекращать надеяться на *auf Wiedersehen*. Всегда помните об этом, когда устаете от жизни. Не теряйте

воли к жизни. Это так важно для меня. Как было бы грустно, если бы я здесь узнал, что вас нет, что вы умерли до моего возвращения.

Ваш Альберт».

Каждое воскресенье во второй половине дня семеро заключенных Шпандау садятся в своих камерах писать письма. Это их единственный официальный контакт с внешним миром через тюремные стены. Когда они только что попали в Шпандау, их ознакомили с правилами переписки:

«Все письма должны быть написаны латинским шрифтом (немцы пишут двумя шрифтами — готическим и латинским). Размер письма не ограничен, но речь может идти только о личных делах. Обсуждения политики и международных дел запрещены. Не разрешены также неограниченные упоминания о внутренних делах. Женам и детям запрещается сообщать заключенным национальные и международные новости».

Ожидалось, что информационная изоляция семерки будет полной. Но, хотя Шпандау и является самой надежно охраняемой тюрьмой в мире, власти хорошо понимают, что существует еще двустороннее тайное движение писем, которое не сумели остановить никакие контрмеры.

Поначалу семерке разрешалось писать и получать по два письма в течение 6 недель, но затем срок сократили до 4 недель, а письма должны были включать не более 1200 слов. В апреле 1948 года правила снова подвергли ревизии:

«Письмо в 1300, а не 1200 слов, как определялось прежде. Ничего нельзя подчеркивать. Аббревиатуры не разрешаются, это относится и к инициалам; условные знаки не допускаются без объяснения. Все, противоречащее этим правилам, приведет к тому, что письма не будут отсылаться».

Перед Пасхой 1950 года Шпеер описал своим мелким аккуратным почерком случай, произошедший в Шпандау. Его стиль отличается цветистостью, хотя детали и описания несколько не преувеличены:

«Мои дорогие дети,

как наш кот уживается с таксой? У нас здесь тоже

много живых существ, но только птиц. Они могут прилетать и улетать без разрешения.

Утром, еще до того как я встаю, и вечером настоящий концерт устраивает черный дрозд. Только что он начал новое выступление, а еще мы слушали двух диких голубей, которые неразлучно сидели на ветке перед окном моей камеры и целовались.

Недавно на них напал сокол. Голуби очень быстро вспорхнули с ветки и улетели. Словно в наказание, сокол заблудился в нашей тюрьме, и это, похоже, совсем ему не понравилось, что я вполне понимаю. Действительно, соколы залетают только туда, где так пустынно, что «лисы» могут открыто желать друг другу «спокойной ночи!». Вот почему соколы здесь.

Из окна я также вижу пару сорок, построивших гнездо в прошлом году. Гнездо большое, оно болтается прямо на верхушке дерева, но оно так хорошо построено, что ветры ничего не могут сделать с ним. Думаю, поэтому оно так понравилось соколу, и он недавно залетел в него, а сорокам пришлось сидеть рядом с гнездом и обижаться.

Когда сороки увидели, что сокол хочет занять их гнездо, они собрали всех других сорок в Шпандау. Всех их оказалось 18. Не знаю, что они там решили, но для защиты гнезда прилетели еще несколько, и у сокола не хватило храбрости продолжить свое браконьерство.

У нас также есть сова, и она вот-вот начнет ухать. Сейчас она высунулась из дырки на крыше: может, мы ее немного удивили, а может, она смеется над нами.

4 недели назад отсюда улетела стая ворон, проведя здесь зиму. Сейчас они, наверное, где-то на севере. Вороны всегда держались вместе. Поблизости от них оказались несколько канюков. Вороны подняли шум и гам, поднялись высоко в воздух — их собралось, должно быть, сотни три — и напали на канюков, которые тут же скрылись, увидев так много птиц. После того, как канюки улетели, стало намного спокойней, и теперь сюда прилетают птицы поменьше — малиновки, скворцы, зяблики. Я рассказал вам обо всем этом, потому что вы, бывая в лесу, тоже можете изучать жизнь птиц. Жизнь так же меняется все время, как и вы все. Пожалуйста, сообщите

мне ваши рост и вес. У меня есть прошлогодние данные, и я могу сравнить их и увидеть, насколько вы выросли.

Ваш папа».

В письмах Шпеера матери видны безошибочные признаки осознанной вины:

«2 июля 1950

Моя дорогая мама,

прошло еще шесть месяцев. Просто не верится, как быстро летит время. Могу только сказать «слава Богу». Надеюсь лишь, что доживу до того времени, когда снова увижу вас всех, так что, пожалуйста, оставайтесь здоровы и бодры. Будьте разумны и не волнуйтесь, чтобы мы смогли наслаждаться жизнью, когда я снова буду с вами. Написал это письмо более крупным, чем обычно, почерком, думая о ваших глазах. Так лучше?

В огороде я загорел, а когда работа мне надоела, занялся своим садиком, который спланирован на насыпи. Я начал его с маргариток, ромашек, мака, земляники и других диких растений, которых в изобилии в этой песчаной пустыне. Я счастлив так же, как был счастлив 20 лет назад, когда построил мой первый сад с каменными горками. Как жаль, что это не в нашем саду.

Для меня всегда ужасно тяжело посылать вам поздравления с днем рождения из тюрьмы. Это напоминает мне, что вам придется провести в разлуке со мной еще год.

Ваш Альберт».

Всегда увлекавшийся физическими упражнениями, неплохо игравший в регби, он писал 25 ноября 1951 года:

«Мои дорогие дети,

я начал заниматься новым зимним спортом. Каждое утро и вечер я по-особенному сгибаю руки и ноги и называю это гимнастикой. Это может быть довольно полезно для здоровья. Я поддерживаю себя в хорошем физическом состоянии для работы в саду.

Здесь есть одна английская книга, в которой рассказывается о гимнастике для глаз, чтобы можно было обходиться без очков. В прошлом году у меня была пара для чтения и письма, но мне требовались более сильные. 4 недели назад я начал упражнения для глаз, как описано в книге. Опыт закончился успешно. Никогда бы не по-

думал. Сейчас я читаю без очков, и это письмо написано без них. Я пишу все это для того, чтобы ты, Маргарет [его дочь, которая носит очки], поняла, что через терпенье и упорство можно улучшить зрение, и, если тебя это заинтересует, я напишу тебе название книги.

Я дал тебе много советов, Маргарет, но, как все отцы, ошибаюсь, думая, что ты действительно возьмешь их на заметку.

Что касается тебя, Фриц, то, если тебе не нравится музыка сейчас, это ничего не значит, потому что через несколько лет она может тебе понравиться. Мне очень нравятся оперы, но я люблю и концерты.

Спасибо за последнее письмо, Альберт. Меня очень заинтересовали новые модели автомобилей, и я с нетерпением жду, когда смогу их увидеть. Должно быть, многое изменилось.

Ваш папа».

А это жене:

«27 июля 1951

Моя дорогая Гретель,

тебе целый день приходится заниматься детьми и их проблемами, пока я сижу здесь, читаю, рисую и немного развлекаюсь в саду. Из-за всего этого меня и впрямь мучает совесть.

Когда я однажды вернусь домой, мне нужно будет опять привыкать к восхождениям. В течение почти 6 лет я ни разу не взошел ни на одну высоту, даже не поднялся по лестнице, но приложил бы усилия, чтобы снова стать альпинистом.

Не согласен с тем, что Фрица лучше отправить в интернат. Я не очень хорошо отношусь к школам-интернатам. Я прочел всего лишь две книги по детской психологии. Одна из них, самая интересная, была на английском, и, к сожалению, я не совсем хорошо ее понял. Выясни, есть ли в Гейдельберге детский психолог, и если да, то пусть он займется Фрицем.

Пожалуйста, пришли мне 50 бирок с буквой «S» для прачечной.

Твой Альберт».

За несколько дней до того, как старшая дочь Шпеера, Хильда, отправилась в августе 1952 года по спонсируемой

правительством программе в Америку, чтобы учиться жить в демократическом обществе, которое презирал ее отец, в семью пришло такое письмо:

«Моя дорогая Хильда,

ты, вероятно, и представить себе не можешь, как восхитительно для меня путешествовать мысленно вместе с тобой. Так прекрасно, что ты получаешь этот великий опыт. Я почти завидую тебе. Если ты унаследовала что-то от меня, так это восторг от путешествий, так что хорошо представляю, как ты счастлива.

Верю, что, несмотря на успех, ты останешься скромной. Это поможет тебе в жизни. Жаль, что ты не можешь написать мне обо всем. Не начать ли тебе вести дневник, чтобы потом мы смогли поделиться своими впечатлениями?

Желаю тебе счастья и радости.

Твой папа».

Через несколько часов после написания этого письма Альберт Шпеер узнал о смерти своей матери, чье сердце он разбил. Следующее письмо было жене:

«Моя дорогая Гретель,

пожалуйста, не думай, что жестокая утрата, которую я испытал в этой одинокой жизни, станет тем препятствием, которое я не смогу преодолеть. Да, в тюрьме я сильнее ощущаю, что может значить для человека семья и как непоправима потеря матери. Но Природа создала нас так, что боль не может превысить определенного уровня. а кроме того, человек как-то привыкает к горю и нужде. Ты и сама это знаешь по трудностям последних лет.

Твой Альберт».

Больше всего заключенные Шпандау боятся наказания, состоящего в лишении права на переписку. В марте 1948 года Рудольфу Гессу не позволяли отправлять и получать письма в течение месяца из-за неоднократных случаев неповиновения.

Гесс сознательно рассчитывал на публикацию своей корреспонденции в будущем. Именно с прицелом на тех верных нацистских сторонников, которые до сих пор цепляются за миф о «фюрере завтрашнего дня», в письмах он осторожно вставлял фразы о патриотизме и лидерстве.

В ноябре 1952 года он пишет:

«Мои дорогие,

если бы я мог поймать его тогда, этого дьявола, который стоил мне 11,5 лет — и кто знает, скольких еще лет этой быстротечной жизни со всеми ее тяжкими жертвами, — и тогда я убил бы его, несмотря на все то благо, которое он в конце концов мог бы принести.

Я достиг возраста, в котором стал помехой молодым. Надеюсь, молодые люди, о которых я говорю, сделают правильные выводы. Все, что я мог сделать, чтобы подвести их к такому пониманию, я сделал, как ни трудно это было.

Молчание тоже может быть красноречивым. Передавайте молодым мой сердечный привет.

Ваш».

Гесс подписывает большинство корреспонденций словами *der Deine*, следуя древнеримскому стилю заканчивать письмо словом «Ваш», или *der Eure*. Он никогда не пользуется своим именем. В октябре 1952 года заключенным сообщили, что отныне они могут писать еженедельно. Вот письмо Гесса по этому поводу:

«Мои дорогие,

ну, сейчас вы удивитесь! Едва я написал письмо 19-го и вот еще одно сегодня. Короче, в Шпандау сенсация!

Отныне каждую неделю — одно письмо семье. До 1300 слов, по возможности отпечатанных на машинке для облегчения работы цензора, но не воображайте, что я смогу выдать из себя еженедельное письмо в 1300 слов. Для этого мне не хватает материала и духа. Не забывайте, что 11,5 лет не проходят бесследно.

Мое следующее письмо будет написано, возможно, через неделю друзьям из всех слоев общества.

Ваш».

Но потом Гесс передумал и писал каждую неделю, в основном делясь мыслями, почерпнутыми из прочитанных книг. 16 ноября 1952 года темой его послания стал любимый исторический деятель — Наполеон. Гесс, несомненно, сравнивал себя с французским императором, на что указывает и это письмо:

«Мои дорогие,

воля Наполеона концентрировалась на славе, добытой любой ценой, даже за счет миллионов погибших, а пото-

му его желание сделать добро французскому народу и миру стало бессмысленным.

Даже просто как человеку ему не хватало той искры доброты, которую требует История от великих. Видите ли, очень важно, на какую цель направлена сила воли. Наполеон, несомненно, обладал огромной силой воли, равной которой не было, наверное, ни у кого другого. Его контроль над телом и разумом был столь велик, что он мог спать там, где сидел, даже на коне, даже накануне решающего сражения.

Он раскрыл секрет этой необычайной способности. Когда ему нужно было обдумать какую-то проблему, он как бы включал определенный отдел мозга, а когда хотел спать, отключал их все. И потом отдыхал.

Хорошее упражнение для силы воли и самоконтроля — приучать себя обходиться без пищи. Например, не есть мяса в определенный день, пусть даже тебе его хочется, или довольствоваться яблоком и парой сухарей во время похода.

Ваш».

Над Шпандау постоянно летали самолеты, и бывший пилот Гесс пишет об этом так:

«Мои дорогие,

полнейшая чушь перевозить несколько десятков человек со скоростью 400 км в час по воздуху, когда никто из них в действительности не спешит настолько, чтобы не обойтись поездом.

Каждый раз при этом самым наглым образом беспокоят тысячи людей. Мешают даже птицам; по всему маршруту полета нарушается покой природы. Бесстыдство. Это к теме «Культурный прогресс».

Я был бы рад узнать, предпочитает ли Вольферль [его сын] что-то особенное в чтении или просто читает все, что попадает под руку. В его возрасте я больше всего интересовался изучением природы, прежде всего астрономией.

Сейчас я читаю интересную книгу Камилла Фламариона «Загадка жизни души». Автор был одно время директором Парижской обсерватории. Когда я был молодым, то читал так много книг по астрономии, что забывал о других предметах и проваливался на экзаменах.

Я ненавижу все, связанное с бизнесом, что, конечно, не означает, что я не считаю бизнес важным занятием, далеко нет. Бизнесмены играют свою роль в обществе, я сам знаю об этом по жизни в Египте. У судьбы, однако, были для меня другие планы, в том числе и бросить меня сюда.

А теперь о книге Фламариона. Автор описывает некоторые необъяснимые феномены, как, например, вибрацию мозга умирающих, которую можно услышать за тысячи километров. О подобном говорили Гёте и Шопенгауэр, а Шекспир сказал: «Есть многое на свете...»

О, если бы я мог быть призраком с вами в Гейдельберге или с моими друзьями давно ушедших дней.

Ваш».

1 марта 1953 года «молчаливый» Гесс, ощущая неловкость по поводу обилия своей корреспонденции, написал жене:

«Мамочка,

мои писания не должны сбить тебя с толку. Я все тот же старый Гесс, молчаливый, как всегда.

Интересно, унаследовал ли Вольферль мою бережливость в домашних делах? Я могу быть бережлив до скупости и при этом не способен удержаться от пустой траты денег, граничащей с экстравагантностью. Я часто ходил пешком, чтобы сэкономить 20 пфеннигов на проезде, а потом бездумно швырял все наличные, чтобы полетать на спортивном самолете.

Что касается тебя, сын, то, играя в шахматы, следи за пешками. Я всегда был внимательным к ним и поэтому однажды добился примечательного успеха. В 1916 году, в армейском госпитале, чемпион мира по шахматам по имени Коэн играл одновременно несколько партий. Он проиграл только мне — из-за «необычайной хватливости», как он сердито это объяснил.

Судя по тому, что ты пишешь о вашем новом учителе, он, должно быть, знал незадолго до войны одного из наших родственников, твоего двоюродного дядю Ганса Гесса, профессора геометрии в одном из высших учебных заведений Нюрнберга. Он увлекался изучением ледников, а другим его хобби был марксизм.

До 1933 года он являлся членом городского совета в

Нюрнберге и социал-демократом. Говорят, что каждый раз при упоминании моего имени у него волосы вставали дыбом. Каждый из нас считал другого «черной овцой» в семье, но мне, по крайней мере, было весело.

Ваш».

Известие о коронации Елизаветы подтолкнуло Гесса написать в июне 53-го следующее:

«Мои дорогие,

в одной небольшой книжке о германских племенах я прочитал, что нижние саксы отличались от других здоровым смыслом и тупостью. Понятно, что я не отношу вас, мои дорогие, к этому славному и печально известному сообществу, особенно когда это касается тупости.

Эту характерную черту англосаксы взяли с собой, когда отправились на никому не нужный остров. Не столько здравый смысл, сколько тупость, желание все сделать по-своему, проявляется в их подходе к мерам расстояния, веса и вещам вроде «Фаренгейта»*, ставших знаменитыми только из-за их непрактичности. Эта нация предпочитает требующие большого времени и сложные способы счета и измерения вместо того, чтобы идти в ногу с остальным миром. Меня удивляет, что они по ошибке приняли ту же систему времени, что и другие народы нашей планеты. Они, вероятно, упустили тот факт, что можно было бы измерить время восходом луны, что является очень сложным способом счета, т. к. каждый день отличается от солнечного на 30 минут. Получился бы чудесный старомодный способ измерения времени, по крайней мере, так считали древние греки.

В качестве альтернативы потомки саксов могли принять за основу отсчета времени движение звезд. Приспособить звездное время к лунному было бы так же сложно, как пытаться перевести английскую систему денежного счета и остальных измерений в десятичную.

Например, англичанину, приехавшему на континент, чтобы высчитать, сколько дней прошло после 21 марта, пришлось бы увеличить цифру на 3 минуты 56 секунд и складывать результаты с его британским временем, вычтя

*В некоторых государствах, в том числе и Великобритании, температуру воздуха принято измерять не по Цельсию, а по Фаренгейту.

из него 12 часов. Только тогда он получил бы «время для этих проклятых иностранцев!»

Если же серьезно, то я хочу, чтобы наша нация в большей степени обладала этим качеством древних саксов, не проявляя его в странном употреблении старомодных систем измерения.

Ваш».

В письме по случаю дня рождения сына Рудольф Гесс писал:

«Филио мио,

может быть, ты станешь блестящим инженером, как хотел я, когда был молодым, но не смог, потому что меня ждала дедушкина фирма.

Когда дела пошли плохо, я возвратился к моей старой любви, только в более крупном масштабе. Я хотел переустроить мир и сделал немного, но Судьба сказала «Хватит» и усадила меня в Шпандау, где я все еще сижу.

Мое пожелание в твой день рождения, мой мальчик, состоит в том, чтобы эта загадочная сила, называемая Судьбой, поостыла на мне и направила твою жизнь по более спокойной, ровной, прямой тропе, а не бросала на рельсы.

Жизнь можно сравнить с эскалатором, который способен неплохо нести тебя вперед, но становится довольно неудобным средством, если он идет вниз и застревает в подвале.

Ваш».

* * *

Почти вся корреспонденция Вальтера Функа касается его разнообразных заболеваний, описываемых с большой жалостью к себе. Он также подробно характеризует всевозможные симптомы болезней и методы лечения, которым его подвергают. Одним из исключений было письмо от 16 декабря 1951 года:

«Моя дражайшая, возлюбленная голубка. Моя дорогая, добрая, смелая женушка.

Вспомни день, когда — много лет назад — я подарил тебе серебряное сердечко на серебряной цепочке, которое ты носишь так долго. Это был хороший талисман, и он защищал тебя от многих опасностей, пока вместе с

другими вещами его не украли у тебя люди, которым ты доверяла. [Фрау Функ закопала свои драгоценности в саду, но их стащили].

В своей жизни я совершил немало ошибок и много раз разочаровывался, но никогда так жестоко, когда открыл для себя, насколько злобными и вероломными могут быть люди. И однако же нет в целом мире никого, кто мог бы сказать, что ты или я умышленно или сознательно совершили по отношению к кому-то несправедливость.

Ты права, когда говоришь, что настоящая любовь дает любящим ощущение надежности, защиты, которые можно найти на груди того, кого любишь.

Пожалуйста, принеси мне новую трубку. Последние две, которые я получил, больше непригодны для курения. Трубки здесь страдают больше обычного, потому что за ними невозможно ухаживать должным образом и чистить требуемым инструментом. Из-за нехватки спичек мне также приходится чаще затягиваться, чтобы они не потухли. (Огонек дают охранники.)

Сейчас я курю самую любимую трубку, как делаю всегда, когда пишу тебе. Думаю, что с тех пор, как ты подарила ее мне на 30-ю годовщину свадьбы, я выкурил, должно быть, около 700 набивок. Это все равно, если бы я выкурил 700 «гаван», но эта трубка слишком нежная. У меня осталась всего одна, тоже очень хорошая, английская.

Твой Пумпельман».

Когда Функ по-настоящему болен, это видно по его письмам жене: строчки ложатся неровно, по диагонали. Когда он здоров и бодр, почерк аккуратнее и разборчивее.

«4 мая 1952

Моя дражайшая, возлюбленная голубка.

Моя дорогая, добрая, отважная женушка,

только что миновало 29 апреля, ровно 7 лет с того черного дня, когда мне пришлось расстаться с тобой. Было воскресенье, прилетели первые ласточки. В этом году все так же. Первую ласточку я увидел в тюремном саду.

Так же впервые кукует кукушка. Последние две неде-

ли я каждый день проводил по несколько часов в саду, наслаждаясь прекрасной весной.

Когда я заболел воспалением нервов, с высокой температурой и сильными болями, я звал тебя, как никогда в жизни. Теперь это все прошло, и мне стало лучше. Самое главное, что я лучше сплю, хотя по-прежнему на таблетках.

Кстати, из-за болезни я полностью потерял на какое-то время слух и ощущение вкуса. Сейчас вкус понемногу восстанавливается. Но я не улавливаю никаких запахов. Я получал витамин В1. Мой диабет прошел почти бесследно, и мне уже три недели не делают инъекций инсулина.

Недавно мне приснились вши. В старое время для меня это означало деньги.

Твой Пумпельман».

28 декабря 1952:

«Моя дражайшая, возлюбленная голубка.

Моя дорогая, добрая, отважная женушка, рождественские дни в камере, которые ты своими прекрасными подарками и посещениями превратила в праздники, остались позади.

Я с большей, чем обычно, тщательностью помылся и почистился, чтобы все было готово к празднику и к твоему появлению в моей тихой обители, и ты действительно пришла, только во сне.

В тот священный день между 4 и 5 часами я лежал на кровати и с тоской думал о том, с какой любовью и вниманием ты украшаешь рождественскую елку в маленькой квартире, и вдруг совершенно ясно увидел тебя, окруженную мерцающими рождественскими свечами.

То был самый возвышенный момент в моей жизни, и я был так счастлив, как никогда ни на одно Рождество, проведенное в тюрьме. Как будто ангел влетел в мою камеру, а когда я открыл глаза, месяц за окном камеры, казалось, посылал мне привет от тебя.

На Рождество, во время нашей литургии, принесенные тобой большие восковые свечи горели так ярко и подмигивали мне так дружелюбно, что напомнили свет в твоих любящих глазах. Потом, на прогулке на мне был

новый шарф, перчатки и одна из тех новых красивых рубашек.

Твой Пумпельман».

Уже перед очередным посещением жены Функ написал еще одно письмо:

«Моя дражайшая, возлюбленная голубка.

Моя дорогая, добрая, отважная жenuшка,

все мои мысли только о твоём скором посещении. В последние несколько дней ты, должно быть, я в этом уверен, часто думала обо мне, особенно по ночам, когда светит луна и когда я чувствую твою любовь.

Когда я слышу своим внутренним слухом это легкое, нежное пение, я испытываю чувство, будто все мое существо наполняется мелодией любви, которую ты тоже понимаешь душой, и наступает гармония. Обо всех необычайных ощущениях души, достигающих своей кульминации, я более полно расскажу позже.

Сегодня во второй половине дня мы снова будем слушать граммофон. Эта будет 6-я симфония Бетховена и его последняя соната в исполнении Вильгельма Кемпфа. С большим нетерпением ожидаю этого концерта.

В пятницу мне снова проводили хирургическое лечение. Несмотря на инъекции морфия и кокаина, было больно, и потом целых 24 часа я чувствовал себя по-настоящему плохо. Меня все раздражает, я стал крайне восприимчив к шуму и свету, хотя и принимаю двойную дозу снотворного. О Боже, как я страдаю!

В религиозном дневнике нашел сегодня такое утешительное высказывание: «Бог знает, что ты делаешь, где живешь. Он никогда не оставит и не забудет тебя».

Веря в это, прими, пожалуйста, мой поцелуй.

Твой Пумпельман».

* * *

Из-за цензуры письма приходят к заключенным и их родственникам с задержкой на несколько дней, иногда до десяти. Узников проинструктировали, что писать можно только на одной стороне листа, что надо оставлять поля для облегчения процедуры снятия фотокопий. Каждое приходящее и отсылаемое письмо фотографируется и заносится в тюремную картотеку. Цензура строга, и за-

прещенные строчки просто вырезаются из письма ножницами. Первоначально письма просматривал всего один чиновник. Теперь на каждом штампе «Одобрено» стоят по две подписи.

Фрау Дениц говорит, что особых жалоб на цензуру у нее нет, но однажды, когда ей вернули ее письмо мужу, его содержание ей показалось настолько безобидным, что она послала его Ричарду Стоксу, члену парламента, занимавшемуся тогда германскими делами. Госпожа Дениц попросила прочитать письмо и решить, содержится ли в нем что-то сомнительное, и, если нет, то позаботиться о пересмотре деятельности цензора. Письмо переправили в Форин-оффис и, вероятно, оно было сочтено безобидным, потому что прошло в Шпандау со второй попытки.

Осенью 1952 года Бальдур фон Ширах предупредил своего шурина Генриха Гоффмана относительно цензуры:

«Мой дорогой Гейн,

с письмами детей возникли трудности, потому что в них встречаются рисунки и текст на обратной стороне. Пожалуйста, напоминай им время от времени оставлять обратную сторону чистой, как требуют того цензоры. Далее, нужно следить, чтобы не было фотографий зданий (школ или жилых домов). Это не разрешено.

Сейчас передо мной фотографии мальчиков, тебя и Аннемутц. Мне хотелось бы отговорить Клауса от занятий журналистикой. Оно почти ничего не дает, тогда как, с другой стороны, изучение права является хорошей базой почти для всех профессий. А если он все же хочет быть журналистом, то у него будут лучшие перспективы при наличии степени доктора права, чем просто журналистской квалификации, которую нигде не воспринимают серьезно.

В отношении писем, посылаемых сюда. Они должны быть по возможности напечатаны на машинке, хотя мне очень неприятно не видеть твой почерк. Написанное от руки — это портрет пишущего.

Я хотел бы попросить тебя придерживаться этих правил по мере возможности, т. к. это способствует работе цензоров с письмами и ускоряет их доставку. Что касается детей, то они, конечно, будут продолжать писать от руки.

Здесь ничего не изменилось. Этим утром мне пришло в голову следующее: нет ни одного человека, который был бы настолько хорош, насколько хорошим он себя считает, и никто не плох настолько, насколько кажется другим. В этом рассуждении есть определенное утешение, хотя оно и выражено в пессимистичном смысле.

Привет от всего сердца,
твой старина Бальдур».

Фон Ширах, идеалист и писатель, заполняет большинство своих посланий размышлениями о музыке, философии и дает «духовные советы» своим детям. В письме сыну он говорит:

«Мой дорогой Клаус,

как хорошо, что ты познакомился с «Пятой». Я слушаю части этой симфонии, которые звучат в моей голове, и радуюсь им. Хорошо помню скрипичный концерт со всеми его темпами и вариациями. Что касается камерной музыки, то это совсем другой мир, очень большой, который пока еще не знаком тебе. Проникнуть в него можно лишь тогда, когда с почтением продвигаешься шаг за шагом. Нельзя знать Бетховена, не зная его сонат. Камерная музыка Гайдна и Брамса — одно из величайших проявлений человеческого духа.

В древнем мире греки создали эпические произведения в поэзии, драме, философии, архитектуре и скульптуре. В наше время подобным достижением стало лишь рождение западной музыки. Это надо осознать для понимания того, что достигнуто в Европе. На мой взгляд, оно даже более великое, чем достижения древних.

Через язык музыки люди могут не только понимать друг друга, но и реальный мир, и мир потусторонний. Или, как сказал Бетховен, «музыка более высокое откровение, чем вся мудрость и философия». Технические науки сделали нас равно бедными и богатыми — это очень хорошая тема для эссе: «Какая польза будет для человека, если он приобретет мир и потеряет душу?» Проблема современного человека состоит в опасности потерять душу. И виноваты в этом не только технические науки. Человек — слуга технического прогресса, а не тот, кого обслуживает техника.

Привет и любовь от твоего верного друга, папы».

Фон Ширах, человек, отвернувшийся от принципов человеческого долга по отношению к ближнему, не испытывает раскаяния в одном из последующих писем сыну, в котором он обсуждает этику карьеры:

«29 июня 1952

Дорогой Клаус,

ты постоянно возвращаешься к теме журналистики. Я надеялся, что ты выскажешь мнение о тех предложениях, которые я сделал тебе в последних письмах. Думаю, такие возможности, как школа журналистики или практика в газете, не следует принимать серьезно.

Звучит почти цинично, когда ты пишешь о редакторах, считающих себя стоящими выше того, что они пишут. Разве это не означает, что действуют они исключительно из жадности к деньгам? У этих людей крайне низкие моральные стандарты, хотя предполагается, что они внушают молодым какие-то идеалы.

Мое мнение в отношении этих людей совпадает с мнением великого композитора Макса Регера, написавшего одному критику: «Я сижу в маленькой комнатке моего дома, и передо мной ваша критика. Скоро она будет за мной!».

Главное, чтобы человек осознавал, не пожертвовал ли он своими этическими принципами в угоду профессиональным обязанностям. Боюсь, что ты, обладая определенным талантом к писательству, позволил убедить себя в том, что это — профессия для жизни, хотя есть много других профессий, в которых талант необходим ежедневно. В журналистике только высшие ее образцы представляют собой значительные достижения. Нигде больше не найти худших образцов писательства, чем в газетах, где работают люди, которым нечего сказать.

Хотя я ничего не знаю сейчас о международных делах, я советую тебе отложить поездку в другие страны до того, как ты сдашь экзамены.

Ты пишешь, Клаус, что тебя увлекают танцы, но я ни разу ничего не слышал от тебя о спорте. В твоём возрасте молодой человек должен интенсивно заниматься атлетическими упражнениями.

С приветом и любовью твой верный
Друг, папа».

Когда наступает очередь детей фон Шираха писать отцу, каждый пишет отдельно примерно 1300 слов, а заканчивает письмо шурин заключенного. Из-за этого иногда случается задержка, и, если письмо приходит позже дня регулярной доставки корреспонденции заключенным, его откладывают до следующей недели. Об этом писал Бальдур фон Ширах жене своего шурина 21 сентября 1952 г.:

«Дорогая Аннемутц,

твое письмо пришло слишком поздно, поэтому я должен писать тебе, не зная, что ты сообщашешь мне. Следующий день для получения писем 19 октября. Пожалуйста, постарайся устроить все так, чтобы твоё письмо прибыло сюда примерно на 10 дней раньше. Конечно, я сознаю, насколько трудна твоя задача — успеть вовремя собрать письма от 4-х детей, живущих в разных местах. Разумеется, это нелегко и требует неоднократных напоминаний.

Когда я думаю о том, как ленился писать в детстве и, к сожалению, позже (пожалуйста, не упоминай об этом моим молодым людям), я нахожу очень примечательным то, как пунктуально пишут мои дети. К Анжелике это замечание не относится, потому что она еще не выросла и на нее можно положиться — она делает то, что от нее ожидают. Я не хочу сказать этим, что все девочки такие. Но, вообще говоря, подмечено, что, когда девушка становится молодой женщиной, она знает, что правильно, а что нет.

После этого экскурса я возвращаюсь к первому пункту, который сводится к тому, что почту необходимо отсылать независимо от того, полна она или нет. Главное, чтобы я своевременно получал новости.

Лета совсем не было, и уж определенно не более восьми солнечных дней кряду. Можете представить, как это — при моей зависимости от погоды — сказывалось на моей мигрени. Трава и деревья рано сохнут, а это плохой знак. Я, как и многие другие «оптимистичные» натуры, более трагически воспринимаю этот мир. Чтобы относиться к нему жизнерадостно, нужно быть убежденным в бессмысленности существования.

Юмористы — это часто откровенные пессимисты. Дру-

гие милые идиоты, оптимисты, отличаются так называемым рвением к жизни.

Это звучит как парадокс, но точно соответствует моему опыту жизни. У оптимиста есть чувство комедии, и он выражает его в шутке, которая совершенно поверхностна. В юморе есть глубина, улыбки часто близки к слезам.

Несмотря на мое сегодняшнее знание мира, я думаю, что он не самый лучший и не самый худший из миров, но горя в нем определено больше, чем радости.

Нельзя изменить что-то, если тебя неправильно понимают, потому что такова судьба. Все в большей и большей степени я постигаю то, что так называемые влияния могут быть какое-то время очень сильными, но неспособными изменить внутреннюю природу человека. Садовник должен оставить главную работу Богу.

С сердечным приветом
твой старина Бальдур».

Будучи заключенными, обитатели Шпандау, конечно, не имеют общепринятых прав, не разрешено им пользоваться и юридической помощью. Именно на это ссылается фон Ширах в своем письме, датированном 14 декабря 1952 года:

«Дорогая Аннемутц,

если хочешь сообщить мне решение властей в отношении опекунов над детьми, тебе не обязательно давать мне оригинальный текст, так как здесь это будет рассматриваться как официальный документ. Просто изложи мне информацию своими словами.

Что касается твоих планов навещать меня каждый квартал, то я бы хотел, чтобы ты поговорила об этом с Розалиндой и Анжеликой. Я предоставляю все это тебе, но дай мне знать, как ты устроишь визит в 1953 году.

Я хочу, чтобы первым был Клаус (в январе или феврале), но здесь надо принять во внимание его занятия в школе. Думаю, вопрос о том, чтобы он оставался здесь 8—10 дней только ради того, чтобы совместить два посещения, не стоит.

Какая ты счастливая, что проведешь Рождество с родителями, мужем и детьми. Что такое родители, узнаешь только тогда, когда потеряешь их.

Думаю, это очень хорошо, что Сьюзи поселилась с бабушкой и дедушкой. Родители родителей лучшие учителя для детей, потому что они не изводят их наставлениями, так как, будучи стариками, они намного лучше понимают детей, чем их родители, которые в стремлении жить отбрасывают память о своей юности. Кроме того, они более спокойны и полны любви и мудрости.

Бальдур».

Своему шурина весной 1953 года Бальдур фон Ширах писал:

«Мой дорогой Гейн,

человек, «отмечающий» в 46 лет девятилетие своего заключения, вряд ли будет иметь праздничное настроение.

Западный человек превращается в термита.

Читаю моего любимого Мольера, роман Мопассана и Шекспира. Упоминаю об этом только для того, чтобы ты знал, что я не совсем пал духом.

Ничто не восхищает меня больше, чем твердый характер, смело утверждающий себя в тяжелых условиях и поднимающийся над обстоятельствами. Я, конечно, мало знаю о борьбе за жизнь после 1945 года, но я не настолько далек от событий, чтобы не представлять, через что вы прошли и что ждет впереди.

Бальдур».

ГЛАВА 14

ЦЕНЗУРА

Ни одна тюрьма не является такой неуязвимой, как она выглядит снаружи, и власти знают, что через щели и трещины берлинской крепости сочится ручеек, остановить который не в силах самые бдительные стражи.

Решение лишить узников права получать книги от родственников может показаться пустяковым и мелочным, но в действительности оно является необходимой мерой предосторожности со стороны строгой, неумолимой цензуры. Приходящие в тюрьму книги, а также письма заключенных позволяли установить тайную связь в обход системы безопасности, и первым, кто привлек внимание властей к этой лазейке, был гросс-адмирал Карл Дениц.

Цензоры заметили, что в письмах семье Дениц часто упоминает книги, которые читает в данное время, указывая при этом автора, издателя и неизменно добавляя: «Гюнтеру будет интересно знать об этом». Гюнтер — зять адмирала, ставший во время войны одним из самых доверенных лиц Деница. Эта связь, а также ссылки Деница, повторяющиеся из письма в письмо, и навели цензоров на мысль о коде. Им было известно, что происходило в германском адмиралтействе в войну, и это только укрепило их подозрения. Например, каждый командир подводной лодки перед получением первого оперативного задания имел беседу с глазу на глаз либо с Деницем, либо с Эберхардтом Годтом, начальником оперативного штаба. Взяв с офицера подписку о неразглашении, ему вручали простой буквенный шифр, основанный на слове «Ирландия», с тем чтобы в случае пленения в письме семье он смог сообщить об обстоятельствах гибели субмарин, что являлось жизненно важным для Деница и его офицеров. Чтобы отличить зашифрованное письмо от обычного, нужно было подчеркнуть дату. После получения такого письма жена и родственники командира

должны были незамедлительно передать его в штаб-квартиру ВМФ.

Примерно так же используются для зашифрованных посланий и книги. Тюремные цензоры понимали, что, если Дениц действительно работает с одним из шифров военного времени, то ему требуется часто менять книгу-ключ, т. к. заключенным не разрешалось держать конкретную книгу более отведенного времени. Поэтому посылку книг от родных запретили. В следующем письме ему пришлось поведать жене кое-что о правилах цензуры:

«Твои письма были подвергнуты цензурной проверке по следующим причинам: ссылки на темы политического характера, неясный почерк и, третье, использование аббревиатур.

Нельзя писать о политике. Интерпретируй это слово очень широко. Оно включает в себя все общественные дела и, более чем вероятно, даже твои высказывания по поводу моего дня рождения, связанные с верностью некоторых старых товарищей».

28 октября 1947 года фрау Инге Дениц получила это письмо от мужа:

«Моя любимая Инге,

неправда, что в тюрьме грязно, и обо мне не беспокойся, моя малышка Инге. Я все тот же. Принимаю все спокойно и тихо. Всею свое время.

Сегодня провел в саду 6 часов и чертовски устал, но там было приятно. В Нюрнберге во дворе было много зелени и 11 певчих птиц. Восхитительно наблюдать за птенцами — как они растут, как пытаются взлететь. Здесь то же самое, можно любоваться тем, как растут цветы и овощи.

Гуляет ли Гюнтер с маленьким Петером? Ничто так не западает в память ребенка, как прогулки с отцом, когда задается так много вопросов, что удивляешься, а что же он еще спросит.

Шесть посланных тобою фотографий стоят на моем столе. В середине — карточки Клауса и Петера, наших любимых сыновей, незабываемых отважных хороших мальчиков, которые всегда с нами, моя Ингефрау. Вечерами я читаю, в основном книги по истории, астрономии, биологии, некоторые романы, но рано ложусь спать,

так что не беспокойся обо мне. Знаешь, мое спокойствие не изменилось, и писать об этом больше нет необходимости. Минутку, я получил сшитые тобой теплые, мягкие трусы, и они пришлись к стати.

Мои чувства и мысли те же, что и в Нюрнберге в прошлом году. В моей прошлой жизни не было уюта и покоя, но каждодневное исполнение обязанностей; другими словами, то была другая жизнь — жизнь действий и дел. Теперь все наоборот. Вот почему я люблю читать то, что написали люди зрелого опыта, мудрости и философского спокойствия.

С огромным интересом прочитал биографию Вашингтона и предпочитаю такие книги романам, даже историческим, которые всегда слишком приукрашены. Мне нужна правда. Мне хочется узнать, как было на самом деле, насколько это вообще объективно возможно. Терпение.

Твой парень».

Подобно Гессу, Дениц пишет многие свои письма с расчетом на будущую автобиографию, которую он уже договорился издать вскоре после своего выхода из Шпандау.

Значительную подготовительную работу уже провели для него друзья. Дениц ссылается на это в письме от 11 апреля 1948 года:

«Моя Ингефрау,

по вопросу автобиографии я хочу указать, что ее слабость заключается в том факте, что никто не может видеть себя объективно. Каждый, хотя, может быть, и непреднамеренно, представляет себя таким, каким ему хочется себя видеть.

Самая большая очевидная причина такого рода — это самооправдание или самоутверждение. Я верю, что высший идеал человека — это желание самоотверженно исполнить свой долг.

Материализм, понимаемый как накопление богатства или стремление к комфортному и беззаботному существованию, не прельщает меня.

Твой парень».

Рассказывают, что после ареста Деница его дом был разграблен, и в следующем письме есть снова ссылка на материальные обстоятельства:

«Моя любимая Инге,

меня до сих пор временами приводит в ярость то, что в Граберхате украли наши вещи. Их собирали с такой любовью. Но не будем плакать над материальными утратами.

В саду расплодилось на удивление много мышей, которые, поняв, что мы не причиним им вреда, бегают у нас под ногами. По ночам на них всю охотится сова. Есть здесь и пара соколов. Я кормил мышей семенами люпина, которые рассыпал возле их норок, и наблюдал, как они выходят оттуда и подбирают зернышки.

Сейчас я выращиваю американские помидоры. Они крупнее наших, но не красные, а желтые.

Удивительно, как при отсутствии нормальных развлечений вспоминаешь все, случившееся раньше. То, что действительно много значит для тебя, становится очевиднее, например, песни, разученные в детстве. Когда мы снова будем вместе, нам нужно будет купить собаку. Чем буду заниматься, когда выйду, еще не знаю. Живость и энергия уже не те, только характер остался неумным. Иногда мне трудно вспомнить то или иное имя. Расскажи об этом Эберхардту. Он обрадуется, потому что прежде моя отличная память всегда пугала его.

Твой парень».

14 марта 1948 года Дениц написал о своих погибших сыновьях:

«Моя любимая Инге,

20 марта, моя дорогая Ингефрау, мы вместе будем думать о нашем дорогом отважном Петере. Какое это было горькое время: Петер пропал в море; мы понесли внезапные и значительные потери; все было так серьезно. Я чувствовал тяжелую ответственность, не было никакого просвета.

Но так же было и в долгие предвоенные годы, когда ежедневно приходилось сражаться за свои взгляды и добиваться признания. Было бы лучше, если бы моя точка зрения была принята вовремя, а не тогда, когда было уже слишком поздно. Вот где кроется трагедия моей судьбы.

Моя дорогая, среди немногих личных вещей Клауса есть его наручные часы, которые он носил, когда погиб,

и которые, несмотря на долгое пребывание в воде, все еще тикают. Может быть, ты сможешь ими пользоваться взамен тех, которые потеряла.

Здесь один день похож на другой. Я здоров, если не считать больного пальца и ревматизма.

На будущее у меня несколько желаний. Я бы хотел услышать песню соловья. Не помню, чтобы я слышал его хоть раз в жизни. Было бы приятно увидеть падающие снежинки и фиалки в лесу ранней весной. Иногда слышу, как гавкает за тюремной стеной пес, и думаю о Волке. Как хорошо иметь собаку. Вчера смотрел на почти полную луну. Это то, что связывает меня с внешним миром.

Глубоко благодарен всем, кто добр к тебе. Но к тем, кто должен бы быть доброжелателен с тобой за все, что мы сделали для них в прошлом, и ведет себя иначе, могу только повернуться спиной.

Твой парень».

В другом письме из Шпандау Карл Дениц, готовящийся первым выйти из тюрьмы и думающий о свободе, пишет:

«Моя любимая Инге,
пожалуйста, пришли мне таблицу звездного неба.

Ветер разгоняет облака, идеальная погода для плавания под парусом. Я стараюсь заучивать наизусть целые отрывки из книг, чтобы тренировать мозг. Дни здесь катятся один за другим, как волны в Атлантике, только там все красивее и шире, свободнее и величественнее.

Скоро мы снова встретимся, и прошедшие годы покажутся такими же короткими, как вахта в море. Май — наш месяц Судьбы, когда мы поженились и когда мы потеряли наших двух сыновей.

Мне бы снова хотелось быть в море, но не гостем или посторонним на палубе пассажирского лайнера, а в глупине, связанным с миром воды или за штурвалом яхты. Если бы только я смог снова встать за него, но, полагаю, ревматизм скажет «нет». Когда я попытаюсь совершить нечто подобное, мне придется поставить на кон мою жизнь. Я не могу жить как нормальный гражданин

Сейчас я устал и отправляюсь спать.

Твой парень».

Рассказывая жене о цензуре, барон фон Нейрат сообщил ей, что последнюю страницу ее письма изъяли, потому что она превысила лимит в 1300 слов. Пересчитывается каждое слово, написанное заключенным или родственниками. Господа цензоры, добавил барон, понимают, что она не может печатать на машинке, а потому важно, чтобы она писала четко.

В феврале 1951 года барон писал жене:

«Дражайшая Манни,

по случаю моего дня рождения могу написать дополнительное письмо, которое использую для того, чтобы поблагодарить тебя за добрые пожелания. Начало еще одного года жизни оказалось не слишком счастливым. Утром у меня случился еще один приступ, и я весь день пролежал в постели. Сейчас мне намного лучше, и сегодня я даже смог немного прогуляться. Нужно учиться дисциплине, необходимой для пожилых.

Твое письмо в этот раз прошло строгую цензуру, а мне не разрешили переслать тебе письмо Константина, полученное мною недавно. Спасибо Константину за присланную мне трубку и финансовую помощь, давшую тебе возможность путешествовать. Две пары носков очень хороши.

Надеюсь, твоя следующая поездка в Берлин не окажется слишком трудной. Пожалуйста, привези мне губку и немного мыла.

Мои наилучшие пожелания».

После свидания с женой в Шпандау в следующем ее письме к барону обнаружился листок с предупреждением цензора о том, что замечания политического характера запрещены. В очередном письме барон фон Нейрат писал:

«Дражайшая Манни,

мне нет необходимости говорить тебе, как осчастливил и освежил меня твой, пусть и короткий, визит. Зима была трудная, и я думал, что не переживу ее.

Замечательно, что кое-кто из наших друзей собирается посетить тебя на годовщину нашей свадьбы. Особенно горько, что я не смогу быть с тобой, к тому же обстоятельства не позволяют мне сказать тебе о своих чувствах. Могу только поблагодарить тебя за ту любовь, которую

ты и в добрые и в недобрые времена давала мне в течение 50 лет.

30-го все мои мысли будут с тобой, это ты знаешь. Интересно, будет ли день таким же жарким, как 50 лет назад?

С наилучшим приветом».

Во многих письмах барона содержатся советы его дочери, Винифред фон Макензен, по управлению усадьбой Нейратов. Фон Нейрат, опытный фермер, способен со знанием дела писать о садоводстве, дренаже и севе. Но 3-го июня его занимала юридическая битва за конфискованные усадьбы:

«Моя дражайшая Манни,

сегодня я думаю о смерти отца. Если бы не ты, я не мог бы не желать поскорее оказаться рядом с ним на нашем маленьком кладбище в Глаттбахе. Но пока я изо всех сил стараюсь держаться.

Уже довольно долгое время я намереваюсь написать новое завещание вместо того, которое было украдено, но у меня не было возможности сделать это. Все эти годы заключения я чувствую, что вряд ли сумею составить такой документ, не зная моего правового положения.

Пусть что-нибудь напишет Фишингер [их юрист]. Тот документ, который он послал мне, вряд ли подойдет. Желательно, чтобы все, подготовленное Фишингером, было разделено на несколько писем. Я еще раз подтверждаю, что большая часть усадьбы была куплена на мое имя и на твои деньги.

Я немного поулыбался над твоим описанием нашествия москитов. Большого я здесь не могу.

Сейчас у меня ангина, и боль иногда ужасная. В данных обстоятельствах мне приходится нести тяжкое бремя, но жаловаться не в моих правилах.

С наилучшими пожеланиями.

К».

1 июля 1951-го письмо из Шпандау гласило:

«Моя дражайшая Манни,

сегодня мне трудно написать вразумительное письмо, потому что не могу написать то, что хотел бы. Лучше не писать.

К».

А вот письмо барона на Рождество 1951 года:

«Моя дражайшая Манни,

вот уже седьмой раз я посылаю тебе рождественские и новогодние поздравления таким образом. Никогда за 50 лет супружеской жизни мы не расставались, даже на Рождество в Первую мировую войну. Более чем когда-либо мои мысли будут с тобой и семьей. Поставить елку нам здесь не разрешили.

Предполагаемый визит Вини в город ее рождения, боюсь, может принести только разочарование. [Это ссылка на планировавшееся дочерью посещение Лондона. Позднее она отменила поездку.]

Со здоровьем все в порядке, хотя временами старое сердце и беспокоит. Нельзя ожидать многого на 80-м году жизни.

Несмотря на всю мою философию, праздники в тюрьме переносить нелегко. Верю и надеюсь, что вы все здоровы.

К».

В письме 9 марта 1952 года фон Нейрат писал о своем дне рождения:

«Моя дражайшая Манни,

думал о тебе весь день второго февраля. Как часто мы отмечали этот день [его день рождения]. Интересно, увижу ли я снова Лейнфельдерхоф [его дом в Вюртемберге]? Помню наш отъезд оттуда на вербное воскресенье 7 лет назад. Как прав я был тогда, испытывая уныние и депрессию.

20 лет назад Гинденбург потребовал, чтобы я принял пост в Берлине, и мы попрощались с Лондоном. Вспоминая все наши совместно прожитые годы, осознаю, что они значили для нас и что ты значила для меня. Единственное, о чем я жалею, что после всего, перенесенного вместе, теперь опять вынужден причинить тебе боль. Но ни предвидеть, ни предотвратить этого я не мог.

С тех пор, как ты была здесь, прошла, кажется, вечность. Здесь время летит и в то же время ползет. К сожалению, глаза у меня слабеют, что ты можешь заметить и по письму. Естественно, мои письма отсюда совершенно пусты. Я чувствую себя гораздо лучше благо-

даря гомеопатическому лечению, которое получаю от французского врача.

Мою беду не преодолеть; в конце концов мои дни сочтены, и в моем нынешнем положении я не могу об этом жалеть, хотя мне хотелось бы еще раз приехать домой. Я сильно страдаю от тревоги и беспокойства, и выносить это трудно, но выносить нужно.

С сердечным приветом
твой К».

После рождественских праздников 1952 года фон Нейрат писал:

«Моя дражайшая Манни,

мы вступили в 1953 год, и вместе с ним в 80-й год моей жизни, и хотя я действительно прожил достаточно долго, я хочу умереть дома, а не в тюрьме.

На Новый год я посылаю вам с Вини самые лучшие пожелания, прежде всего — оставаться здоровыми. Я, со своей стороны, постараюсь сделать все, чтобы сохранить здоровье и держаться, хотя это и трудно.

Рождество, выносить которое душевно всегда тяжело, позади. Как трудны, должно быть, были эти дни для тебя, я тоже знаю. Вспоминал о тех праздниках, которые мы проводили с твоими родителями. Те дни ушли, но я должен быть благодарен за них.

Твой К».

На вербное воскресенье 1953 года цензоры как-то пропустили письмо Нейрата с замечаниями по поводу его приговора, что являлось запрещенной темой.

«Дорогая Манни,

получил твое письмо вовремя. Письма, написанные от руки, в отличие от напечатанных, дают почувствовать себя ближе к дому. Вербное воскресенье 1945 — полагаю, это было 27 марта, — когда мы уехали из дома, чтобы отправиться к детям, навсегда останется в моей памяти. Прощание с нашим домом, со всем, что я построил и посадил более чем за 40 лет, было особенно тяжким, может быть, из-за предчувствия долгой разлуки. Но совесть у меня была чиста, и я никогда не думал, что меня сделают ответственным за дела других, деяния которых я совсем не знал и никогда не одобрял.

Правда об этом, пусть и слишком поздно, еще выйдет на свет. В любом случае, я и сегодня действовал бы так же, столкнувшись с подобной ситуацией.

Желаю тебе отличного здоровья и нежно обнимаю тебя.

Твой К».

Это был единственный случай, когда Нейрат в письме из Шпандау попытался защитить себя.

* * *

Письма гросс-адмирала Эриха Редера всегда открываются какой-либо цитатой, то из Библии, то из Гёте. Эти мудрые слова, неизменно вызывают пристальное внимание цензоров, готовых видеть в них возможное зашифрованное послание.

12 февраля 1950 года, ожидая первого посещения тюрьмы женой Эрикой, только что выпущенной русскими, он писал:

«Дражайшая Этахен,

сообщи мне день твоего приезда в апреле. Запиши все вопросы, которые надо обсудить, в порядке значимости. Я сделаю то же самое. Они записывают все, что говорится. Скажи им по прибытии о своем намерении ничего не сообщать газетам, особенно это касается интервью, чтобы они поняли, что если что-то не так, то это не твоя вина.

Из ценных вещей у меня есть: обручальное кольцо, запомни, с инициалами «А. V.»; золотая цепь для монокла, подаренная тобой; зубная пластина из платины и золота; дешевые наручные часы, не имеющие ценности, но в рабочем состоянии; авторучка; коричневый кожаный кошелек с золотой застежкой; около 40 книг и картина с изображением Христа.

Эрих».

После первого свидания:

«9 апреля 1950

Дорогая Этахен,

благодарю Бога за исполнение части моей молитвы, которая заключалась в желании увидеть тебя. Единственная проблема была в том, что много важных вещей пришлось обсуждать в столь короткое время. Будем надеяться, что в следующее твое посещение у нас будет

больше времени. Конечно, это большое душевное волнение встретиться снова после такой долгой разлуки.

Утром и вечером я читаю цитаты на календаре в моей камере. Его приносят из монастыря.

В саду мы наблюдаем за жизнью ворон, сорок и двух соколов, которые ежедневно устраивают воздушные сражения. Примечательно, что соколы держатся вместе против многочисленных ворон, которые пытаются перехитрить их.

Спасибо за две шелковые рубашки, темно-красную и темно-синюю, которыми здесь восхищаются, и большое спасибо за чудесное мыло. Ты же знаешь, я не люблю сильные ароматы.

Эрих».

На самом деле Редер ненавидит парфюмерные ароматы, взбитые волосы, короткие юбки, крашенные ногти и курение. У него была привычка заставлять молодых офицеров передавать эту информацию их женам, чтобы те знали о его взглядах на женские манеры и одежду.

Воздерживаясь от спиртного сам, он навязал свою волю германскому военно-морскому флоту, запретив употребление алкоголя непосредственно перед заступлением на дежурство, и сам следил за тем, чтобы этот запрет соблюдался. Ни один случай выпивки не проходил безнаказанно. Вредным было сочтено и курение на пустой желудок, и Редер резко выступил против него.

Нет ни одного письма, в котором гросс-адмирал не спрашивал бы о том или ином высшем морском офицере и его семье. В июне 1952 года он писал:

«Сегодня во сне (я редко вижу сны) увидел старого адмирала Лемке, в широком плаще, шедшего за гробом одного из его офицеров, и мне стало стыдно за то, что меня там нет, как того заслуживает умерший».

Редер был очень привязан к своему сыну Гансу, которому писал 9 ноября 1952 года:

«Мой возлюбленный сын,

я знаю, что от властей зависит, увижу ли я при следующем визите тебя или твою мать. У меня побаливает колено, тем не менее мы работаем в саду.

Я так рад, что ты живешь с матерью. Заботься о ней. Ответ дай сразу же.

Твой папа».

Месяц спустя он снова писал Гансу:

«Мой возлюбленный сын,

спасибо за добрые пожелания к Рождеству и Новому году. Пусть и у тебя будет здоровье и успех во всем. Это то, чем гордится всегда любой отец. Помню, как горда была моя мать, когда после первого года моего пребывания в кадетях получила официальное письмо, в котором сообщалось, что я занял первое место среди 75 кандидатов. Через 3,5 года я удивил отца тем, что получил наивысшую похвалу на экзаменах на звание офицера.

Твой папа».

Спустя несколько недель сын, на чье будущее Редер возлагал столько надежд, умер. Редера, пославшего в годы безжалостной морской войны на смерть столько молодых людей, глубоко потрясла эта утрата.

18 января 1953 года он писал:

«Я едва закончил письмо Гансу, когда капеллан сообщил мне, что наш дорогой сын, надежда нашей старости, скончался.

Что это было, что так быстро свело его в могилу? Во время последнего свидания он так хорошо выглядел, и я удивился, когда ты написала о его болезни. С тех пор я каждый день просил Бога позволить ему выздороветь. Дважды в день я молюсь за тебя и твое здоровье. Но пути Господни неисповедимы, и, несмотря на все наши страдания, мы не должны сомневаться в Нем.

Ты знаешь, как я любил Ганса и как всегда беспокоился о нем. Но как ни велико мое горе, я знаю, что ему лучше, чем нам. Больше всего меня тревожит мысль о том, что ты, моя дорогая, рассталась с сыном, давшим тебе, несмотря на все страдания, столько радости.

Не беспокойся обо мне, моя дорогая. Рад, что могу быть рука об руку с тобой в нашей любви.

Расскажи мне, как умер Ганс, что сказали врачи. Помни, что ты должна заботиться о своем здоровье ради нашего — будем на это надеяться — воссоединения. Да благословит тебя Бог и да позаботится Он о тебе.

Эрих».

ГЛАВА 15

ИХ ДЕНЬГИ И ИХ ЖИЗНЬ

Семьи заключенных Шпандау живут сейчас скромно, но не бедствуют и ухитряются, несмотря на значительные затраты, ездить в тюрьму по отведенным для посещений дням. Всего несколько лет назад они наслаждались роскошной жизнью и их ничто не волновало. То был век разбоя, закончившийся только с разгромом Германии. После войны союзники наткнулись на исторические сокровища, переполнявшие тайные хранилища, и возвратили их на законные места в художественных галереях, музеях и церквях стран, испытавших на себе оккупацию. Однако это лишь часть истории, потому как миллионы фунтов, представленные твердой валютой, драгоценностями и ювелирными изделиями и являющиеся товаром, который очень легко продать, все еще не найдены. Не все это богатство покинуло Германию, но значительная его доля ушла, растворившись и осев потом в виде частных вложений в банках нейтральных стран. Там они и остались — огромные депозиты на закрытых счетах для высокопоставленных нацистов. Раскрыть всю правду могло бы расследование, но этому препятствует руководство многих банков.

Государственные пособия, пенсии и другие источники дохода, не всегда вполне определенные, помогают семьям заключенных Шпандау неплохо держаться на плаву, но для многих из них нынешний образ жизни — временное явление. Они надеются, они верят, что имеют крепкие позиции в тех переговорах и юридических ухищрениях, которые предпринимаются для возвращения конфискованной собственности и средств, способных сделать их такими же богатыми и процветающими, как прежде.

Фрау Луиза Функ, проживающая в однокомнатном домике в небольшом гастхаузе, рассчитывает, что германское правительство вернет семейную усадьбу в Гехенберге и симпатичную резиденцию под названием «Берг-

хоф». В 1941 году Функи купили эту собственность за 400000 марок, потом потратили солидную сумму на всевозможные улучшения в 22-комнатной резиденции, которую они роскошно обставили.

«Бергхоф» находится в центре усадьбы с богатыми сельхозугодьями и красивыми лесами, которые в данный момент, на взгляд фрау Функ, немного заросли.

— Я владею всеми этими лесами, — утверждает она, — и при этом мне приходится платить 40 марок в неделю за топливо в зимние месяцы, зная, что один из арендаторов рубит мои деревья и продает. Насколько я знаю, я, возможно, покупаю собственный лес.

Причина, по которой фрау Функ приходится платить за свои дрова, кроется в том, что в 1945 году усадьба была конфискована американскими властями. Генерал Джордж Паттон, живший в ней некоторое время, описал «Бергхоф» как одно из самых прекрасных строений в Германии. Впоследствии это здание служило квартирой нескольким американским офицерам высокого ранга, а затем было передано одному американскому гражданскому чиновнику, проживавшему там весь 1952 год в полной изоляции. Германское правительство получало за усадьбу 3000 марок в месяц, которые шли на оплату обслуживающего персонала; еще 600 марок в месяц уходило за пользование мебелью Функов. Фрау Функ получала половину этой суммы, что и было тогда ее единственным официальным источником дохода.

Все закончилось, когда американец уехал, а ей разрешили посетить «Бергхоф», чтобы провести инвентаризацию для подачи претензий на возмещение ущерба от порчи дома и мебели к правительству Баварии. Потеря дохода от дома вынудила фрау Функ продать ценное кольцо и картину Тома, известного баварского художника, чьи работы впоследствии пользовались большим спросом.

Фрау Функ считается знатоком ювелирных изделий и предметов искусства и, помимо нескольких ценных картин, владеет прекрасным полотном Лейбла, знаменитого художника XIX века.

Рассказывая об усадьбе и финансах Функов, она сказала мне:

— Мой муж всегда был богатым человеком. Когда я

вышла за него замуж, он зарабатывал 4,5 тысячи марок в месяц, работая редактором «Борзен цайтунг», ежедневной берлинской газеты финансового направления. Он пользовался успехом как лектор и однажды выступил с 47 обращениями перед различными торговыми палатами и промышленниками. За каждое из этих выступлений ему платили по тысяче марок.

Фрау Функ говорила, что в то время у нее был супердорогой «мерседес», который она водила сама. В 1933 году, пояснила она, ее муж согласился занять очень ответственный пост в правительстве, и хотя это означало финансовые потери, но и привело к его назначению президентом рейхсбанка.

— Довольно странно, но Вальтер никогда не играл на бирже, — призналась госпожа Функ. — Дело в том, что он был слишком честен, чтобы пользоваться имеющейся у него информацией.

Фрау Функ, однако, проговорила, что спрашивала мужа о выгодности тех или иных вложений, и тот просто говорил: «Ты снова суешь нос на биржу», — и либо подтверждал, либо опровергал то, что она слышала о движении на рынке акций.

— Таким образом я заработала много денег, — говорит фрау Функ, — и еще на акциях, которые дал мне один знакомый банкир.

После того как Вальтера Функа осудили как военного преступника, его деньги и личную собственность конфисковало германское правительство. Фрау Функ отделалась легче. Сама она объясняет это тем, что ей, единственной из всех жен заключенных Шпандау, удалось доказать свою непричастность к нацистской партии.

— Моя собственность до некоторой степени осталась нетронутой, и именно на это я сейчас живу. Кое-чего из ценностей и бумаг я лишилась, надеюсь, что только временно, потому что у нас с мужем был брачный контракт на совместное владение собственностью. По германскому закону, муж и жена могут заявить, как это сделали мы, что каждый владеет собственностью другого или они владеют только своей долей, так что в случае банкротства мужа собственность жены остается в неприкосновенности.

Самое большое мое богатство сейчас — это мебель в «Бергхоф». Арендная плата фермеров, работающих в нашей конфискованной усадьбе, остается у правительства Баварии.

Переправленное из тюрьмы завещание Функа свидетельствует о наличии двух страховок и компенсаций заработной платы, не выданной ему одним швейцарским банком, находящимся в Базеле.

По словам тех, кто располагает информацией, документ раскрывает далеко не всю правду о делах Вальтера Функа. Его обвинители считают его человеком способным и деловитым и говорят, что было бы ошибкой забыть, что Функи купили свою огромную усадьбу и роскошный «Бергхоф» спустя несколько лет после начала службы у нацистов. Возникают в этой связи и другие вопросы: до какой степени Функ и его жена использовали свою власть для обогащения? до какой степени состояние Функов основано на собственности жертв концлагерей, беженцев и ограблении оккупированных земель?

Все конфискованные деньги заморожены правительством до того времени, пока вопрос о нацистской собственности не будет решен окончательно. Но юрист Луизы Функ полагает, что у нее есть отличные шансы заполучить назад и деньги, и усадьбу, потому что само тюремное заключение Вальтера Функа не безупречно с правовой точки зрения.

В качестве заключенного Шпандау он не может лично предстать перед судом по денацификации*. Этот факт, говорят эксперты-юристы, может лишить основания само решение о конфискации.

В том случае, когда ответчик по делу не может защитить себя, обвинение может быть признано абсолютно безукоризненным.

*Система денацификации была создана для того, чтобы каждый нацистский преступник и даже те, кто симпатизировал фашистам во всех слоях общества, понесли заслуженное наказание. Опираясь на силу четырех держав-победительниц, денацификация включала в себя «арест и наказание военных преступников, нацистов и милитаристов и выявление, последующий контроль и наблюдение над потенциально опасными немцами». Система делила преступников на 5 категорий, и она также обещивала для бывших нацистов из высшей категории возможность перейти в низшую за хорошее поведение и даже давала возможность реабилитации.

Между тем Луиза Функ, не оставляя ничего на волю случая, активно участвует в политических маневрах с целью вернуть собственность и деньги семьи, предлагая уплатить баварскому правительству некую заранее согласованную сумму в качестве компенсации «штрафа» за «прегрешения» ее мужа.

* * *

Еще большую проблему представляет собой дело Ильзе Гесс, живущей в старом фермерском доме в баварских горах. Не имея явной финансовой поддержки от своего мужа с 1941 года, она ухитряется неплохо жить и даже послала сына в хорошую школу-интернат в Берхтесгадене.

— Говорят, что за границей у вас припрятан по крайней мере миллион фунтов, фрау Гесс, — выпалил я во время визита к ней домой.

Я и не ожидал ответа, а фрау Гесс просто улыбнулась и сказала:

— Мне удалось выплатить все наши долги.

Потом она добавила:

— Когда мой муж исчез без всякого предупреждения, у меня остался на руках большой дом с 15 слугами. Наличными я имела только 2 тысячи марок.

Деньги на прислугу и содержание дома шли из партийных фондов, и заместитель фюрера располагал значительными ресурсами. Говорят, что за границей у него было аккумулировано ценностей на 900000 фунтов, примерно половина — в валюте. С учетом процентов он по сей день остается миллионером.

Считается, что Гесс входил в число семи приближенных Гитлера — среди них Геринг, Геббельс и Риббентроп, — которые разместили за границей в совокупности 3334000 фунтов стерлингов.

Доля Гесса, как сообщается, составляет 449166 фунтов, кроме того, он имеет страховой полис на 312 тысяч фунтов, а его жена застрахована на 75666 фунтов.

Сразу же после полета мужа Ильзе Гесс, опираясь на поддержку одного влиятельного друга, добилась государственной пенсии как жена «военнопленного» высокого ранга.

— Я получаю деньги за то, что пишу, — утверждает

фрау Гесс, но того, что ей платят, явно недостаточно на жизнь.

Деньги, заработанные ею за статьи, проданные в 1953 году в Италию и Францию, она отдала сыну на путешествие. Ее главное литературное творение — это книга, опубликованная в Германии под названием «Англия, Нюрнберг, Шпандау», которая, получив «одобрение» экснацистов и их подпольных организаций, все же не стала бестселлером. Для публикации за границей в ней слишком много нацистской пропаганды.

Но даже без особых литературных достижений, пенсии или доступа к богатствам мужа (тайна которого может быть скрыта в завещании Гесса, оставленном жене накануне полета) Ильзе Гесс не о чем беспокоиться.

«Люди» ее мужа, как он часто называл своих товарищей по нацистской партии в письмах из Шпандау, позаботятся о ней.

* * *

Заклученный «нувориш» Бальдур фон Ширах, недавно получивший наследство американских родственников, прежде имел два дома. Один, 300-летний, 11-комнатный в Ашпенштайне, возле Бад-Кохель, в Баварии, построенный в стиле английского особняка, был конфискован баварским правительством и продан социал-демократической партии.

Этот дом был приданым его бывшей жены Генриетты; ее отец купил его за 110000 марок и затем потратил еще 40000 на модернизацию.

Второй дом фон Шираха — это деревянное бунгало в Урфельде, Бавария, тоже конфискованное. Несмотря на это, фрау фон Ширах получила разрешение занять его, предъявив корешок из старой чековой книжки, доказывавший, что она купила бунгало. Генриетта фон Ширах попыталась вступить в полное владение им. Однако никаких законных оснований на это у нее нет, т. к. в финансовом отношении их брак строился на равных правах.

Подобно своему отцу, Бальдур фон Ширах всегда с презрением относился к деньгам, живя хорошо и не зная ни нужды, ни бедности. Пока большая часть унаследо-

ванного им состояния заморожена в США, его шурин и его сестра Розалинда помогают детям фон Шираха получить образование.

Бывшая жена Бальдура фон Шираха полностью отрезана от его денег и живет главным образом за счет заработков в кино, на телевидении, для которых пишет сценарии. Но ей все же удастся увеличивать свой доход за счет былой славы фон Шираха. Так, Генриетта получила 30000 марок, продав картину Ван Гога.

* * *

Архитектор Гитлера Альберт Шпеер тоже унаследовал деньги и недвижимое имущество, находясь в Шпандау. Состояние, не столь значительное, как у фон Шираха, но все же немалое, принесло ему завещание матери, оставившей сыну ценные бумаги и земельную собственность.

Амбициозный Шпеер разбогател благодаря тому, что потакал архитектурным прихотям Гитлера. В Берлине он владел большим домом с садом и бассейном. Английская авиация превратила все это в груды камней. Теперь на этом месте стоит лишь домишко, построенный какими-то беженцами.

За годы пребывания на посту главного архитектора Германии Шпеер вложил огромные деньги в акции. После его ареста все имущество и ценности были конфискованы. Со времени окончания войны его жене разрешено ежемесячно снимать со счета в банке 450 марок. Максимальная сумма, разрешенная для снятия с заблокированных счетов политических заключенных, равняется 300 маркам, но в случае фрау Шпеер было сделано исключение, т. к. у нее большая семья.

Мать Шпеера оставила значительное количество акций, разделив их поровну между двумя сыновьями. Сейчас идет расследование, цель которого состоит в том, чтобы удостовериться, не перевел ли Шпеер часть дохода от своей нацистской деятельности на счет матери.

По завещанию ему отошла также половина усадьбы его отца в Гейдельберге, с домом, построенным в 1905 году, и обширным земельным участком. Особняк с 10 комнатами и 3 ванными оценивается в 9000 марок, примыкающий к нему флигель, в котором до лета 1953 года жила

семья Шпеера, переехавшая затем в новую квартиру в Гейдельберге, — в 30000 марок. Но это лишь подлежащая налогообложению стоимость, не дающая полного представления о рыночной стоимости имения.

Собственность Шпееров была передана в руки официального комитета по опеке, что стало наказанием семье за ее нацистскую деятельность.

Усадьба Шпееров оказалась в американской зоне оккупации и была конфискована армией США. Некоторое время в ней жил бригадный генерал Джон Б. Мерфи. Армия выплачивает комитету по опеке 375 марок ежемесячно и дополнительно 200 марок за аренду мебели.

Половина арендной платы идет брату Шпеера, другая половина поступает на контролируемый счет. Но все эти деньги, а также дом, усадьба и материнские акции наверняка вернутся Шпееру и его семье, когда закончится правовой спор по его делам. У Шпеера масса друзей во многих инстанциях, и они только ждут, когда обстановка «смягчится», как они выражаются. И конфискованными останутся, вероятно, только вложения Шпеера в акции, сделанные им в период торжества нацистов.

* * *

С потерянного завещания, обнаруженного в 1951 году в семейном архиве фон Нейратов в их вюртембергской усадьбе, началась правовая битва за освобождение их собственности от конфискации.

И барон фон Нейрат, и его жена всегда были богаты. Дед барона купил усадьбу в Лейнфельдерхофе в 1860 году, а к барону она перешла в 1934-ом. Сейчас ее 79 гектаров полей пшеницы и сахарной свеклы, коровы и свиньи находятся под присмотром нанятого управляющего, а руководит всем этим дочь барона, Винифред фон Макензен.

В отсутствие брачного соглашения правительство Вюртемберга сразу после осуждения и заключения фон Нейрата в тюрьму конфисковало всю усадьбу с большим 12-комнатным особняком, превращенным сейчас в дом для беженцев и престарелых.

Потом обнаружилось потерянное завещание. Написанное в 1914 году, перед уходом фон Нейрата на фронт,

оно оставляло все жене и содержало ряд ключевых фактов, опираясь на которые Винифред фон Макензен после двухлетней схватки со штутгартским правосудием отвоевала для своей матери половину усадьбы. Другая половина осталась конфискованной.

Пропавшее завещание подтверждало, что баронесса фон Нейрат сама является наследницей значительного состояния. Ее дед, Эдвард Коупер, был женат на Мери Вестервельдт, и оба происходили из знатных американских семей.

У фон Нейратов есть и другие американские связи. Среди их родственников Самнер Уэллс, а один из предков — знаменитый Дениэл Ю. Томпкинс, губернатор Нью-Йорка с 1807 по 1817 год, сыгравший большую роль в войне за независимость и отдавший этому делу все свое состояние.

Чтобы обезопасить вюртембергскую собственность от возможных будущих споров, возвращенная половина усадьбы на имя баронессы фон Нейрат оценена в местной кадастровой книге в 5000 марок. Основной денежный доход семьи в настоящее время составляет пенсия Винифред фон Макензен, которую она получает как вдова посла. Ее муж, умерший в 1949 году, был старше ее почти на 30 лет.

Сын Нейрата, Константин, которому сейчас 51 год, не женился до 1951 года и после войны эмигрировал в Аргентину. Он работает в одной из компаний влиятельной группы Тиссена. Но хотя Нейраты и унаследовали большое состояние, Константин повергся допросу следователей союзников относительно 250000 марок, подаренных ему фюрером. У Гитлера была привычка делать такие подарки своим министрам, фельдмаршалам, генералам и адмиралам.

Фон Нейрат утверждает, что в то время не нуждался в деньгах. Тем не менее финансовый департамент германского министерства иностранных дел перевел эту сумму на специальный счет в вюртембергском земельном банке.

В письме из Шпандау, написанном в январе 1953 года, барон подтверждает, что не желает трогать деньги Гитлера, и тут же осведомляется, остаются ли эти деньги на счете.

Жены двух гросс-адмиралов получают пенсии за своих мужей. Германское правительство отнесло Эриха Редера и Карла Деница к категории «погибших», а их жен — к вдовам военнослужащих морского флота.

Вначале Эрике Редер приходилось жить на пособие в 67 марок в месяц. Бывшие сослуживцы мужа значительно увеличили ее доход за счет собственных пожертвований, а одна из политических партий Германии единодушно решила оплачивать ее поездки в Берлин.

Вся собственность в доме Редеров на Бабельсберг в Берлине, оказавшемся в русской зоне оккупации, была конфискована советским правительством. Сам дом, стоивший 350000 золотых марок и построенный Редером накануне войны, состоял из 8 комнат и кабинета гросс-адмирала, не считая помещений для прислуги. Когда советские войска вошли в Берлин, маршал Соколовский занял дом для себя и своего штаба. Сейчас в нем расположена школа.

И Эрика Редер, и ее муж происходят из зажиточных семей. Содержимое их берлинского дома было оценено в 250000 золотых марок. Самой дорогой вещью стала подлинная картина Вандервельде стоимостью в 30000 золотых марок — ее Гитлер подарил Редеру по случаю 50-й годовщины службы на флоте.

Фрау Редер утверждает, что эта картина была «куплена в Голландии Гитлером и украдена у нас слугой между 1 и 5 июля 1945 года». В конце концов картину вернули в Голландию, где она и находится сейчас в государственном музее, но фрау Редер по-прежнему настаивает:

— Картина украдена и должна быть возвращена нам.

Она также жалуется на кражу золотого адмиральского жезла ее мужа, который, по ее словам, был впоследствии сломан и по частям продан на черном рынке, и на кражу картины с изображением Ютландского сражения, оцененной в 120000 золотых марок.

— Мы оценивали всю нашу собственность в начале войны на случай воздушных налетов.

Из дома Редеров унесли, и позднее вернули при содействии германской полиции, серебряную шкатулку с

драгоценными камнями, подаренную японским императором. От японцев Эрих Редер получил и другие дары, включая самурайский меч, а когда японский адмирал Намура приехал в Берлин на встречу с Гитлером, он презентовал Эрике Редер серебряную шкатулку.

Расследования показали, что сбережения Редера составляют от 150000 до 180000 марок в «Дойчебанк», 30000 из которых — акции промышленных предприятий и надежные ценные бумаги. Но в 1952 году банковские депозиты Редеров были разморожены, и фрау Редер позволили снимать проценты.

Сразу после ареста Карла Деница его банковский счет был заблокирован. В распоряжении жены Деница находился аккредитив на 48000 марок, которые она успела снять в самый последний момент. Немного погодя аккредитив конфисковали власти, и она стала получать ежемесячно по 300 марок.

Сначала Инге Дениц получала пенсию в размере 500 марок, но в 1951 году ее сократили до 220, а германское правительство сообщило, что перерасчет произведен исходя из того, что до войны ее муж был лишь капитаном.

Все назначения Деница за годы войны были сочтены неприемлемыми для определения пенсии, т. к. произошли во время боевых действий в ходе «войны, осужденной как преступная».

Помимо счета и пособия с заблокированного счета, Инге Дениц получает 220 марок в месяц, а после всех выплат — 174 за работу медсестрой в госпитале Раутенберга в Гамбурге.

Ни Дениц, ни его жена никогда не занимались инвестициями.

— Мой муж презирал денежные дела, — говорит фрау Дениц.

Но сама она далеко не безразлична к ним и с охотой делится информацией относительно ценностей, украденных у нее якобы каким-то британским офицером.

Эта похищенная, по ее словам, собственность включает мебель, серебряный поднос, фарфор, 26 персидских ковров, несколько ценных картин, среди них Гойя, 60 гравюр. Среди украденного фрау Дениц называет французские гобелены, упакованные в 32 ящика с надписью

«Дениц» и хранившиеся в особняке усадьбы Деница около Зеегеберга.

О краже фрау Дениц сообщила в военную полицию Гольштейна, но ценности так и не были найдены.

Я спросил фрау Дениц, не было ли украденное, в свою очередь, вывезено из оккупированных стран. Она ответила, что все это было «куплено за границей» во время войны.

В отличие от Редера, Карл Дениц не принимал от Гитлера никаких денежных подарков для своих штабных офицеров до крушения нацистской Германии, но хвастал, что, «если война закончится хорошо, можете быть уверены, что Гитлер не даст мне умереть с голоду».

Изучив финансовое положение семерых заключенных Шпандау и их семей, делаешь очевидный вывод, что никто из тех, кто жил и обогащался на несчастьях других, голодать, похоже, не будет.

ГЛАВА 16

ЕСЛИ ОНИ УМРУТ

Когда появилась вероятность, что барон фон Нейрат, серьезно заболевший в тюрьме, может не выздороветь, Винифред фон Макензен решила узнать, разрешат ли семье забрать тело, если случится самое худшее. На ее запрос по поводу правил погребения умершего заключенного власти Шпандау ответили так:

«Хранение тела заключенного возложено на четыре державы даже после смерти. Разрешение на частное семейное захоронение дано быть не может. Информация относительно официальной процедуры захоронения разглашению не подлежит».

Документ, устанавливающий детали погребения семейных заключенных Шпандау, является совершенно секретным. Скрытность эта нужна для того, чтобы бывшие нацисты не узнали о местонахождении останков и не устроили из могилы святыню. По решению 4-х держав, единственный способ избежать осложнений — это кремировать останки, т. е. использовать излюбленный метод администрации концлагерей, избавлявшихся так от тел своих жертв.

Исходя из этого, было определено, что в случае смерти заключенного Шпандау его тело тайно перевозится в крематорий, а пепел распыляется с самолета над морем. Дальнейшие детали этого секретного материала я раскрывать не намерен.

Когда семьи узников узнали, что ни при каких обстоятельствах не получают тел умерших, они стали активно выступать за смягчение этого положения, и в конце концов три западные стороны уступили нажиму со стороны германского правительства и предложили изменить процедуру в сторону смягчения. Советская сторона, основываясь на том, что это является нарушением 4-стороннего соглашения, определившего правила содержания заключенных, отказалась предоставить семьям право на

частное захоронение. При этом русские говорили, что это было бы уступкой немецким фанатикам.

Пока родственники продолжают добиваться своего, семеро заключенных размышляют об этой малоприятной проблеме.

— Я слышал, что американское правительство добилось пересмотра вопроса о наших трупах, — говорил Бальдур фон Ширах летом 1953 года. — Тот, кто умрет здесь, уже не будет кремирован, а будет похоронен в могиле на тюремном кладбище, и родственникам разрешат посещать его один раз в году.

Эта мрачная проблема посмертных останков продолжает обсуждаться, но тем не менее политическая битва за освобождение заключенных не стихает.

— Я не забуду о Шпандау, — уверял доктор Конрад Аденауэр, глава правительства Западной Германии, в разговоре с Винифред фон Макензен перед отъездом в начале 1953 года в Вашингтон, где ему предстояла встреча с президентом Эйзенхауэром. И он не забыл. Вопрос о Шпандау был в числе тех, которые обсуждались, хоть и не стояли в официальной повестке дня.

Вспомнил об этом Аденауэр и тогда, когда на 24 января 1954 года была назначена встреча в Берлине министров иностранных дел четырех держав. Аденауэр повторил просьбу о полном пересмотре содержания семи заключенных.

Четверо из жен узников Шпандау обращались к Папе Римскому. Фрау фон Макензен имела частную аудиенцию в летнем дворце Кастельгондольфо. Такой же чести удостоилась Инге Дениц.

Фрау Дениц взывала не только к Папе Римскому, но побывала и у архиепископа Кентерберийского с ходатайством от имени семерки. Жена Редера надеялась, что Его высокопреосвященство вспомнит о своем знакомстве с ней еще с тех пор, когда он был кардиналом Пачелли и папским представителем в Берлине. Всегда щепетильная в вопросах обращения по делу семерки — она подчеркивает, что выступает от имени всех, а не только своего мужа, — госпожа Функ вполне понимает, что, как бы не был болен тот или иной заключенный, исключений, по

всей вероятности, не сделают ни для кого. Она провела более часа с четвертью у знаменитого кёльнского кардинала Фрингза и в ходе аудиенции предложила перейти в католичество. Сразу после этого она получила личную аудиенцию у доктора Аденауэра. Результатом этого давления на Церковь и государство стало то, что заключенным разрешили писать домой еженедельно, а не раз в месяц.

Не оказалась забытой как организация, способная помочь, и ООН. Генеральный секретарь Тригви Ли получил две петиции, в которых его внимание было привлечено к вынесенным Нюрнбергским трибуналом приговорам Редеру и Деницу и к обстоятельствам, при которых нельзя формулировать обвинения против этих состоявших на военной службе людей. Однако ООН отказалась предпринимать какие-либо действия. Фактически обе петиции были написаны большим другом Редера, адмиралом Германом Бёмом, планировавшим под наблюдением Редера вторжение в Норвегию.

Три союзных комиссара в Западной Германии часто получают обращения, и больше всех Франсуа Понсе, представитель Франции, некогда посол в Берлине и давний друг дочери фон Нейрата Винифред фон Макензен. Она была также дружна с покойным сэром Невиллом Гендерсоном, послом Великобритании в Германии в самом начале войны. Она смогла встретиться с сэром Айвоном Киркпатриком, бывшим коллегой Гендерсона.

Разговор о положении в Шпандау проходил строго формально.

— Не могли бы вы попытаться поговорить в Англии или сделать что-нибудь еще для моего отца? — спросила фрау Макензен.

— Сделать ничего нельзя, — ответил сэр Айвон, и разговор закончился.

Женская половина семейства фон Нейратов также не оставляла попыток. Баронесса прибегла к помощи графини Аттолико, чей муж некогда был послом в Берлине и в Москве. Графиня написала Молотову о бароне фон Нейрате, воспользовавшись для надежности дипломатической почтой. Она полагала, что сможет хоть что-то

сделать, потому что пользовалась в Москве большой популярностью. Но ее популярности оказалось недостаточно, чтобы убедить русских забыть Нюрнберг.

Баронесса фон Нейрат воззвала к подруге детства, королеве Марии, с просьбой использовать свое влияние, чтобы перевести ее мужа из Шпандау в санаторий. За этим письмом последовало другое, от близкого друга фон Нейрата, графини Штауффенберг, также знавшей королеву в ее вюртембергские дни.

Графиня, мать полковника Штауффенберга, возглавлявшего знаменитый заговор против Гитлера, так волновалась за судьбу письма, что сначала переслала его со знакомым в Швейцарию, где его передали еще одному человеку, в обязанность которого входила доставка послания в Мальборо-хауз королеве Марии.

Королей Швеции и Дании, хорошо знавших баронессу фон Нейрат, тоже попросили сделать то, что в их силах.

Во время президентства Трумэна принцесса Изенбург, имевшая связи в вашингтонских кругах, доставила письмо от Нейратов. После избрания в Белый дом Эйзенхауэра его попросили связаться с Маленковым по вопросу освобождения барона, Редера и Деница. Считалось, что Россия, только что объявившая амнистию военным преступникам, будет настроена более миролюбиво. Друзья и родственники не упускали ни единой возможности вызволить семерых заключенных из тюрьмы до истечения срока. Одно время адвокаты семей предлагали передать узников под контроль тех стран, которые пленили их, но затем от этой идеи отказались, т. к. Редера взяли в плен русские. Попытки давления по другому направлению вылились в газетную кампанию, эксплуатировавшую тему «дорогих военных преступников».

Первый выстрел сделал мэр Западного Берлина покойный доктор Эрнст Рейтер, заявивший, что у семерых нацистских военных преступников «52 слуги, специальная диета и они обходятся моему совету в 40000 фунтов в год».

По данным берлинской городской администрации, на содержание каждого из семерых заключенных идет еже-

дневно 15 фунтов. Доктор Рейтер сообщил, что написал трем союзным комендантам в Западном Берлине, предлагая им встретиться с ним, чтобы обсудить «эту невыносимую ношу ввиду финансового кризиса в Берлине».

— Обычная стоимость содержания семерых заключенных в берлинской тюрьме равна всего 700 фунтам в год, — заявил Рейтер, перечисляя тех, кто обслуживает семерку в Шпандау:

- 10 официантов
- 11 поваров
- 14 кухонных рабочих
- 8 экономов
- 14 уборщиц.

Информация эта неточна и двусмысленна, так как не принимает в расчет технический персонал и, конечно, начальников, охранников и надзирателей. Рейтер забыл упомянуть и о том, что некоторая часть прислуги занята обслуживанием и дежурных офицеров.

Представитель британского Форин-оффис прокомментировал это так:

«Нельзя содержать такое место, как Шпандау, с горсткой obsługi».

В 1953 году на содержание этой тюрьмы, по официальным данным, ушло:

5 канцелярских служащих — 36000 дойчмарок;

29 рабочих — 112000 дойчмарок;

администрация и содержание зданий — 112000 дойчмарок.

Итого: 260000 дойчмарок (22100 фунтов)».

Тюрьма в настоящее время находится под административным контролем берлинского управления юстиции, и боннское правительство не несет никаких расходов.

Однажды американцы, англичане и французы указали русским на свое желание пересмотреть дела заключенных Шпандау.

Но, говорят многие, вправе ли кто-либо отменять или пересматривать приговоры Нюрнбергского международного трибунала? Ведь этот суд взял на себя полную ответственность за вынесение справедливого решения в отношении виновников развязанной Гитлером войны.

А теперь, в качестве постскриптума к этому повествованию, позвольте мне рассказать, что подтолкнуло меня написать о Шпандау.

Однажды в тюрьму для несения охраны прибыло свежее подразделение британских солдат. Оно целиком состояло из новобранцев, ребят, выросших во время войны. Их отвели в комнату для инструктажа.

— Вы знаете, кого охраняете в этой тюрьме? — спросил командир. Никто не ответил.

Офицер повернулся к доске, висящей за спиной, взял кусочек мела и написал большими буквами:

ГЕСС

ФУНК

ШПЕЕР

ШИРАХ

НЕЙРАТ

ДЕНИЦ

РЕДЕР

Указав на верхнюю фамилию, он спросил:

— Кто-нибудь знает, кто этот человек?

Молчание, потом кто-то вскинул руку.

— Да?

— Спекулянт? — последовал наивный ответ.

Никто из солдат, этих детей войны, никогда не слышал о семерых заключенных Шпандау и не знал причин их заключения.

Возможно, в наши дни зло, совершенное этими людьми, уже умерло. Возможно, прав гитлеровский министр вооружений, а ныне заключенный Шпандау, Альберт Шпеер, который часто повторяет:

— Большинство людей в мире уже позабыли, за что мы здесь сидим.

ПОСЛЕСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Книга английского журналиста Джека Фишмана была опубликована в Лондоне в 1954 году и для современного читателя представляет исторический интерес как свидетельство очевидца жизни последних узников Шпандау, огромной берлинской тюрьмы, рассчитанной на 600 заключенных. С 18 июля 1947 года, после десятимесячной подготовки, в нее были помещены семеро крупнейших деятелей Третьего рейха, осужденных на различные сроки заключения по приговору Нюрнбергского трибунала. Фишман посетил Шпандау после того, как эти люди отбыли в тюрьме по 7 лет. Журналист представил читателям яркие эпизоды жизни заключенных, их повседневных забот и занятий. Интереснейшие страницы книги — встречи с женами и другими членами семей преступников.

Читателя, безусловно, интересует дальнейшая судьба узников Шпандау. Трое из них, К. фон Нейрат, В. Функ и Э. Редер, были освобождены из тюрьмы по состоянию здоровья. Нейрат получил свободу в 1954 году, отсидев 7 лет, и скончался в своем имении спустя 2 года, в 1956 году. Э. Редер освобожден в 1955 году и умер в Киле в 1960 году в возрасте 84 лет. В 1957 году, отсидев 11 лет из пожизненного срока, получил свободу В. Функ, главный банкир Гитлера.

Полностью отбыли сроки своего заключения К. Дениц, А. Шпеер, Б. фон Ширах. В 1956 году, после 10-летнего заключения, вышел на свободу К. Дениц. Он скончался в Аумюле в 1981 году. В 1966 году, отбыв в Шпандау по 20 лет, освободились А. Шпеер и Б. фон Ширах. А. Шпеер скончался в 1981 году, Б. фон Ширах умер в Крёве в 1974.

Необходимо отметить, что после освобождения некоторые из бывших узников Шпандау попытались объясниться с миром при помощи печатного слова. В 1967 году вышла в свет книга Б. фон Шираха «Я верил Гитлеру», книгу мемуаров написал Э. Редер. Она называлась «Моя жизнь» и привлекла внимание историков Второй миро-

вой войны и рядовых читателей, т. к. Э. Редер был человеком очень образованным, доктором философии, прекрасно владел русским, английским, французским языками и сумел рассказать в своей книге о многих доселе неизвестных страницах истории донацистской и нацистской Германии.

Особая судьба ожидала мемуары А. Шпеера, опубликованные в 1970 году под названием «Внутри Третьего рейха». Книга получила всемирную известность, была признана самыми выдающимися политическими мемуарами века. Первые ее наброски А. Шпеер сделал в Шпандау, тайно переправляя из тюрьмы по кусочку.

Автором трех книг мемуаров стал К. Дениц: «10 лет и 20 дней» (1958), «Моя захватывающая жизнь» (1963), «Германская военно-морская стратегия во Второй мировой войне» (1968).

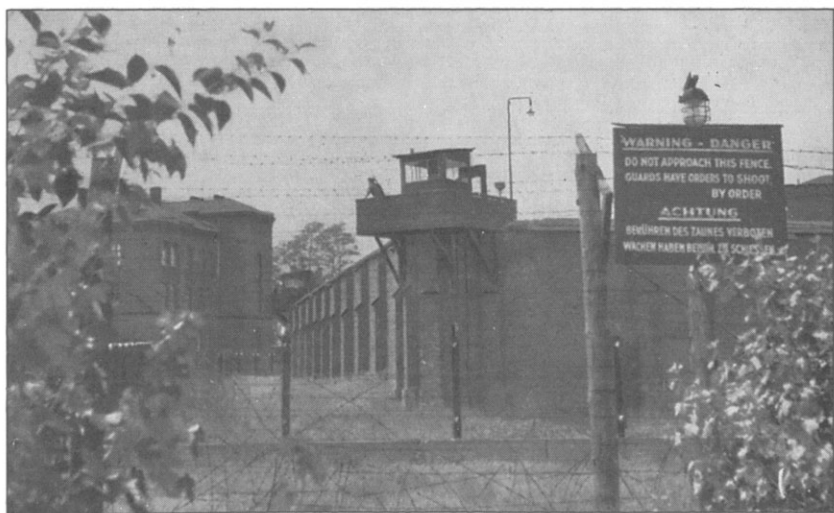
Единственный из трех человек, приговоренных к пожизненному заключению (Гесс, Редер, Функ), Рудольф Гесс, отбыл свой срок до конца. Он скончался в Шпандау в 1987 году в возрасте 93 лет. Его заключение началось в Англии в 1941 году и продолжалось до смерти. Второй человек партии Гитлера, утверждавший, что фюрер есть воплощение чистого разума, был «живым богом» неонацистов до самой своей смерти, они до сегодняшнего дня отмечают даты его жизни.

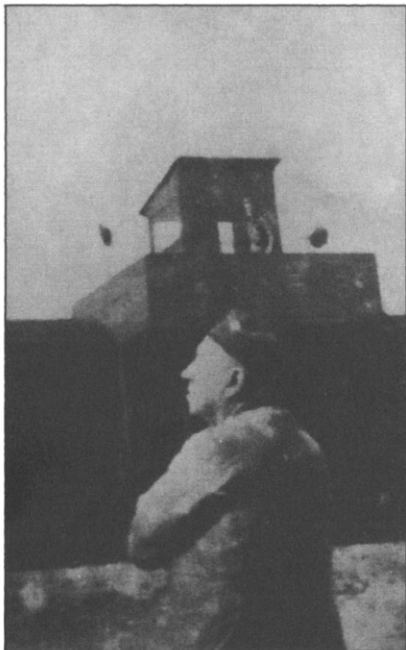
На пороге XXI века страшные уроки истории века XX все-таки необходимо анализировать, т. к. во все времена находились «фанатики, готовые уничтожить мир, чтобы спасти его от того, чего они не понимают». Неонацизм существует до сих пор во всем мире, и судьбы первых лидеров фашистского рейха дают повод для серьезных размышлений любому человеку.

Главный вход в тюрьму Шпандау

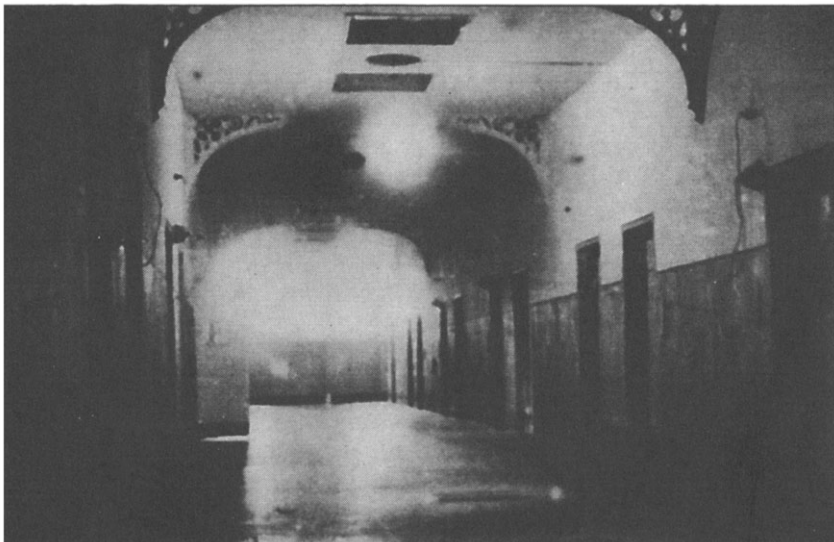
Угол тюремной стены с вышкой часового

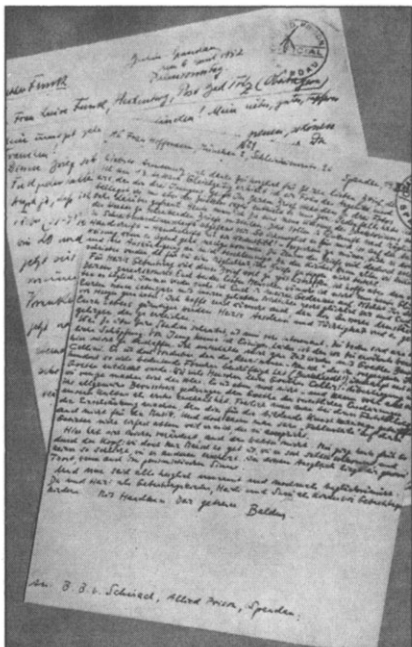

Вальтер Функ в тюремном саду А. Шнеер незадолго до своего ареста

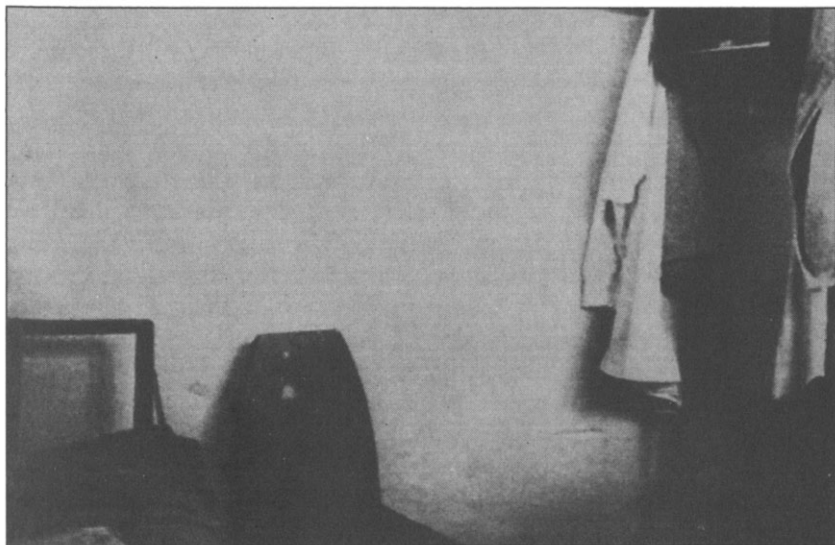
Двери в камеры, где содержались главные военные преступники

Письма узников Шпандау своим родным

Один из редчайших снимков. Внутренний вид камеры фон Нейрата

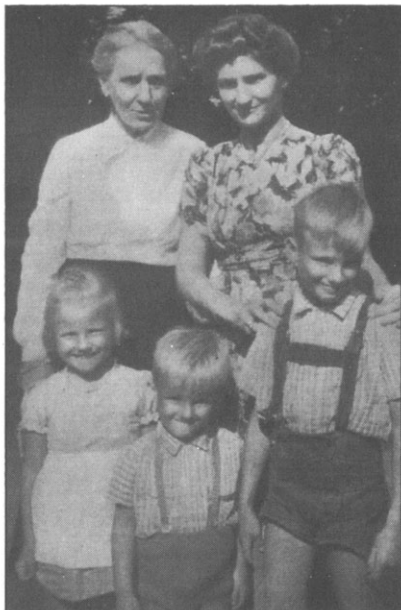

Фон Нейрат и К. Дениц (слева) в тюремном саду

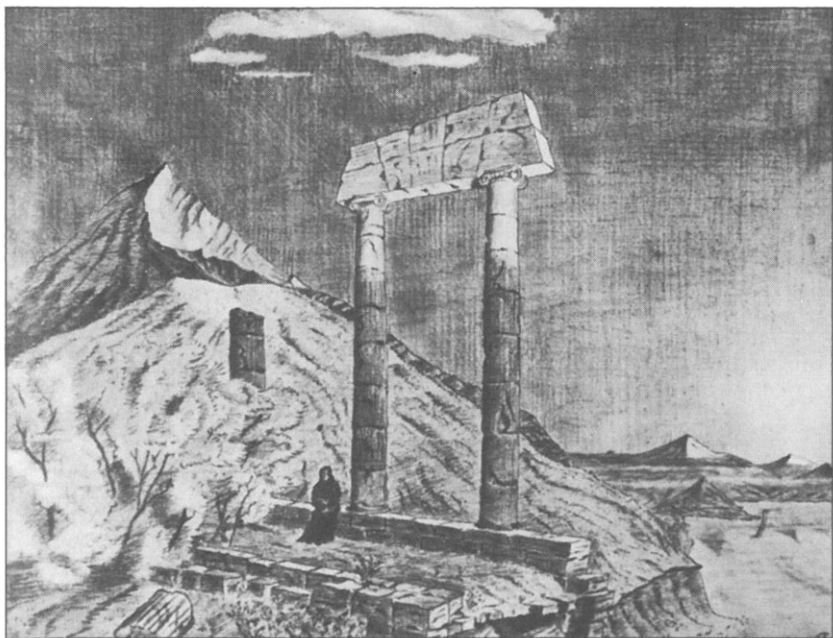

А. Шнеер в тюремном саду

*Жена, дочь и внуки К. Деница
перед посещением Шпандау*

Рисунок, сделанный А. Шнеером в Шпандау в 1948 г.

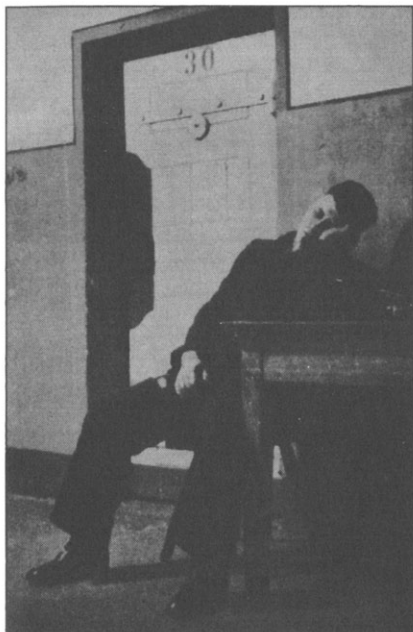
Луиза Функ

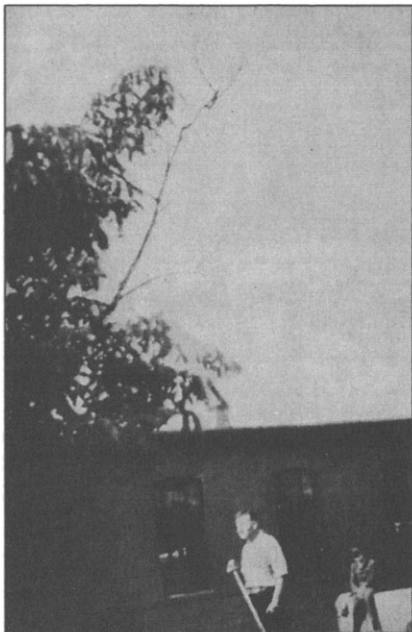
Фрау Редер с сыном Хансом

Жена Р. Гесса

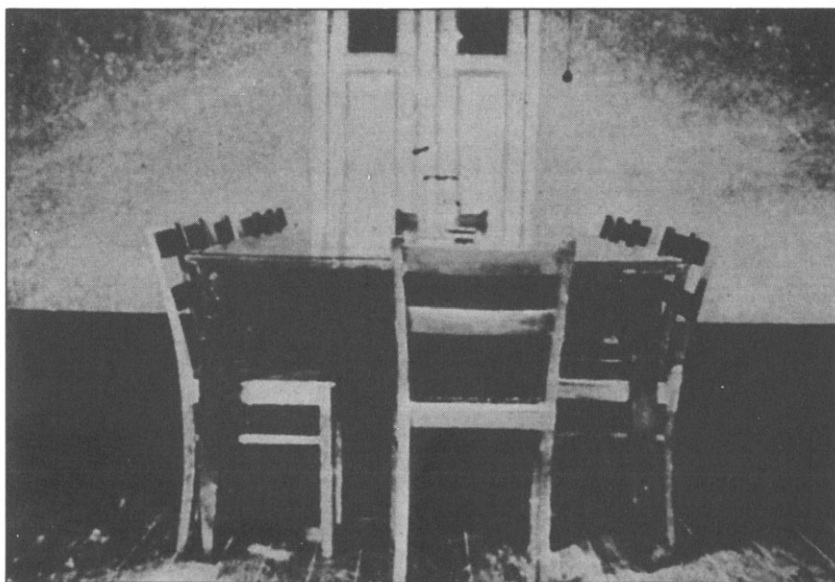

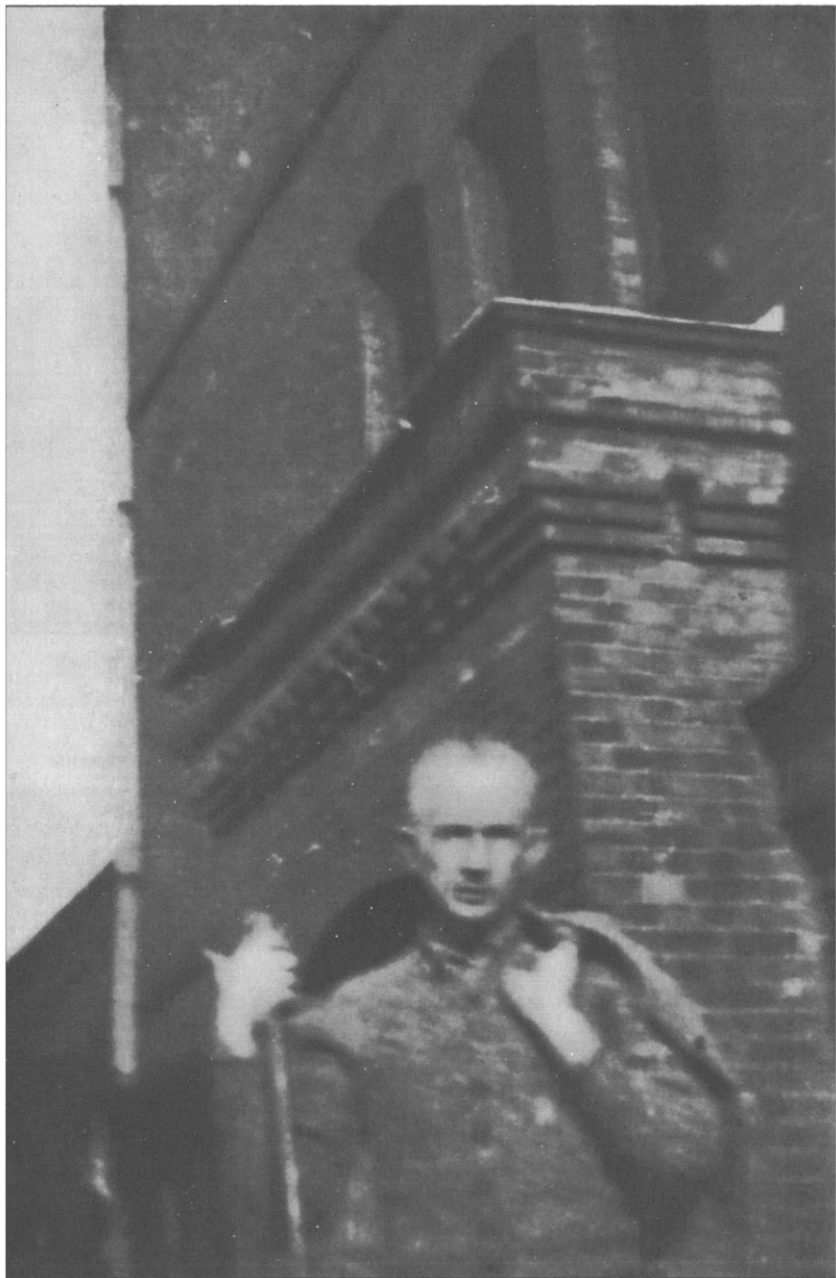
*У охраны выдалась
спокойная минута*

Фон Ширах на работе в саду

Комната, где проводились совещания четырех начальников тюрьмы

К. Дениц на восьмом году своего заключения

Содержание

Юджин Дэвидсон

СУД НАД НАЦИСТАМИ

(Перевод А. С. Коноплев)

Глава 1.....	3
Глава 2. Ядро заговора	56
Глава 3. «Человек номер два»	84
Глава 4. Партия в теории и практике	139

Джек Фишман

СЕМЬ УЗНИКОВ ШПАНДАУ

(Перевод С. Н. Самуйлов)

Глава 1. Семь узников Шпандау	205
Глава 2. «Разберите эти виселицы!»	210
Глава 3. Тайный страх Рудольфа Гесса	219
Глава 4. Схватка за жизнь в камере смерти	236
Глава 5. Король шутов из Шпандау	251
Глава 6. Самый богатый человек Шпандау	263
Глава 7. Семь женщин Шпандау	274
Глава 8. День посещений	302
Глава 9. Сад Идена	312
Глава 10. Срочный вызов	325
Глава 11. Битва адмиралов	340
Глава 12. Первый — на выход	352
Глава 13. Письмо из Шпандау	363
Глава 14. Цензура	383
Глава 15. Их деньги и их жизнь	395
Глава 16. Если они умрут	407
Послесловие редактора	413

Джек Фишман
СЕМЬ УЗНИКОВ ШПАНДАУ

Ответственный редактор *А. Жеребилов*
Художественный редактор *А. Шашкевич*
Технический редактор *Е. Цветкова*
Корректор *Г. Селицкая*

Издательство «Русич»:
«Книга-почтой»

214016, Смоленск, ул. Соболева, 7,
тел.: (08122) 9-15-96

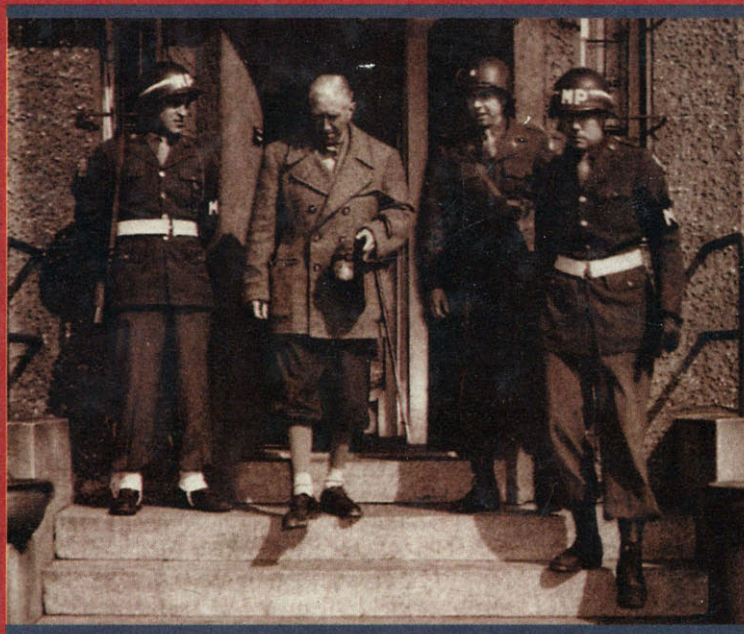
Каталог высылается бесплатно

Подписано в печать с готовых диапозитивов
22.11.2000 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Тираж 11 000 экз.
Объем 13 печ. л. 21,84 ус. печ. л.
Гарнитура «Times ET». Бумага офсетная.
Печать высокая. Заказ № 3530

Фирма «РУСИЧ». Лицензия ЛР № 040432
от 29.08.97 г.
214016, Смоленск, ул. Соболева, 7
E-mail: rusich@keytown.com — редакция
E-mail: salerus@keytown.com — отдел реализации

Налоговая льгота — общероссийский
классификатор продукции
ОК-005-93, том 2:953000 — книги, брошюры

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП
ордена «Знак Почета» Смоленской областной
типографии им. В. И. Смирнова.
214000, г. Смоленск, пр-т им. Ю. Гагарина, 2.

— Дайте мне сотню надежных людей и два самолета, и я смогу вытащить Гесса и других шестерых из Шпандау. В случае непредвиденных затруднений Гессу будет отдано предпочтение. — Это хвастливое заявление пробиться через все ограждения самой ревностно охраняемой тюрьмы в мире сделал не кто иной, как генерал СС Отто Скорцени, человек, спасший Муссолини от союзников после военного поражения Италии.

ISBN 5-8138-0236-3

9 785813 802362